

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2023

№ 4

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет,
Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

(отв. ред. специальной темы номера – Д.В. Воробьев)

Воробьев Д.В. Колониализм и деколонизация на североамериканских материалах. Введение к специальной теме номера	8
Истомин А.А. Русская Америка, Русская Калифорния и проблемы типологии колониализма	21
Гринёв А.В. Кредиты и долги в Русской Америке как социально-экономическая проблема	45
Зорин А.В. Егор Пуртов и его экспедиции у берегов юго-восточной Аляски (1787–1797 гг.)	67
Хункера Рубио К. Последствия деятельности европейского колониализма на Тихоокеанском Севере Америки, начиная с XVI в.	88
Мартинес Вега М.Э. Реальность и проекты распространения францисканских миссионеров из Испании. Вице-королевство Мексика и Восточная Азия	111

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕПОРТАЦИЙ НА КАВКАЗЕ

(отв. ред. специальной темы номера – Г.А. Шагоян, Э.-Б.М. Гучинова)

Шагоян Г.А., Гучинова Э.-Б.М. Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера	134
Гучинова Э.-Б.М. Языки описания депортации калмыков	144
Танайлова В.А. История о депортации чеченцев: трансформация языка описания	164
Тахнаева П. Современная мифологема о «несостоявшейся депортации» дагестанцев в 1944 г. и исторические реалии	180

MISCELLANEA

Смирнова В.С., Петров Ф.Н., Пантелеева Л.В., Бакиров Б.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Сапрыкина И.А., Мурашев М.М. Исследование древнерусских крестов с городища Дубна и его окрестностей методами рентгенофлуоресцентного анализа, нейтронной дифракции и томографии	201
Емельянчик О.А., Веселовская Е.В., Васильев С.В., Рашковская Ю.В., Каминская Д.С., Магалинский И.В., Коц А.Л. Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка	220
Шалыгина Н. Американская жизнь русских программистов (этногендерный аспект)	256
Харитонов В.И. Пандемия помогла? (проблемы медицинской интеграции в российской реальности)	284

РЕЦЕНЗИИ

Захарова А.Л. Недоверие в румынской деревне	308
Мочалова М. Критические исследования наследия и теория фетишизма	318
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	328

CONTENTS

COLONIZATION OF THE NORTH AMERICAN CONTINENT

(Guest Editor D.V. Vorobiev)

Vorobiev D.V. Colonialism and Decolonization Based on North American Materials. Introduction to the Special Topic of the Issue	8
Istomin A.A. Russian America, Russian California, and the Problems of the Typology of Colonialism	21
Grinëv A.V. Loans and Debts in Russian America as a Socio-Economic Problem	45
Zorin A.V. Egor Purtov and His Expeditions Along the Coast of Southeastern Alaska (1787–1797)	67
Junquera Rubio C. The Impact of European Colonialism in the North American Pacific from the 16th Century	88
Martínez Vega M.E. Realities and Projects of Franciscan Missionary Expansion in Spain, the Viceroyalty of Mexico and the Far East	111

LANGUAGES FOR DESCRIBING NATIONAL DEPORTATIONS IN THE CAUCASUS

(Guest Editors G.A. Shagoyan & E.-B.M. Guchinova)

Shagoyan G.A., Guchinova E.-B.M. Languages for Describing National Deportations in the Caucasus. Introduction to the Special Theme of the Issue	134
Guchinova E.-B.M. Languages for Describing the Kalmyk Deportations	144
Tanaylova V.A. Stories of Chechen Deportation: Transformations of Narrative Language	164
Takhnaeva P.I. The Modern Mythologeme about the "Failed Deportation" of Dagestanis in 1944 and Historical Realities.	180

MISCELLANEA

Smirnova V.S., Petrov F.N., Panteleeva L.V., Bakirov B.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Saprykina I.A., Murashev M.M. The Study of Ancient Russian Crosses from The Settlement of Dubna and Surrounding Area Using XRF Analysis, Neutron Diffraction and Tomography	201
Yemialyanchyk V., Veselovskaya E.V., Vasilyev S.V., Rashkovskaya Y.V., Kaminskaya D., Mahalinski I., Kots A. New Data on The Anthropology of The Medieval Population of The City of Polotsk	220
Shalygina N.V. American Life of Russian Programmers (An Ethnogender Aspect)	256
Kharitonova V.I. Has the Pandemic Helped? (Problems of Medical Integration in Russian Reality)	284

REVIEWS

Zakharova A.L. Distrust in a Romanian Village	308
Mochalova M.A. Critical Heritage Studies and Fetishism Theory	318
INFORMATION FOR AUTHORS	328

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

(отв. редактор специальной темы номера –
Д.В. Воробьев)

Научная статья

УДК 325.3

doi: 10.17223/2312461X/42/1

Колониализм и деколонизация на североамериканских материалах. Введение к специальной теме номера

Денис Валерьевич Воробьев

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
pakamagan@rambler.ru*

Аннотация. Публикуемая подборка статей посвящена колонизации Северной Америки европейцами. В ней исследуются теоретические проблемы типологии процессов, методов и результатов российской испанской и британской колонизации континента. Рассматривается негативное воздействие колониализма на природную среду и, как следствие, на коренное население континента. Кроме того, проблема рассматривается на основе изучения конкретных неисследованных прежде вопросов (кредиты и долги в Русской Америке) и через призму личности участника колонизационных процессов (Егор Пуртов). Антропологическое и историческое изучение непосредственно колониальных процессов и типов колонизации в последние годы в условиях популярности деколониальной парадигмы иногда отходит на второй план, и данная подборка статей в некоторой степени выравнивает общую картину.

Ключевые слова: колонизация, колониализм, деколонизация, коренное население Северной Америки, Тихоокеанский Север, Русская Америка

Для цитирования: Воробьев Д.В. Колониализм и деколонизация на североамериканских материалах. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 8–20. doi: 10.17223/2312461X/42/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/1

Colonialism and Decolonization Based on North American Materials. Introduction to the Special Topic of the Issue

Denis V. Vorobiev

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, pakamagan@rambler.ru*

Abstract. The published collection of articles is devoted to the colonization of North America by Europeans. It explores the theoretical problems of the typology of processes, methods and results of the Russian, Spanish and British colonization of the continent. The negative impact of colonialism on the natural environment and, as a consequence, on the indigenous population of the continent is considered. In addition, the problem is considered on the basis of the study of specific previously unexplored issues (loans and debts in Russian America) and through the prism of the personality of the participant in the colonization processes (Egor Purtov). The anthropological and historical study of the colonial processes and types of colonization in recent years, in the context of the popularity of the decolonial paradigm, sometimes fades into the background, and this collection of articles to some extent fills this gap.

Keywords: colonization, colonialism, decolonization, indigenous population of North America, Pacific North, Russian America

For citation: Vorobiev, S.V. (2023) Colonialism and Decolonization Based on North American Materials. Introduction to the Special Topic of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 8–20. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/1

Публикуемая подборка содержит статьи, объединяемые изучением начал европейской колонизации, ее воздействия на коренное население, главным образом, североамериканского континента и осмыслением последствий, породивших в итоге явление деколонизации, состоящей в отрицании всего, что считается наследием колониализма. Непосредственно о деколонизации авторы не упоминают, но их выводы позволяют понять причины возникновения данного движения.

Изначально деколонизация выражалась в активизации борьбы колоний за обретение независимости, начиная с Индии, пример которой оказал влияние на многие другие территории. В результате на мировой карте к середине XX в. появились многочисленные новые независимые государства вместе с вскоре возникшими у них новыми разнообразными проблемами, а также усилились сепаратистские настроения в самих государствах – бывших колонизаторах, например, обострился франко-канадский вопрос в Квебеке (Granger 2012: 58–59).

Постепенно понимание деколонизации расширилось, включив себя все измерения изначального конфликта между местным населением и пришлыми колонизаторами. Под этим термином стали понимать возвращение коренным народам всех их прав и искупление перед ними потомками колонизаторов вины своих предков. В частности, этот процесс, порой даже с перегибами, но теперь в обратную сторону, широко охватил все сферы американского и канадского обществ.

В Канаде, пожалуй, наиболее важной чертой деколонизации стало кардинальное изменение системы школьного образования, проявившееся в отказе от системы интернатов для индейцев и инуитов и в многочисленных извинениях, принесенных им властями, за то, что пришлось пережить там их отлученным от семей детям. Это повлекло за собой критику католической и англиканской церковей, сыгравших в этом процессе особо неблагоприятную роль, с точки зрения как широкой общественности, так и коренных народов, в том числе людей, лично обучавшихся в интернатах. Далее последовали попытки примирения коренных американцев, канадцев европейского происхождения и церкви при условии взаимопонимания у всех сторон конфликта (Bousquet 2017: 29; Roussel 2015: 47–50).

Пересмотр и переоценка образа индейца в школьных учебниках истории начались еще в середине XX в. (Vinsent et Arcand 1979) и продолжают по сей день (Gaudreault 2022). Исследователи отмечают, что и в современных учебниках истории имеются многочисленные лакуны, когда речь заходит о коренном населении. Например, недостаточно отражена тема колониализма как первичного фактора возникновения «микробного шока», оказавшего катастрофическое воздействие на индигенные популяции (Bories-Sawala 2020: 153).

Деколонизация в области топонимики и ономастики обычно проявляется в официальной замене колониальных/европейских/западных названий различных географических объектов на названия на индигенных языках, существовавшие прежде или специально для этого придуманные (Desbiens, Rivard, Hirt 2017: 299–300).

Еще одним интересным и представляющимся в научном плане перспективным выражением деколонизации можно назвать признание присутствия индигенной версии истории, которая существенно отличается от «западного» (*occidental, occidentale*), иными словами, европейского понимания этой науки. Некоторые антропологи, да и сами коренные народы, стали обращать внимание на то, что ключевые вехи своей истории они находят в мифах и духовных и социальных практиках, не согласующихся с идеей прогресса. Так, в Квебеке данный процесс проявился в появлении общинной или индигенной археологии, возникшей как ответ на пренебрежительное отношение некоторых археологов и антропологов, адептов «западного» похода, к способам постижения мира

коренными народами. В данный момент археологические раскопки здесь проходят при участии их представителей – пожилых людей в качестве консультантов, а для молодых они служат средством приобщения к своей культуре (Arbour et al. 2018: 31). Вне всякого сомнения, такой эмный взгляд на понимание истории коренных народов, преодолевший догмы европейских этноцентризмов, позволяет глубже понять все составляющие их жизни и особенности понимания окружающего мира, но наряду с этим при его некритичном применении может возникнуть опасность впасть в другую крайность в виде абсолютного отрицания ценности того, что было написано и сделано «западными» антропологами до 70-х гг. XX в., когда наступил индигенный этнический ренессанс.

С рассмотренной выше особенностью проявления деколонизации тесно связана проблема репатриации, заключающейся в массовом возврате из музеев в общины коренных народов хранящихся в них предметов, имеющих отношение в первую очередь к их духовной, а также материальной культуре (Fullum-Lavery, Wiseman, Morin 2021). Сюда же следует отнести и результаты современных археологических раскопок и все человеческие костные останки, датируемые периодом до 1492 г. и после этого периода, если они признаны останками людей, относившихся к индейцам или инуитам. Эти действия расцениваются как преодоление негативного колониального наследия и восстановление справедливости по отношению к коренному населению. Такой подход не лишен справедливости, но бывают ситуации, когда он заводит в тупик. Достаточно упомянуть наиболее известный случай «Кенневикского человека», когда на найденные в 1996 г. в штате Вашингтон человеческие костные останки возрастом более 8 тыс. лет предъявили свои права сразу пять местных индейских народов (уматилла, колвилл, неперсе, яжима и ванапум). Пусть даже последующие исследования генетиков и доказали близость данного индивида к американоидам, это вовсе не означает, что он имеет какое-либо отношение к одному из этих народов. Вероятнее всего, его этническая принадлежность навсегда останется под знаком вопроса (Данчевская 2006: 619; Gates Saint-Pierre 2019: 18).

Проявления деколонизации коренных народов можно было бы представлять дальше, но на этом, полагаю, надо остановиться. На основе всего сказанного складывается впечатление, что антропологическое и историческое изучение непосредственно колониальных процессов и типов колонизации в последние годы под действием деколониального прорыва иногда отходит на второй план, а данная подборка статей способна в некоторой степени устранить этот разрыв.

Итак, А.А. Истомин в своей статье, пожалуй, единственной теоретической из всех представленных, ставит вопрос типологии колонизаций.

Канадский социолог и антрополог Дени Делаж, рассматривая причины различий между французской и английской колониальными

моделями в Новом Свете, отметил зависимость особенностей отношений американских аборигенов и любых европейцев (не важно, англичан или французов) от условий природной среды и способов хозяйственного освоения территорий колонизаторами. Там, где развивалось фермерское или плантационное сельское хозяйство, индейцы вытеснялись военной силой, сокращаясь численно, или обращались в рабство. Там же, где основой экономики являлась торговля пушниной, между индейцами и европейцами складывались партнерские отношения. Таким образом, французы Новой Франции и британцы – служащие Компании Гудзонова залива сосуществовали со своими добытчиками и поставщиками мехов в той или иной степени гармонично, тогда как для англичан Новой Англии или Виргинии и французов Луизианы были характерны в большей степени конфликтные взаимодействия с индейцами (Delâge 2009: 107).

А.А. Истомин в своей статье тоже убедительно показывает, что тезис, согласно которому каждому колониальному государству присущ свой уникальный тип колониализма, часто является на деле не чем иным, как схематичным упрощением существующей в реальных условиях ситуации. В качестве примера автор приводит британскую (затем американскую) колонизацию территории современных США с захватом земель и вытеснением индейцев и принципиально иную колонизацию также британской Компанией Гудзонова залива территории Американского Севера, где между колонизаторами и индейцами – поставщиками пушнины установились в некоторой степени партнерские отношения. Однако при этом он не отрицает, что одновременно дела в колониях могли зависеть и от государственного строя и политики метрополии. Для каждой конкретной метрополии характерна единая государственная политика, но она варьирует в соответствии с условиями колонизируемых территорий. Автору удалось поймать баланс между двумя этими моментами, приняв во внимание экологический фактор. В результате наглядно показаны обусловленные природными условиями различия между тремя типами английского колониализма – протобуржуазных пуританских колоний Новой Англии, южных колоний с их сельскохозяйственными монокультурами и использованием труда ввезенных из Африки рабов и торгового колониализма, возникшего в Американской Субарктике и Арктике, хотя все они развивались в соответствии с присущими именно Англии политическими, правовыми и идеологическими установками. В испанском варианте колониализма А.А. Истомин также обнаруживает четыре разных социальных уклада и очень интересные наблюдения о родстве миссионных моделей Парагвая и Калифорнии и замещения индейцев белым населением в Аргентинской Патагонии и в регионе Великих Равнин США.

На мой взгляд, в своих аналитических выкладках А.А. Истомин подходит к теме глубже, чем Д. Делаж.

А.А. Истомин полагает, что в современном общественном дискурсе преобладает сравнительно-исторический подход к темам колонизации и колониализма. На мой взгляд, в глобальном мировом обществе сейчас все-таки преобладает во многом политический дискурс деколонизации, оттесняющий в тень научное постижение колониализма. Однако это обстоятельство, полагая, придает еще большую ценность научной, лишенной политического подтекста статье А.А. Истомина.

Нельзя не согласиться с пониманием А.А. Истоминим логики колонизации. На начальном этапе, ввиду слабости колонизаторов, между двумя сторонами всегда существуют добрососедские отношения, но впоследствии коренное население колонизируемых территорий всегда оказывается не субъектом, а инструментом дальнейших процессов. От себя уточню, что изначально первый этап возможен только в случае, если туземцы сами не воспримут пришельцев враждебно.

В статье А.В. Гринёва, в отличие от работы А.А. Истомина, читатель обнаружит меньше теории и больше конкретики. Она посвящена рассмотрению одной темы, а именно особенностям кредитования и задолженностей в Русской Америке, и автор проводит ее глубокий и всесторонний анализ. Сразу надо отметить, что она затрагивает не только отношения колонизаторов с коренными жителями, а охватывает проблему шире и всесторонне.

Особый интерес вызывают перипетии кредитов и долгов на о. Кадык.

Г.И. Шелихов, основав первое постоянное селение на Кадыке в 1784 г., выступил за добровольные торгово-обменные отношения и против насильственного кредитования местного населения, широко распространенного в Русской Америке и являющегося, по сути, внеэкономическим принуждением. На первый взгляд, данная мера выглядит несколько странной, поскольку отношения с коренными жителями островов и части побережья, которых русским удалось подчинить, строились в большинстве случаев на основе прямого силового давления для получения от них выгодных колонизаторам поступков и действий. А.В. Гринёв дает оригинальный ответ на этот вопрос с позиций этнопсихологии. В различных письменных источниках той эпохи зафиксировано, что отличительной чертой алеутов являлась честность, тогда как кадыкские эскимосы «были не прочь при случае обмануть русского». Именно по этой причине Шелихов отказался от товарных кредитов и долговых обязательств и сделал упор на непосредственной торговле.

Первоначально такое объяснение может показаться не слишком убедительным. Утверждения о честности одних этнических групп и нечестности других не выглядят научными, однако углубленное изучение авторской позиции заставляет смотреть на данный вопрос несколько иначе. В другой своей работе А.В. Гринев убедительно показывает, как колонизация оказывала воздействие на изменение характера туземцев в

зависимости от степени контроля над ними колониальной администрации и промышленников. Исследователь приходит к выводу, что чем выше данный контроль, тем под его воздействием происходят более глубокие изменения в характере коренных жителей – от воинственности, агрессивности и открытости в сторону миролюбия, скрытности и покорности начальству (Гринёв 2022: 196–197).

Таким образом, прослеживается амбивалентность колониализма. Не только туземцы становились жертвами обмана европейцев, но и сами они вполне могли весьма ловко обманывать колонизаторов. Также небесполезно будет задать вопрос, который позволю себе оставить без ответа, допустимо ли рассматривать изменения, произошедшие в характере туземцев, под пусть и в чем-то косвенным воздействием колонизаторов, в направлении от агрессивности к миролюбию как одно из многочисленных негативных проявлений колониализма, разрушающего индигенные сообщества?

Показательными выглядят и противоречия между самими колонизаторами, не затрагивающие напрямую коренное население. В качестве примера приведу упомянутые А.В. Гринёвым обман и непорядочное отношение РАК к британскому капитану Генри Барберу и, как результат, его самоубийство. Этого человека в некоторой степени тоже можно характеризовать как жертву колониального произвола.

В статье А.В. Зорина колониализм и колониальная история рассматриваются через призму одной личности – Егора Пуртова – деятеля Русской Америки и служащего Российско-американской компании (РАК). Материалы и отчеты двух экспедиций (1793 и 1794 гг.) Пуртова на территории тлинкитов, неподконтрольных российской администрации, демонстрируют сложные, не всегда мирные, но и не безоговорочно враждебные отношения между этой группой коренного населения и русскими, в которых обе стороны выступали как две почти равные друг другу силы. Так, задачи первой экспедиции состояли в выяснении судьбы захваченных тлинкитами в плен при нападении на лагерь А.А. Баранова о. Нучек в 1792 г. зависимых от россиян эскимосов-чугачей. Кроме того, требовалось узнать, нет ли у них в плену каких-либо европейцев. Значит, судьба туземцев, пусть зависимых или союзных, также вполне могла волновать колонизаторов.

Продвигаясь далее и попутно добывая калана, Пуртов и сопровождавшие его 180 байдар туземцев встретил группу чугачей, скрывавшихся от промышленных людей конкурирующей с РАК компании Лебедева-Ласточкина, которые присоединились к экспедиции в качестве проводников и толмачей. Здесь возникает вопрос об уровне знания чугачами языка враждебных им тлинкитов, но важнее то, что коренные жители ищут защиты у одних колонизаторов от других, причем и те и другие являются русскими, а не представителями враждующих или

конкурирующих держав. Во второй экспедиции 1794 г. Пуртов прошел дальше по побережью. В путевом дневнике за 24 мая вновь упомянута встреча с чугачами, которые скрывались от «лебедевцев». Почему зависимые туземцы прячутся от одних русских и охотно идут на контакт с другими? Возможно, причина кроется в том, что РАК, как отмечает автор еще одной статьи данного блока А.В. Гринёв, была монопольной организацией, но возникшей под эгидой государства, и получила от него права на управление владениями империи в Новом Свете, тогда как компания купца из Якутска П.С. Лебедева-Ласточкина была создана в основном по его собственной инициативе. Государство, во избежание ненужных проблем, всегда декларировало защиту туземного населения от притеснений, а предоставленные сами себе местные купцы и промышленники по своей частной инициативе как раз часто творили такие притеснения для извлечения собственной выгоды. Получается, что в зависимости от контекста коренное население могло не только притесняться колонизаторами, но и получать от них защиту.

В экспедицию 1794 г. люди Пуртова, наконец, напрямую встретились с тлинкитами Якутата. Согласно описанию Пуртова, для обеих сторон были характерны настороженные и напряженные отношения, которые однажды переросли в стычку с потерями для обеих сторон. Затем тлинкиты сообщили, что напали по ошибке и что захваченные в плен в 1792 г. чугачи проданы в рабство народам, живущим южнее. Стороны произвели обмен аманатами, которыми явились толмач и брат вождя.

Итак, и колонизаторы, и туземцы выглядят равными по силе сторонами, и если бы перевес чуть-чуть оказался бы на стороне последних, то колонизаторов ждала бы незавидная участь. Они были бы проданы в рабство, причем без существенных шансов вернуться назад.

Таким образом, коренное население далеко не всегда являлось исключительно жертвой колониализма. Туземцы тоже часто выступали в роли агрессора по отношению как к другим индигенным сообществам, так и к самим колонизаторам. Таким образом, исторические реалии были значительно более сложными, чем это иногда можно уяснить себе, исходя из современной деколониальной парадигмы. Микроистория, углубленное историческое исследование конкретных событий тоже позволяют лучше понять процесс колонизации и его последствия.

Эссе испанского исследователя Карлоса Хункеры Рубио базируется на рассмотрении в общих чертах значительных изменений в природной среде Нового Света после появления на его территории европейских колонистов.

Наряду с этим автор отстаивает, следует отметить, широко известный и не слишком уже новый тезис, согласно которому природные ландшафты, флору и фауну, в частности в Новом Свете, люди видоизменяли и трансформировали еще задолго до начала эпохи Нового времени,

ознаменованной колонизацией европейскими державами остального мира. Однако степень и быстрота этих изменений были не столь значительными, а сами они происходили не в таком глобальном масштабе, как это случилось в колониальную эпоху. Тем не менее данный тезис важен, так как он опровергает по-прежнему распространенное в широких слоях околонушной общественности мнение, что народы, ведущие «традиционный» образ жизни, якобы являются «интуитивными экологами», никак не меняющими природную среду, и что они – ее составная часть по аналогии с остальными представителями фауны. В некоторых научных работах, пусть и не в такой радикальной форме, также встречаются утверждения, согласно которым охота на ранних этапах развития общества не оказывала значительного влияния на численность и видовой состав животных (Ефремова 2016: 60).

Автор приходит к убедительному выводу, что торговля пушниной англичанами, русскими и французами оказала огромное воздействие на весь Тихоокеанский Север, в особенности на его фауну, подкрепляя свои рассуждения конкретными примерами. Кроме того, в его работе обзорно рассматриваются разные типы колониального присутствия в различных природных ландшафтах, что глубоко и подробно проанализировано в статье А.А. Истомина. Сопоставление этих работ наводит на мысль, что воздействие колонизации Севера американского континента на его животный и растительный мир оказало более разрушительное действие, чем на его коренное население. Это, казалось бы, парадоксальное предположение основано на осмыслении последствий колониационных процессов для человека и остальных видов мира природы. Как показывает К. Хункера Рубио, многие ландшафты в результате колонизации были изменены безвозвратно, некоторые виды (калан, котик, речной бобр) достигли грани исчезновения и были спасены лишь природоохранными мероприятиями, связанными с изменением экологического сознания общества во второй половине XX в. В то же время группы арктических и субарктических территорий, о чем пишет А.А. Истомин, в отличие от многих исчезнувших сообществ умеренного и субтропического поясов, смогли сохраниться и физически, и как этнические сообщества, а также до последнего времени сберечь свою культуру охотников-собирателей, хотя и в существенно модифицированном виде. Однако такая культура, вполне понятно, способна существовать исключительно в зависимости от образующих ее ландшафтов, фауны и флоры.

Может показаться, что статья испанской исследовательницы, профессора университета Комплутенсе Марии Элизы Мартинес Веги написана в противовес современному деколониальному дискурсу, но на деле это не совсем так. Она вовсе не отрицает возможности возникновения негативных для коренного населения последствий в результате миссионерской деятельности, однако цель ее статьи заключается, по-видимому, в

раскрытии как раз позитивных моментов миссионерства, которых было ничуть не меньше.

Нестыжательство, аскеза и готовность к самопожертвованию «босоногих францисканцев» вызывают у автора явную симпатию. Она приводит конкретные, не вызывающие никакого сомнения примеры позитивного воздействия миссионеров на туземцев, например, их роль в прекращении межплеменных войн, отстаивание их интересов перед прагматичными и порой жестокими светскими властями и защита от произвола притеснявших их колонистов.

Автор дает однозначно положительную, лишенную критики оценку деятельности францисканских миссионеров в особенности и католического миссионерства вообще, а обращение в христианство народов Америки и Восточной Азии рассматривается ею исключительно как благо для них. При этом адепты деколонизации, напротив, подчеркивают негативные моменты и последствия, которые церковь принесла коренным народам. Однако дело в том, что, положительно оценивая деятельность францисканцев, автор нигде не критикует деколониальную парадигму и, скорее всего, не отрицает ее и не видит здесь противоречия.

Истину, думается, продуктивнее искать не в абсолютном отрицании одной позиции и некритичном превознесении другой, а в анализе складывавшегося в тот или иной период в той или иной местности комплекса проблем и реалий, как с негативными, так и с позитивными моментами всех точек зрения.

Следует отметить, что в истории отношений миссионеров и индейцев существуют примеры не только искренней дружбы и глубокого понимания проблем последних, но и признания их прав на свой образ жизни.

Так, Поль Шаре убедительно показал, что для многих миссионеров из католической конгрегации облатов, в частности для Шарля Арно и Луи Бабеля, деятельность которых разворачивалась среди индейцев-инну в середине XIX – начале XX в., был характерен «неэтноцентрический» подход к своим подопечным и понимание ценности их культуры и «нецивилизованной» жизни в лесу (Charest 2019: 24). Таким образом, миссионеры, отказавшись от европейского этноцентризма, даже признавали важность того, с чем они, казалось бы, должны были бороться в первую очередь – с традиционными верованиями инну.

Подводя итог, необходимо сказать, что колониализм, безусловно, привнес множество негативных последствий в жизнь коренных народов, подтверждений чему можно много найти в колониальной истории Америки. Наряду с этим не все, что происходило в колониальную эпоху, следует оценивать исключительно в негативном ключе. Стремление полностью деколонизировать все реалии современной жизни, рассматривая их как наследие колониализма, в некоторых случаях представляется излишним, что, полагаю, демонстрируют статьи данной подборки. Движение

деколонизации, вне всякого сомнения, необходимое иногда, к сожалению, часто доводит до абсурда, но и колониальная политика стиля XIX в. в современную эпоху – это, несомненно, путь в никуда.

Список источников

- Гринёв А.В. Психологический портрет эскимосов Аляски (по материалам русских исторических источников) (1763–1867) // Кунсткамера. 2022. Т. 3, № 17. С. 189–202. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-3\(17\)-189-202](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-3(17)-189-202)
- Данчевская О.Е. К вопросу о репатриации индейских культурных ценностей и человеческих останков в Соединенных Штатах Америки // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. М.: Наука, 2006. С. 611–621.
- Ефремова Н.С. Сакральное пространство и экологическая обстановка в системе жизнеобеспечения древних обществ // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф., г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 59–62.
- Arbour C., Ashini N., Jenkinson A., Loring S. Pour ramener l'été: à la recherche d'une concordance entre l'histoire innue et l'archéologie // Recherches amérindiennes au Québec. 2018. Vol. 48, No. 3. P. 31–44. doi: 10.7202/1062132ar
- Bories-Savala H.E. Plus ça change... Continuités et discontinuités dans la représentation de l'histoire autochtone dans les manuels scolaires québécois, des années 1980 à nos jours // Revue d'histoire de l'Amérique française. 2020. Vol. 74, No. 1–2. P. 129–154. doi: 10.7202/1075498ar
- Bousquet M.-P. L' projet des pensionnats autochtones. “Passer en moins generation canot d'écorce à la fuses interplanétaire” // Revue de la Société des professeurs d'histoire du Québec. Traces. 2017. Vol. 55, No. 3. P. 21–30.
- Charest P. Les écrits des missionnaires oblats de Marie-Immaculée sur les Montagnais-Naskapis dans la seconde moitié du xixe siècle // Recherches amérindiennes au Québec. 2019. Vol. 49, No. 1. P. 15–28. doi: 10.7202/1066758ar
- Desbiens C., Rivard É., Hirt I. Nous nous souvenons du territoire: la géographie québécoise face aux mémoires autochtones // Cahiers de géographie du Québec. 2017. Vol. 61, No. 173. P. 293–313. doi: 10.7202/1049374ar
- Delâge D. Modèles coloniaux, métaphores familiales et logiques d'empire en Amérique du Nord aux XVIIe et XVIIIe siècles // Bulletin d'histoire politique. 2009. Vol. 18, No. 1. P. 103–124. doi: 10.7202/1054771ar
- Fullum-Lavery M.-P., Wiseman B., Morin M. Le rapatriement d'articles culturels autochtones détenus par des musées américains et canadiens // Revue d'études autochtones 2021. Vol. 51, No. 1. P. 33–48. doi: 10.7202/1092138ar
- Gates Saint-Pierre Ch. À qui appartient le passé? Perspective nord-américaine sur appropriation du patrimoine archéologique // Canadian Journal of Bioethics. Revue canadienne de bioéthique. 2019. Vol 2, No. 3. P. 17–25.
- Goudreault B. Les représentations des Premiers Peuples et le colonialisme d'occupation dans les manuels scolaires d'histoire (1920–1960). Département d'histoire, Faculté des Arts et des Sciences. Mémoire présenté en vue de l'obtention du grade de maître ès arts en histoire option recherché. Montréal: Université de Montréal, 2022.
- Granger S. L'Inde et la décolonisation au Canada français // Mens. 2012. Vol. 13, No. 1. P. 55–79. doi: 10.7202/1019698ar
- Roussel J.-F. La Commission de vérité et réconciliation du Canada sur les pensionnats autochtones: bilan et prospective // Théologiques. 2015. Vol. 23, No. 2. P. 31–58. doi: 10.7202/1042742ar
- Vincent S. et Arcand B. L'image de l'Amérindien dans les manuels scolaires du Québec: ou, Comment les Québécois ne sont pas des sauvages. Ville LaSalle: Hurtubise HMH, 1979.

References

- Grinev A. (2022) Psychological Portrait of the Eskimos of Alaska Based on Russian Historical Sources (1763–1867). *Kunstkamera*. 3(17): 189–202. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-189-202
- Danchevskaia O.E. (2006) K voprosu o repatriatsii indeiskikh kulturnykh tsennostei i che-lovecheskikh ostankov v Soedinennykh Shtatakh Ameriki. In: *Vlast' v aborigennoi Amerike. Problemy indeanistiki* [Power in Native America. Problems of Indian Studies]. Moscow: Nauka, pp. 611–621.
- Efremova N.S. (2016) Sakral'noe prostranstvo i ekologicheskaya obstanovka v sisteme zhizne-obespecheniia drevnikh obshchestv. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Tiumen', 7-11 noiabria 2016 g.* [Ecology of ancient and traditional societies. Proceedings of the 5th International Scientific Conference, Tyumen, November 7-11, 2016.]. Tiumen: Izd-vo Tiumenskogo gosudarstven-nogo universiteta, Vol. 5, part 2, pp. 59–62.
- Arbour C., Ashini N., Jenkinson A. & Loring S. (2018) Pour ramener l'été: à la recherche d'une concordance entre l'histoire innue et l'archéologie, *Recherches amérindiennes au Québec*. Vol. 48. n° 3. pp. 31–44. doi: 10.7202/1062132ar
- Bories-Sawala H. E. (2020) Plus ça change... Continuités et discontinuités dans la représentation de l'histoire autochtone dans les manuels scolaires québécois, des années 1980 à nos jours, *Revue d'histoire de l'Amérique française*. Vol. 74. no. 1-2. pp. 129–154. doi: 10.7202/1075498ar
- Bousquet M.-P. (2017) L'projet des pensionnats autochtones. "Passer en moins generation canot d'écorce à la fuses interplanétaire", *Revue de la Société des professeurs d'histoire du Québec.Traces*. Vol 55. no. 3. pp. 21–30.
- Charest P. (2019) Les écrits des missionnaires oblats de Marie-Immaculée sur les Montagnais-Naskapis dans la seconde moitié du xixe siècle, *Recherches amérindiennes au Québec*. Vol. 49. no. 1. pp. 15–28. doi: 10.7202/1066758ar
- Desbiens C., Rivard É. & Hirt I. (2017) Nous nous souvenons du territoire: la géographie québécoise face aux mémoires autochtones, *Cahiers de géographie du Québec*. Vol. 61. no. 173. pp. 293–313. doi: 10.7202/1049374ar
- Delâge D. (2009) Modèles coloniaux, métaphores familiales et logiques d'empire en Amérique du Nord aux XVIIe et XVIIIe siècles, *Bulletin d'histoire politique*. Vol. 18. no. 1. pp. 103–124. doi: 10.7202/1054771ar
- Fullum-Lavery M.-P., Wiseman B. & Morin M. (2021) Le rapatriement d'articles culturels autochtones détenus par des musées américains et canadiens, *Revue d'études autochtones*. Vol. 51. no. 1. pp. 33–48. doi: 10.7202/1092138ar
- Gates Saint-Pierre Ch. (2019) À qui appartient le passé? Perspective nord-américaine sur appropriation du patrimoine archéologique, *Canadian Journal of Bioethics. Revue canadienne de bioéthique*. Vol 2. no. 3. pp. 17–25.
- Goudreault B. (2022) *Les représentations des Premiers Peuples et le colonialisme d'occupation dans les manuels scolaires d'histoire (1920-1960)*. Département d'histoire, Faculté des Arts et des Sciences. Mémoire présenté en vue de l'obtention du grade de maître ès arts en histoire option recherché. Montréal: Université de Montréal.
- Granger S. (2012) L'Inde et la décolonisation au Canada français, *Mens*. Vol. 13. no. 1. pp. 55–79. doi: 10.7202/1019698ar
- Roussel J.-F. (2015) La Commission de vérité et réconciliation du Canada sur les pensionnats autochtones: bilan et prospective, *Théologiques*. Vol. 23. no. 2. pp. 31–58. doi: 10.7202/1042742ar/
- Vincent S. et Arcand B. (1979) L'image de l'Amérindien dans les manuels scolaires du Québec: ou, Comment les Québécois ne sont pas des sauvages. Ville LaSalle: Hurtubise HMH.

Сведения об авторе:

ВОРОБЬЕВ Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: pakamagan@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Denis V. Vorobiev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: pakamagan@rambler.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья
УДК 325.3
doi: 10.17223/2312461X/42/2

Русская Америка, Русская Калифорния и проблемы типологии колониализма

Алексей Александрович Истомин

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
alexei.istomin@iea.ras.ru*

Аннотация. Рассматривается место российской колонизации Аляски и Калифорнии в рамках типологии колониализма в Новом Свете, где можно выделить пять типов колониального развития, ареалы которых не совпадают с национально-государственными границами колониальных империй: испаноамериканский «горный», испаноамериканский миссионерский, плантационно-рабовладельческий, тип «белого замещения», субарктический торговый. В Русской Америке представлено два из них: «островная» модель имеет аналогом испанское репартиментно, на материковой Аляске представлен субарктический тип, аналогичный канадскому. Несмотря на генетическую связь колонизации Сибири и Русской Америки, распространение на восток сибирской модели колониализма натолкнулось на экологический и социокультурный барьеры. В Русской Калифорнии (колония Росс, Форт-Росс) формировался особый вариант островной модели, где основанием социальной пирамиды были местные индейцы.

Ключевые слова: Русская Америка, Русская Калифорния, Форт-Росс, российская колонизация, колонизация Сибири, типология колониализма, колонизация Нового Света

Благодарности: публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Истомин А.А. Русская Америка, Русская Калифорния и проблемы типологии колониализма // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 21–44. doi: 10.17223/2312461X/42/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/2

Russian America, Russian California, and the Problems of the Typology of Colonialism

Alexei A. Istomin

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, alexei.istomin@iea.ras.ru*

Abstract. The article discusses the place of Russian colonization of Alaska and California within the framework of the typology of colonialism in the New World, where five types of colonial development can be distinguished, the areas of which do not coincide with the national-state borders of colonial empires: The Spanish American “mountain” type and its analogues, the Spanish American missionary type, the plantation-slave-owning, the “white substitution” type, and the subarctic trading type. Two of them are represented in Russian America: the “island” model type has a Spanish repartimiento counterpart, and the subarctic type, is represented in mainland Alaska. Despite the genetic connection between the colonization of Siberia and Russian America, the spread of the Siberian model of colonialism to the east ran into ecological and sociocultural barriers. In Russian California (the Ross colony, Fort Ross), a special version of the island model was formed, where the base of the social pyramid was the Native Californians.

Keywords: Russian America, Russian California, Fort Ross, Russian colonization, colonization of Siberia, typology of colonialism, colonization of the New World

Acknowledgments: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Istomin, A. A. (2023) Russian America, Russian California, and the Problems of the Typology of Colonialism. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 21–44. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/2

К вопросу о типологии колониализма

Сравнительно-исторический подход к темам колонизации и колониализма, который сегодня преобладает в общественном дискурсе, неизбежно ставит вопросы типологического характера. И первое, что замечает наблюдатель, это национально-государственная принадлежность колонии, которая, как может показаться, и определяет тип. «Каждая нация создавала свой тип колоний», – писал один из первых отечественных исследователей «колониационного вопроса» сибиревед-областник Н.М. Ядринцев (Ядринцев 1892: 701). Действительно, в рамках одной колониальной империи действует единая государственная политика, единая правовая система, движущие силы и ход колонизации зависят от особенностей социального и культурного развития данной конкретной метрополии и т.д.

Однако выявляя наиболее значимые признаки колонизационных процессов и возникающих в ходе этих процессов социальных структур, мы замечаем несовпадение выделяемых нами типов (с их определенными ареалами) и национально-государственных границ колониальных империй (а иногда и внутренних административных границ).

Например, возьмем английскую колонизацию Нового Света, которая с течением времени перерастает в колониальную экспансию независимых США и британского доминиона Канады. Уже на раннем этапе, в XVII в., мы видим формирование на восточном побережье Северной Америки двух, как представляется, различных моделей колониального общества, что лишь отчасти может быть связано с экспортом в XVII в. из одной и той же Англии различных типов социальных отношений – протобуржуазных в Новую Англию, а феодальных – в некоторые колонии, расположенные южнее (Три века колониальной Америки... 1999: 187). Социальный уклад колоний определили не только относительная гетерогенность британской колонизации, но и экологические различия природных поясов – умеренного и субтропического – в которых эта колонизация развертывалась.

На севере, прежде всего в пуританских колониях Новой Англии (умеренный пояс), происходит замещение коренного населения белыми иммигрантами в качестве основной производительной силы – индейцы частично погибают от эпидемий и войн, частично уходят на запад, частично в процессе сложного политического и социокультурного взаимодействия подвергаются аккультурации и социальной маргинализации, сохраняя свою идентичность, но «в положении ограниченного в правах меньшинства» (Александров 2021: 248).

На юге формируется иной социальный уклад – основу экономики составляют плантации, владельцы которых используют рабский труд, выращивая в субтропическом климате высокоприбыльные экспортные культуры. Индейцев здесь тоже постепенно вытесняют и замещают, но этнорасовая структура населения формируется иная, чем на севере: белых сервентов на плантациях сменяют ввезенные из Африки черные рабы. Это не значит, что здесь нет белых фермеров – они весьма многочисленны, но определяющим для местного социального уклада становится господство белых плантаторов над массой чернокожих рабов.

Так возникают американские Север и Юг. Их объединяет вытеснение (замещение) индейцев, которое может показаться общей чертой англо-американской колонизации. Но если мы обратим взгляд на субарктические и арктические территории Северной Америки, то увидим здесь совершенно иную картину. Индейцы и эскимосы продолжают населять обширные пространства тайги и лесотундры, торгуя с англичанами, сосредоточенными в фортах и факториях, которые разбросаны по всей территории будущей канадской Субарктики. Здесь нет подчинения или

замещения коренного населения. То же самое можно сказать и о французской колонизации Субарктики. Во всей Субарктике не только не работает известная формула «Хороший индеец – мертвый индеец» (Ф. Шеридан), но, наоборот, колонизаторы-мехоторговцы заинтересованы в коренных жителях как поставщиках пушнины, даже порой сожалея, что индейцев «слишком мало» (Агранат 1957: 136).

Это особая модель социально-экономических, демографических и ландшафтных изменений, которые и составляют суть колонизации. И решающим в ее возникновении является не политические или культурные, а экономико-экологические факторы.

Ведь все три модели представляют английскую (англоамериканскую) колонизацию. Они связаны с развитием одной и той же метрополии (в определенном европейском и глобальном контексте), но предполагают принципиально различные варианты формирующихся в результате колонизации структур, различные социальные уклады, которые в свою очередь порождают различные, порой непримиримые альтернативы общественного развития, как мы это видим на примере Гражданской войны в США.

При этом в процессе формирования устойчивых общественных структур изначальные политико-правовые особенности британских колоний, впоследствии образовавших США, уступают экономико-экологическому фактору. Так, если «в политико-правовом отношении колонии первоначально разделялись на акционерно-предпринимательские, собственнические (создавались феодальными собственниками) и протестантские» (Согрин 2019: 4), то в процессе дивергенции социальных укладов часть собственнических колоний входит в капиталистический Север, часть смыкается с колониями Юга. При этом «при всех различиях между разными типами, их жители следовали ментально-идеологическим и политико-правовым установкам Англии» (4). Но на базовую социально-экологическую дивергенцию не повлиял ни этот факт, ни присутствие в составе британских колоний бывшей голландской колонии Новые Нидерланды (впоследствии Нью-Йорк, где сохранялось крупное землевладение выходцев из Голландии), а в составе последней – бывшей Новой Швеции с финскими поселенцами.

Так же неоднороден и испанский колониализм – один из самых ранних в Новом Свете, где под этим названием, на наш взгляд, скрываются четыре различных социальных уклада. Первый, наиболее известный, возникает на Антильских островах, но оказывается стабильным и распространяется преимущественно во внутренних гористых районах Америки с плотным индейским сельскохозяйственным населением, имеющим традиции доиспанской государственности (Мезоамерика, Андский регион). Российские историки называют эту зону «ареалом колониального феодализма», система которого явилась «сплавом элементов социальной

организации индейских государств и пиренейских феодальных порядков» (Три века колониальной Америки... 1992: 26). Этот «условно горный» уклад характеризуется сохранением массива коренного населения – завоеванного, подчиненного и эксплуатируемого. Эксплуатация индейцев как основной рабочей массы – основа данного комплекса. Формы, институты и методы этой эксплуатации претерпели значительную историческую эволюцию. Заимствованный из практики Реконкисты феодальный институт энкомьенды (передача населения отвоеванной территории под опеку сеньора) в основном сменяется системой централизованного распределения государством индейской рабочей силы (репартименто в одном из значений этого термина), а та в свою очередь – эволюционирующим в частное крупным землевладением (асьенда) (Три века колониальной Америки... 1992).

Но в Испанской Америке на окраинах представлены и другие модели. На Антильских островах, где впервые применялась энкомьенда, на место исчезающих индейцев ввозятся чернокожие рабы и утверждается уже знакомая нам модель «плантационного» общества. И эта модель здесь сохраняется вне зависимости от того, в чьих руках оказываются те или иные карибские территории – англичан, голландцев или французов. Плантационное хозяйство распространяется в прибрежных зонах многих колониальных владений Испании – Венесуэлы, Перу, Мексики и др. Как и восток Бразилии (владение Португалии), это «ареал плантационного рабства» (Три века колониальной Америки... 1992: 28, 157 сл.).

В периферийных регионах (Парагвай и Калифорния), где имелось относительно плотное индейское население, но отсутствовала традиция повиновения общинников верховной власти царя, утверждается миссионерская система. Индейцев собирают в миссии (в Калифорнии насильственно), где они трудятся под надзором миссионеров того или иного католического ордена (Парагвай – иезуиты, Нижняя Калифорния – доминиканцы, Верхняя Калифорния – францисканцы). Миссионерские системы двух Калифорний и Парагвая типологически родственны.

Наконец, на Южном Конусе, в аргентинских Пампе и Патагонии мы снова обнаруживаем нечто знакомое. Возникающим в XVIII в. на берегах Ла-Платы испаноамериканским скотоводческим хозяйствам «дикие» индейцы не нужны – их вытесняют, частично ассимилируя. Аргентинский «фронтир» уже в начале XIX в. постепенно сдвигается к югу, а затем, во второй половине XIX в., происходит «Завоевание пустыни» – жестокая индейская война в Патагонии с уничтожением коренного населения и экспроприацией его земель, заселяемых белыми иммигрантами со всей Европы. Эта модель практически идентична модели, известной на Севере и Западе США: вытеснение индейцев и их замещение белым населением.

Если же мы взглянем на Русскую Америку, то увидим здесь – при единых государственной политике и субъекте колонизации – две различные модели колониальных отношений: одна (главным образом, на Алеутских островах и Кадьяке) с завоеванием и подчинением аборигенного населения и с экономической системой, основанной на трудовых повинностях аборигенов, другая (на остальной части Аляски) – с развитием торговых отношений и миссионерства, центрами которых служат «редуты» и «одинокки». У первой много общего с «горной» испаноамериканской, а у второй – с североканадской субарктической. По сути, это два разных типа в пределах одного колониального владения.

Итак, мы видим, как на «пересечении» национальных колонизационных потоков и местных экологических зон и социокультурных ареалов формируются совершенно различные (в рамках этих потоков) модели, которые в то же время имеют много общего с другими моделями вне национально-государственных границ, представляя вместе с ними различные типы колониализма.

В Новом Свете, с известной долей условности, можно выделить пять типов колониального развития. Первый представлен «классическим», «условно горным» испаноамериканским колониализмом в зоне «высоких» индейских культур Северных и Южных Кордильер. Существовавшая там система репартименто имеет своим прямым аналогом «островную» модель в Русской Америке, параллели между которыми отмечены давно (Истомин 1987, 2000; Гринёв 1996, 2018: 236). Близка к этому типу и модель голландского колониализма в Индонезии (Гринёв 2018: 236). Этот тип (назовем его «тип I») предполагает сохранение массы аборигенов, принуждаемых к труду преимущественно внеэкономическими средствами, и их интенсивную колониальную эксплуатацию.

Второй тип («тип II»), близкий к первому по признаку сохранения массива коренного населения, но отличающийся по социальной организации, это миссионные колониальные общества Парагвая и Калифорнии.

Третий тип («тип III»), по этому же признаку диаметрально противоположный двум первым, предполагает замещение колонизирующим населением коренных жителей, вытеснение или маргинализацию аборигенов, такое изменение социально-экономического, социокультурного и природного ландшафта, которое не оставляет коренным жителям иного места, кроме как в резервациях или на обочине экономической жизни. Эту модель условно можно назвать «моделью белого замещения» (колонизация большей части США и земледельческих районов Канады, колонизация Пампы и Патагонии, а за пределами Америки – Австралии и Новой Зеландии). Сам факт провозглашения этими территориями независимости или широкой автономии (права доминиона) не менял колониальной сути продолжавшейся экспансии на территории аборигенов.

Четвертый тип («тип IV»), плантационно-рабовладельческий, имеет своим ареалом в основном прибрежные или имеющие выход к морю тропические и влажно-субтропические регионы, где утверждается ориентированное на мировой рынок плантационное хозяйство с использованием чернокожих рабов из Африки. С «типом III» его роднит вытеснение аборигенов, замещаемых инорасовым элементом в качестве основной рабочей силы, однако это не столько европейские колонисты, сколько ввозимые негры-рабы. Это Юг США, восток Бразилии, Карибский бассейн (включая прибрежные районы Мексики, ряда стран Центральной и Южной Америки), а также районы на тихоокеанском побережье Перу и Эквадора.

Наконец, пятый тип («тип V») объединяет субарктические и арктические территории Северной Америки, входившие в состав как британской и французской Канады, так и Русской Америки, включая Гренландию. В этом же направлении, видимо, развивалась и система отношений с аборигенами в неземледельческой части российской Сибири к началу XX в. Коренное население в таежной и тундровой полосе Северной Америки не подвергается завоеванию и вытеснению, оно становится партнером в мехоторговле, иногда вступает в отношения вольного найма, а также является объектом миссионерской деятельности. Это, пожалуй, максимально благоприятный для аборигенов вариант. В основе этого типа – природные условия, которые не только исключают или делают малоэффективной аграрную колонизацию, но и побуждают иногда колонизирующую сторону к противодействию такой колонизации (Агранат 1957: 136) в интересах наиболее прибыльной эксплуатации данных территорий.

Предлагаемая типология позволяет лучше понять историю колониализма. Рассматривая в качестве объекта типизации не отдельную колонию, группу соседних колоний, страну, колониальную империю и т.д., а существующие внутри отдельных колоний и государств различные социальные уклады, с определенными особенностями в экономике и в расово-этническом составе населения, мы получаем более объемную картину прошлого и настоящего стран и регионов внеевропейского мира.

Предлагаемая схема не охватывает все варианты колониализма Нового времени, но, как представляется, может послужить основой для разработки глобальной типологии этого явления. К вариантам колониального развития в Новом Свете, оставшихся вне нашей схемы, следует отнести французский колониализм в Канаде, который, по мнению некоторых историков, обнаруживают определенные аналогии с колонизацией Сибири XVII в. (Акимов 2010: 119–120; Гринёв 2018: 513). За пределами Нового Света интересна бурская колонизация Южной Африки, «гибридно» тяготеющая к некоторым уже выделенным нами выше типам.

В задачи статьи не входит ни обзор типологических схем, применявшихся другими авторами при характеристике колонизаций (см., например (Новожилова 2012: 98–103)), ни развернутое обсуждение темы

колониализма, ни анализ содержания понятий «колонизация», «колония», «освоение» и других, остающихся в определенной мере дискуссионными. Однако некоторые смысловые моменты необходимо оговорить.

«Типология не может быть правильной или неправильной: она может быть лишь более полезной или менее полезной для достижения целей, для которых она разработана», – писал М. Финли, первым попытавшимся теоретически осмыслить типологию колониализма (Finley 1976: 174). Цель нашей типологии – понять причины, обусловившие различия в исторической судьбе различных сегментов ойкумены в Новое время, а ее предмет – исключительно европейский колониализм Нового времени как уникальное историческое явление, производное от другого явления – генезиса капитализма, уникальность которого признается многими исследователями (Дмитриев 1992: 132, 141–142).

Поэтому различные варианты древней (Sommer 2011, 2012) или средневековой колонизации и возникавшие в результате социально-политические образования (в том числе государства крестоносцев) могут рассматриваться нами лишь как исторические прецеденты, опыт и традиция которых могут представлять интерес для понимания колонизационных процессов Нового времени, но которые имеют в значительной мере иную историческую природу. Также за пределами нашей типологии остаются колонизационные и вообще миграционные процессы доклассовых эпох, равно как и сами по себе явления этнополитической экспансии или культурной диффузии (в том числе распространения религий и иных доктрин) – даже если они и являются одной из граней реального колонизационного процесса. Это, впрочем, не значит, что все названные процессы не заслуживают пристального внимания при изучении общих закономерностей колонизации и экспансии (культурной и политической) как особых социально-антропологических явлений (см., например (Зубков 2009; Головнёв 2015)), – но эту задачу мы не ставим.

То, что нами предпринято – это типология не колоний (Sommer 2011: 187–188) и не колонизаций, это типология социальных укладов и социальных ландшафтов, возникающих в процессе формирования и развития колониальных систем в Новое время (до утверждения монополистического капитализма). Их статические в идеале модели рассматриваются в тесной взаимосвязи с «текучестью» реальных процессов колониального развития, включая как генезис этих моделей в процессе колонизации, так и развитие возникших социальных укладов.

Типология колониализма понимается именно в этом ключе – колониализм здесь не просто практика создания колоний и не политика, которая за этой практикой стоит; колониализм здесь – это складывающийся исторически выбор модели развития колонизованной территории, который зависит от взаимодействия трех групп факторов или переменных («variables» у Финли). Сам М. Финли в определенный момент сужает

количество переменных до трех: земля, рабочая сила и социально-экономическая структура метрополии (1976: 184). «Земля» или «природные ресурсы» (180) это, на наш взгляд, редуцированная форма более обширной группы факторов, связанных с природными условиями конкретной территории (включая и ее географическое положение), которые определяют возможности ее эксплуатации. Для второй группы факторов необходимо оговориться, что вопрос о рабочей силе (*labour*), которая станет преобладающей в данном ареале (например, индейцы, черные рабы или белые фермеры), во многом предопределяется демографическими и социокультурными характеристиками аборигенов, имеющих решающее значение при формировании конкретной колониальной модели. Именно эти характеристики являются исходными для второй «переменной». Наконец, третья группа факторов, которую Финли обозначает как «экономическая, социальная и политическая структура имперской страны» (183), на наш взгляд, должна включать также социокультурные характеристики населения метрополии.

Необходимо оговориться, что в этой статье при построении моделей колониальных обществ мы рассматриваем перспективы и альтернативы их развития, не избегая вероятностных суждений об их возможном, но не свершившемся будущем. Между тем, как известно, история не терпит сослагательного наклонения. С этим нельзя не согласиться, если речь идет о выявлении и описании свершившихся событий, их причинно-следственной связи и закономерностей, обусловивших и первое, и второе. Однако, исходя из понимания противоречивого единства возможности и действительности, «признания бытия в возможности» и онтологического статуса последней (Шемякин 1992: 12–13), необходимо допустить в рамках социально-исторического исследования изучение не только свершившихся, но и гипотетически возможных в прошлом процессов как особой части исторической реальности. «Подобно тому, как прошлая действительность не перестает быть реальной от того, что она уже в прошлом, так и прошлые возможности не теряют статуса реальности оттого, что они находятся в этом временном измерении» (15). Познавая прошлое, мы вправе познавать его вместе с теми возможностями, которые в нем содержались, но остались нераскрытыми. Критерием научности здесь будет аргументированная оценка вероятности того или иного несостоявшегося варианта развития.

Сибирь и Русская Америка

Генетическая связь русской колонизации Сибири и Северной Америки очевидна. Продвижение русских в Америку стало прямым продолжением и в то же время новым вариантом многовекового движения России на восток и северо-восток. Включение Сибири и Дальнего Востока

в состав Российского государства с конца XV до конца XVII в. было одним из величайших событий истории России, придавшее последней совершенно иное географическое качество и создавшее возможность для трансокеанской колонизации, которая отсутствовала на западе страны.

Российскую колонизацию Нового Света невозможно понять без учета предшествующего сибирского опыта. Между тем колонизация Сибири была не изолированным эпизодом сугубо российской истории, но составной частью глобального комплекса колонизационных процессов Нового времени, занимая в нем особое место.

Пушнина – традиционная и древняя статья русского экспорта. Однако усиление интереса к экспансии в изобильные пушшиной регионы Сибири вряд ли можно рассматривать без учета тех сдвигов, которые происходили в экономике Европы с конца XV в. под влиянием Великих географических открытий и заморской колониальной экспансии пиренейских государств. Приток драгоценных металлов в Европу после испанских завоеваний в Америке привел к «революции цен», в том числе цен на пушнину, которая стала предметом обихода не только знати, но и растущих зажиточных слоев населения. Возросший спрос в Западной Европе на меха и особенно русскую пушнину стал известен на Руси уже в первой четверти XVI в. и сохранялся еще полтора столетия (Fisher 1943: 20–21). «Главным образом через пушную торговлю Россия, хотя и удаленная от новых торговых центров в Европе и морских путей в Атлантике, испытала возрождение и рост торговли в шестнадцатом веке», – утверждал известный американский историк Р. Фишер (22).

Продвижение России и в Сибирь, и на Аляску происходило преимущественно в одном и том же субарктическом поясе (кроме южной Сибири и Калифорнии соответственно). Это предопределило, с одной стороны, значительную роль и в Сибири, и в Русской Америке адаптированных к условиям Субарктики выходцев с Русского Севера, а затем и уроженцев Сибири. (Их присутствие заметно и в Русской Калифорнии.) В Русской Америке к ним прибавились представители западного и восточного края российской Субарктики – финны и якуты (вначале также камчадалы). Впрочем, этническая неоднородность колонизирующего контингента наблюдается и в Сибири: исследователями отмечается значительная доля очень разнообразного «нерусского элемента» в составе служилых людей в XVII в. (Зуев, Люцидарская 2010).

С другой стороны, в силу тех же географических обстоятельств, главной целью в процессе российской колонизации и Сибири, и Северной Америки оставалась пушнина – «мягкое золото» Субарктики. В Сибири главным призом были соболиные шкурки, в Русской Америке – шкуры морской выдры (калана), которую русские именовали «морским бобром». Вместе с тем если добыча соболя была доступна всем народам таежных лесов, в том числе и русским, которые активно участвовали в

сибирском пушном промысле, то промысел калана требовал навыков, которыми в совершенстве обладали лишь представители народов, принадлежавших к хозяйственно-культурному типу морских охотников и рыболовов Арктики и Субарктики, причем только в южной части его ареала. И здесь распространение на восток сибирской модели колониализма натолкнулось на взаимосвязанные экологический и социокультурный барьеры.

С точки зрения получения сибирской пушнины – главной цели экспансии Российского государства в данном регионе, и в частности ясака, который «был стержнем русско-аборигенных отношений в Сибири» (Зуев 2009: 84) – колониальная система в Сибири в XVII в. представляла собой функциональный треугольник, каждая из вершин которого имела для этой системы критическое значение. Одна из этих вершин – аборигенное население, платившее ясак и в целом добывавшее значительную долю поступавшей на рынок пушнины. Вторая – административно-силовой аппарат в городах и острогах, обеспечивавший контроль над территорией и механизм извлечения ясака. Третья – колонизирующие Сибирь русские крестьяне, обеспечивавшие хлебом сибирские города.

Но между вершинами этого условного треугольника действовал «четвертый элемент», представлявший негосударственную активность, ориентированную на пушной промысел. Это были, наряду с купцами, самостоятельные добытчики пушнины – русские промышленники, либо действовавшие на свой риск (своеуженники), либо нанятые купцами-предпринимателями (покрученники). Впрочем, промыслять пушного зверя стремились и служилые люди. На долю частной пушнины в XVII в. приходилось не менее двух третей пушнины, добываемой в Сибири (Пузанов 2018: 79–80). Пошлина с этой пушнины составляла важную часть государственных доходов.

Именно купцы и промышленники стали главной движущей силой заморского колониализма России. С истощением соболиных угодий в Сибири промышленники потянулись на недавно завоеванную Камчатку. Открытия Беринга и Чирикова (1741) вызвали движение промышленников дальше на восток. «Едва лишь завершилась эта экспедиция, сообщившая сведения о богатейших лежбищах морского зверя на островах Тихого океана... как началось стремительное продвижение русских промышленников вдоль Алеутских островов к Американскому материку» (Федорова 1971: 100).

С 1743 г., с экспедиции Басова на Командорские острова, начинается история плаваний промышленников на восток. Суда снаряжались купцами на паях, промышленники получали примерно половину добытой пушнины на основе так называемой полупаевой системы (История Русской Америки 1997: 72–73). Экспедиции промышленников самостоятельно прокладывали путь на восток: государство лишь контролировало

эту деятельность через посланных людей, взимало пошлины с добытой пушнины и снаряжало время от времени правительственные экспедиции. Последние служили средством обеспечения колонизационного процесса в двух аспектах – информационном (получение точных географических сведений и их систематизация) и политическом (утверждение и защита государственного суверенитета над открытыми территориями). При этом географические задачи были продолжением, составной частью и средством достижения задач политических (197–198).

Главной целью были шкуры калана (морской выдры, «морского бобра») – его добыча в прибрежных акваториях требовала высокого мастерства, которым промышленники не обладали. Очень скоро они перешли к использованию принудительного труда коренных жителей островов – алеутов, а затем и кадьякских эскимосов (все зависимое население островов русские называли «алеутами»). Эта практика утверждалась и распространялась вдоль побережья Аляски в течение последующего полувека. «Более половины столетия русские захватывали промысловые угодья, принуждая алеутов добывать меха...» (Федорова 1971: 101).

И это было одним из принципиальных отличий Русской Америки от колониальной Сибири, где эксплуатация аборигенов находилась в исключительной компетенции государства, а защита добывавших пушнину аборигенов, ясачных плательщиков, была приоритетом царской политики. Государственный патернализм по отношению к коренному населению остается определяющим и в российской «туземной политике» в Северной Америке, но здесь он носит скорее «инерционный» и идеологический характер, нежели диктуется экономическими интересами государства. Запрет притеснять туземцев при такой удаленности от контролирующих инстанций нарушался едва ли не сильнее, чем в Сибири. Впрочем, и сама система эксплуатации туземцев не вписывалась в сибирскую модель и формально была нелегальной. Практика систематической насильственной эксплуатации аборигенов была возможна только в условиях безвластия, фактически царившего на островах на ранней стадии колонизации – время от времени в Петербург доходили жалобы, но они не могли изменить доминирующей тенденции.

Другой «инерционный» момент – повышенный интерес государства к расширению территории на восток, на богатые пушным зверем земли, незанятые другими государствами. До 1790-х гг. сохранялась установка на сбор ясака (уже не имевшего прежнего экономического значения). Но в Русской Америке экспансионистский импульс слабеет, а затем и угасает. Об его остаточной энергии говорит серия правительственных экспедиций. Препятствием для экспансии стала чрезвычайная географическая удаленность и труднодоступность Русской Америки по отношению к экономическим и военно-политическим центрам Российской

империи, в том числе крайняя растянутость коммуникаций снабжения (Gibson 1976, 1992).

Колонизация Сибири – материковая, колонизация Русской Америки – заморская. Для дальнейшего движения на восток требовались суда, и если на первых порах первопроходцы использовали шитики – «сшитые» суденышки без единого гвоздя, то дальше уже была востребована западноевропейская школа кораблестроения и навигации, утвердившаяся в России при Петре I. Тем более что именно ее достижения демонстрировали иностранные конкуренты России на Тихом океане, имевшие физический доступ к русским владениям. И в отличие от Сибири, русская колонизация Америки по некоторым технологическим параметрам и регулярным контактам с представителями Запада достаточно плотно и очень рано вошла в европейский культурный круг и по мере развития – в европейское информационное пространство.

Заморский характер колонизации предопределил и невиданную для Сибири концентрацию капитала в пушном промысле: чем дальше на восток по мере истребления калана отодвигалась приоритетная зона промысла, тем больше средств требовалось для снаряжения экспедиций, тем меньше компаний могли выдержать конкуренцию. К концу XVIII в. встает вопрос уже о монопольной компании, и эта идея воплощается в жизнь.

Русская Америка с точки зрения типологии колониализма

Рассмотрим особенности колониальных отношений в Русской Америке. Помимо прямого насилия (принуждения к промыслу аборигенов) широко использовалась и другая, менее конфликтная кабально-долговая система эксплуатации туземцев – так называемое задалживание, описанное в конце 1760-х М.Д. Левашовым: алеуты получали от русского купца аванс товарами и отрабатывали его, постепенно оказываясь в кабале (РГАВМФ).

Из синтеза двух практик, как из двух корней, вырастает «островная» система эксплуатации аборигенов, которая окончательно утверждается с созданием в Новом Свете постоянных русских поселений (1784). Этот новый этап в российской колонизации Нового Света связан с именами Г.И. Шелехова, его наследников и администраторов. К этому времени процесс концентрации капитала привел сначала к сокращению числа промысловых компаний, а затем и возникновению монопольной полугосударственной Российско-Американской компании (РАК) в 1799 г.

Основателям РАК удалось избежать упоминания «туземной темы» в основополагающих документах Компании. Фактически же экономика Русской Америки базировалась на эксплуатации аборигенов зависимых территорий, подробно описанной в литературе (Гринёв 2018: 223 сл.). Низшую ступеньку социальной иерархии занимали каюры – местная

разновидность рабов. Однако они играли вспомогательную роль, в то время как основной производственный процесс – добыча калана – выполнялась «вольными алеутами», зависимыми от Компании жителями Алеутских островов, о. Кадыяка, а также некоторых участков материкового побережья Южной Аляски. Основная часть взрослых мужчин отправлялась в промысловые партии под началом русских для добычи морского зверя (прежде всего калана), порой на очень дальнее расстояние (подобные партии на кораблях достигали Калифорнии и Гавайев). Женщины, дети и старики добывали птиц, собирали птичьи яйца, сусликов и сарану, женщины шили одежду и лафтаки. Формально их труд компенсировался товарами, но фактически это была «система принудительного долгового найма» (История Русской Америки 1999: 28; Гринёв 2018: 226).

Момент принуждения к труду красноречиво демонстрирует эпизод отправки «алеутов» на Кадыяке в 1801 г. в Ситхинскую партию, описанный членом Русской православной миссии в Америке иеромонахом Гедеоном. Русские промышленные с заряженными ружьями продемонстрировали «алеутам» заранее заготовленные колодки, рогатки, розги, линьки и палки, предлагая их для наказания на выбор тем, кто не желает ехать в партию. Отказавшегося кадыяка «секли до тех пор, пока захрипел и едва мог сказать “Еду”» (Записки иеромонаха Гедеона... 1994: 84–85).

Сходство колониальной системы Русской Америки с колониальным Перу поразительно. «Бобровый промысел» имел в Перу своим аналогом «миту» (Окунь 1939), каюры – янаконов, редукции (искусственно созданные поселения) – «общие селения» на Кадыяке и других островах. (Истомин 1987, 2000; Гринёв 1996, 2018).

С завершением ранней истории РАК («эра Баранова») происходит ликвидация каюрства и полупаевой системы как анахроничных элементов в колониальной системе Русской Америки, а отношения с аборигенами подвергаются регламентации в «Правилах» и «Уставе» РАК 1821 г. Новые «Правила» запрещают Компании создавать поселения без согласия туземцев – с точки зрения реалий колониализма это означало едва ли не запрет на колониальную экспансию. И это один из парадоксов Русской Америки, невозможный ни в Сибири, ни в заморских колониях других стран. Действительно, после А.А. Баранова экспансия прекращается: в 1824–1825 гг. установлены границы русской Аляски, царь отказывается от гавайской авантюры РАК, судьба колонии Росс на два десятилетия приобретает трагическую неопределенность. Традиционный для России патернализм самодержавия и его нарастающий консерватизм вошли в противоречие с императивами заморской колонизации, общими для Нового времени. Сработала отмеченная А.Д. Агеевым причинно-следственная связь между консервативностью государства и «консервативными» последствиями для аборигенных народов (Агеев 2005: 265).

«Барановская эра» заканчивается полупобедой этатизма. Во главе колоний встают морские офицеры.

Итак, мы видим, что колониальная модель РАК на островах, унаследовав от сибирской модели некоторые моменты, в остальном сильно от нее отличается. Что касается названия, то еще в начале XIX в. «островная» модель распространялась и на часть материкового побережья Южной Аляски (кенайцы, чугачи, катмайцы), но к 1860-м гг. ее влияние там ослабло.

По соседству в той же Аляске присутствует другая модель колонизации, сходная с моделью английской и французской колонизации субарктической Канады. Она основана на свободной бартерной торговле с аборигенами и создании на туземной территории опорных пунктов – центров торговли и миссионерства. Это «тип V» нашей типологии.

Спротивление тлинкитов, которое РАК встретила в архипелаге Александра (юго-восточная Аляска), исключала здесь иную модель колониальных отношений, кроме торговой «субарктической» («тип V»). В остальной части Аляски (материковой), за исключением отмеченных выше участков побережья, также повсеместно утверждается система получения мехов через торговлю с коренным населением.

Даже попытки организовать промысловые партии не зависимых, а нанятых туземцев (по примеру сибирских промышленников) подвергаются критике со стороны видного деятеля РАК Л.А. Загоскина (1840-е гг.) как ведущие к «быстрому уничтожению бобров» (на примере Александровского редута). Снаряжение партий и плата охотникам обойдутся дороже, считал Загоскин, чем простая скупка пушнины, тем более что с учетом особенностей промыслового хозяйства туземцев западной Аляски («каждая семья туземцев имеют как бы свои родовые промысловые дачи») деятельность партий вызовет конфликты (1848: 27–28).

Таким образом, в российских колониях на Аляске были представлены два известных нам типа колониальных отношений – I и V. Их объединяла единая для Русской Америки политика царского правительства, выраженная в Уставе и Правилах РАК, и общие принципы политики Компании, определявшиеся ее интересами, адаптацией к государственной политике и местным условиям, и, наконец, наработанными десятилетиями традициями. Однако региональная специфика (экология и адаптированные к ней хозяйственно-культурные типы (ХКТ)) определила формирование при этой общей политике различных моделей, относящихся к различным колонизационным типам.

Истощения ресурсов морской выдры побуждало РАК к освоению пушных богатств на материке («земляной зверь»), и здесь Компания пошла по пути, проложенному Компанией Гудзонова залива (КГЗ), перейдя к созданию факторий для скупки пушнины. Подчинение рассеянных по тайге и лесотундре индейцев и эскимосов было нереально. Об

ясаке к этому времени давно забыли: правилами РАК он не предусматривался.

Возникает вопрос о перспективах «островной» аляскинской модели, исходя из того, что продажа Аляски, как представляется, не была неизбежной. Конец Русской Америки пришелся на 1860-е гг., когда Россия освобождалась от внеэкономических методов принуждения к труду: в этих условиях репутация «островной» модели была под вопросом. В 1866 г. Государственный совет выступил с резкой критикой «системы закрепощения туземцев» в Русской Америке, считая эту систему «невыгодной» по сравнению с КГЗ, и по новому уставу РАК 1866 г. прежняя колониальная модель была в значительной мере демонтирована (Гринёв 2018: 481–484).

РАК сохранила монополию на торговлю пушниной, но дискуссия в Госсовете по поводу ее устава и состояние Компании на момент продажи Аляски заставляют предположить, что в случае сохранения российского суверенитета над Аляской РАК вряд ли смогла бы долго удерживать монополию в условиях растущей внешней и внутренней экономической и политической конкуренции. А демонополизация означала бы, что социально-экономическое развитие аляскинских «островитян» скорее всего происходило бы в рамках пятого, «субарктического» типа на основе свободной продажи продуктов трудовой деятельности и рабочей силы.

И, возможно, пример командорских алеутов демонстрирует наиболее вероятный вариант развития Алеутских островов и Кадьяка, включая привлечение местного населения для охраны лежбищ морского зверя от браконьеров.

Колония Росс как особый случай в типологии колониализма

Особое место в Русской Америке занимала колония Росс (в XX в. некоторые историки, прежде всего Дж.Р. Гибсон, стали называть ее Русской Калифорнией). Она стала своего рода социально-исторической лабораторией, где на ограниченном пространстве – географическом и социальном – и на малом временном промежутке (около 30 лет) можно увидеть формирование и развитие в этом микросоциуме поддающихся типизации моделей колониальных отношений.

Рамки данной статьи не позволяют подробно анализировать этот теоретически очень интересный случай. Можно выделить только некоторые принципиальные особенности.

Специфика Русской Калифорнии определялась несколькими обстоятельствами экологического, социокультурного и геополитического плана. Прежде всего эта колония находилась на значительном удалении от Аляски и за пределами Субарктики, поскольку и в Калифорнии обитал «целевой ресурс» российской колонизации – калан, образуя

отдельный подвид и соответствующую популяцию. Здесь, на стыке умеренного и субтропического поясов, местные индейцы представляли особый ХКТ, основанный на специализированном собирательстве, комбинирующимся с охотой и рыболовством. При этом на калана они почти не охотились.

В 1810-х гг., пока не был выбит калан, главным в экономике Росса был именно морской зверобойный промысел – и первоначально российская колонизация Калифорнии представляла собой своего рода перенос на юг микросоциума, построенного по «островной» аляскинской модели (частный случай «типа I»). Это был кусочек «классической», «островной» Русской Америки с обычной для нее социальной пирамидой, где в основании находились «алеуты» (в большинстве своем кадыкские эскимосы), перемещенные сюда для промысла морской выдры (калана). Участие индейцев в жизни колонии носило скорее гендерный характер (индеанки-сожительницы, преимущественно «алеутов»).

Отношения с индейцами имели здесь для РАК решающий характер при выборе района колонизации с учетом как предшествующего «тлинкитского» опыта, так и близости испанских владений, под «боком» которых возникает Росс (подробнее см.: (Истомин 2002)). В Калифорнии возник слабый союз с аборигенами, заинтересованными в защите от испанских набегов. Он не привел к каким-либо акциям против испанцев, однако их останавливало само присутствие русской крепости, и они не решались совершать далее Росса свои охотничьи рейды за индейскими неофитами для францисканских миссий. Благодаря этому ближайшим к Россу индейцам кашайа (юго-западным помо) удалось сохранить свою идентичность (Истомин 1996: 42; Истомин 2006: 507). В безопасности от испанских рейдов оставались и те помо, что обитали севернее. Росс оказался своего рода щитом (Истомин 1980), остановившим испанскую колонизацию на север и спасшим кашайа от этноцида – в интересах неудавшейся колонизации русской.

Мирное соседство с аборигенами – нередкое явление для начального этапа колонизации, но оно обычно не бывает долговечным, так как вступает в действие ее, колонизации, логика, по которой аборигены являются объектом (самое большое – инструментом), а не субъектом процесса. Тем не менее в определенных экологических условиях, как мы видим, например, в таежной Субарктике, сохранение мирных отношений может стать одной из черт формирующейся колониальной модели. В случае Росса добавился политический фактор, как внешний (испанцы), так и внутренний (патернализм российского самодержавия по отношению к аборигенам).

В 1820-х гг. модель отношений начала меняться с изменениями в экономике колонии и с усилением государственной регламентации. Индейцы становятся главным источником неквалифицированной рабочей

силы в развивающемся земледелии. Как прирожденные и высокоспециализированные собиратели, они обладали достаточной квалификацией для тех сельскохозяйственных работ (посевных, уборочных) с их примитивной агротехникой, для которых они приглашались в массовом количестве (Истомин 1996: 45; 2006: 506–507).

Необходимо заметить, что администрации Росса удалось избежать борьбы с индейцами за землю благодаря тому, что русская аграрная колонизация, кроме узкой приокеанской полосы, развивалась главным образом южнее р. Славянки, в районе залива Бодига, где коренное население, индейцы береговые мивок, уже стало жертвой испанских рейдов, а его остатки (группа вождя Валенилы) были немногочисленны и тесно связаны с русскими.

Однако насилия избежать не удалось, что вызвало тревогу у главного правителя колоний Ф.П. Врангеля. Примерно между 1827 и 1832 гг. индейцев стали пригонять на сезонные полевые работы силой, хотя это был не просто принудительный труд, а скорее насильственное принуждение к формально (хотя и скудно) оплачиваемому труду, как и в «островной» модели на Аляске, поскольку, как и при предшествовавшем вольном найме, главной компенсацией индейцам служила еда, которую в качестве премии могли дополнять грубая одежда и одеяла (Россия в Калифорнии... 2005: 640; 2012: 97–98). По свидетельству Ф.П. Врангеля, «от худой пищи и ничтожного платежа» индейцы перестали сами приходить в селение и их пришлось пригонять, причем в новых условиях питание предоставлялось настолько скудное, что индейцы от него приходили «в крайнее истощение» (Россия в Калифорнии... 2012: 97–98). В целом это примерно та же самая комбинация внеэкономических и экономических стимулов к труду, которую мы наблюдаем в «островной» модели, но в более примитивной форме.

На «индейскую политику» администрации Росса в данном случае повлияли, видимо, также два обстоятельства. Во-первых, играла роль инерция уже сложившейся в Русской Америке (при А.А. Баранове и ранее) практики обращения с коренным населением. Во-вторых, был пример испанцев с их жестокой практикой «охотничьих» и карательных экспедиций.

Отличие от того, что мы наблюдаем на Аляске, состояло в аборигенной составляющей этой системы. «Алеуты», с их ХКТ морских охотников и рыболовов (что было критически необходимо для зверобойного промысла), с истощением ресурсов калана в калифорнийских водах теряют свое функциональное значение. В то же время калифорнийские индейцы, принадлежавшие к ХКТ специализированных собирателей и охотников, оказываются востребованы в новой земледельческой экономике как умелые собиратели. Их навыки встроены в новую систему, давая определенную компенсацию в виде питания. По мере сокращения

численности «алеутов» индейцы оказались в основании социальной пирамиды (подробнее см.: (Истомин 2023: 331–351)). Происходило замещение в этом качестве одной аборигенной группы (пришлой для данного района) другой, автохтонной, хотя в Россе этот процесс не успел завершиться.

Однако нужно оговориться, что развитию социальных отношений по «островной» модели «типа I» серьезно препятствовали бы: неопределенный международный статус Росса (затруднивший бы здесь легализацию подобной системы), нарастающая дискредитация внеэкономических форм эксплуатации в самой России, сильная государственная регламентация деятельности РАК, а также материковое положение колонии с фактически отсутствующими естественными границами (хотя миграционный потенциал у калифорнийских индейцев был значительно ниже, чем, например, у индейцев Вудленда или Великих Равнин).

Впрочем, даже если бы в Россе и возникла формализованная система трудовых повинностей местных индейцев, ее существование не могло быть продолжительным. Все решало главное обстоятельство – историческая обреченность подобной модели в условиях социальной модернизации России во второй половине XIX в., как мы это видели выше на примере русской Аляски.

Пример Русской Калифорнии интересен тем, что это «колонизация в поиске» и еще не устоявшееся колониальное общество. Колонизация вообще в силу своей динамичности «не склонна» к стабилизации возникающих в ее ходе общественных структур. Энергия колониального экспансионизма – внутреннего, своего, и чужого, внешнего (в этом плане показательна судьба французской Канады и бурской Южной Африки) – затрудняет создание здесь столь же устойчивых многовековых обществ, как в метрополии.

Особое значение имеет то обстоятельство, что колония Росс была расположена в Калифорнии. Калифорния – это место, где в XIX в. встретились три колонизационные модели, три национальных колонизационных потока – испанский, российский и (англо)американский – контрастные особенности которых особенно четко видны в сравнении. Их конкуренция ярко проявилась в исторической памяти индейцев кашайа, о чем свидетельствует предание, которое духовный лидер кашайа в середине XX в. Эсси Пэрриш рассказала американскому исследователю Форт-Росса археологу Джону Маккензи. Его запись обнаружил Игорь Полищук, директор по внешним связям Ассоциации по сохранению Форт-Росса (Fort Ross Conservancy), с разрешения которого мы приводим ее содержание (нами готовится полная публикация данного сообщения).

Согласно этому преданию, русские, покидая Росс, пока покупатель Дж. Саттер не расплатился полностью за покупку, оставили саму крепость под контроль кашайа. Те позднее получили новость «по

сигнальной системе, которую установили русские и поддерживали индейцы», о приближении банды вооруженных белых людей без фургонов. Когда крепость подверглась нападению этой банды, индейцы ответили огнем из оставшихся в Россе пушек, которые заряжали русским порохом и самодельной картечью (из камней, пуль и т.п.). Не вдаваясь в дискуссию о степени исторической достоверности описываемого, необходимо отметить, что таким образом в исторической памяти кашайа крепость продолжала ассоциироваться с темой защиты от «других белых», причем в данном случае непосредственно русским оружием. И если начало русско-индейских отношений здесь связано с российско-испанским соперничеством, то сюжет данного предания мог отражать приближение волны англоамериканской колонизации.

Список источников

- Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2010.
- Александров Г.В. «Святые» и «дикари»: Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Агранат Г.А. Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.
- Гринёв А.В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 52–64.
- Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла. 2-е изд., доп. М., 2018.
- Дмитриев М.В. Генезис капитализма как альтернатива исторического развития // Альтернативность истории. (Манекин Р.В., Шемякин Я.Г., Коротаев А.В., Ионов И.Н., Дмитриев М.В.). Донецк: Донецкое отделение советской ассоциации молодых историков, 1992. С. 132–165. (Анналы. Научно-публицистический альманах. 3)
- Загоскин Л. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. Ч. I. СПб., в типографии Карла Крайя, 1847. Ч. II. СПб., 1848.
- Записки иеромонаха Гедеоны о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. Сост., введ. и примеч. Р.Г. Ляпуновой // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994. С. 27–121.
- Зубков К.И. Колонизация как фактор социально-исторического развития // Уральский исторический вестник. 2009. № 2(23). С. 15–24.
- Зуев А.С. Ясак, подданство и договорный дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 84–92.
- Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 52–69.
- Истомин А.А. Селение Росс и калифорнийские индейцы // Советская этнография. 1980. № 4. С. 57–69.
- Истомин А.А. Америка Испанская и Русская // Латинская Америка. 1987. № 6. С. 59–60.
- Истомин А.А. Русско-индейские контакты в Калифорнии в свете новых данных // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. М., 1996. С. 26–48.

- Истомин А.А. О «колониальном политаризме», латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 89–108.
- Истомин А.А. «Индийский фактор» в калифорнийской политике Российско-Американской компании на начальном этапе колонизации (1807–1821 гг.) // История и семиотика индейских культур Америки. М.: Наука, 2002. С. 452–463.
- Истомин А.А. Индейская политика российской колониальной администрации в Калифорнии в 1821–1841 гг. // Власть в аборигенной Америке. М.: Наука, 2006. С. 500–524.
- Истомин А.А. Особенности социальной стратификации в колонии Росс // История и антропология Америки в зеркале российской науки. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 321–351.
- История Русской Америки / под общ. ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Междунар. отношения. Т. I. 1997; Т. II. 1999.
- Новожилова Е.О. Социально-историческая экология. СПб.: Нестор-История, 2012.
- Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939.
- Пузанов В.Д. Доходы Русского государства от сибирской пушнины в XVII в. // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 70–81.
- Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 913. Оп. 1. Д. 131. Левашов М.Д. Записки.
- Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. / сост. А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. М.: Наука, 2005. Т. I; 2012. Т. II.
- Согрин В.В. Английское влияние на американскую цивилизацию // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 3–24.
- Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. (Комиссаров Б.Н., Петрова А.А., Саламатова О.В., Ярыгин А.А.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992.
- Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М., 1971.
- Шемякин Я.Г. Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности // Альтернативность истории. (Манекин Р.В., Шемякин Я.Г., Коротаев А.В., Ионов И.Н., Дмитриев М.В.). Донецк: Донецкое отделение советской ассоциации молодых историков, 1992. С. 12–75. (Анналы. Научно-публицистический альманах. 3)
- Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.
- Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. N.Y.: Oxford University Press, 1976.
- Gibson J.R. Otter Skins, Boston Ships, and China Goods. The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841. Montreal; Kingston; London: McGill-Queen's University Press, 1992.
- Finley M.I. Colonies: An Attempt at a Typology // Transactions of the Royal Historical Society. 1976. 5th ser. Vol. 26. P. 167–188.
- Fisher R.H. The Russian Fur Trade 1550–1700. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1943.
- Sommer M. Colonies – Colonisation – Colonialism: A Typological Reappraisal // Ancient West & East. 2011. Vol. 10. P. 183–193.
- Sommer M. Heart of Darkness? Post-Colonial Theory and the Transformation of the Mediterranean // Ancient West & East. 2012. Vol. 11. P. 235–245.

References

- Ageev A.D. (2005) *Sibir' i amerikanskii Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the Frontier Movement]. Moscow, Aspekt Press.

- Akimov Iu.G. (2010) *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII v. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia at the end of the 16th – mid-18th centuries. Essay on the comparative history of colonization]. St. Petersburg.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Aleksandrov G.V. (2021) «*Sviatye*» i «*dikari*»: *Vzaimootnosheniia kolonistov i korennoho naseleniia Novoi Anglii v XVII veke* ["Saints" and "savages": Relationships between the colonists and the indigenous population of New England in the 17th century]. Moscow: LENAND.
- Agranat G.A. (1957) *Zarubezhnyi Sever. Ocherki prirody, istorii, naseleniia i ekonomiki raionov* [Foreign North. Essays on nature, history, population and economics of the regions]. Moscow, izd-vo AN SSSR.
- Golovnev A.V. (2015) *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Grinev A.V. (1996) «Kolonial'nyi politarizm» v Novom Svete ["Colonial Politarism" in the New World], *Etnograficheskoe obozrenie*. no. 4, pp. 52–64.
- Grinev A.V. (2018) *Aliaska pod krylom dvuglavogo orla* [Alaska under the wing of a double-headed eagle]. 2nd edition, updated Moscow.
- Dmitriev M.V. (1992) Genezis kapitalizma kak al'ternativa istoricheskogo razvitiia. In: *Al'ternativnost' istorii* [Alternate History]. (Manekin R.V., Shemiakin Ia.G., Korotaev A.V., Ionov I.N., Dmitriev M.V.). Donetsk: Donetskoe otделение sovetskoi assotsiatsii molodykh istorikov, pp. 132–165. (Annals. Scientific and journalistic almanac. 3)
- Zagoskin L. (1847) (1848) *Peshekhodnaia opis' chasti russkikh vladenii v Amerike, proizvedennaia leitenantom L. Zagoskinym v 1842, 1843 i 1844 godakh* [Pedestrian inventory of part of Russian possessions in America, made by Lieutenant L. Zagoskin in 1842, 1843 and 1844]. Book I. St. Petersburg, v tipografii Karla Kraiia, 1847. Book II. St. Petersburg, 1848.
- Zapiski ieromonakha Gedeona o Pervom russkom krugosvetnom puteshestvii i Russkoi Amerike, 1803–1808 gg. Sost., vved. i primech. R.G. Liapunovoi [Notes of Hieromonk Gideon about the First Russian trip around the world and Russian America, 1803–1808. Comp., intro. and note. R.G. Lyapunova]. In: *Russkaia Amerika: Po lichnym vpechatleniiam missionerov, zemleprokhodtsev, moriakov, issledovatelei i drugih ochevidtsev* [Russian America: According to the personal impressions of missionaries, explorers, sailors, researchers and other eyewitnesses]. Moscow: Mysl', 1994. pp. 27–121.
- Zubkov K.I. (2009) Kolonizatsiia kak faktor sotsial'no-istoricheskogo razvitiia [Colonization as A Factor of Socio-Historical Development], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2(23), pp. 15–24.
- Zuev A.S. (2009) Iasak, poddanstvo i dogovornyi daroobmen: chukotskii variant (XVII–XIX v.) [Jasak, Citizenship and Contractual Exchange of Gifts: Chukchi Version (XVII–XIX)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2(23), pp. 84–92.
- Zuev A.S., Liutsidarskaia A.A. (2010) Etnicheskii sostav sibirskikh sluzhilykh liudei v kontse XVI – nachale XVIII veka [Ethnic Structure of Siberian Service Class People at The End of XVI – The Beginning of The XVIII Centuries], *Vestnik NGU. Seriia: Istorii, filologiya*. Vol. 9, is. 1: History, pp. 52–69.
- Istomin A.A. (1980) Selenie Ross i kaliforniiskie indeitsy [The Ross Village and the California Indians], *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 57–69.
- Istomin A.A. (1987) Amerika Ispanskaia i Russkaia [Spanish and Russian America], *Latinskaia Amerika*, no. 6, pp. 59–60.
- Istomin A.A. (1996) Russko-indeiskie kontakty v Kalifornii v svete novykh dannykh. [Russian-Indian contacts in California in the light of new data]. In: *Amerikanskii indeitsy: novye fakty i interpretatsii* [American Indians: new facts and interpretations]. Moscow, pp. 26–48.
- Istomin A.A. (2000) O «kolonial'nom politarizme», latinoamerikanskom «feodalizme» i nekotorykh aspektakh otnosheniia k aborigenam v Russkoi Amerike [On The "Colonial

- Politarism", Latin American "Feudalism" And Some Aspects of The Attitude to Natives in Russian America], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 89-108.
- Istomin A.A. (2002) "Indeiskii faktor" v kaliforniiskoi politike Rossiisko-Amerikanskoi kompanii na nachal'nom etape kolonizatsii (1807–1821 gg.) ["Indian factor" in the Californian policy of the Russian-American company at the initial stage of colonization (1807–1821)]. In: *Istoriia i semiotika indeiskikh kul'tur Ameriki* [History and semiotics of American Indian cultures]. Moscow: Nauka, pp. 452–463.
- Istomin A.A. (2006) Indeiskaia politika rossiiskoi kolonial'noi administratsii v Kalifornii v 1821–1841 gg. [Indian policy of the Russian colonial administration in California in 1821–1841]. In: *Vlast' v aborigennoi Amerike* [Power in Native America] / Ed. by A.A. Borodatova, V.A. Tishkov; Institute of Ethnology and Anthropology n.a. N.N. Miklukho-Maklai RAN. Moscow: Nauka, pp. 500–524.
- Istomin A.A. (2023) Osobennosti sotsial'noi stratifikatsii v kolonii Ross [Features of social stratification in the Ross colony]. In: *Istoriia i antropologiiia Ameriki v zerkale rossiiskoi nauki* [History and anthropology of America in the mirror of Russian science]. Moscow: IEA RAN, pp. 321–351.
- Istoriia Russkoi Ameriki* [History of Russian America]. Ed. by N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. I. 1997. Vol. II. 1999.
- Novozhilova E.O. (2012) *Sotsial'no-istoricheskaia ekologiia* [Socio-historical ecology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Okun' S.B. (1939) *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia* [Russian-American company]. Moscow – Leningrad.
- Puzanov V.D. (2018) Dokhody Russkogo gosudarstva ot sibirskoi pushniny v XVII v. [Income of The Russian State from The Siberian Furs in The XVII Century], *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 70–81.
- Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 913. List 1. File 131. Levashov M.D. Notes.
- Rossia v Kalifornii. Russkie dokumenty o kolonii Ross i rossiisko-kaliforniiskikh svyaziakh, 1803–1850: v 2 tt.* [Russia in California. Russian documents about the Ross colony and Russian-California connections, 1803–1850: in 2 vols.]. Sost. A.A. Istomin, J.R. Gibson, V.A. Tishkov. Moscow: Nauka. Vol. I: 2005; Vol. II: 2012.
- Sogrin V.V. (2019) Angliiskoe vliianie na amerikanskuiu tsivilizatsiiu [Great Britain and American Civilization], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1, pp. 3–24.
- Tri veka kolonial'noi Ameriki. O tipologii feodalizma v Zapadnom polusharii* [Three centuries of colonial America. On the typology of feudalism in the Western Hemisphere] (Komissarov B.N., Petrova A.A., Salamatova O.V., Iarygin A.A.). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1992.
- Fedorova S.G. (1971) *Russkoe naselenie Aliaski i Kalifornii. Konets XVIII veka – 1867 g.* [Russian population of Alaska and California. End of the 18th century – 1867]. Moscow.
- Shemiakin Ia.G. (1992) Teoreticheskie problemy issledovaniia fenomena al'ternativnosti. In: *Al'ternativnost' istorii* [Alternate History]. (Manekin R.V., Shemiakin Ia.G., Korotaev A.V., Ionov I.N., Dmitriev M.V.). Donetsk, Donetskoe otделение sovetskoi assotsiatsii molodykh istorikov, pp. 12–75. (Annals. Scientific and journalistic almanac. 3)
- Iadrintsev N.M. (1892) *Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. St. Petersburg.
- Gibson J.R. (1976) *Imperial Russia in Frontier America*. N.Y.: Oxford University Press.
- Gibson J.R. (1992) *Otter Skins, Boston Ships, and China Goods. The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841*. Montreal – Kingston – L., McGill-Queen's University Press.
- Finley M.I. (1976) Colonies: An Attempt at a Typology, *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., vol. 26, pp. 167–188.

Fisher R.H. (1943) *The Russian Fur Trade 1550–1700*. Berkeley – Los Angeles, University of California Press.

Sommer M. (2011) Colonies – Colonisation – Colonialism: A Typological Reappraisal, *Ancient West & East*, vol. 10, pp. 183–193.

Sommer M. (2012) Heart of Darkness? Post-Colonial Theory and the Transformation of the Mediterranean, *Ancient West & East*, vol. 11. pp. 235–245.

Сведения об авторе:

ИСТОМИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: alexei.istomin@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alexei A. Istomin, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexei.istomin@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья
УДК 94(798), 336.274
doi: 10.17223/2312461X/42/3

Кредиты и долги в Русской Америке как социально-экономическая проблема

Андрей Вальтерович Гринёв

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, agrinev1960@mail.ru*

Аннотация. Анализируются такие социально-экономические явления, как кредиты и долги в бывших российских колониях на Аляске (вторая половина XVIII в. – 1867 г.). Эта тема до сих пор не была объектом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии. Вместе с тем натуральные и финансовые ссуды и долговые обязательства играли исключительно важную роль в деятельности различных купеческих компаний, осуществлявших промышленное освоение Алеутских островов и Аляски с середины XVIII в. Не меньшее значение они приобрели в деятельности монопольной Российско-Американской компании (РАК), которой царское правительство передало управление своими заокеанскими владениями в 1799 г. В Русской Америке практиковались три формы кредитования: 1) в виде товарных ссуд; 2) в виде денежных займов; 3) смешанный вариант. При этом первая форма кредитования была единственной при взаимоотношениях русских с коренными жителями Аляски. Без предварительного материального субсидирования и займов нормальная хозяйственная жизнь российских колоний была бы полностью парализована. Однако ссуды и кредиты порождали долги, причем долговая проблема на протяжении десятилетий осложняла финансовую деятельность РАК и социально-психологическую атмосферу колониального общества, а попытки ее разрешения так и не увенчались успехом. Более того, одной из причин тяжелого экономического положения компании в 1860-х гг. стало непомерное долговое бремя, что косвенным образом повлияло на решение царского правительства продать Русскую Америку США в 1867 г.

Ключевые слова: кредит, экономический долг, российская колонизация, Русская Америка, Российско-Американская компания

Для цитирования: Гринёв А.В. Кредиты и долги в Русской Америке как социально-экономическая проблема // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 45–66. doi: 10.17223/2312461X/42/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/3

Loans and Debts in Russian America as a Socio-Economic Problem

Andrei V. Grinëv

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation, agrinev1960@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze such socio-economic phenomena as loans and debts in the former Russian colonies in Alaska (the second half of the 18th–1867). This topic has not yet been the object of special study in domestic and foreign historiography. At the same time, natural and financial loans and debt obligations played an exceptionally important role in the activities of various merchant companies engaged in the commercial development of the Aleutian Islands and Alaska from the middle of the 18th century. They acquired no less importance in the activities of the monopoly Russian-American Company (RAC), to which the tsarist government transferred control of its overseas possessions in 1799. Three forms of lending were practiced in Russian America: 1) in the form of commodity loans, 2) in the form of cash loans, 3) a mixed option. At the same time, the first form of lending was the only one in the relationship of Russians with the natives of Alaska. Without prior material subsidies and loans, the normal economic life of the Russian colonies would be completely paralyzed. However, loans and credits generated debts, and the debt problem for decades complicated the financial activities of the RAC and the socio-psychological atmosphere of colonial society, and attempts to resolve it were not successful. Moreover, one of the reasons for the difficult economic situation of the company in the 1860s was the exorbitant debt burden, which indirectly influenced the decision of the tsarist government to sell Russian America to the USA in 1867.

Keywords: credit, economic debt, Russian colonization, Russian America, Russian-American Company

For citation: Grinëv, A.V. (2023) Loans and Debts in Russian America as a Socio-Economic Problem. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 45–66 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/3

Введение

Представленная вниманию читателя тема еще никогда специально, системно и комплексно не изучалась, хотя ее отдельные аспекты не раз упоминались на страницах отечественной и зарубежной историографии, посвященной Русской Америке. Так сейчас принято обозначать российские колонии на Аляске и Алеутских островах, возникшие во второй половине XVIII в. и проданные США в 1867 г. Прологом к формированию Русской Америки стала Вторая Камчатская экспедиция В.И. Беринга – А.И. Чирикова, которая в 1741 г. открыла берега и острова Юго-Восточной и Южной Аляски, а также цепь Алеутских и Командорских островов. Обнаруженные моряками экспедиции богатые пушные ресурсы на

новооткрытых землях немедленно привлекли внимание предприимчивых камчатских купцов, промышленников и казаков. Уже в 1743 г. на промысел к Командорским островам с Камчатки отправилось первое судно, за ним последовали другие, продвигаясь все дальше на восток вдоль гряды Алеутских островов к Аляске вслед за истребляемым пушным зверем. Особенно высоко ценился мех каланов (морских выдр), которых русские в то время именовали «морскими бобрами» или просто «бобрами», причем шкура взрослого калана стоила примерно в 10 раз дороже, чем шкура обычного речного бобра. Добычу пушнины первоначально осуществляли многочисленные компании, состоявшие из нескольких десятков человек, так как собрать необходимый капитал для снаряжения судна и найма промысловиков-промышленников было не под силу даже самому богатому купцу. И тут в силу вступали кредитно-ссудные отношения и долговые обязательства, без которых организация промыслов на отдаленных тихоокеанских островах была попросту невозможна.

Особенности кредитной политики и специфика долговых обязательств на первоначальном этапе освоения Русской Америки

Начавшийся в середине XVIII в. пушной промысел россиян на островах Нового Света опирался на богатые традиции, заложенные ранее при колонизации Сибири. Как известно, важнейшим экономическим стимулом ее освоения была добыча соболя, шкурки которого в огромном количестве поставлялись в Европу. Первоначально русские приходили в Сибирь в основном с Русского Севера, где уже до этого издревле существовал пушной промысел и отсутствовало крепостное право, препятствовавшее свободному передвижению рабочей силы. Еще до начала освоения сибирских просторов на Русском Севере сложилась система найма, известная как «покрута». Она представляла собой вербовку бедных крестьян и посадских людей богатыми купцами для участия в промысле, для чего последние обеспечивали их необходимым снаряжением, одеждой, продуктами и деньгами. По сути дела, речь шла о заемно-кабальных отношениях; неслучайно, что на срок найма «покрутный человек» попадал в полную зависимость от своего хозяина и его приказчика (Бахрушин 1955: 199–211; Александров 1962: 170–178). Этим покрута отличалась от собственно капиталистической системы вольного найма.

Получив в долг различные припасы, снаряжение и деньги, «покрученники» отправлялись на промысел в Сибирь, а по его окончании вся их добыча (после уплаты государственной пошлины) разделялась на «ужины» (доли): хозяева-наниматели забирали $\frac{2}{3}$ мехов, а $\frac{1}{3}$ шла охотникам. Еще одну разновидность покрученников составляли «полуженьщики», т.е. промышленники, делившие свою долю мехов пополам с

нанимателем (Вилков 1990: 299–310; Бычков 1994: 108–109, 112–116). Впоследствии ряд элементов этой экономической системы был воспроизведен в промысловой деятельности русских на Алеутских островах и Аляске. С одной стороны, в отличие от ситуации на Русском Севере и Сибири затраты на ведение промысла на тихоокеанских островах были гораздо выше, ведь помимо охотничьего снаряжения, оружия, съестных припасов и одежды промышленникам требовалось мореходное судно, без которого добраться до промысловых угодий на отдаленных островах было просто нереально. С другой стороны, добытчикам пушнины на местах промысла не требовались денежные средства, так как местные туземцы – алеуты – не имели о них никакого представления, а могли вести лишь меновой торг. Правда, деньги часто нужны были промышленникам перед отправкой в промысловое плавание для содержания своих семей, покупки дополнительного снаряжения или продовольствия.

Поскольку расходы на подготовку судна были очень значительны, то организовывались промысловые экспедиции всегда вскладчину, причем обычно большую долю вносили наиболее состоятельные люди, располагавшие достаточными капиталами. Как правило, это были местные камчатские и сибирские купцы, но нередко среди них встречались представители крупного купечества с Русского Севера, а порой также из Центральной России. Но даже их объединенных средств не всегда хватало для постройки и оснащения судна и обеспечения команды всем необходимым. В таком случае на помощь могли прийти местные власти на Камчатке и в Охотске, снабжая формирующуюся компанию недостающими денежными суммами и материальными средствами – чаще всего порохом и оружием. Так, сибирский губернатор Фёдор Соимонов в 1758 г. распорядился выдать четыре пушки и 15 пудов пороха за наличные деньги иркутскому купцу Ивану Бечевину для готовящейся промысловой экспедиции (Русские экспедиции... 1989: 47). В 1764 г. лальский купец Иван Попов, готовя к плаванию судно «Св. Иоанн Устюжский», получил казенную ссуду в 2 тыс. руб., которую он возвратил с процентами после удачного промысла. Подобные примеры можно продолжить, из чего следует вывод о достаточно активном участии государства в кредитном и материальном субсидировании купеческих объединений, развернувших промыслы на тихоокеанских островах (Макарова 1968: 68, 107).

Поэтому единственным источником казенного кредитования для купеческих компаний была камчатская или охотская администрация. Поддержка со стороны камчатской или охотской администрации обуславливалась экономическими и политическими соображениями: выдавая компаниям материальные и финансовые средства, местные власти помимо процентов при возмещении долга надеялись на будущее увеличение доходов казны от десятинной пошлины за добытые промышленниками меха, а также на поступления ясака, взятого с алеутов. Кроме того,

власти на Камчатке и в Охотске рассчитывали на политические дивиденды от присоединения новых земель к российской державе, которые осваивали промышленники на востоке.

Естественно, что по возвращении из вояжа субсидированная администрацией компания должна была выплатить казенный долг с процентами. Если этого не происходило по каким-либо причинам, то часть ее имущества могла быть конфискована государством. Например, в 1774 г. хозяева судна «Св. Александр Невский» не смогли вернуть казне 4 тыс. руб., взятых ими для оснащения корабля перед отправкой на промысел, а потому все оружие, находившееся на борту, было, по распоряжению камчатского начальства, изъято в пользу государства, а самим компаньонам пришлось продать судно другой купеческой компании, вероятно, чтобы расплатиться с частными долгами (Макарова 1968: 116).

И все же казенные кредиты обычно составляли небольшую часть общего капитала промысловой компании. Он всегда делился на доли, которые назывались «паи». Их количество и число их владельцев, равно как и другие вопросы, относящиеся к промысловой деятельности компании (выбор и обязанности морехода и передовщика – приказчика, отвечающего за ход промысла и хозяйственные вопросы, число «работных людей», оплата их труда и т.п.), оговаривались в специальном соглашении – «валовом контракте» (АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 123. Л. 309–310 об.; Макарова 1968: 164–181). Наиболее распространенной формой была так называемая полупаевая система, суть которой заключалась в следующем: хозяин пая нанимал «работного человека», который получал половину от всей добытой им пушнины, а половина шла нанявшему его купцу (Гринёв 2016: 112–113). При этом пай можно было продавать, перепродавать и закладывать, а цена их могла существенным образом изменяться. Подавляющая часть их была неразрывно связана с денежными и материальными ссудами и вытекающими из них долговыми обязательствами. В итоге экономические отношения, воплотившиеся в паевой системе, с одной стороны, продолжили сибирскую традицию «покруты», а с другой – стали этапом в переходе к акционерной системе, воплотившейся в жизнь при возникновении Российско-Американской компании (РАК) в конце XVIII в.

При удачном промысле на тихоокеанских островах и Аляске даже простой «работный человек» мог обеспечить себя на много лет вперед, хотя так происходило далеко не всегда. Российский морской историк Василий Берх, сам побывавший в Русской Америке в начале XIX в., писал: «Случалось, что по окончании счастливого путешествия доставалось каждому промышленнику от полупая его мехов на две и три тысячи рублей; но ежели вывоз был не так удачен, то несчастные странники сии оставались в вечном долгу у хозяев своих» (1823: 20). Прибыли же хозяев были неизмеримо выше и порой исчислялись десятками тысяч

рублей (до 500% на вложенный капитал, а иногда и более) (Паллас 1781: 18). Впрочем, в случае неудачи промысла или кораблекрушения они могли совершенно разориться. Такова была судьба камчатского предпринимателя и иркутского купца Никифора Трапезникова, игравшего до середины 1760-х гг. видную роль в организации промысловых экспедиций на тихоокеанские острова. Гибель в 1768 г. судна «Св. Пётр и Павел», в оснащение которого он вложил остатки своего капитала, и банкротство некоторых его должников превратили Трапезникова в бедняка, чья старость прошла почти в полной нищете (Берх 1823: 63).

Долговые обязательства касались не только русских промышленников, но и алеутов, когда по мере освоения Алеутских островов местные жители начали включаться в промысловую деятельность под нажимом купеческих компаний. В ту пору русские практиковали принудительное кредитование алеутов, о чем сообщал морской офицер Михаил Левашов, посетивший Лисьи острова в конце 1760-х гг. Он писал об участниках промысловых экспедиций: «И по прибытии к тем островам для зимовки, заходят в заливы, вытаскивая суда на берег, стараются как того острова, так и поблизости лежащих других островов взять от жителей детей их в аманаты [заложники], естли не удастца ласкою, тогда берут и силою. А как оное исправят, тогда тем жителям раздают свои клепцы [капканы], которыми промышляют лисиц. Сверх того дают же им котовые и сиучьи кожи [шкуры морских котиков и крупных тюленей], называемые лафтаки, для обтягивания их байдарок, бисер и корольки [бусы], козлиную шерсть и небольшие медные котлы. И так тех обывателей задолжат, которые во все их бытие на том острове стараются кормить рыбою и кореньем. Где б какова зверя не промыслили на берегу и на воде, все отдают промышленным» (Русская Тихоокеанская эпопея 1979: 357). Таким образом, во взаимоотношениях промышленников с алеутами наряду с обычным торговым обменом преобладали методы внеэкономического принуждения – аманатство и подневольная долговая кабала (явления, хорошо известные в истории покорения Сибири).

В 1784 г. предприимчивый купец Григорий Шелихов основал первое постоянное русское поселение в Новом Свете на большом острове Кадьяк у берегов Южной Аляски. Местные эскимосы кониагмюты, которых русские называли «коняги», «кадьякские алеуты», а обычно просто «алеуты», после недолгого ожесточенного сопротивления были покорены русскими. При этом первоначально Шелихов воздерживался от принудительного или добровольного задалживания местных жителей, как это имело место на Алеутских островах. Причина отказа Шелихова от введения долговой кабалы крылась, вероятно, в следующем. В отличие от алеутов, которые отличались отменной честностью, кадьякские эскимосы, напротив, были не прочь при случае обмануть русского (Гринёв 2022: 195). Поэтому неслучайно Шелихов распорядился сделать

упор на непосредственную меновую торговлю с кадыяками без внедрения товарных кредитов и долговых обязательств. Тем не менее уже после его отъезда возобладала традиция задалживать туземцев для привлечения их на промыслы калана в составе байдарочных флотилий («партий») во главе с русскими промышленниками. «Забычивость» кадыяков в отношении заемных средств была преодолена путем долговых реестров, о которых косвенно упоминалось в документах нового правителя «шелиховской» компании на Кадыяке Александра Баранова. Правда, иногда компания сама могла быть должна туземцам-партовщикам за добытую ими пушнину и в этом случае они получали «ярлыки», т.е. специальные долговые расписки (К истории... 1957: 101–102).

Долги компании перед туземцами возникали из-за хронического дефицита многих европейских товаров из-за нерегулярного снабжения колоний из Охотска и частых кораблекрушений. Чтобы восполнить нехватку товаров для выплат туземцам за добытые ими меха, русские разработали следующую систему: в то время как молодые мужчины занимались добычей каланов на отдаленных промыслах, оставшиеся на Кадыяке старики и подростки обязаны были ловить береговых птиц, из шкурок которых женщины шили теплые парки – основную одежду кадыяков и алеутов в виде глухого балахона с капюшоном. Пошитые рукавами туземных женщин еврашечьи и птичьи парки, а также водонепроницаемые камлеи из кишок китов, тюленей и медведей шли затем в качестве платы туземцам-партовщикам за добытую на промысле пушнину. Последние вынуждены были идти на такой по сути дела грабительский обмен, поскольку отвлеченные на промыслы калана в течение значительной части летнего охотничьего сезона, они часто просто не успевали запастись на зимовку даже рыбой, не говоря уже о шкурах животных и птиц, необходимых для изготовления теплой одежды и байдарок, без которых охотники Субарктики просто не могли обойтись. В итоге меха доставались компании Шелихова фактически задаром: ведь труд подневольных туземцев (каюров), стариков и жен туземцев не стоил почти ничего – им выдавали лишь рабочую одежду, табак, иголки в крайне ограниченном количестве (Гринёв 2016: 227–232).

Не лучше обстояли дела у русских промышленников «шелиховской» компании. Как сообщал летом 1790 г. участникам правительственной экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева промышленник Егор Пуртов, он и его товарищи вынуждены были покупать у приказчиков Шелихова товары по ценам в четыре раза выше, чем в Охотске. Вследствие этого многие из них вошли в неоплатные долги, а сам Шелихов, предвидя подобный исход, заявил, что должники его компании останутся на Кадыяке навечно (Гринёв 2016: 168, 190). При этом долги промышленников росли также из-за махинаций самого хозяина компании и его приказчиков. В результате 11 марта 1795 г. промышленники подали

коллективную жалобу Баранову, в которой указывали также, что Шелихов скрывал всю бухгалтерию и долговые записи, а после из Охотска прислал свои расчеты, в которых, как жаловались промышленники, «открылись сверх всякого нашего чаяния, неожиданные к совершенному нас здесь угнетению обидные накладки, начеты и стеснения». Эти и другие злоупотребления, писали промышленники, имеют крайне отрицательные психологические последствия, поскольку несправедливость «приводит нас в совершенное уныние и отчаяние, лишает бодрости духа, с каковым многотрудные должности в здешних местах с подвержением ежечасной опасности жизни проводить должно» (К истории... 1957: 63–74).

Получив жалобу промышленников, Баранов вынужден был признать их правоту по ряду пунктов, а о других отозвался, что злоупотребления произошли еще до принятия им на себя должности правителя компании в Америке в 1791 г. Чтобы прекратить в дальнейшем рост задолженностей из-за обчетов, обвесов и приписок шелиховских приказчиков, Баранов со своей стороны потребовал от них «все бесчестные присвоения пресечь, показывать цены товарам по данной книге от хозяина всякому требующему и отнюдь напрасно никого не обсчитывать, а паче остерегаться обвесов и обмеров яко гнусного порока» (К истории... 1957: 94).

Таким образом кредиты, натуральные ссуды и долговые обязательства во всем их многообразии стали неотъемлемой частью экономической жизни формирующейся Русской Америки, сопровождаясь, вместе с тем, значительными злоупотреблениями.

Кредиты и долги в Русской Америке после образования Российско-Американской компании

Постепенная монополизация пушного промысла на тихоокеанских островах и Южной Аляске завершилась в июле 1799 г. созданием РАК на базе холдинга наследников Шелихова (умер в 1795 г.) и сложившегося в Иркутске объединения местных предпринимателей. Поскольку новая монопольная организация возникла под эгидой государства, то она получила не только обширные привилегии, но также права на управление владениями империи в Новом Свете (ПСЗРИ: XXV: 699–718, 923–925). При этом РАК полностью унаследовала ту социально-экономическую систему, которая уже сложилась в российских колониях в предыдущие годы, включая кредитно-долговые отношения. Это неудивительно, учитывая тот факт, что заемные обязательства промышленников занимали видное место в капиталах новой компании. По ведомости РАК на 1 декабря 1799 г. за «работными людьми» числились огромные долги: денежные на 83 090 руб. 81 коп. и «бобрами» (т.е. под будущую добычу) на 284 925 руб. (РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2404. Л. 39). Правда, далеко не всегда эти долги можно было взыскать, особенно в случае инвалидности

или смерти должника в Америке, а также при кораблекрушениях судов, что приводило компанию порой к значительным убыткам. Так произошло при потере корабля «Феникс» в конце 1799 г., когда, по словам А.А. Баранова, назначенного в 1802 г. главным правителем Русской Америки, «важный в оном груз и людей задолженных великими суммами 73 человека из промышленных погибло» (К истории... 1957: 125).

К этому времени сами промышленники уже практически не вели пушной промысел, а занимались строительством, охраной, надзором за туземцами и службой на морских судах. Поэтому подавляющую часть мехов РАК получала от коренных жителей. Зависимые от компании туземцы (алеуты, эскимосы Кадыяка и сопредельных территорий, а также частично индейцы денаина) перед промыслом каланов обычно получали от приказчиков РАК различные вещи в долг, причем их основную массу составляли отнюдь не изделия из Европы, России или Китая, а туземные произведения, которые в бумагах компании обозначались как «экономические вещи». «Русские товары, – свидетельствовал очевидец, живший в начале XIX в. на Кадыяке, – по большей части выходят на русских промышленных; а кадыячане еще при отправлении в партию в долг под бобров [каланов] забирают то лафтакими для байдар [байдарок], то топорковыми парками [одеждой, сшитой из шкур топорков (тупиков)], то кишечными камлейкам, так что редкий остается не должным компании по окончании в партии промысла» (Русская Америка... 1994: 76).

Не сумевшие расплатиться в срок должники обязаны были беспрекословно следовать «в партию» на следующий промысловый сезон. Уклонение от работ жестоко каралось, так что реально участие в промысловой деятельности для многих туземцев превратилось в своего рода повинность типа барщины. Когда в 1800 г. старейшины пяти кадыякских селений пытались уклониться от посылки своих людей в байдарочные партии, а также отказались от уплаты старых долгов, это было расценено Барановым как злостное неповиновение и саботаж, который был незамедлительно подавлен его подручными (Тихменев 1863, Приложение: 149; Гринёв 2016: 229, 243). В случае смерти задолжавшего компании алеута или кадыяка его долг взыскивался с родственников (Русская Америка... 1994: 83). Таким образом, долговые отношения, навязанные РАК туземцам, объективно способствовали формированию круговой поруки, что имело место в крестьянской среде в России и среди сибирских «инородцев» при выплате ясака (в Русской Америке его сбор был отменен в 1795 г.).

В целом система принудительного кредитования к концу правления А.А. Баранова (1818) привела к немалым задолженностям коренных жителей колоний. Так, сумма долгов только за туземцами, проживавшими в «столице» колоний Ново-Архангельске на острове Ситха (Баранова), куда была переведена главная контора РАК с Кадыяка в 1808 г., составила 21 697 руб. (Хлебников 1985: 63). Однако случалось, что сама

компания была в долгу перед зависимыми туземцами, если не имела достаточно товаров для расплаты за добытые ими меха. Капитан-лейтенант Михаил Васильев, посетивший Уналашку в 1821 г., писал, что местные алеуты жаловались на РАК за дороговизну товаров и их дефицит: «Алеуты получают плату тогда, когда товар есть, иным не заплачено за четыре года и должна Компания до 100 рублей, иным, с других островов: Саннаха, Унги и прочим с 1819 года сделали первый расчет, что алеутам стал известен платеж и долги их, что они забрали» (Российско-Американская компания... 2005: 108).

Задолженность зависимых туземцев возникала чуть ли не «автоматически» благодаря манипуляциям с ценами со стороны РАК, о чем сообщал в депеше ее директорам главный правитель капитан-лейтенант Матвей Муравьев в 1822 г.: перед промыслом лисиц туземец забирал у компании в долг парку, камлейку, табак и другие припасы минимум на 17 руб., а его добыча в среднем составляла 10 лис по цене 13 руб. 50 коп. Таким образом, охотник вместо дохода еще и оставался должным РАК 3 руб. 50 коп. (NARS. RRAC. Roll. 28: 57). В ответном послании от 15 марта 1823 г. за № 195 ГП РАК санкционировало бесплатную выдачу парок и камлеек (на 10 руб.) туземным охотникам перед отправкой на лисий промысел, что способствовало облегчению долгового бремени зависимых туземцев (Roll. 3: 293).

Но главными должниками в Америке были, конечно, не туземцы, а простые русские промышленники и служащие РАК. Так, только в Ново-Архангельске сумма их долгов в капитале компании в начале 1818 г. достигла поистине гигантской величины – 338 904 руб., уступая лишь стоимости хранящихся на местных складах российских и иностранных товаров, припасов и материалов (1 066 904 руб.) (Хлебников 1985: 63). Сами долги работников и служащих РАК из числа выходцев из метрополии формировались в основном двумя способами: 1) путем получения финансовых ссуд и вещевого довольствия от компании при отправлении в Русскую Америку и 2) путем денежной и товарной задолженности уже в самих колониях. Причем при найме промышленников РАК обычно использовала смешанное кредитование – часть им выдавалась в виде денежной субсидии, часть – в виде различных вещей, прежде всего одежды. Здесь же необходимо упомянуть роль водки в образовании долгов в ранний период существования компании. Многие промышленники были любителями горячительных напитков и пропивали выданные им РАК деньги в Охотске и на Камчатке при отправлении на промыслы в Америку. По возвращении оттуда они опять спускали на водку заработанные там деньги, а затем вынуждены были обращаться за новым кредитом в компанию и снова поступать к ней в работники. Как справедливо отмечал в своей монографии профессор С.Б. Окунь, водка служила

действенным методом закабаления промышленников, превращая их в неоплатных должников РАК (Окунь 1939: 166–169).

Действительно, подобная практика использовалась компанией в ранний период ее существования. Кроме того, РАК сохранила распространенную прежде полупаевую систему с соответствующими долговыми обязательствами, о чем сообщалось в ее документах: «Промышленных работников по всем островам и занятиям находится до 500 человек из русских; они обыкновенно договариваются вместо жалованья получать в пользу свою половину промысла из всей массы через два, три и четыре года накопившейся в уловленных зверях. Из половины платят они то, чем при отъезде в [промысловый] вояж или на островах задолжаются у компании. Сии долги состоят: в уплате [частным] кредиторам долгов их, платеже податей, в пенсиях родственникам и в получении на одежду, обувь и на особое содержание разных для себя вещей» (К истории... 1957: 32). При этом меньшая часть промышленников числилась не на полупаях, а на жалованье, как и почти вся администрация РАК и ее мореходы в колониях. В 1818 г. 190 служащих РАК в Ново-Архангельске имели 190 полупаев и паев (у мастеровых), 13 паев имел правитель, а 101 человек состоял на жалованье (Хлебников 1985: 62, 68). В этом же году после отставки Баранова с поста главного правителя Русской Америки к власти в колониях пришли морские офицеры, при которых паевая система была упразднена и служащие РАК были целиком переведены на фиксированное жалованье. Теперь все простые русские промышленники стали получать по 350 руб. в год с продуктовым пайком (97).

Эти перемены имели весьма значительные последствия для всех сфер жизни российских колоний, включая кредитование и систему долговых обязательств. Так, капитан-лейтенант Леонтий фон Гagemейстер, сменивший Баранова на посту главного правителя Русской Америки, пытался бороться с широко распространенным в колониях алкоголизмом, который часто приводил к усилению задолженности промышленников. А для взыскания недоимок с промышленников Гagemейстер распорядился с мая 1818 г. высчитывать в пользу РАК по $\frac{1}{3}$ их ежегодного жалованья вплоть до полного погашения долга. Такая политика имела успех, и к январю 1826 г. задолженность служащих РАК снизилась до 150 585 руб. 45 коп., т.е. стала гораздо меньше, чем она была в 1818 г. В то же время сама компания была должна некоторым промышленникам и чиновникам 70 528 руб. В целом же долговой баланс всегда был в пользу РАК. Об этом свидетельствует статистика, приведенная в записках главы Новоархангельской конторы РАК Кирилла Хлебникова: в 1818–1830 гг. общая сумма долгов на служащих компании при отправлении из Охотска в колонии составила 124 165 руб. 05 коп., а сама компания оставалась им должна при отъезде на родину 65 990 руб. 97 коп.

(Хлебников 1985: 69, 165–168). Суммы по своим долговым обязательствам РАК выплачивала позднее в своих конторах в Сибири и России.

Здесь следует отметить некоторое увеличение размера кредитов, выдаваемых компанией промышленникам перед отправлением в Америку по сравнению с предшествующим «барановским» периодом – сумма возросла до 400–700 руб. (Хлебников 1985: 165). Очевидно, это стало результатом инфляции, а также введения фиксированного жалования, что значительно облегчало финансовые операции и взыскание долгов в безналичной форме. Простой расчет показывает, что промышленник, чтобы выплатить 700-рублевый кредит, не затрачивая на себя ни копейки, должен был трудиться два года на протяжении его стандартного семилетнего контракта. При этом руководство РАК понимало опасность чрезмерного роста задолженностей, а потому при поступлении на ее службу работник обязывался не «входить в большие и неоплатные долги». Дело в том, что взыскать их представлялось не всегда возможным, особенно если заемщик превращался в немощного старика, состарившегося на службе РАК (не говоря уже об инвалидности или его смерти в колониях). Так, по сообщению Хлебникова, Главное правление (ГП) компании в Петербурге в начале 1830-х гг. вынуждено было отказаться от возврата старых долгов на сумму более 30 тыс. руб. (169). Всего по балансу капиталов РАК с 1808 по 1838 г. компания вынуждена была исключить долгов на сумму 562 910 руб. 84 коп. (Российско-Американская компания... 2005: 368).

Однако РАК широко использовала задолженность своих служащих в качестве законного предлога для их задержки в колониях сверх срока оговоренного контракта, поскольку, как писал Хлебников, «должные обязаны заслужить свой долг, увольнения не требовать и жалоб не приносить» (1985: 97). Это было закреплено законодательно в ст. 11 Привилегий РАК, утвержденных царем в 1821 г. (ПСЗРИ: XXXVII: 844). Более того, большие задолженности могли осложнить личную жизнь простого служащего компании, поскольку все они обязаны были получать письменное разрешение главного правителя колоний на заключение брака. А тот мог и отказать, как это сделал капитан 2-го ранга князь Дмитрий Максutow, отдав распоряжение Кадыякской конторе от 3 марта 1865 г. за № 32: «На вступление в брак Псковского мещанина Абрама Ивановича Харитоновна до уплаты долга его К^о не согласен» (NARS. RRAC. Roll. 65: 11 об.). Правда, существовали законные способы облегчить долговое бремя: за добросовестный труд колониальное начальство могло либо списать часть долга, либо выдать промышленнику премию и тот мог самостоятельно погасить за счет нее часть кредита РАК или вернуть целиком весь долг. Например, за успешно проведенную торговую экспедицию на реку Кускоквим в 1835 г. у ее участников было списано $\frac{3}{4}$ их долгов перед компанией (Roll. 10: 105 об.–106).

Конечно, индивидуальный размер кредитов и задолженностей резко различался у туземцев, промышленников и высокопоставленных служащих РАК и напрямую зависел от уровня ежегодных доходов различных категорий колониального населения. Поэтому сумма кредитов и долгов чиновников РАК и простых работников различалась порой на порядки.

Анализируя проблему кредитно-долговых отношений в российских колониях в Америке в цифровом выражении, следует учитывать динамику и колебания финансовых счетов конкретных контор РАК в течение определенного периода времени. Например, в Уналашкинской конторе после смены Баранова среди статей капиталов к 1 мая 1818 г. на промышленниках числилось долгов на 16 064 руб. 70 коп., на служащих алеутах – 1 338 руб. 81 коп., на вольных алеутах – 2 893 руб. 80 коп. В свою очередь, контора состояла должной служащим и промышленникам 651 руб., служащим алеутам – 330 руб. 86 коп., вольным алеутам – 512 руб. 77 коп. К 1827 г., т.е. спустя почти 10 лет, остаточный капитал включал в себя долги на служащих в сумме 17 030 руб. 12 коп., на алеутах числилось 8 764 руб. 66 коп., т.е. задолженность туземцев за 10 лет выросла в 2 раза, а у русских почти не изменилась. Вместе с тем сама контора была должна служащим из числа уроженцев метрополии 8 745 руб. 20 коп., а вольным алеутам – 2 240 руб. 73 коп., что демонстрирует рост в 4 раза (Хлебников 1979: 129–130). В случае смерти кредитора компании его деньги должны были получить наследники, как это произошло в 1823 г. после гибели во время рыбного промысла Матвея Кабачакова: оставшийся после него кредит на 56 руб. 99 коп. был перечислен трем его дочерям (NARS. RRAC. Roll. 52: 153).

Особую роль играли кредиты и долги в жизни такой категории туземного населения колоний, как креолы. Это было потомство от браков и связей русских и других европейцев с местными туземками, т.е. метисы. Почти все они были должниками РАК, которая была заинтересована в них как источнике дешевой рабочей силы, которую, в отличие от русских промышленников, не требовалось привозить в колонии из России и по истечении контракта возвращать обратно, из-за чего компания несла немалые транспортные расходы. Метод экономического закабаления креолов был достаточно прост. Те из них, кто обучался в России за счет РАК (таковых было крайне мало), обязаны были затем не менее 10 лет служить компании в Русской Америке. Креолы же, выросшие на попечении РАК в колониях, должны были отработать на компанию 15 лет, причем жалованье им полагалось платить обычно только с 20-летнего возраста по весьма заниженной ставке – от 60 до 120 руб. в год. Затем их оклад постепенно повышался с учетом квалификации и усердия до 160–350 руб. к 29-летнему возрасту, когда заканчивался срок их обязательной службы (Хлебников 1985: 99–101). Естественно, что к этому рубежу большинство креолов из-за более чем скромного жалованья впадало в

неоплатные долги перед компанией и последняя получала почти гарантированный источник рабочей силы. Таким образом, долговые обязательства креолов играли исключительно важную роль в социально-экономической жизни этой социальной группы и поддержке функционирования хозяйственного механизма российских колоний, поскольку численность данной группы росла довольно быстрыми темпами.

Формированию долгового бремени служащих РАК (туземцев, креолов и европейцев), как и прежде, весьма способствовали высокие цены на многие товары, устанавливаемые монополистом – Российско-Американской компанией. Правда, основные продукты питания, прежде всего хлеб и мука, стоили относительно недорого, а рыба для служащих раздавалась и вовсе бесплатно. РАК компенсировала недополученную торговую прибыль за счет табака, пуд которого стоил в колониях 60 руб., а в Охотске обходился компании всего 31 руб., а также наценок на мануфактурные товары, предметы роскоши и спиртное (РГИА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15. Л. 11; NARS. RRAC. Roll. 32: 42). В начале 1830-х гг., по данным К.Т. Хлебникова, средняя наценка на товары, доставляемые в колонии из России, колебалась в пределах 40–45%, но на некоторые вещи, например на зеркала, фаянс, ситцы, она поднималась до 70% (1985: 162).

Как и прежде, умножению долгов способствовали не только высокие цены на многие завозимые в колонии товары, но махинации приказчиков РАК, особенно в отношении неграмотных туземцев, которым они приписывали несуществующие задолженности, что удалось обнаружить главному правителю барону Фердинанду фон Врангелю во время ревизии конторских счетов на Кадыке в 1832 г. (NARS. RRAC. Roll. 34: 139). По его сведениям, долги туземцев в 1820-х гг. росли особенно быстрыми темпами. Так, если к 1 января 1821 г. по Кадыкскому отделу они составляли 5 182 руб., то к 1 января 1826 г. уже 20 569 руб. (рост в 5 раз!), а к 1 января 1830 г. – 29 963 руб. И лишь в начале 1830-х гг. данная неблагоприятная тенденция была приостановлена в результате распоряжительности самого Врангеля и возглавившего Кадыкский отдел Василия Кашеварова. Затем благодаря ходатайству главного правителя по облегчению долгового бремени туземцев директора РАК в депеше от 31 марта 1833 г. за № 250 согласилась списать все их долги, числящиеся еще со времен А.А. Баранова, как абсолютно безнадежные. В предписании Врангеля Новоархангельской конторе РАК от 11 марта 1834 г. за № 37 было предложено привести распоряжение директоров в исполнение и приведена соответствующая статистика: «Числящиеся на алеутах старые барановские долги и те, что накопились по 1 января 1831 года, а именно: по Кадыкскому отделу 29 963 рубли 14 копеек, по Уналашкинскому – 15 945 рублей 72 копейки и по Атхинскому – 10 501 рубль 43 ½ копейки, всего 56 410 рублей 29 ½ копеек вовсе уничтожить, из капитала

Компании исключить и поставить в счет барыша и наклада» (Российско-Американская компания... 2005: 288).

Директора РАК могли позволить себе подобный широкий жест по списанию долгов, ведь согласно «Правилам» РАК, юридически утвержденным царем еще в 1821 г., все зависимые «инородцы» были обязаны трудиться на компанию, пусть и с определенными ограничениями (ПСЗРИ: XXXVII: 851). После принятия этого документа для РАК потеряла былую актуальность долговая кабала алеутов и кадьякцев для принуждения их к участию в промыслах компании. Более того, списывая долги туземцам, ГП РАК в депеше Ф.П. фон Врангелю от 31 марта 1833 г. рекомендовало принять меры «решительно и повсеместно остановить задалживание алеутов» и не допускать ничего подобного в будущем. Со своей стороны Врангель, хотя и был удовлетворен списанием долгов, однако настаивал на увеличении расценок на пушнину, приобретаемую у туземцев, и в 1836 г. они были повышены на одну треть (Тихменев 1863: 319–322).

Пойдя под давлением Врангеля на уступку зависимым туземцам, Главное правление отказалось ликвидировать долги, накопившиеся и на креолах. Такое решение было продиктовано тем, что алеуты с кадьякцами и без отработки долгов обязаны были трудиться на компанию, в то время как срок службы креолов был ограничен определенным числом лет, после чего удерживать их в экономическом подчинении РАК могла только долговая кабала. Но она имела весьма отрицательные психологические и социально-экономические последствия, что отмечал Ф.П. Врангель в одном из своих донесений в Петербург: «От недостаточного их [креолов] содержания, нарасчетливости и всегдашней готовности бывших Правителей [Кадьякской] Конторы задолживать их из Кассы, вошли сии люди в неоплатимые долги, убиты как бы духом и от того нерадивы к пользам Компании, так что в Содержатели Магазинов, Лавки или Артелей употреблять их неможно. И так с одной стороны излишняя экономия в определении годового оклада, а с другой неуместная расточительность верить в долг обратилась для Компании и для самих Креолов во вред» (NARS. RRAC. Roll. 34: 171–172). Поэтому Врангель прилагал все усилия, чтобы хоть как-то уменьшить долговую кабалу креолов и зависимых туземцев. «Вредную систему задалживать нижних служителей выше меры вовсе отменил, – сообщал Врангель в письме своему давнему другу Фёдору Литке, – и, увеличив оклады жалованья, поставил их в возможность с расчетливостью себя содержать, не забирая в долг, чем, надеюсь, возродил в креолах и алеутах понятие о собственности, которого едва ли они понимали, всегда долгами были задавлены» (Российско-Американская компания... 2005: 269).

И все же, как и прежде, основная масса долгов числилась не за туземцами или креолами, а за русскими промышленниками и служащими.

Например, в 1831 г. только по Уналашкинскому отделу насчитывалось, по данным Врангеля, «долгу за людьми» 44 760 руб. асс., а «кредиту за компанией» всего на 8 964 руб. асс. В этом не было ничего удивительного. Главный правитель доносил по этому поводу в Петербург 6 мая 1832 г.: «Промышленный, за вычетом всегда бывающих долгов, берет из Кассы в месяц от 15 до 25 рублей, между тем как $\frac{1}{2}$ пуда муки, 1 фунт чаю, 2 ф. сахару, $\frac{1}{2}$ ф. масла, $\frac{1}{2}$ ф. мыла, 4 чарки рому в месяц, 1 пара платьев, 1 одеяло, 4 рубах, 4 пары сапогов в год обойдутся круглым числом каждому рабочему в 25 и 30 рублей в месяц, так что ему не токмо порядочным образом одеться нельзя, но едва только может прикрывать свою наготу – если же у него есть семейство, то уже недостает никакой возможности оное содержать» (NARS. RRAC. Roll. 34: 79–79 об.).

Врангель вел настоящую «бумажную войну» с ГП РАК, добиваясь снабжения колоний качественными товарами в достаточном количестве, а для уменьшения долговой кабалы он развернул борьбу с пьянством среди русских промышленников и параллельно приказал уточнить конторские расчеты с туземцами (Российско-Американская компания... 2005: 269; Загоскин 1956: 367). Но предпринимаемые им меры лишь временно способствовали улучшению ситуации, ведь долги, как уже неоднократно упоминалось, накапливались за служащими РАК еще до их попадания в Америку. Почти все промышленники, приезжавшие в колонии из России, оказывались уже «задолжены» компанией на сумму до 700 руб., а некоторые чиновники даже до 5 тыс. руб. и более. Уже в колониях долги на приказчиках РАК часто возникали по результатам ревизий, которые выявляли недостачу товаров из-за хищений, халатности или приписок. Так, в 1830 г. содержателю торговой лавки в Ново-Архангельске Ивану Попову был выставлен счет на 8 319 руб. 44 коп. за утерянны́е товары, а приказчику торговой лавки на Кадыке Степану Бушковскому, соответственно предъявлен счет на 5 064 руб. 73 коп. (NARS. RRAC. Roll. 34: 137–137 об.).

Российско-Американская компания, как и прежде, ежегодно вычитала из жалованья своих заемщиков и должников $\frac{1}{3}$ часть в счет погашения долга, а некоторым бедным, больным и дряхлым и вовсе прощала его (Хлебников 1979: 34, 130, 140; Хлебников 1985: 165–167). Кроме того, компания часто списывала относительно небольшие долги работникам, выезжавшим из колоний после окончания службы. Подобным образом в 1846 г. был прощен долг тюменскому крестьянину Ивану Вагину, финляндцу Юхани Пульканену, якуту Петру Попову, соответственно, на 299, 80 и 291 руб., а равным образом еще нескольким служащим РАК. Нередко компания целиком теряла ссудный капитал в связи со смертью должников. Например, после кончины в том же году помощника бухгалтера Ивана Ульянова компания вынуждена была списать как

безнадежный числившийся на нем крупный долг в 9 251 руб. 34 коп. (NARS. RRAC. Roll. 52: 99–100, 252 об.–256 об.).

Тем не менее ПАК так и не оставляла порочной практики неумеренного кредитования. К началу 1840-х гг. на ее рабочих и служащих в Русской Америке накопилась колоссальная задолженность в 463 772 руб. (NARS. RRAC. Roll. 14: 359 об., 524). Наконец, распоряжением от 8 марта 1846 г. за № 615 Главное правление предписало колониальному начальству «отнюдь не задалживать вновь служащих несоразмерно с получаемым им жалованьем» и вообще «постановить твердым правилом при отправлении в колонии рабочего класса людей ни под каким видом не задалживать» (Roll. 16: 111; Roll. 52: 58 об.). Вместе с тем полностью выполнить эту директиву оказалось невозможно из-за необходимости экипировать одеждой посылаемых в Русскую Америку промышленников за счет компании, естественно, в кредит. Так, в 1863 г. служащие ПАК были должны компании 556 454 руб. 03 коп., в то время она должна была им 255 642 руб. 92 коп. (Отчет Российско-Американской компании... 1865: приложение). Когда Аляска была продана США в 1867 г., именно должники ПАК выражали радость по поводу этого события, так как рассчитывали на списание долгов и скорое возвращение на родину (Dall 1898: 181).

Надо сказать, что накануне уступки российских колоний США долги ПАК в самой России составили громадную сумму в 1 121 670 руб. сер. (Болховитинов 1990: 191). Эта сумма образовалась в результате различных причин, включая неблагоприятную конъюнктуру рынка, просчеты менеджмента ПАК, непомерных трат на социальную сферу российских колоний и т.д. Министр финансов Михаил Рейтерн в записке от 2(14) декабря 1866 г. министру иностранных дел князю Александру Горчакову отмечал: «Компания даже не приносит существенной пользы акционерам, находится в положении, близком к несостоятельности и может быть только искусственно поддерживаема значительными со стороны правительства пожертвованиями» (Там же: 397). В результате император принял решение избавиться от колоний в Америке как повода для ежегодного субсидирования ПАК в размере 200 тыс. руб. сер. из сметы Морского министерства (ПСЗРИ. Собр. II. Т. XLI. С. 329; О расчетах... 1868: 31).

Заключение

Подводя общие итоги, можно сделать следующие выводы: кредитно-долговые отношения занимали видное место в организации экономической деятельности различных купеческих объединений на Тихоокеанском Севере во второй половине XVIII в, а затем сменившей их Российско-Американской компании, а равным образом в жизни российских колоний в Новом Свете. Денежные кредиты, материальные ссуды и

долговые обязательства были тем механизмом, который запускал экономические процессы, поддерживал их и обеспечивал бесперебойное функционирование хозяйственного механизма в рамках определенного экономического цикла. При этом кредитно-долговые обязательства оказывали заметное влияние на социальную жизнь и психологическую атмосферу российских колоний. Известная специфика прослеживалась в формах кредитования: выходцы из метрополии получали денежные и (или) материальных ссуды, а туземцы Русской Америки только товарные, причем на первых этапах колонизации нередко в принудительном порядке, что влекло личную зависимость в виде долговой кабалы. Опять же русские обязаны были возвращать долги в большинстве случаев в денежной форме, а туземцы – пушниной; кроме того, широко применялись безналичные расчеты. Вместе с тем кредитно-долговые операции РАК не ограничивались лишь колониями, а распространялись на метрополию и использовались при контактах с иностранцами, как правило, посредством векселей.

Проследивая динамику кредитно-долговых отношений во всем их многообразии, нельзя не затронуть роль государства, которое выступало кредитором сначала небольших купеческих компаний, а затем монопольной РАК, снабжая их денежными ссудами, а порой и материальными средствами (в первую очередь огнестрельным оружием и порохом). Хотя объем государственных кредитов был обычно не слишком велик, игнорировать его явно не стоит, несмотря на то что в заключительный период существования Русской Америки наблюдался резкий рост кредитной задолженности компании перед частными лицами. Более того, государство косвенным образом субсидировало компанию, предоставляя ей различные финансовые льготы, а с 1866 г. ввело прямые бюджетные дотации на значительную сумму в 200 тыс. руб. серебром. Впрочем, эта мера не помогла РАК справиться с накопившимися долговыми обязательствами, что стало одной из косвенных причин уступки Русской Америки США в 1867 г. и ликвидации самой Российско-Американской компании в апреле 1871 г.

Список источников

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Александров В.А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. М.: Наука, 1962. Т. 71. С. 158–195.
- Бахрушин С.В. Покрута на соболиных промыслах XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. III. С. 198–212.
- Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги русского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: В тип. Н. Греча, 1823.
- Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М.: Наука, 1990.

- Бычков О.В. Особенности промыслового быта русских в Восточной Сибири в XVII веке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования) / Под ред. А.Р. Артемьева. Владивосток: ДВО РАН, 1994. Т. 1. С. 105–122.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI–начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990.
- Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М.: Academia, 2016.
- Гринёв А.В. Психологический портрет эскимосов Аляски по материалам русских исторических источников (1763–1867) // Кунсткамера. 2022. № 3. С. 189–202.
- Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / Общая ред., прим. и коммент. М.Б. Черненко, Г.А. Аграната, Е.Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.
- К истории Российско-Американской компании / под ред. А.И. Блинова, И.М. Кураева, О.Н. Мухиной, П.И. Павлова (отв. ред.). Красноярск: Красноярский гос. архив; Красноярский гос. пед. ин-т, 1957.
- Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.
- О расчетах с Российско-американскою компаниею по случаю уступки русских владений в Америке Соединенным Штатам. СПб.: В тип. Мин. финансов, 1868.
- Окунь С.Б. Российско-Американская компания. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939.
- Отчет Российско-Американской компании за 1863 год. СПб.: В тип. Э. Треймана, 1865.
- Паллас П.С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкою // Месяцеслов исторический и географический на 1781 год. СПб.: Императорская АН, 1781. С. 1–150.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. I–XLV. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005.
- Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / сост. Р.Г. Ляпунова и др.; отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994.
- Русская Тихоокеанская эпопея / сост. В.А. Дивин и др. Автор введения В.А. Дивин; ист. очерки, коммент. и примеч.: В.А. Дивин, Г.Н. Исаченко, К.Е. Черевко; гл. ред. В.С. Шевченко. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / сост.: Т.С. Федорова (отв. сост.), Л.В. Глазунова, Г.Н. Федорова; отв. ред. Р.В. Макарова; гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1989.
- Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1863. Ч. II.
- Хлебников К.Т. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Фёдоровой. М.: Наука, 1985.
- Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / сост., авторы введ. и коммент. Р.Г. Ляпунова и С.Г. Федорова. Л.: Наука, 1979.
- Dall W.H. The Yukon Territory. The Narrative of the W.H. Dall, Leader of the Expedition to Alaska in 1866–1868. The Narrative of the Exploration Made in 1887 in the Yukon District by George M. Dawson, D.C., F.G.S. Extracts from the Report of an Exploration Made in 1896–1897 by W.M. Ogilvie, D.L.S., F.R.G.S. L.: Downey & Co., Ltd., 1898.
- NARS RRAC – National Archives and Record Service, Records of Russian-American Company, 1802–1867, Washington, DC.

References

- Aleksandrov V.A. (1962) Rol' krupnogo kupechestva v organizatsii pushnykh promyslov i pushnoi torgovli na Yenisee v XVII v. [The role of large merchants in the organization of fur hunting and fur trade on the Yenisei in the 17th century], *Istoricheskiye zapiski*. Moscow: Nauka, vol. 71, pp. 158–195.
- AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii, g. Moskva [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].
- Bakhrushin S.V. (1955) Pokruta na sobolinykh promyslakh XVII v. [Pokruta in the sable hunting of the 17th century], in: Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy*. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, vol. III, pp. 198–212.
- Berkh V.N. (1823) *Khronologicheskaya istoriya otkrytiya Aleutskikh ostrovov ili podvigi rossiyskogo kupechestva. S prisovokupleniem istoricheskogo izvestiya o mekhovoi torgovle* [Chronological history of the discovery of the Aleutian Islands or the exploits of the Russian merchants. With the addition of historical news about the fur trade]. St. Petersburg: V tip. N. Grecha.
- Bolkhovitinov N.N. (1990) *Russko-amerikanskie otnosheniya i prodazha Alyaski. 1834–1867* [Russian-American relations and the sale of Alaska. 1834–1867]. Moscow: Nauka.
- Bychkov O.V. (1994) Osobennosti promyslovogo byta russkikh v Vostochnoi Sibiri v XVII veke [Features of the hunting life of Russians in Eastern Siberia in the 17th century], in: *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya)* / Ed. by A.R. Artem'yev. Vladivostok: DVO RAN, vol. 1, pp. 105–122.
- Dall W.H. (1898) The Yukon Territory. The Narrative of the W.H. Dall, Leader of the Expedition to Alaska in 1866–1868. The Narrative of the Exploration Made in 1887 in the Yukon District by George M. Dawson, D.C., F.G.S. Extracts from the Report of an Exploration Made in 1896–1897 by W.M. Ogilvie, D.L.S., F.R.G.S. L.: Downey & Co., Ltd., 1898.
- Grinёv A.V. (2016) *Alyaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiyskaya kolonizatsiya Novogo Sveta v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii)* [Alaska under the wing of a double-headed eagle (Russian colonization of the New World in the context of national and world history)]. Moscow: Academia.
- Grinёv A.V. (2022) Psikhologicheskii portret eskimosov Alyaski po materialam russkikh istoricheskikh istochnikov (1763–1867) [Psychological portrait of the Eskimos of Alaska based on Russian historical sources (1763–1867)], *Kunstkamera*, no. 3, pp. 189–202.
- K istorii Rossiisko-Amerikanskoi kompanii* [On the history of the Russian-American Company] / Ed. by A.I. Blinov, I.M. Kuraev, O.N. Mukhina, P.I. Pavlov (executive editor). Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gos. arkhiv; Krasnoyarskii gos. ped. in-t, 1957.
- Khlebnikov K.T. (1979) *Russkaya Amerika v neopublikovannykh zapiskakh K.T. Khlebnikova* [Russian America in the unpublished notes of K.T. Khlebnikov] / Compiled, introduction and commentary by R.G. Lyapunov and S.G. Fedorov. Leningrad: Nauka.
- Khlebnikov K.T. (1985) *Russkaya Amerika v «Zapiskakh» Kirilla Khlebnikova: Novo-Arkhangel'sk* [Russian America in Kirill Khlebnikov's "Notes": Novo-Arkhangelsk] / Compiled, foreword, commentary and index by S.G. Fyodorova. Moscow: Nauka.
- Makarova R.V. (1968) Russkie na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII v. [Russians in the Pacific Ocean in the second half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
- NARS RRAC – National Archives and Record Service, *Records of Russian-American Company, 1802–1867*, Washington, DC.
- O razchetakh s Rossiisko-amerikanskoiu kompanieiu po sluchaiu ustupki russkikh vladenii v Amerike Soedinennym Shtatam* [On payments with a Russian-American company on the occasion of the cession of Russian possessions in America to the United States]. St. Petersburg: V tip. Min. finansov, 1868.

- Okun' S.B. (1939) Rossiisko-Amerikanskaya kompaniya [Russian-American company]. Moscow, Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
- Otchet Rossiisko-Amerikanskoi kompanii za 1863 god* [The report of the Russian-American Company for 1863]. St. Petersburg: V tip. E. Treimana, 1865.
- Pallas P.S. (1781) O rossiiskikh otkrytiyakh na moryakh mezhdru Aziyeyu i Amerikoyu [About Russian discoveries on the seas between Asia and America], *Mesyatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1781 god*. St. Petersburg: Imperatorskaya AN, pp. 1–150.
- PSZRI – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649.]. First Collection. Vols. I–XLV. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830.
- RGIA – Rossiiskii gos. istoricheskii arkhiv, g. Sankt-Peterburg [Russian State Historical Archive, St. Petersburg].
- Rossiisko-Amerikanskaya kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1815–1841* [The Russian-American Company and the Study of the Pacific North, 1815–1841] / Ed. by N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Nauka, 2005.
- Russkaya Amerika. Po lichnym vpechatleniyam missionerov, zemleprokhodtsev, moryakov, issledovatelei i drugikh ochevidtsev* [Russian America. According to the personal impressions of missionaries, explorers, sailors, researchers and other eyewitnesses] / Compiled by R.G. Liapunova et al. Ed. by A.D. Dridzo, R.V. Kinzhalov. Moscow: Mysl', 1994.
- Russkaya Tikhookeanskaya epopeia* [The Russian Pacific epic] / Compiled by V.A. Divin et al. Introduction by V.A. Divin. Historical essays, comments and notes: V.A. Divin, G.N. Isachenko, K.E. Cherevko. Editor-in-chief V.S. Shevchenko. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, 1979.
- Russkie ekspeditsii po izucheniiu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russian expeditions to explore the North Pacific Ocean in the second half of the 18th century] / Compiled by: T.S. Fedorova (chief), L.V. Glazunova, G.N. Fedorova. Executive editor R.V. Makarova. Editor-in-chief A.L. Narochnitskii. Moscow: Nauka, 1989.
- Tikhmenev P.A. (1863) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoiashchego vremeni* [Historical review of the creation of the Russian-American Company and its actions up to the present time]. St. Petersburg: Tip. Eduarda Veimara. Part II.
- Vilkov O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI–nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th–early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Zagoskin L.A. (1956) *Puteshestviya i issledovaniya leitenanta Lavrentiya Zagoskina v Russkoi Amerike v 1842–1844 gg.* [Travels and explorations of Lieutenant Lavrentii Zagoskin in Russian America in 1842–1844]. Edited, foot notes and commentary by M.B. Chernenko, G.A. Agranat, Ye.E. Blomkvist. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit.

Сведения об авторе:

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: agrinev1960@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrei V. Grinëv, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: agrinev1960@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья
УДК 94 (47) + 94 (73)
doi: 10.17223/2312461X/42/4

Егор Пуртов и его экспедиции у берегов юго-восточной Аляски (1787–1797 гг.)

Александр Васильевич Зорин

*Курский государственный областной музей археологии, Курск, Россия,
tlingit@mail.ru*

Аннотация. Егор Пуртов сыграл значительную роль в ранней истории Русской Америки. Именно его экспедиции, совершенные в 1793–1794 гг., открыли русским промышленникам путь в страну индейцев-тлинкитов. Однако сведения о его биографии довольно скудны. В данной статье предпринята попытка максимально детально проследить вехи его жизни на основе опубликованных и архивных данных. Установлено, что Егор Пуртов являлся по своему происхождению иркутским мещанином, прибыл в американские колонии в 1787 г., участвовал в ряде промысловых и исследовательских экспедиций в 1787–1797 гг. Наибольшее значение имели его плавания 1793 и 1794 гг. вдоль юго-восточного побережья Аляски, позволившие русским первопроходцам проникнуть в земли, населенные индейцами-тлинкитами. В ходе экспедиции 1794 г. Пуртов находился в постоянном контакте с кораблями британской экспедиции, совершавшей кругосветное плавание под командованием Джорджа Ванкувера. Сравнение русских и английских рапортов позволяет уточнить ход и датировку событий.

Ключевые слова: Русская Америка, индейцы тлинкиты, географические открытия

Для цитирования: Зорин А.В. Егор Пуртов и его экспедиции у берегов юго-восточной Аляски (1787–1797 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 67–87. doi: 10.17223/2312461X/42/4

Original article
doi: 10.17223/2312461X/42/4

Egor Purtov and His Expeditions Along the Coast of Southeastern Alaska (1787–1797)

Alexandr V. Zorin

*Kursk State Regional Museum of Archaeology, Kursk, Russian Federation,
tlingit@mail.ru*

Abstract. Egor Purtov played an important role in the early history of Russian America. It was his expeditions, made in 1793–1794, that opened the way for Russian fur-hunters to the country of the Tlingit Indians. However, information about his

biography is rather scarce. This article attempts to trace the milestones of his life in as much detail as possible based on the available published and archival data. As a result, it was established that Egor Purtov was an Irkutsk citizen by origin, arrived in the American colonies in 1787, and participated in a number of hunting and research expeditions in 1787–1797. Of greatest importance were his voyages of 1793 and 1794 along the southeastern coast of Alaska, which allowed the Russian pioneers to penetrate the lands inhabited by the Tlingit Indians. During the expedition of 1794, Purtov was in constant contact with the ships of the British expedition, which circumnavigated the world under the command of George Vancouver. Comparison of Russian and English reports makes it possible to clarify the course and dating of events.

Keywords: Russian America, Tlingit Indians, geographical discoveries

For citation: Zorin, A.V. (2023) Egor Purtov and His Expeditions Along the Coast of Southeastern Alaska (1787–1797). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 67–87. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/4

Как правило, биографические сведения о первопроходцах Русской Америки довольно скудны. Это обусловлено, в первую очередь, состоянием сохранившихся источников. Не является исключением и Егор Пуртов. Об этом человеке, занимавшем важное место в ранних российских колониях в Америке, известно немного. Нигде не упоминается его отчетство. Не сохранилось никаких сведений о большей части его жизни. Однако роль его в ранней истории Русской Америки значительна. Именно его экспедиции, совершенные в 1793–1794 гг., открыли русским промышленникам путь в страну индейцев-тлинкитов.

Начальные этапы деятельности Егора Пуртова

По своему происхождению Егор Пуртов был иркутским мещанином¹, хотя иногда его неверно называют выходцем из Великого Устюга (Чебыкина 1999: 133–134). Подчас его ошибочно считают участником знаменитого плавания Г.И. Шелихова на Кадьяк в 1783 г. (Гринёв 2009: 444; Пасенюк 1999: 151–152). Однако на страницах истории Пуртов появляется уже после отъезда Шелихова в Россию. По его собственным словам, «при взятии острова Кадьяка он не находился, а пришел по отходу того Шелехова, а в бытность грека Деларова на сей остров» (Жалобы... 1790). Таким образом, в Америке Пуртов оказался в 1787 г., когда правителем поселений шелиховской компании стал Е.И. Деларов. Согласно его распоряжению, Егор Пуртов был «отправлен за промыслом разных зверей... в двадцати байдарах» (Жалобы... 1790).

Позднее, вместе с другими «старовояжными», он писал в прошении на имя главного правителя колоний А.А. Баранова о пережитых тогда тяготах и лишениях, говоря, что «в примирении некоторой части народа коняжского проводили всю осень и зиму, в непрерывных трудах и беспокойствии, строя при том себе казармы, барабары² и кладовые... но и тут при довольстве компании харчевых припасов не было выделено... и во время примирения

захваченной нами изъеденной червями и покрытой молью ююлы с горьким и негодным, разве токмо на свет употребительным, жиром, отчего многие... бедственно кончили живот свой» (К истории... 1957: 71).

В 1788 г. Пуртов принимает участие в плавании Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова на галиоте «Три Святителя» к заливам Якутат и Лътуа.

25 июня 1790 г.³ Пуртов, наряду с другими служащими компании, был вызван капитаном Г.А. Сарычевым для снятия показаний в связи с расследованием дела о злоупотреблениях Г.И. Шелихова. Прибыв к месту проведения опроса на байдарке, он заявил в ответ на заданные ему вопросы, что в покорении Кадыака не участвовал «и болше ничего об обстоятельствах той кумпании показать не может». Отвечая на прочие вопросы, Егор Пуртов сообщил, что Г.И. Шелихов преувеличивал в документах численность туземного населения Кадыака, опутал работных людей «неоплатыми долгами», продавая им «всякую вещь» по завышенной в четыре раза цене, а также насильственно удерживал промышленных в колониях, прямо заявляя, что «все мы останемся на сем острове навечно». Но при этом он не вдавался ни в какие подробности, ссылаясь на незнание и перенаправляя интерес дознавателей к своим непосредственным начальникам, «передовщикам и байдарщикам» (Жалобы... 1790). Но минуло не более трех лет, как и он сам оказался в числе этих «начальников», на которых было возложено руководство промысловыми партиями. Наиболее детально известны события двух лет жизни Егора Пуртова, связанные с экспедициями на север страны тлинкитов. О событиях тех лет известно как из сохранившихся собственных рапортов Пуртова, так и из записок Дж. Ванкувера и ряда документов, касающихся Российско-Американской кампании.

В мае 1793 г. Пуртов посещает селения эскимосов Икинак и Канигамют на побережье полуострова Аляска, проводит перепись жителей и добывается от местных тойонов Ачигака и Тужинилюка выдачи аманатов и признания ими российского подданства (РГАДА: 11 об., 15–17). Подданство Тужинилюка было подтверждено 29 марта 1794 г., когда он лично посетил Павловскую Гавань на Кадыаке, где «сам таион сей... одарен и государственной герб для выставления на жиле ево совокупно сим листом поручен и тем дается знать как российским других компанийев так и европейских дружественных России держав народам тех с сим гербом и листом случай допустит почитать за дружественных союзников и поданных российскому скипетру удаляя от тех всякую обиду и огорчение кои ко престолу Всероссийскому будут относительны» (РГАДА: 12).

Экспедиция 1793 г.

В 1793–1794 гг. Пуртов выступает уже в качестве руководителя дальних самостоятельных экспедиций. Именно о ходе этих путешествий и повествуется в сохранившихся до нашего времени подробных рапортах.

Инструкция с перечислением задач, поставленных перед экспедицией, была составлена А.А. Барановым в Воскресенской Гавани в Чугачком заливе (зал. Принс-Уильям) 6 июня 1793 г. Опираясь на некие «данные от правительства секретные предписания», Баранов приказывал разведать, не находится ли в плену у аборигенов каких-либо европейцев; выяснить судьбу медных российских гербов, которые раздавались туземным старшинам во время предшествующих экспедиций; узнать причину нападения тлинкитов на лагерь А.А. Баранова на о. Нучек в 1792 г., а также выяснить участь захваченных тогда в плен чугачей; разведать, не обосновались ли на побережье какие-либо иностранцы или же российские промысловые компании-конкуренты; оценить возможность ведения промысла морского зверя и заготовки провианта в новых землях. При этом настоятельно требовалось соблюдать крайнюю осторожность в сношениях как с русскими промышленными дру́гих компаний, так и с аборигенами, «никаких озлоблений и досад как первым так и последним с тобою следующим и обитателям тамошних берегов не наносить» (РГАДА: 1–3).

В состав экспедиции входили Егор Пуртов, русские добровольцы Гаврила Ворошилов, Константин Галактионов и толмач Осип Прянишников, под началом которых находилось 180 байдарок «иноверцов» (вероятно, кадькацев и алеутов). Каждый из русских имел при себе два исправных ружья с запасом патронов.

Экспедиция тронулась в путь 6 июня 1793 г. По пути к «Грековскому острову» (о. Грин) из партии бежало 15 байдарок туземных партовщиков, «угатовских и угацких иноверцов»⁴. Партия держала путь к о. Сукли (Монтагью), но непогода вынудила ее остановиться 8 июня на Грековском острове, где находилось поселение промышленных соперничающей компании П.С. Лебедева-Ласточкина под началом А.Н. Балушина. Лебедевцы враждебно встретили шелиховцев и дело едва не дошло до вооруженного столкновения. Пуртов и Прянишников явились в лебедевскую казарму «яко [к] единоземцам своим... со всякою пристойною вежливостью», однако конкуренты встретили их «неприятным видом и ругательством». Балушин и его люди грозились схватить своих гостей, заковать их и взять под стражу, но в итоге «не учинили ничего нам вредного и не удержали». Каким образом Пуртову удалось решить дело миром, он не сообщает (РГАДА: 3).

На следующий день партия продолжила путь к о. Сукли, где планировалось запастись «палтусиной для себя и для партии в корм». Прибыв туда, Пуртов с удивлением обнаружил, что лебедевцы с Грековского острова пустились за ним в погоню. Несколько байдарок, в которых находились вооруженные ружьями и тесаками лебедевские промышленные и их туземные союзники под общим началом А.Н. Балушина, пристали к берегу, и сам Балушин, «вышед на нос байдары с держанным в руках

обнаженным тесаком и крычал велегласно с грубым ругательством и зверством подобным наглости разбойников что всех будет рубить и стрелять ежели не дадитесь перевязать» (РГАДА: 3–3 об.). Партовщики Пуртова, среди которых имелись и те, кто пострадал от рук лебедевцев во время столкновений в Кенайском заливе, взялись за стрелы и копья, готовые оказать вооруженное сопротивление, «чтоб недатся в руки тем на извесное уже им мучение». Пуртов с трудом мог их удержать, а тем временем лебедевский байдарщик, сидевший на корме лодки, прилагал все усилия, чтобы успокоить разошедшегося Балушина. В конечном итоге боя удалось избежать, но партии пришлось бросить уже заготовленную рыбу и 10 июня поспешно тронуться в дальнейший путь (РГАДА: 3 об.).

Рис. 1. Район действия экспедиций Егора Пуртова (1793–1794 гг.):
1 – Кенайский залив (зал. Кука); 2 – м. Бэнкс; 3 – Александровская крепость («артель на устье Кинайской губы»); 4 – Воскресенская гавань; 5 – о. Сукли (Монтагью); 6 – Грековский остров (Грин); 7 – о. Нучек (Хинчинбрук); 8 – Чугацкий залив (зал. Принс-Вильямс); 9 – устье Медной реки (Коппер); 10 – о. Каяк; 11 – устье р. Калиах; 12 – Ледяная бухта (зал. Айс-Бей); 13 – Якутатский залив; 14 – о. Очок (Миллтон)

Партия проследовала вокруг северной оконечности Нучека к устью Медной реки (Коппер) (см. рис. 1). Тут их встретили дружелюбно расположенные чугачи, скрывавшиеся от лебедевцев, «кои последовали за нами самопроизвольно для показания мест и пристаней за мыс Св. Илии и для толмачества угаляхмутского и колю[ж]ского языков кои и до обратного на те же места возвращения пробыли с нами верными и усердными» (РГАДА: 3 об.).

Непогода вынудила партию задержаться на о. Каяк. Отсюда 20 июня она достигла «немалой реки величиною с Охоту на ус[т]е пересыпаную всюды пещаными банками» (вероятно, Калиах). Пройдя выше по ее течению, Пуртов обнаружил и подробно описал пустую индейскую крепость, облик которой произвел на него большое впечатление.

На следующий день партия достигла другой, столь же крупной реки. На берегах ее «видели в разных местах жилища и признаки многие, что недавно тут были люди но скрылись как чаятельно учинив в минувшем лете на вас нападение и чугачам некоторые обиды ожидали от тех последних взаимного мщения» (РГАДА: 4).

Путь экспедиции был продолжен 23 июня. Партовщики пытались войти в контакт с аборигенами, но те упорно уклонялись от встречи с ними. Ружейные выстрелы, которыми пытались привлечь внимание встреченных индейцев, только отпугивали их. Зато партия успешно вела промысел калана, добыв 194 шкуры. Никаких русских или европейских поселений в этих районах встречено не было.

На обратном пути 8 июля уже в Чугацком заливе Пуртов увидел судно «3-х мачтовое и немалое *Маргарита* имянуемое». Его он счел английским судном, которое пришло «из Лондона было в Кантоне и следует обратно». На самом деле это было бостонское судно «Маргарет» под командованием капитана Джеймса Мэджи (1750–1801) – ирландца, перебравшегося в Америку незадолго до начала там Войны за независимость. Он активно участвовал в этой войне, являясь командиром приватирского брига «Амстердам», в 1779–1781 гг. находился в английском плену, командовал другими приватирскими судами, а затем занялся морской торговлей на судне, названном в честь его жены Маргарет Эллиот (Lee 1969: 104–111; Noway 1929: 34–40)⁵. Капитан Мэджи радушно принял Пуртова на борту своего судна, выставил на стол угощение с выпивкой, а Пуртов рассказал ему о своих промысловых плаваниях от Кадьяка до Лътуа, чему американец немало удивлялся. Обратно в Воскресенскую гавань экспедиция вернулась 15 июля 1793 г. (РГАДА: 5 об.).

Экспедиция 1794 г.

Учитывая, что поставленные перед экспедицией задачи не были полностью выполнены, в мае следующего года Пуртов отправляется в новое путешествие по тому же маршруту (рис. 2). Вместе с ним в состав партии входят Демид Куликалов, Афанасий Швецов, Иван Репин и Гаврила Ворошилов, а также еще пять человек из числа поселенцев Воскресенской Гавани, среди которых были Осип Прянишников и Константин Галактионов. Под их общим началом находилась флотилия из 500 байдарок кадьякцев, чугачей и аляскинских эскимосов. На случай столкновения с враждебными аборигенами путешественники взяли с собой оригинальное переносное укрепление – палатку, обшитую досками, принадлежавшую самому А.А. Баранову. Главный правитель советовал «бес подозоров поладку мою взять и вкруг где бывает подзор сделать стоячия доски связав по несколько одну з другую обставляя привязывая к верхней оканатке полатки и окладывая снизу тежолою кладью или заколачивая в землю саразмерные колья для укрепления где вы и спать по[д] стражею

и в случае опасном защищаться удобно можете и в безопасности от подмочки дождем ружья орудии и снаряды содержать» (РГАДА: 6 об.).

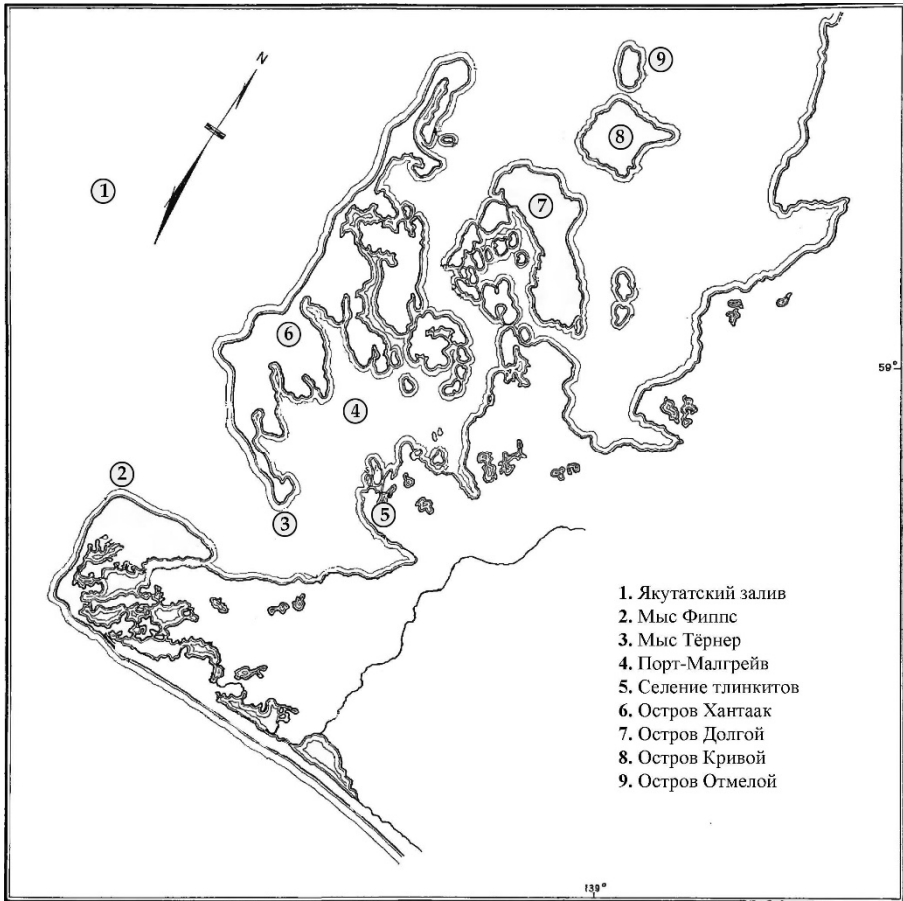

Рис. 2. Якутат (1794 г.)

Инструкция была выдана 7 мая 1794 г. «в артеле на ус[т]ь Кинайской губы». До этого момента Пуртов во главе промысловой партии действовал в водах южной части Кенайского залива (зал. Кука), где 1 (12) апреля встретился с судном «Чатем» под командованием лейтенанта Питера Пьюджета, входившем в состав английской кругосветной экспедиции под руководством Джорджа Ванкувера. Встреча состоялась у мыса Бэнкс, крайней северной оконечности о. Шуях. В беседе с Пьюджетом Егор Пуртов [George Portoff] «с помощью весьма несведущего переводчика» сообщил ему краткие сведения о русских поселениях, договорился о возможной встрече с А.А. Барановым и согласился передать письмо на судно Дж. Ванкувера (Vancouver 1798: 127–128)⁶.

Следующая встреча Пьюджета и Пуртова состоялась в понедельник 17 (28) апреля, а 2 (13) мая у мыса Беде Пуртов повстречался и с самим Джорджем Ванкувером (Vancouver 1798: 132, 144–145). От своих русских гостей, а в первую очередь от Пуртова, который, по мнению Ванкувера, «являлся наиболее смышленным» и «дружелюбным», британские путешественники узнали о русском поселении и верфи в Воскресенской гавани – «в Порт-Эндрюсе, названном так мистером Портлоком, который русские, однако, именуют *Blying sound*» (Vancouver 1798: 147)⁷. Там, по словам Пуртова, один или два англичанина, которым помогают несколько русских работников, строят из местного дерева корабль величинной с «Дискавери». Также, по его словам, здешний пологий берег прекрасно подходил для того, чтобы осмотреть дно английского судна, состояние которого вызывало тревогу у капитана (Vancouver 1798: 147–148).

Следующие встречи с британцами у Егора Пуртова состоялись уже в июне при совершенно иных обстоятельствах.

Экспедиция Пуртова выступила в путь из Кенайской артели (зал. Кука) 8 мая 1794 г. В Воскресенской гавани она пополнила запасы своего снаряжения и 15 мая продолжила путь, прибыв спустя два дня на Грековский остров. Мимо о. Нучек (Хинчинбрук), где ныне располагалась артель лебедевской компании, партия прибыла на о. Сукли, где ее встретили два промышленных компании Лебедева-Ласточкина с письмом от Амоса Балушина и Петра Коломина. Они пытались остановить дальнейшее продвижение партии, но Пуртов и Куликалов заявили в ответ, «небоясь и никаких устраиваньев... с учливостью и благосклонно что мы следуем вдаль по американскому берегу для выполнения государственных секретных повелений» (РГАДА: 7–7 об.). Вслед за этим «за Нучеком [на] халкинском первом островке» экспедицию встретили восемь лебедевцев на байдаре. Чтобы узнать их намерения, Пуртов, Куликалов и Репин отправились к их стоянке и пригласили лебедевского байдарщика к себе. Своего гостя они «угощали столом неделав нималаго в разговоре озлобления» (РГАДА: 7 об.).

Поутру 23 мая партия направилась к устью Медной реки, где на другой день повстречала две байдарки чугачей, скрывавшихся от лебедевцев. Продолжая свой путь и ведя по дороге промысел калана, экспедиция прибыла на о. Каяк, а 30 мая одна из ее артелей столкнулась с индейским каноэ. Несмотря на попытки завязать с ними мирные отношения, индейцы пристали к берегу и, бросив каноэ, бежали в лес. Осмотрев находившиеся в челне вещи, русские вернулись к основной партии, ничего оттуда не взяв. На следующий день, 31 мая, партовщикам удалось отыскать в лесу временную стоянку индейцев-эяков (угалахмютов). Вначале отставшая байдарка доставила известие о том, что «слышано было ими множество голосов в лесу у речки и нами тут усмотрено было множество следов человеческих больших и малых». После полуночи группа из

шести русских, двух толмачей и партовщиков отставшей байдарки отправилась на поиски. По лесной тропинке она дошла до небольшой речки, перешла ее вброд и затем приблизилась к берегу другой, более крупной реки. Переправиться через нее вброд было невозможно и отряд двинулся по берегу вниз по течению. Через некоторое время в лесу слышался «ребячий крик». Бросившись в ту сторону, отряд ворвался на индейскую стоянку, где, застав эяков врасплох, русские захватили местного вождя, его брата «и аргишь»⁸. На обратном пути выбежавшие из зарослей два воина закололи копьями замешкавшегося толмача Игнатия Бочарова, крещеного кадьякца. По сведениям англичан, полученным от самого Пуртова, в стычке было убито шестеро индейцев, о чем в его рапорте ничего не говорится. Вернувшись в свой лагерь, Пуртов постарался успокоить пленников. Брат вождя был отпущен и 3 июня эяки явились в русский лагерь вместе со своими семьями. Была произведена выдача заложников и перепись населения. Пуртов в беседе с вождями старался выяснить судьбу медных гербов, а также пленников, захваченных в 1792 г. Через посредство «угалягмутского таиона» были завязаны отношения с тлинкитами Якутата.

Из-за непогоды партия оставалась на месте до 5 июня, после чего выступила «к Леденой бухте, именуемой тамошними народами Начик», где вела промысел до 10 июня. Затем экспедиция направилась в Якутат, заранее выслав туда толмача-кадьякца Семена Чеченева, который должен был известить тлинкитов о том, что «мы едем с партией не для причинения каких-либо обид и продъчаго». К Якутатскому заливу партия вышла 11 июня. Непогода мешала сразу же начать промысел, а кроме того, в бурунах около берега опрокинулась одна из байдарок. Два кадьякца, находившихся в ней, погибли. Из якутатского селения на стоянку Пуртова вернулся «угалягмутский таион», вместе с которым прибыл в качестве заложника сын якутатского вождя. Индейцы привезли с собой «три посоха убранные которыми суклями и орлиными перьями и обвешен бобрами по их обычаям в знак те посохи дружества... Напротив того и мы убрав посохи бисером корольками и прочим отправя к ним на жило» (РГАДА: 8 об.–9). Толмач Чеченев остался заложником в Якутате.

На другой день, 13 июня, стало известно о появлении в Якутатской бухте английского судна «Чатем» под командованием лейтенанта Питера Пьюджета из состава экспедиции Джорджа Ванкувера. Известие об этом доставил посланный на разведку креол Кочесов⁹, который сообщил также, что англичане просили его достать им свежей рыбы.

Еще в Кенайском заливе между Пуртовым и Пьюджетом сложились самые дружественные отношения. И там, и позднее в Якутате русские поставляли на борт «Чатема» свежую рыбу, а байдарщик был частым гостем англичан. Позднее архимандрит Иоасаф в письме Г.И. Шелихову, основываясь на услышанных им от промысловых байках, даже ставил

это в вину Пуртову: «...когда виделся с аглинскою экспедициею, то не только здешнего заселения им рассказал, но и промышленных всех поимянно внес на записку. Они ево поили, дарили и ласкали, а он, невежда, так дерзок, что пришед на фрегат кричит: скажите проворнее капитану я кофею пить хочу, а тем кофию не жаль, только бы врал более» (Иоасаф 1795).

Согласно рапорту Пуртова, «14-го числа отряжено было от партии несколько байдарок удить рыбу и достали палтусов до 30 привезли на судно приняли благосклонно угощали водкой удержали меня Пуртова начевать на судне» (РГАДА: 9). Возможно, радушный прием, оказанный британцами, стал причиной некоторого сбоя в датировке событий Пуртовым, поскольку Дж. Ванкувер сообщает, что 15 (26) июня «около восьми часов вечера, с суши послышался ружейный выстрел; вскоре он объяснился появлением пятерых кадыяцких индейцев в двух кожаных каноэ, которые поднялись на борт “Чатема” и сообщили мистеру Пьюджету, что на берегу находится группа из девяти русских, от которых они принесли письмо, адресованное по-английски командиру “Дискавери” или “Чатема”» (Vancouver 1798: 222). Это было письмо от Дж. Шильдса, датированное 2 (13) июня, которое он, вероятно, через посредство кого-либо из туземных партовщиков, переслал Пуртову для передачи соотечественникам. Личная же встреча Пуртова с Пьюджетом состоялась, по словам лейтенанта, только 16 (27) июня.

По сообщению Пуртова, переночевав на борту «Чатема», он, вместе с якутатским аманатом отправился напрямиком в индейское селение, приказав своим людям «следовать на островок лежащей в бухте прямо тово жила, где и судно остановилось на якорь». По прибытию в селение Пуртов был встречен вождем, который вышел ему навстречу «и множество с ним народа зделали они пляску». После окончания приветственной церемонии гостям позволили пристать к берегу и «в тот час подбежало к байдарке человек до 20 взяли на руки нас сидящих в байдарке принесли к их селению стоящему напригорке». После этого последовало угощение в жилище вождя, где на стол «поставлена была палтусина и еловая кора с жиром и ягодами з губеникой»¹⁰. Вождь вручил Пуртову две шкуры калана, а тот «отдарил ево бисером корольками и медными котлами». Проведя в селении несколько часов, Пуртов вернулся в свой лагерь, пригласив тлинкитского вождя и «ево команду к себе» (РГАДА: 9). Семён Чеченев остался в заложниках.

На следующий день, 16 июня, не дождавшись приезда тойона, в Якутат отправились Куликалов и Ахмылин. Тойон отказывался ехать к Пуртову, если вместо него в заложники не оставят русского человека. Пришлось оставить аманатом Ахмылина, после чего вождь, наконец, отправился в русский лагерь для переговоров. Его сопровождало «лудчих мужиков человек 15-ть». Пуртов радушно принял гостей, «обдаря также вторично бисером корольками и медными досками», после чего

перешел к серьезной беседе. Согласно полученной от А.А. Баранова инструкции, он вновь интересовался у вождя судьбой российского медного герба, врученного тлинкитам в 1788 г., участью пленников, захваченных в ходе нападения 1792 г., а также причиной этого нападения. На эти вопросы якутатский тойон отвечал, что медный герб был сломан, а затем продан в Чилкат, нападение на русский лагерь было совершено по ошибке, поскольку его приняли за стоянку чугачей, а пленников, «4-х человек аманат детей чюгацких народов», продали в дальние земли за Чилкат, где они «действительно померли». Русские заверили тлинкитов в том, что желают «с ними иметь всегда непрерывную дружбу», на что вождь, по словам Пуртова, «дарил нас той Якутатской бухтой и лежащими в ней небольшими островками». На традиционное требование выдачи аманатов вождь отделался обещаниями и вечером отправился в селение, откуда на стоянку вернулся Ахмылин (РГАДА: 9 об.).

В тот же день, утром 16 (27) июня, с борта «Чатема» было замечено приближение нескольких каноэ, «что вызвало некоторое беспокойство, так как жители залива считаются вероломным, недружелюбным и варварским племенем». Опасения развеялись после прибытия на судно Егора Пуртова, «старого русского знакомого мистера Пьюджета». Пуртов успокоил лейтенанта, сообщив, что замеченные им «каноэ» принадлежат его флотилии и «в настоящее время ловят рыбу для его английских друзей». Вскоре на борт британского судна доставили свежий улов палтуса. Пуртов сообщил Пьюджету, что «покинул залив Кука примерно за месяц или пять недель до того, с семью сотнями кожаных каноэ, имея под своим началом около четырнадцати сотен кадьякцев и индейцев залива Кука, а также девять русских, отправившись в экспедицию по добыче морских выдр и другие мехов; и что вся партия теперь собралась в этой бухте. Путь их был близок к берегу, и в мелководной бухте примерно в 8 лигах к востоку от мыса Саклинг... они остановились у небольшой речки, впадающей в этот залив, и называемой ими “река Малая Унала” [Rica malo unala]. Вход в нее загражден отмелью... но за отмелью глубина немного увеличивается, а затем вновь убывает; от этой реки они перешли к другой, несколькими лигами восточнее... которая именуется ими “река Большая Унала” [Riko bolshe unala]. Здесь Пуртов встретил от пятидесяти до шестидесяти местных индейцев, которые вероломно убили одного из русских, пока тот спал в небольшом отдалении от основных сил; известие о том вызвало стычку, в которой шестеро местных индейцев были убиты, а их вождь взят в плен; после этого они оставили свою стоянку и перебрались к другой небольшой речушке на восточной стороне Ледяной бухты, откуда вся партия прибыла сюда примерно за четырнадцать дней до прибытия “Чатема”. В дополнение к этим сведениям Пуртов сообщил, что очень опасная каменистая отмель, около 15 миль в длину, лежит в направлении по компасу от S на W на

расстоянии 63 миль от места, называемого им “Ледяная Унала” [Leda unala]... Сам Пуртов бывал на этом мелководье, ловя морских выдр, и утверждал, что открыто оно было русским галиотом, который имел несчастье несколько лет назад потерпеть на нем крушение; двое членов экипажа тогда утонули, остальные спаслись на своих лодках. С тех пор его ежегодно посещали с целью ловли морских выдр, которые там встречаются в большом числе» (Vancouver 1798: 224–225)¹¹.

Из сообщения англичан видно, что Пуртов изложил им историю своих столкновений с индейцами в благоприятном для себя свете, представив себя жертвой «вероломства и варварства» дикарей. Отношения же между его партией и англичанами были столь же дружественными, как между ним самим и британским моряком:

«В это время вокруг судна находилось около пятидесяти каноэ партии Пуртова, с которых индейцы вели выгодную торговлю... Вечером кадь-якцы и индейцы залива Кука, благополучно закончили свои коммерческие дела; Пуртов, раздав одним несколько щепоток нюхательного табака и наполнив табакерки других, разделил людей на три отряда, отправив всех на поиски морских выдр, что они исполнили с величайшей бодростью, в то время, как сам Пуртов остался на борту “Чатема”, где к нему вскоре присоединились остальные его соотечественники и другое подразделение их индейской партии» (Vancouver 1798: 227–228).

На следующий день, 17 (28) июня, англичане посетили место индейской стоянки у м. Фиппс, осмотрев которую пришли к выводу, что в отношениях между индейцами и русскими, вероятно, не все было столь однозначно, как выходило со слов Пуртова, а «ранее русские применяли суровые и насильственные меры, чтобы склонить жителей этой бухты к дружеским с ними сношениям» (Vancouver 1798: 230–231). Пуртов, впрочем, это решительно отрицал.

Вскоре после этого, вернув англичанам украденную индейцами золотую часовую цепочку, Пуртов воспользовался случаем, чтобы сообщить Пьюджету, что, опасаясь многочисленных тлинкитов, он «решил вернуться на Кадьяк, как только “Чатем” покинет залив; тем временем он намеревался переместить всю свою флотилию с ее тогдашней стоянки к мысу Тёрнер. С этой целью он уехал, а утром 1 июля вернулся со своей многочисленной флотилией и разбил в этом месте свой лагерь» (Vancouver 1798: 231–232). Смену места стоянки подтверждает в своем рапорте и сам Пуртов: «20 числа оставя островок поехали всей партией ктому же заливу где лежит на якоре аглицкое судно [поскольку] предвидели некоторую опасность со стороны Якутатского народа по поводу многого требования у нас аманат [и] расположились табаром прямо [напротив] судна и заливу» (РГАДА: 9 об.–10).

Отношения с индейцами в эти дни действительно обострились. На протяжении 17–18 июня Пуртов, Куликалов, Швецов, Прянишников

и Ахмылин то и дело ездили в индейское селение за аманатами. Тойон опять требовал в залог кого-либо из русских, не соглашаясь принимать кадьякцев или чугачей. Вызвался остаться Ахмылин, но его почему-то не принимали, а потребовали оставить у них Прянишникова, вероятно, как толмача. «Но поелику тот нужен в переговоре с чюгачами [то его] не оставили и безо всякого успеха в том возвратились в табар» (РГАДА: 9 об.).

На следующий день после переноса стоянки лагерь Пуртова у мыса Тёрнер посетил лейтенант Пьюджет, подробно описавший особенности походного быта русских (Vancouver 1798: 232). Утром следующего дня, 22 июня (3 июля) прибытие «большого отряда туземных индейцев на южный берег материка напротив мыса Тёрнер привело в замешательство весь русский лагерь и заставило всех подготовиться к обороне; тем временем пленный вождь был отправлен на кадьякском каноэ чтобы употребить все его усилия для установления дружеских отношений и установления доброго согласия» (Vancouver 1798: 233).

Пуртов, описывая эти события, сообщает: «22-го числа приехали кнам в табар несколько байдар и мелких батов дальние колюжи из бухты и реки Акой ближее Лтуа день байдарочной езды от Якутата приняли их благосклонно одаря таионов и лудчих мужиков бисером корольками и медными поделками котликами лошками болшими и досками носимыми на грудях вступя с ними в переговоры требовали от них аманат согласясь таионы но чтобы и от нас и с кадьяцких им были даны аманаты самоохотно согласясь кадьяцкие остатся 4-ре человека разменялись от них взяли своих отдали потом учинена им перепись которая при сем прилагается спрашевыемы были нетьли по тому берегу им известных каких компаниев примиреных и аманаченных народов с европейской стороны или российской отъведствали что сколко им ведомо далее по тому берегу никаких занятиев со стороны российской и европейской нет но видимо нами множество у них ружей а снарядов как то пороху и свинцу сколко есть неизвестно спросив их отково оный получают те ружья и порох сказывали что они выменивают набобры от европейских приходящих у ним ежегодно для вымену бобров судов и от нас требование простирали ружей и прочих снарядов но от того мы отозвались и более не требовали» (РГАДА: 10).

Основная часть переговоров с тлинкитами происходила 23 июня (4 июля), и внешняя сторона этой встречи красочно описана британцами, причем особо отмечалась поддержка, оказанная Пьюджетом русским: «...столь многочисленная группа вызвала у Пуртова самые серьезные опасения относительно безопасности своих людей... М-р Пьюджет освободил Пуртова от его мучительных опасений, твердо заверив его в том, что, пока “Чатем” остается по соседству с ним, он может в случае нападения рассчитывать на любую помощь с его стороны; также в случае необходимости он намеревался приложить все свои усилия, чтобы как

можно более расположить этих чужаков в пользу русских» (Vancouver 1798: 234–235).

Вечером того же дня к мысу Тёрнер прибыло английское торговое судно «Джэкал» под командованием Уильяма Брауна. Побывав несколько раз на его борту, Пуртов побеседовал с капитаном, узнав политические новости: «...в разговорах мало знающей российской язык начальник судна толмачил што Россия с Англией имеет дружество Порта с Российскою державою заключила вечной мир и китаец торгует но с какими дворами неизвесно» (РГАДА: 10).

Утром 24 июня (5 июля) индейцы покинули окрестности мыса, успев несколько раз посетить «Чатем», где получили в подарок от Пьюджета «все те предметы, которые они считали ценными». В полдень 26 июня (7 июля) англичане простились с Пуртовым, который на прощание подарил им «одну бобровую матку и одну 3-х люшную байдарку». Расставаясь с ним, лейтенант Пьюджет изъявил свою признательность за оказанную ему помощь и дал высокую оценку личности самого Пуртова, который, по его мнению, «обладает умом и характером, не только способным на великие дела великодушия, но заслуживающим более почетного места в гражданском обществе, нежели то, что было предоставлено ему жребием его состояния» (Vancouver 1798: 236).

Выдачи аманатов от индейцев русские ждали до 30 июня (11 июля), «но не получили никакого известия». Тогда в Якутат поехал Куликалов «в 4 человеках русских и несколких кадьяхских». Ему в ответ заявили, что «ныне тово делать неможно». Когда Куликалов отъехал, то за ним погнались индейцы в каноэ и «поймав наших 3 байдарки 6-ти человек в числе тех захвата толмача Нечаева отъехали хотели освободить да байдарой едут к ним поспешно и в тот час приехала оставя у них Чеченева и с ним захваченных 5 человек отъехал неподалеку спросив их на какой раз они имеют удерживать отвечали чрез толмача што будто даной от нас аманат Семен Чеченев от них отъезжал просили чтоб одпустить Нечаева и продчих но мы сказали ежели только бежат от них наши аманаты и сколь скоро к нам будет возвратим с ними в свой табар и ввечеру отпустили работника толмача Нечаева в тот час приехали с моря кадьяхские 2 байдарки сказали што видели неподалеку 3 бата калю[ж]ских народов в тот час поспешили туда следовать русские 9 человек и несколько кадьяхских захвата те 3 бата в коих находились 14 человек в числе коих брат якутацкого тайона привезли к себе в табар» (РГАДА: 10об).

1 (12) июля Пуртов снова отправился в Якутат со всей партией, чтобы «освободить толмача Чеченева и с ним захваченных кадьяхских». Поскольку «Чатам» уже покинул Якутат, он обратился за помощью к Уильяму Брауну. Согласно рапорту Пуртова, «узнав о намерении нашей езды с аглицкого судна начальник приехав елботом вооруженной пушками предводительствова на нем сам начальник того судна в числе

6-ти человек матрозов... хотя мы отго[ва]рили и не требовали» (РГАДА: 10 об.–11). Сам же Браун утверждал, что русские прямо просили его «оказать им некоторую помощь»:

«Пуртов просил мистера Брауна оказать ему некоторую помощь, чтобы вернуть своих людей; с этой целью он с многочисленной флотилией каноэ и одной из лодок «Джэкала» направился вверх по заливу, и вскоре встретились с враждебно настроенными индейцами, которые после долгого обсуждения выдали пятерых пленников, а взамен получили пятерых своих товарищей, входивших в число тех, которые в отместку были взяты в плен русскими. Но прочие из группы, состоящей из двенадцати мужчин и женщин, были задержаны Пуртовым до тех пор, пока не будет возвращен еще один кадьякский индеец» (Vancouver 1798: 240).

Согласно рапорту самого Пуртова, тлинкиты вначале освободили афогнакского тойона и обещали привезти остальных, а уже 2 (13) июля акойский тойон привез «3-х человек наших кадьяцких, оставя у себя толмачей Чеченева и Нечаева». Уезжая, он просил дожждаться его возвращения, а русские, опасаясь какого-либо подвоха с его стороны, оставили заложниками «двух ево племянников и ево команды лудчего мужика родную ево дочь и безродного одново мальчика захваченных в 3-х батах в числе 14-ти человек и якутатскаго таиона брата удержали у себя». Кроме того, на всякий случай, «аманат угалягмутских и колюжских» перевезли на борт «Джэкала». Якутатский тойон просил, «чтоб возвратить ево брата [и] на место тово обещал прислать сына». Но 3 (14) июля Пуртов, не дождавшись присылки этих аманат и Нечаева, забрал имевшихся уже у него заложников с английского судна и направился в обратный путь (РГАДА: 11).

За время ведения промысла с 16 июня по 3 июля партия добыла 515 шкур калана, а в целом ее добыча составила 900 шкур. К 10 июля экспедиция достигла Нучека и после короткой встречи с лебедевцами продолжила свой путь на Кадьяк. Лебедевский мореход Самойлов просил, «чтоб дать им знания которых жил и таионов колюжских народов взяты нами аманаты [и было] позволено ему было со слов наших толмачей записать и по том обратно уехал» (РГАДА: 11 об.). В Павловскую гавань партия прибыла к началу августа.

В ходе первой экспедиции 1793 г. партия Пуртова за 40 дней с 6 июня по 15 июля преодолела расстояние около 1000 км от Воскресенской гавани до Ледяной бухты и обратно, причем расстояние примерно в 140 км от Воскресенской гавани почти до Грековского острова было покрыто флотилией всего за один световой день. В ходе второй экспедиции 1794 г. с 8 мая по начало августа партия Пуртова и Куликалова проделала еще больший путь – из устья Кенайского залива до Якутата, вернувшись затем на Кадьяк, – что составляет около 1790 км, потратив на это около 85 дней. При этом следует учитывать, что одновременно со

своим продвижением партия также вела активный промысел и временами вынужденно задерживалась на стоянках из-за непогоды.

Заключительные этапы деятельности Егора Пуртова

Следующий, 1795 г. был для Егора Пуртова не менее насыщенным. Из письма Г.И. Шелихову архимандрита Иоасафа от 18 мая 1795 г. известно, что во время конфликта между духовной миссией и А.А. Барановым Егор Пуртов занимал сторону Баранова. Иоасаф писал Шелихову: «не забудьте сыскать оказии поучить Пуртова здешняго бунтовщика. Он не только промышленных разстроил по поводам от Баранова, но и посельщиков, всем такую дичь и нелепицу внушает, что и слушать худо, вас ругает всюду, якобы вы государыню обманули и многие врет нелепости» (Иоасаф 1795).

Под «дичью и нелепицами», которые Пуртов якобы распространял о Шелихове, архимандрит имел в виду не только его показания пятилетней давности, но, вероятно, и прошение, поданное 11 марта 1795 г. А.А. Баранову от имени 83 старовояжных промышленных. Имя Егора Пуртова в списке подписавших находится на четвертом месте. Вызвав Баранова в казарму, промышленные зачитали ему прошение, в котором просили принять меры против незаконного раздела промыслов, обмеров и обсчетов, вину за которые они возлагали лично на Г.И. Шелихова. Баранову с немалым трудом удалось остановить волнения, признав справедливость выдвинутых людьми обвинений (К истории... 1957: 63–73, 73–83, 83–95).

Летом 1795 г. «промысловой отряд байдарок под начальством Пуртова и Кондакова отправлен [был] по обыкновенному пути до Якутата, а если можно будет, то и далее» (Хлебников 1835: 28). Одновременно непосредственно в Якутат для устройства поселения во главе группы поселенцев и промышленных был направлен Г.Г. Поломошный на судне «Три Святителя». Следом за ними в июне 1795 г. туда же направился и сам А.А. Баранов на судне «Ольга». Согласно его сведениям, партия Егора Пуртова и Михаила Кондакова столкнулась в Якутате с враждебным приемом: «Наша партия в Якутате потрусила колош, не видав от них никакого страха, и тем подала повод заключить о трусости нашей; однакож мы доказали им своим малолюдством, что они обманулись, полагая свою надежду на вымененные у иностранцов ружья... и я в доказательство показал им проворство и меткость наших орудий» (Хлебников 1835: 29). Об этом же сохранились сведения в журнале Дмитрия Тарханова. Он сообщает, что в июне 1795 г. партия намеревалась вести промысел на тлинкитской территории, но ей это было запрещено. Более того, тлинкиты преследовали партию на своих больших каноэ, но не смогли ее настичь. Летом 1796 г. флотилия Пуртова из 500 байдарок вновь появилась в этих краях, остановившись в Ледяной бухте и обратившись к тлинкитам с просьбой позволить им пройти через их

территорию. Получив такое разрешение, она вела промысел калана вплоть до 24 июня, добыв более 2000 шкур (Tarkhanov 2008: 70).

Дальнейшая судьба Егора Пуртова в настоящее время остается неизвестной. В составленной в апреле 1798 г. ведомости о разделе промысла, где перечисляются все служащие шелиховской компании за период с 1795 г., имя Егора Пуртова не значится (РГИА: 1–5об.6). Причина этого не вполне ясна, поскольку в той же ведомости тщательно перечислены умершие за этот период промышленные, но при этом отсутствует, например, имя несомненно еще живого на тот период товарища Пуртова по плаваниям – Демида Куликалова. Трудно предположить, по какой причине их имена не были включены в эту ведомость. В любом случае, подводя итог, можно утверждать, что «американская карьера» Пуртова, начавшаяся в 1787 г., завершилась спустя десять лет, возможно, вместе с его жизнью.

Примечания

¹ «Промышленной иркутской мещанин Егор Пуртов судна купцов курского Голикова и рыльского Шелехова» (Жалобы... 1790).

² Барабора – принятое в Русской Америке обозначение туземных жилищ.

³ Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю. Даты григорианского календаря, сообщаемые Дж. Ванкувером, даны в скобках.

⁴ Имеются в виду кадьякцы – выходцы из селений в бухте Угатов и на о. Угак.

⁵ Ричард Пирс ошибочно считал этим судном «Дженни» под командованием Джеймса Бейкера (Pierce 1990: 415).

⁶ В старом русском переводе книги Ванкувера первые встречи Пуртова с англичанами датируются серединой мая 1794 г., что является результатом невнимательности переводчика: говоря об этих встречах на страницах, действительно помеченных майскими числами, Ванкувер пересказывает рапорты Пьюджета, относящиеся к апрелю. В середине мая Пуртов никак не мог находиться в Кенайском заливе.

⁷ Относительно этого «русского названия» переводчик XIX в. отмечал, что «здесь должно быть какое-нибудь недоумение, потому что название сие есть очевидно английское» (Материалы для истории... 1863: 16). Вероятно, употребляя слово *Blying*, Ванкувер, как и в других случаях, пытался передать звуками английской речи услышанное им русское название местности.

⁸ Сибирский термин, обозначающий караван из оленьих упряжек. В данном случае, в виду явного отсутствия у эяков ездовых оленей, это слово может употребляться для общего обозначения всего имущества и утвари аборигенов на этой стоянке.

⁹ Один из двух братьев Кочесовых, Василий или Афанасий.

¹⁰ В варианте текста, опубликованном П.А. Тихменевым, эта ягода именуется глубеникой, что, согласно В.И. Далю, является сибирским диалектизмом – названием клубники, растения и ягоды.

¹¹ Отождествление мест, названия которых были записаны со слов Пуртова, представляет определенные трудности. Ф. де Лагуна предполагала, что рекой Малая Унала являются имеющие общее устье реки Циу и Циват, а название «Большая Унала» относится либо к р. Калиах (Laguna 1972: 154). «Ледяную Уналу» Пьюджет соотнес с мысом Риу. Опасную каменистую отмель Дж. Ванкувер соотнес с отмеченной на испанских картах отмелью Рока Памплона (Vancouver 1798: 225). В настоящее время, согласно гидрологическим исследованиям, глубина в указанной местности составляет около 122 м, и никакой опасной отмели здесь не существует. Предполагается, что она исчезла при

понижении уровня морского дна в связи с сейсмической активностью в данном регионе (Jordan 1958: 147–150, 156; Todd, Low 1967: A1, A11–A12; Laguna 1972: 99–100). Относительно разбившегося здесь галиота следует отметить, что нет никаких сведений о том, чтобы в этих водах когда-либо терпел крушение какой-либо русский корабль (Grinev 2011: 178–194). По мнению А.В. Гринёва, Пуртов рассказывал Пьюджету о крушении галиота «Три Святителя» на Уналашке в 1790 г. и его рассказ не был правильно понят из-за незнания англичанином русского языка. Однако представляется крайне маловероятным, чтобы Пуртов, находясь в Якутате и обсуждая с английским моряком особенности навигации в здешних водах, внезапно принялся бы рассказывать ему о кораблекрушении, произошедшем на Алеутских островах. Возможно, в этом сообщении действительно отразилось недопонимание между Пуртовым и Пьюджетом, связанное с имевшимся между ними языковым барьером, и Пьюджет неверно истолковал услышанный им рассказ о каком-то крушении в здешних водах, связав его с русским кораблем и преувеличив степень понесенного судном ущерба. Не исключено, что речь идет о какой-либо не нашедшей отражения в сохранившихся документах экспедиции компании Лебедева–Ласточкина, закончившейся повреждением судна и гибелью двух человек. Сам Ванкувер связывал этот рассказ о кораблекрушении с исчезновением в сентябре 1786 г. торгового судна «Морская выдра» капитана Уильяма Типпинга, которое последний раз видели в заливе Принс-Уильям (Vancouver 1798: 225). Ф. де Лагуна соотносила с этой историей легенды клана калиах-кагвантан о первом увиденном индейцами русском корабле, разбившемся либо в районе м. Якатага, либо близ м. Мэнби. Уцелевшие после крушения мужчины умерли, а спасшаяся женщина стала женой одного из юношей клана (Laguna 1972: 256).

Список источников

- Гринёв А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. М.: Academia, 2009.
- Жалобы туземцев Уналашки, 1790 г. // Yudin Collection of Russian-American Company Records: Complaints of Unalaska natives, 1790; Complaints of the natives of Unalaska District, 1790 Copies of correspondence to Nikolai Rezanov before his departure for trip around the world. 1790. Manuscript/Mixed Material. Retrieved from the Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/mss468700073/>
- Иоасаф, архимандрит. Письмо Г.И. Шелихову от 18 мая 1795 г. // Yudin Collection of Russian-American Company Records: Archimandrite Ioasaf to Shelikhov, 1795, May 18; Letter from Archimandrite Ioasaf to Grigorii Shelikhov. Kodiak Is. with English summary. 1795. Manuscript/Mixed Material. Retrieved from the Library of Congress. URL: www.loc.gov/item/mss468700003/
- К истории Российско-Американской компании: сб. докл. Красноярск: Тип. Дорож. отд-я Трансжелдориздата, 1957.
- Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. IV. СПб.: В типографии Морского министерства, 1863.
- Пасенюк Л.М. Русский зверобой в Америке. Майкоп: Газ.-изд. комплекс «Тхьам ыншэ́йу», 1999.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1605. Оп. 1. Д. 352. Переписка А.А. Баранова с Пуртовым Егором и Куликаловым Демидом об освоении земель и переписи населения на севере Аляски. 1793–1794 гг.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1672. Прил. № 5. Расположение о разделении приобретенного в компании промысла. 1798 г.
- Чебыкина Г. Устюжане в Русской Америке // Русская Америка 1799–1867: материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-Американской компании, 1799–1999». Москва, 6–10 сентября 1999 г. М.: Участок оперативной полиграфии ИВИ РАН, 1999. С. 127–135.

- Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб.: В Морской типографии, 1835.
- Jordan G.F. Pamplona Searidge 1779–1957 // *The International Hydrographic Review*. 1958. May. Vol. XXXV, № 1. P. 147–157.
- Howay F.W. The Ship *Margaret*: her History and Historian // *Annual report of the Hawaiian Historical Society for the Year 1929*. P. 34–40.
- Grinev A.V. Russian Maritime Catastrophes during the Colonization of Alaska, 1741–1867 // *Pacific Northwest Quarterly*. 2011. Vol. 102, № 4. P. 178–194.
- Laguna F. de. Under Mount Saint Elias. The History and Culture of the Yakutat Tlingit. Pt. 1. Washington, 1972.
- Lee H. The Magee Family and the Origins of the China Trade // *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*. Third Series. 1969. Vol. 81. P. 104–119.
- Pierce R. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston (Ontario); Fairbanks (Alaska): The Limestone Press, 1990.
- Tarkhanov D. Journal of 1796 // Anóoshi Lingít Aaní Ká. Russians in Tlingit America. The Battles of Sitka 1802 and 1804 / ed. by N. Dauenhauer, R. Dauenhauer, L. Black. Seattle; London; Juneau: University of Washington Press, Sealaska Heritage Institute, 2008. P. 67–87.
- Todd R., Low D. Recent Foraminifera from the Gulf of Alaska and Southeastern Alaska. Contributions to Paleontology. Geological Survey Professional Papers 573-A. Washington: U.S. Government Printing Office, 1967.
- Vancouver G. A voyage of discovery to the North Pacific Ocean, and round the world: in which the coast of north-west America has been carefully examined and accurately surveyed: Undertaken by His Majesty's command, principally with a view to ascertain the existence of any navigable communication between the North Pacific and North Atlantic Oceans, and performed in the years 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, and 1795, in the *Discovery* sloop of war, and armed tender *Chatham*, under the command of Captain George Vancouver. Vol. III. London: Printed for G.G. and J. Robinson, Paternoster-Row; and J. Edwards, Pall-Mall, 1798.

References

- Chebykina G. (1999) Ustyuzhane v Russkoj Amerike [Ustyuzhans in Russian America]. In: *Russkaya Amerika 1799–1867. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «K 200-letiyu obrazovaniya Rossijsko-Amerikanskoj kompanii, 1799–1999»*. Moskva, 6-10 sentyabrya 1999 g. [Russian America 1799–1867. Proceedings of the international conference “To the 200th anniversary of the formation of the Russian-American Company, 1799–1999.” Moscow, September 6-10, 1999]. Moscow: uchastok operativnoj poligrafii IVI RAN, pp. 127–135.
- Ioasaf, arhimandrit. Pis'mo G.I. Shelikhovu ot 18 maya 1795 g. [Letter from Archimandrite Ioasaf to Grigorii Shelikhov, May 18, 1795]. In: *Yudin Collection of Russian-American Company Records*: Archimandrite Ioasaf to Shelikhov, 1795, May 18; Letter from Archimandrite Ioasaf to Grigorii Shelikhov. Kodiak Is. with English summary. 1795. Manuscript/Mixed Material. Retrieved from the Library of Congress. Available at: www.loc.gov/item/mss468700003/
- Jordan G.F. (1958) Pamplona Searidge 1779–1957, *The International Hydrographic Review*. Vol. XXXV, no. 1, May, pp. 147–157.
- K istorii Rossijsko-Amerikanskoj kompanii: sb. dok.* [On the history of the Russian-American Company: a collection of documents]. Krasnoyarsk: Tip. Dorozh. otd-niya Transzheldorizdata, 1957.
- Khlebnikov K.T. (1835) *Zhizneopisanie Aleksandra Andreevicha Baranova, glavnogo pravatelya rossijskih kolonij v Amerike* [Biography of Alexander Andreevich Baranov, chief ruler of the Russian colonies in America]. St. Petersburg: v Morskoj tipografii.

- Howay F.W. (1929) The Ship Margaret: her History and Historian, *Annual report of the Hawaiian Historical Society for the Year*. pp. 34–40.
- Grinev A.V. (2009) *Kto est' kto v istorii Russkoj Ameriki* [Who is who in the history of Russian America]. Moscow: Academia.
- Grinev A.V. (2022) Russian Maritime Catastrophes during the Colonization of Alaska, 1741–1867. *Pacific Northwest Quarterly*. Vol. 102, no. 4, Fall. pp. 178–194.
- Laguna F. de, (1972) *Under Mount Saint Elias. The History and Culture of the Yakutat Tlingit*. Pt. 1. Washington.
- Lee H. (1969). The Magee Family and the Origins of the China Trade, *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*, Third Series, Vol. 81, pp. 104–119.
- Materialy dlya istorii russkikh zaselenij po beregam Vostochnogo okeana. Vyp. IV* [Materials for the history of Russian settlements along the shores of the Eastern Ocean. Vol. IV]. St. Petersburg: v tipografii Morskogo ministerstva, 1863.
- Pasenyuk L.M. (1999). *Russkij zveroboj v Amerike* [Russian hunter in America]. Majkop: Gaz.-izd. kompleks «Th'am ynshel».
- Pierce R. (1990). *Russian America: A Biographical Dictionary*. The Limestone Press: Kingston (Ontario) – Fairbanks (Alaska).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1605. List 1. File 352. *Perepiska A.A. Baranova s Purtovym Egorom i Kulikalovym Demidom ob osvoenii zemel' i perepisi naseleniya na severe Alyaski. 1793–1794 gg.* [Correspondence of A.A. Baranova with Egor Purtov and Demid Kulikalov about land development and population census in northern Alaska. 1793–1794].
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1374. List 2. File 1672. App. № 5. *Raspolozhenie o razdelenii priobretennogo v kompanii promysla. 1798 g.* [The location of the division of the fishery acquired in the company. 1798].
- Tarkhanov D. (2008) Journal of 1796. In: *Anóoshi Lingít Aaní Ká. Russians in Tlingit America. The Battles of Sitka 1802 and 1804* / ed. by Dauenhauer N., Dauenhauer R., Black L. University of Washington Press, Sealaska Heritage Institute: Seattle & London – Juneau, pp. 67–87.
- Todd R., Low D. (1967) *Recent Foraminifera from the Gulf of Alaska and Southeastern Alaska. Contributions to Paleontology. Geological Survey Professional Papers 573-A*. Washington: U.S. Government Printing Office.
- Vancouver G. (1798) *A voyage of discovery to the North Pacific Ocean, and round the world: in which the coast of north-west America has been carefully examined and accurately surveyed: Undertaken by His Majesty's command, principally with a view to ascertain the existence of any navigable communication between the North Pacific and North Atlantic Oceans, and performed in the years 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, and 1795, in the Discovery sloop of war, and armed tender Chatham, under the command of Captain George Vancouver*. Vol. III. London: printed for G.G. and J. Robinson, Paternoster-Row; and J. Edwards, Pall-Mall.
- Zhaloby tuzemcev Unalashki, 1790 g. [Complaints of Unalaska natives, 1790]. In: *Yudin Collection of Russian-American Company Records: Complaints of Unalaska natives, 1790; Complaints of the natives of Unalaska District, 1790* Copies of correspondence to Nikolai Rezanov before his departure for trip around the world. 1790. Manuscript/Mixed Material. Retrieved from the Library of Congress. Available at: <https://www.loc.gov/item/mss468700073/>

Сведения об авторе:

ЗОРИН Александр Васильевич – кандидат исторических наук, главный хранитель, Курский государственный областной музей археологии (Курск, Россия). E-mail: tlingit@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alexandr V. Zorin, Kursk State Regional Museum of Archaeology (Kursk, Russian Federation). E-mail: tlingit@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья

УДК 325.3

doi: 10.17223/2312461X/42/5

Последствия деятельности европейского колониализма на Тихоокеанском Севере Америки начиная с XVI в.

Карлос Хункера Рубио

*Университет Комплутенсе, Мадрид, Испания,
junrub@telefonica.net*

Аннотация. Рассматриваются последствия европейского колониализма на Тихоокеанском Севере. В первую очередь Испания начала колонизировать Нижнюю Калифорнию, затем, продвинувшись на север, она поглотила Верхнюю Калифорнию. Россия начала свой проект с колонизации азиатского побережья, позднее она достигла американского берега. Два колониальных потока встретятся в Верхней Калифорнии. Другие державы, такие как Великобритания и США, действовали сходным образом. Христианские миссионеры изначально выступили адептами колонизации. За более чем трехвековой период колониального присутствия природная среда претерпела существенные изменения, губительно отразившиеся на многих видах фауны и флоры.

Ключевые слова: Тихоокеанский Север, колонизация, земледелие, охота и рыболовство, торговля пушниной

Для цитирования: Хункера Рубио К. Последствия деятельности европейского колониализма на Тихоокеанском Севере Америки начиная с XVI в. // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 88–110. doi: 10.17223/2312461X/42/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/5

The Impact of European Colonialism in the North American Pacific from the 16th Century

Carlos Junquera Rubio

Complutense University of Madrid, Spain, junrub@telefonica.net

Abstract. This essay deals with the impacts caused by European colonialism in the North Pacific by the colonizing nations that became present in that part of the world. From a historical and geographical point of view, initiatives on the coast began at two distant points. In the first place, Spain colonized Baja California, and later it would advance northward and absorb Alta California. Russia began its project on the Asian coast and would later reach the American one. Both “colonialisms” will meet in Alta California. Other powers like Great Britain and the United States acted as well. The

flora and fauna suffered from these presences and was even modified in notable aspects. Religious beliefs were involved from the very beginning in the colonization.

Keywords: North Pacific, colonization, agricultural activities, hunting and fishing, fur trade

For citation: Junquera Rubio, C. (2023) The Impact of European Colonialism in the North American Pacific from the 16th Century. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 88–110 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/5

Введение

С момента своего появления люди начали оказывать воздействие на экосистемы. В долгой истории данной проблемы, в силу фактора случайности, это воздействие на одни экосистемы могло быть значительнее, чем на другие.

В конце XIV в. португальцы и испанцы приступили к беспрецедентной географической экспансии, в результате которой были открыты африканское, американское и азиатское побережья, а также рассеянные на морских просторах острова. Немного позже за ними последовали Великобритания, Франция и Нидерланды.

Русские, которые уже в XVII в. доминировали в Сибири, пересекли Тихий океан с небольшим опозданием и обосновались на Аляске. Они оставались здесь до 1867 г., когда продали свои владения США. Русская колонизация глубоко укоренилась благодаря основанным в миссионерских центрах школам. Когда в 1889 г. губернатор Альфред П. Свайнфорд попросил североамериканское правительство прислать учителей и миссионеров для борьбы с предшествующей системой образования, которое велось на русском и аборигенном языках в семнадцати селениях, аляскинцы не захотели отказаться от прежней модели образования и отвергли ту, которую им навязывали новые владельцы Аляски (Junquera Rubio et Valladares Fernández 2019).

В этой статье рассматриваются изменения, вызванные европейцами в тихоокеанском секторе Северной Америки, в процессе глобализации, зародившейся в начале эпохи Нового времени. Несколько колониальных наций сразу стали воздействовать на ландшафты, которые мы сегодня рассматриваем как локальные. Иногда мы определяем их как региональные, не объединяя в одно целое. Географические открытия конца Средневековья явились причиной развития картографии, поскольку появилась необходимость зафиксировать масштабы того, что было открыто. Португальцы, испанцы, голландцы, французы, британцы и русские будут усердно развивать эту науку.

Колонизация изменила множество ландшафтов, но к ее началу эти территории были заняты обществами, поселившимися здесь многими веками ранее. Ландшафты уже не были первозданными, так как коренные

жители в большей или меньшей степени действовали таким же образом. Америку, открытую Христофором Колумбом¹, населяли разнообразные общества охотников и собирателей, а также земледельцев. Конкистадор Эрнандо Кортес был поражен разработанной ацтеками системой *чинамп*, а когда Франциско Писарро появился на территории северной части современного Перу, он обнаружил здесь сеть каналов (Brüning 1923).

Развитие европейского колониализма благоприятно сказалось на так называемой индустриальной революции. Данный феномен не был быстрым. Сегодня стало ясно, что интенсивная эксплуатация ресурсов европейцами, которая началась к 1500 г., закончилась, если можно так сказать, с индустриализацией Великобритании и достигла своих главных целей в XIX в., когда вся Америка стала полностью независимой и большинство ее сегодняшних штатов уже возникло.

Главной темой данной статьи являются изменения в природной среде, произошедшие на Тихоокеанском Севере. Этот регион простирается от Нижней Калифорнии до арктических широт, а в плане хронологии я взял период с XVI в., когда здесь появились европейцы, и до конца XIX столетия.

Основными колониальными агентами в североамериканской Пачифике были Испания, Великобритания и Россия. Колонисты из этих стран трансформировали ландшафты, которые до них уже были изменены индигенными сообществами. Традиционная охота уступила место интенсивному колониальному промыслу, базирующемуся на добыче ценных мехов и торговле ими. Миссионеры больше других стремились внедрить в аборигенную среду земледелие по европейскому образцу. Иностранное присутствие не способствовало бережному отношению к морским ресурсам. В частности каланы, шкуры которых высоко ценились, были почти полностью истреблены русскими торговцами (Ogden 1941). Сейчас положение изменилось, и Россия стала лучшей в деле восстановления популяции этого животного. В данном тексте дается оценка некоторым фактам, имеющим отношение к Испании и России.

Глобализация Нового времени

Современная глобализация зарождается в Европе, когда некоторые нации преодолевают феодализм и становятся абсолютными монархиями. Это изменение оказалось важным для экономики. Данный феномен начинает формироваться в XV в. и обретает окончательную форму в XVI в. Можно допустить, что он появился в Португалии и Испании, но был незамедлительно подхвачен Нидерландами, Великобританией и Францией. Другие нации претерпели этот процесс несколько позже.

Изменение ситуации произошло из-за того, что эти нации стали высокоцентрализованными политическими общностями с абсолютной королевской властью. Эти корпорации инициировали получение

сельскохозяйственного излишка, установив обменные связи с колониями, что сразу же повлекло за собой возникновение коммерческих сетей. Кроме того, данные обстоятельства сделали возможными территориальную экспансию без необходимости захвата территорий, принадлежащих соседям. Эти объективные условия выступают в качестве факторов консолидации колониализма в начале Нового времени (Elliot 2006).

Этот процесс усилился с технологическим совершенствованием морского транспорта. Корабли стали мощнее и надежнее, что благоприятно сказалось на перемещении людей и товаров с одного континента на другой. Данные новшества также породили историческое бедствие – торговлю африканскими рабами в Америке (Wood 1997). Помимо прочего, европейский колониализм использовал религиозные верования как средство распространения по другим континентам (Bottomley 2022).

Информация о европейских колониях известна от хроникеров, путешественников, солдат и главным образом миссионеров. Заморские территории, несомненно, расценивались как периферийные или пограничные. Колонисты отправлялись туда в поисках лучшей жизни. Появились и легенды, искажающие реальные события, и в некоторых местах остались еще их доверчивые адепты, полагающие, что вымыслы являются истиной (Rojas Mix 1991, 1992).

В испанском варианте эти территории стали вице-королевствами и генерал-капитанствами. В них действовали энкомьенды и миссии, позднее возникли города с муниципалитетами.

В Северной Америке европейские колонисты продвигались на запад, постоянно смещая линию границы. Британская Корона установила запрет на проникновение за горную цепь Аппалачей, но однажды тринадцать колоний взбунтовались и в итоге достигли побережья Тихого океана. Тёрнер возвел изучение феномена границы на новый уровень, утверждая, что ее изменение явилось благом для всех (Turner 1893: 199–227), и его точка зрения обрела широкий круг последователей. Колониальные экономики процветали благодаря интенсивному земледелию и скотоводству. Это обстоятельство изменяло ландшафт, в некоторых местах даже кардинально.

Национальные лидеры понимали, что новые территории располагались очень далеко, и для контроля над ними необходимы силы и институты на местах. На приграничных территориях с другими колониальными державами возводились форты для защиты колонистов. Параллельно основывались миссии, помогавшие интегрировать и успокаивать как тех, кто уже находился под властью короля, так и тех, кто пока еще не находился. Например, когда Испания приняла решение колонизировать Верхнюю Калифорнию, она стала основывать там *пресидио*² и миссии – институты, уже известные в вице-королевстве Новая Испания (Bancroft 1886; Moorhead 2004; Yenne 2004).

В процессе развития европейского колониализма в Центральной Америке следует различать несколько конкретных ситуаций и рассматривать их в трех аспектах.

Во-первых, военные центры и миссии были аванпостами, руководимыми горсткой колониальных агентов и миссионеров. Их экономический успех зависел либо от местной рабочей силы, либо от труда ввозимых из Африки рабов. Европейцы жили в центрах городов, а коренное население занимало периферийные кварталы. Даже на церковную службу они шли в разные здания. На американских территориях европейцы рождались свободными, и это распространялось на их потомков, даже если они были метисами. В случае, если свободные люди были вынуждены работать на землевладельцев, они все равно нанимались на работу и получали заработную плату. Аборигены же были подневольными с самого начала колониального периода, и в некоторых случаях это вызывало протест. Так, Барталоме де Лас Касас прошел путь от энкомьендеро³ до защитника индейцев (Junquera Rubio 1988: 191–205). Безусловно, это частный случай, а не правило, поскольку колонисты продолжали беспощадно эксплуатировать ландшафты, уже освободившись от власти Испании и Португалии и образовав американские республики, как это было, например, в эпоху каучукового бума 1880–1920 гг. (Junquera Rubio 1995, 2022). Сходные примеры можно привести и относительно Северной Америки (Morse 1969; Brehaut 1971; Huck 2002; Junquera Rubio 2017).

Во-вторых, многочисленные семьи первой волны иммиграции развивали экономики натурального жизнеобеспечения, базировавшиеся на земледелии и скотоводстве. Такие ситуации, типичные для пограничных зон, возникали по причине отсутствия транспортных путей. Как мне представляется, это было общим признаком для всех типов колонизации.

Каролин Мерчант, исследовавшая изменения, произошедшие в Новой Англии в период между 1600 и 1860 гг., подчеркивает, что английские земледельцы прибыли в эту местность в качестве иммигрантов со своими семьями, и им пришлось обратиться к экономике смешанного типа, основывавшейся исключительно на земледелии и скотоводстве. В такой ситуации они были вынуждены прибегнуть к натуральному обмену излишков произведенной продукции на необходимые вещи, которые они еще не могли производить (Merchant 2010: 149–192).

Колонии, в которых не практиковалось ни земледелие, ни скотоводство, напротив, сделались индустриальными предприятиями, потому что их задачи состояли в получении прибыли акционерами, и их производство было полностью ориентировано на торговлю. При таком типе колонизации фактории, торгующие пушниной, или рыбоконсервные заводы⁴ поставляли товар на рынки метрополий и в другие страны, где он пользовался спросом. Миссионеры пытались организовывать самодостаточные миссионерские посты. Они производили земледельческую и

скотоводческую продукцию для обеспечения живших в них людей, а излишек поставлялся предприятиям колониальной инфраструктуры и частным лицам, к которым относились чиновники, военные, случайные путешественники и многие другие.

В-третьих, надо понимать, что миссионеры наставляли представителей индигенных сообществ «с радостью» принимать появление колонистов, что в реальности означало установление европейских порядков. В каждой выбранной для основания колонии местности религия являлась основой процесса консолидации. Миссионеры различных христианских конфессий были исследователями-первопроходцами, находившими важные стратегические места, впоследствии занимаемые колонистами и военными.

Испанская и португальская колонизации оказали воздействие на окружающую среду, и последствия этого воздействия следует признать глобальными. Колониями тогда управляли лица, назначаемые короной или подвластными ей административными институтами. В последние годы XV в. и в начале XVI в. они действовали исходя из критериев монополизма.

В других странах сформировались альтернативные модели колонизации заморских территорий. Начиная с 1600-х гг. Англия, Франция, Нидерланды, Швеция и Дания создают институты для эффективного и инновационного управления колониальными делами. Они создавали акционерные компании на капиталистической основе с правом вести дела с разрешения правящей на данной территории короны. Россия последовала по этому пути, когда Павел I в 1799 г. поддержал идею создания Российско-американской компании для ведения дел на Тихоокеанском и Американском Севере (Pierce 1965).

Эти компании располагали органами управления и военной защитой для отражения атак иностранных конкурентов. Первой стала английская Компания Гудзонова залива, по образу которой создавались Вест-Индская и Ост-Индская компании. Примеру Англии незамедлительно последовали Нидерланды, Франция, а также Швеция, Дания и Россия. Акционерные компании усилились, когда прибыль и рост капитала привлекли большее количество акционеров. В случае возникновения разногласий власти наводили порядок путем слияния соперничающих компаний, как это было в случае с Компанией Гудзонова залива и Северо-Западной компанией (Huck 2002; Junquera Rubio 2019).

Эти консорциумы действовали как монополисты. Их общими задачами было установление товарообменных отношений и экономическое развитие «периферий», в какой бы части мира они не находились. Каждый из них имел своих собственных управляющих, обладавших всеми полномочиями руководства колониальными предприятиями на благо

инвесторов и акционеров, интересы которых им приходилось учитывать (Rodríguez García 2005).

Особенности европейских колонизаций Северной Америки

Испания начала экспансию в Америку в 1492 г. Христофор Колумб совершил четыре плавания в регион Карибских островов и к побережью современной Центральной Америки. Последнее путешествие состоялось в 1502 г. (Manzano Manzano 1976). За Испанией последовали другие колониальные державы. Сначала Франция заняла бассейн р. Св. Лаврентия, а позднее миссионеры-иезуиты совершили многочисленные путешествия в бассейн Миссисипи и ее притоков, оставив после себя многотомную документацию, известную под названием «Реляции иезуитов».

В 1620 г. губернатором Новой Франции назначается Самюэль Шамплен, который прежде уже посещал некоторые районы, которые позднее станут Новой Францией. До этого Канада уже была описана Жаком Картье, совершившим туда в период с 1534 по 1542 г. три путешествия (Cook 2017). Французской короне понадобилось семьдесят восемь лет для принятия решения об основании колонии в этой части света.

Великобритания начала колонизацию Америки с основания поселений в Новой Англии и на юге современных Соединенных Штатов. Первые колонизационные начинания вели агенты, работавшие как на колониальную администрацию, так и на миссии. Небольшая часть этой группы занималась выращиванием коммерческих культурных растений. Первым таким растением стал табак, а вслед за ним – пользовавшийся высоким спросом сахарный тростник. Видя перспективу значительной выгоды, финансовые инвесторы, торговцы и плантаторы вложили денежные средства в создание плантаций сахарного тростника на Антильских островах, на которых сначала работали коренные жители, а затем привезенные из Африки рабы (Sellers 1950; Smith 2017; Silkenat 2022).

Другой важной статьей дохода на территориях современных США и Канады были ценные меха. Первую мехоторговую компанию, изменив своей стране и перейдя на сторону англичан, организовали два свояка-француза, Пьер-Эспри Радиссон и Медар де Гроссэе. Так, некоторое время спустя появилось самое большое предприятие, какого прежде Северная Америка никогда не видела, – Компания Гудзонова залива (КГЗ), которая внедрялась в ландшафты ради добычи огромного количества шкурок и оказывала негативное воздействие на индигенные сообщества (Rich 1958, 1959, 1966; Junquera Rubio 2018: 95–120, 2019, 2021, 2022).

Наряду с КГЗ действовали и другие крупные компании: Северо-Западная компания – тоже английская; французская Компания Новой Франции, она же Компания ста участников; Североамериканская

пушная компания, Тихоокеанская пушная компания; Компания Новых Нидерландов и Российско-Американская компания.

Некоторые виды, такие как бобр и калан, были практически истреблены. В удобных местах на побережье Тихого океана компании организовывали порты для экспорта продукции на рынок. Некоторые из этих портов получили широкую известность по причине их важности и удобства подхода, погрузки и разгрузки кораблей.

Еще до открытия Америки рыбаки из стран Западной Европы начали эксплуатировать богатые запасы трески на северо-западе Атлантики (Innis 1940; Bélanger 1980; Blake 2001; Rose 2007). К 1500 г. баски, галисийцы, португальцы, бретонцы, англичане и другие народы вели сезонный промысел у берегов Новой Англии, Новой Шотландии, Ньюфаундленда и Лабрадора. Одни команды, занимаясь ловлей атлантической трески (*Gadus morhua*) в холодных водах Северной Атлантики, мариновали рыбу прямо на борту⁵ и сразу доставляли в европейские порты. Другие устраивали рыболовные стоянки на американских берегах, где перерабатывали обильный улов.

В период между 1500–1600 гг. западноевропейские рыбаки добывали китов в холодных водах Гренландии, на рынке был большой спрос на продукты, получаемые из различных видов китообразных (Serna Vallejo 2014: 79–119). По примеру ловцов трески китобои устраивали станции для переработки продукции на побережье Лабрадора, Гренландии и некоторых арктических островов. Они вытапливали ворвань для изготовления косметики и медикаментов, а также получали китовый ус для корсетов и зонтов и кость, из которой делали мебель и украшения (Campos Santacana et Peñalba Otaduy 1997: 251–262).

Колониальная идеология как двигатель воздействия на ландшафты

Колониальная политика быстро развивалась, меняя ландшафты, с которыми она вступила во взаимодействие. Воздействие на природу происходило в зависимости от колебаний на рынке, в связи с которыми колониальным администрациям приходилось интенсивнее эксплуатировать ресурсы. Метрополии быстро и повсеместно поддерживали активность в этой области. Изменения, привнесенные в различные экосистемы в XVI в., явились негативными событиями, никогда не происходившими ранее. Некоторые из деформаций окружающей среды, рассмотренные ниже, в особенности имеют отношение к Нижней и Верхней Калифорнии.

Индустрия, связанная с рыболовством

Исследователи утверждают, что коммерческое рыболовство оказало сильное воздействие и на морские и на наземные экосистемы. Для деятельности рыбаков был характерен чрезмерный промысел. Коммерциализация серьезно воздействовала на ресурсы. В ответ на запросы рынка, началась интенсивная эксплуатация богатых запасов атлантической трески в водах Северной Атлантики. Такая картина начала вырисовываться еще в позднее Средневековье и сформировалась к началу Нового времени. Тема получила широкую известность во второй половине XX в., когда стали публиковаться относящиеся к этому историческому явлению данные, свидетельствующие, что размер вылова в период с 1500 по 1600 г. был значительно больше, чем это можно себе представить (Innis 1940; Chantraine 1993; Wright 1997; Hamilton, Butler 2001).

Торговля ценным мехом

Коренные жители Америки всегда занимались охотой на разных животных, обитавших в различных ландшафтах, так как они составляли основную долю в их рационе. Эта деятельность никогда не была связана с торговлей, они охотились, чтобы выжить. Появление европейцев радикально изменило настоящее и будущее индигенных сообществ и скрытых в ландшафтах экономических ресурсов. Северная Америка стала поставщиком пушнины на европейские рынки.

Археологические данные свидетельствуют, что способы охоты, применявшиеся индигенными сообществами в доколониальную эпоху, очень изменились с приходом европейцев. Интенсивный промысел за короткое время существенно сократил численность зверя и даже привел к значимым изменениям в обычаях и идентичности многих сообществ (Ray 1998; Junquera Rubio 2006, 2019, 2021).

Мехоторговля, внедренная служащими европейских компаний, значимо модифицировала охотничьи практики коренного населения. Важнейшая причина крылась в том, что, поставляя шкуры в торговый пост, индигенные группы получали в обмен ввезенные из метрополии товары, а среди них были два, оставившие крайне негативный след, – огнестрельное оружие и алкоголь.

Высокий спрос на шкуры таких животных, как бобр и калан, привел к перепромыслу этих видов. Популяции других животных тоже сократились. По мере того как виды вытеснялись и вымирали, ускорялось продвижение пушных компаний на новые еще не опустошенные территории, в западные районы Северной Америки и на побережье Пацифики, где они основывали торговые форты и поселения (Ross 1855, I–II).

Немедленным результатом стали экологические трансформации, также повлекшие за собой исчезновение многих подпитывавших мировую мехоторговлю видов (Morse 1969; Junquera Rubio 2018: 95–120, 2021). Данная

ситуация имела многочисленные последствия для индейцев, которым эта фауна давала пищу, одежду и формировала религиозные верования, выработанные еще их предками (Junquera Rubio 2021).

К середине XIX в. бобр и калан были почти истреблены. Ситуацию усложнило то, что эти два вида поддерживали баланс в наземной и водной экосистемах. Бобр является экологическим «инженером», создающим влажную среду для растительности, строя плотины и образуя водоемы, которые в свою очередь питают рост травы и пресноводные растения, привлекают рыбу и водоплавающую птицу, скопу, а также других птиц и животных (Butler et Malanson 199: 76–79; Bylak et al. 2014: 1603–1615). Массовое исчезновение бобра привело к многочисленным негативным последствиям. Сходное значение для морских экосистем северного побережья Пацифики имеет калан (Ogden 1941).

Плантации

Плантации получили широкую известность после того, как голливудский кинематограф, стал снимать о них фильмы. Коммерческая стратегия европейцев состояла в выращивании на больших площадях культур, идущих на рынок. Это были такие монокультуры, как сахар, кофе, табак, хлопок и какао. Продукция морским путем сначала экспортировалась в европейские порты, а затем в североамериканские (Thompson 2011; Smith 2017; Silkenat 2022). Чтобы получить земли для плантаций, сначала нужно было вырубить первозданные леса, а затем выжечь все, что было вырублено. Почва от этого удобрялась, но такие действия кардинально меняли и большие и малые экосистемы. В целом в умеренных и тропических областях обеих Америк чрезмерная эксплуатация привела к истощению, эрозии и бесплодности почв.

Миссионерские центры

Миссионерские центры изначально были ориентированы на земледелие, скотоводство и ремесленное производство. Миссионеры внесли многочисленные изменения в локальные экосистемы и действовали так же, как их светские соотечественники на плантациях и земельных наделах (Schott 1966; Cronon 1983; Crosby 2004; Merchant 2010).

Миссионеры интродуцировали в американские экосистемы множество новых видов: пшеницу, ячмень, оливки, виноград, плодовые деревья и огромное число овощных растений. В культуру возделывания земли они внесли прополку, поскольку прежде туземцы никогда об этом не заботились.

Европейская фауна также освоилась на американской земле. В различных областях Нового Света появились свиньи, коровы, быки, буйволы, мулы, ослы, овцы, козы и т.д. Вскоре они стали иметь большое экономическое значение. Животные относительно свободно перемещались по

территории. Только пастбища были огорожены, чтобы скот арендаторов не мог потравить пшеничные поля. Свободно пасущийся скот, как домашний, так и одичавший, выедал и вытапывал местную растительность (Machado 1971: 159–165; Crosby 2004: 172–182).

Необходимость наличия пахотных земель сделала повсеместной практику вырубки лесов. Испанцы, португальцы, голландцы, французы и англичане – все поступали одинаково. Колонисты вырубали и выжигали девственные леса, чтобы расчистить участки под пашню и строительство новых поселений. Кроме того, древесина была нужна для строительства, отопления, освещения и приготовления пищи (Cronon 1983: 116–121; Grove, 1997; DeLoughrey, Handley 2011; Marchand 2016).

Триумф колониализма

С самого начала колонии продемонстрировали, что они могут быстро разрастаться. Причина такой скорости состояла в том, что они руководствовались законом спроса и предложения, обусловленным ситуацией на мировом рынке. К тому же миссионерские аванпосты основывались в самых удаленных местах благодаря стараниям миссионеров, финансовой помощи церкви и поддержке национальных правительств.

Колониальная динамика усилилась, когда европейцы начали потреблять китайский чай, кофе и мезоамериканское какао, произведенные на плантациях табак, сахар и иные продукты. Спрос на них в XVII в. увеличился, и это привело к выращиванию сахарного тростника на Карибских островах, что в свою очередь требовало покупки рабов. Португальские, испанские, французские, британские, голландские, шведские и датские торговцы стали ввозить рабочую силу из Африки. Это было бесчеловечное предприятие мирового масштаба, на которое все религиозные конфессии ответили молчанием (Del Rey et Canales 2014; Junquera Rubio 2020).

В Северной Америке цена на бобровый мех взлетела по причине того, что из него стали изготавливать шляпы, пользовавшиеся особой популярностью у мужчин в Европе, включая высшие слои французского общества, вплоть до 1840-х гг. (Dechêne 1974; Allaire 1999). Данный спрос стимулировал быстрое продвижение агентов пушных торговых компаний на запад, к большим рекам и их притокам, где обитали эти животные. По мере того как они вылавливались и исчезали, торговцы продолжали смещаться на запад на поиски еще не охваченных промыслом их мест обитания и племен, имевших доступ в эти незнакомые области. Представители данных племен могли дать знать, где зверя можно добывать в особо больших количествах (Morse 1969; Bréhaut 1971; Huck 2002; Junquera Rubio 2018: 95–120, 2019).

В период между 1500–1700 гг. англичане, голландцы и французы соперничали за контроль над стратегическими пунктами, удобными для торговли с восточными племенами, в первую очередь алгонкинскими. В начале XIX в. такое же соперничество возникло между британцами и североамериканцами. Актеры поменялись, но сценарий остался прежним. Секретная экспедиция Льюиса и Кларка, отправленная самим президентом Джефферсоном, в 1804–1806 гг. прошла вверх по р. Миссури от Сент-Луиса до побережья Орегона, миновав одиннадцать мест, где происходила торговля мехами (Junquera Rubio 2017).

Францисканские миссионеры в 1500–1700 гг. были основными рычагами испанского культурного воздействия на территорию, именуемую теперь Юго-Запад США и включающую в себя штаты Техас, Нью-Мексико, Аризона и Нижнюю Калифорнию (Castillo et Jackson 1995; Lake 2006; Van Buren 2010; Hackel 2017).

Различные последствия колониального присутствия в Америке, так же как и последовавшие за этим феноменом изменения окружающей среды, явились результатом деятельности и коренных жителей, и европейцев (Henry 2019; Kumar 2021: 280–309). В обеих Калифорниях францисканские миссионеры быстро организовали вырубку коренных лесов и выкорчевку кустарниковых зарослей, которые стали собственностью миссий, и решение по их поводу принималось стоявшими во главе каждой из них настоятелями. Тем временем коренные жители оставались охотниками и собирателями, поэтому внешние изменения сказались на них очень заметно. Впрочем, ухудшение условий жизни вскоре испытало на себе как коренное население, так и европейцы (Bancroft 1886, vol. II; Yenne 2004; Jones et Klar 2007).

Перед лицом этих негативных фактов национальные правительства, колониальные администрации и частные предприятия признали необходимость сохранения и восстановления окружающей среды. Пример тому можно видеть в деятельности Российско-американской компании, которая инициировала *запуск* или временное прекращение промысла некоторых видов животных, чтобы их численность смогла восстановиться. Это решение было применимо к ситуации, в которой, как думали управляющие, практика сохранения могла помочь восстановлению различных локальных популяций, например морского льва (Kashevarov 1989: 518).

Что касается лесов, сначала тревогу забили в тропических областях, куда первые колонисты прибыли еще в XV в. Карибские острова первыми испытали на себе их негативное воздействие (Knight 1978; Sluyter 2001: 410–428; DaCosta 2007). Двумя столетиями позже обеспокоенность в обществе возросла. В частности, стало заметным уменьшение количества осадков, и это факт связали с деградацией ландшафтов, степень которой могла привести к экологической катастрофе. По этой причине

были приняты первые решения, направленные на прекращение бесконтрольной эксплуатации лесных ресурсов (Grove 1997: 5–8).

Колонизация Калифорнии

Калифорнийский регион занимает важное место в Северной Америке, в особенности его тихоокеанское побережье. Для него характерно большое разнообразие экосистем. В южных районах преобладают засушливые зоны, есть даже небольшие пустыни, в то время как в районе Сан-Франциско, на севере, растут леса со знаменитыми огромными секвойями.

Как и везде в обеих Америках, в Калифорнии испанцы сразу обозначили свое присутствие, обосновав колониальные селения и религиозные миссии. Эта эпопея началась в местности, которую сейчас называют Нижняя Калифорния. Кортес, узнав о существовании Тихого океана, отправил на его поиски экспедицию. Воздействие на этот обширный регион началось в 1534 г., когда Фортун Хименес, первооткрыватель этого полуострова, прошел по омывающим его водам.

После него по морю Кортеса и вдоль Тихоокеанского побережья прошел Франсиско Уллоа. Три корабля под его командованием вышли из Акапулько и двинулись в северном направлении. Путешествие датируется 1539–1540 гг., и о нем сохранились документированные сведения. Один из кораблей вернулся, и Кортес получил отчет (Junquera Rubio 2019: 171–191; 2022). Мы не знаем, что стало с двумя другими кораблями. Уллоа и его спутники пропали, и причина этого исчезновения до сих пор неизвестна.

Калифорния дает яркий пример для переосмысления недавнего и далекого прошлого. Есть мнение, что изменения калифорнийских ландшафтов стали происходить только после 1850 г., когда так называемая золотая лихорадка повлекла за собой первое серьезное воздействие на среду, так как произошло не только открытие территорий, но и переселение сюда огромного числа европейских и североамериканских иммигрантов с побережья Атлантики (Brands 2003). Эти события дали начало урбанизации, интенсивному сельскому хозяйству и индустриализации – процессам, пришедшимся на конец XIX – начало XX в. (Merchant 2002).

Не вызывает сомнений, что воздействия на ландшафты происходили в Калифорнии еще в древности, но я рассмотрю те из них, которые начались в Новое время вместе с испанской, а затем мексиканской колонизацией. Кроме того, нельзя игнорировать присутствие русских, затем жителей США (Preston 1997). Золотоискательский бум XIX в., разведка и добыча нефти, развитие больших городов и еще многое другое явились феноменами, оказавшими крайне негативное воздействие на различные ландшафты.

Миссионеры-иезуиты находились в Калифорнии с 1697 г. до момента их изгнания из всех контролируемых Испанией территорий по распоряжению короля Карлоса III в 1767 г. После их ухода миссиями Нижней Калифорнии занялись францисканцы, которые затем переместились в Верхнюю Калифорнию, а их место заняли доминиканцы. Миссионеры все время опирались на поддержку военных, расквартированных поблизости от тюрем, так как эти два института всегда были рядом на протяжении всего существования вице-королевства Новая Испания (Moorhead 2004; Lightfoot 2013: 89–103).

Испания активно действовала в Калифорнии, но у нее никогда не было компаний корпоративного типа. У русских была Российско-американская компания, основавшая многочисленные посты. В 1812 г. это общество основало колонию в Верхней Калифорнии. Центр, именуемый Форт-Росс, существует до сих пор и является известным туристическим местом. Промысел калана, котика и другого морского зверя вели главным образом пришлые алеуты. Здесь также имелось несколько ранчерий, где работали коренные жители Калифорнии, снабжавшие аляскинские колонии овощами.

Воздействие европейских колонизаций на разные районы Калифорнии

Есть мнение, что американские аборигены бережно относились к экологическим нишам, никак их не изменяя. Полагаю, такая идиллическая картина существует лишь в воображении многочисленных сторонников такого подхода. Сейчас совершенно очевидно, что общества охотников и собирателей оказывали воздействие на окружающую среду, хотя и в значительно меньшей степени, чем это было отмечено после событий 1492 г.

Основной моделью землепользования был выбор участка под расчистку и выжигание, чтобы сделать почву более плодородной. Эта модель применялась европейцами во многих американских ландшафтах и до сих пор практикуется в тропических лесах этого континента.

Археологи находили большие скопления костей птиц и млекопитающих, на которых охотились традиционными способами. В некоторых местах обнаруживаются следы мастерских по производству корзин, веревок, деревянной посуды (Arnold et al. 2004: 1–73; Lightfoot, Parrish 2009: 98–100).

Калифорния была колонизована миссионерами и поселенцами достаточно быстро, и это негативно сказалось на автохтонных методах использования ландшафтов. Аграрная и скотоводческая экономика первых испанских, затем мексиканских поселенцев, а также русских из колонии Росс привела к очень серьезным последствиям для групп охотников-собирателей близлежащих районов.

Колониальная инфраструктура в Калифорнии была представлена миссионерскими постами и ранчериями, где разводили в основном крупный рогатый скот. Колонизация Калифорнии не была первой, где всего за два столетия произошли фундаментальные исторические трансформации в отношениях человека с окружающей средой, но индигенные обычаи пользования ландшафтами, часто насчитывавшие века и даже тысячелетия, быстро исчезали из-за колониального образа действий. Противоречие традиционным практикам состояло в запрете на применение огня для превращения лесов в пастбища, что соответствовало традициям каждого индигенного сообщества (Cronon 1983: 118–119; Deur 2009: 312–313).

Испанская колонизация Нижней и Верхней Калифорний

Первыми изменения в природную среду Калифорнии внесли миссионеры, поскольку миссии основывались как самодостаточные сельскохозяйственные предприятия, зависящие от пищи, приготовляемой из семян, завезенных из Европы. Средиземноморская диета широко распространилась по Америке, и посевы пшеницы и виноградники стали частью различных американских ландшафтов. Оливки тоже присутствовали, но в меньшей степени. В этих условиях надо было обучить местных жителей новым приемам возделывания земли. Миссии запрограммировали глубокие изменения в локальных экологических нишах, интродуцируя европейские растения и домашних животных. После этого сразу шел отказ от любых индигенных моделей природопользования, поскольку они считались отсталыми (Bains 2019).

Несмотря на многочисленные модификации экологических ниш, аграрная самодостаточность так и не была достигнута ни одной руководимой иезуитами миссией. Разведение крупного рогатого скота не дало желаемых результатов, а пшеница и другие культуры не давали ожидаемого урожая. Например, в миссии Сан-Борха, считавшейся одной из наиболее перспективных, в 1773 г. содержалось всего 648 голов крупного рогатого скота, 2 343 овцы, 1 003 козы и 305 лошадей.

В отличие от южных миссий, миссии Верхней Калифорнии были серьезными сельскохозяйственными производителями. Аграрное производство северных регионов давало соотношение один к тридцати, что говорит о плодородии почв. Земледелие и скотоводство были продуктивны, потому что земля и пастбища это позволяли.

В 1805 г. в регионе насчитывалось 95 000 голов крупнорогатого скота, 21 000 лошадей, 130 000 овец (Hackel 2017: 116), а к 1833 г. количество голов крупнорогатого скота в Верхней Калифорнии возросло до 500 000. Ирригация практиковалась здесь в интенсивной манере и

являлась двигателем прогресса даже невзирая на изменения гидрологической модели местных речных бассейнов.

Задачей миссионеров было перевести подвижные полукочевые группы автохтонов на оседлость. Это достигалось путем временного поселения их при миссиях в период сбора урожая, иначе говоря, когда требовались рабочие руки. В случае необходимости коренное население привлекалось для работы за денежную или натуральную плату (Weber 2005).

Значительная доля современных исследований посвящена изучению особенностей перевода американских аборигенов на полную или частичную оседлость. С моей точки зрения, эта мера половинчатая и несправедливая. Опыт миссий был негативным, и люди вполне могли не иметь никакого желания в них селиться, их сгоняли туда при помощи солдат (Moorhead 2004).

Уход из данного региона Испании не повлек за собой исчезновение этих центров, так как Мексика стала придерживаться аналогичной тактики поддержки ранчерий и скотоводства, потому что так называемая Petaluma Adobe – латифундия – вобрала в себя множество прежних индейских миссий (Bancroft 1886; Silliman 2004). Таким образом, модель, предложенная в Калифорнии мексиканской администрацией, способствовала перемещению завезенных видов животных. Пастухи перегоняли их на пастбища в периферийные зоны (Avina 1976).

Индигенные сообщества сопротивлялись проникновению европейцев, но колониализм в его различных вариантах был сильнее и устойчивее к контактам между коренными жителями Америки и европейцами. Модель, развиваемая миссионерами, значительно модифицировала отношения между людьми и их воздействие на различные калифорнийские ландшафты.

Роль Российско-американской компании

Фундаментальная выгода закрепления Российско-американской компании (РАК) в Калифорнии имела две причины: 1) морской промысел калана (*Enhydra lutris*) и других видов, обладающих ценным мехом (Ravalli 2009; McLeish 2018). Шкуры обменивались в Китае на различные азиатские товары: чай, специи, шелк и т.п. Торговые отношения с Китаем были уже давней традицией; 2) аграрное производство, в частности плодов садоводства, для снабжения колоний на Аляске. Это было ближе и дешевле, чем везти их с Камчатки из более далеких мест.

Первые появления РАК в Верхней и Нижней Калифорнии состоялись в 1803 и 1812 гг. совместно с американскими торговцами. Эти группы организовали систему охоты на основе контракта, по которому

американцы предоставляли корабли для плавания на юг через калифорнийские воды, а РАК отряжала охотников для промысла морского зверя.

Охотниками были не русские, а алеуты – основные добытчики пушнины на Тихоокеанском Севере. Американские капитаны доставили сюда охотников из числа коренных жителей Аляски вместе с охотничьим снаряжением, и они провели здесь по меньшей мере одиннадцать совместных охот. Добыча делилась пополам между русскими и американскими торговцами (Ogden 1941; Khlebnikov 1976: 8–10).

В 1812 г. русские основали колонию Росс – их главную базу в Калифорнии (Postnikov, Falk 2015: 277). Она также была сельскохозяйственным производителем, снабжавшим русских поселенцев на Аляске, и центром торговли с испанской, а затем мексиканской Калифорнией. Русские установили обмен и с францисканскими миссионерами, которые обладали излишками бобовых и мяса. Эти продукты РАК тоже отправляла на Аляску (Grinёv 2018, 2020).

Основание и укрепление колонии Росс было выгодно в двух отношениях: 1) в первых охотничьих экспедициях в Верхнюю и Нижнюю Калифорнию алеуты избороздили воды от русских колоний на севере до Тринидад Бэй на юге. Они промыслили калана даже в заливах Сан-Пабло и Сан-Франциско (Ogden 1933: 40); 2) затем русские суда доставили охотников с Аляски в Нижнюю Калифорнию, где калан водился в изобилии. Некоторые незанятые испанцами острова близ побережья стали временными охотничьими базами. В 1812 г. одна постоянная артель была основана на Фараллоновых островах для промысла котика и морского льва, сбора птичьих перьев, добычи мяса и яиц чаек (Ogden 1941: 161–166).

Документация РАК свидетельствует, что после основания колонии Росс были добыты тысячи шкур морских львов. Также есть данные по Бodega-Бей, но только за 1823 г. В этом году в районе залива было добыто 3 276 морских львов. К. Хлебников (Khlebnikov 1976: 123) отметил, что за шесть лет фараллонской артелью было убито 8 427 морских львов.

Печальным итогом такой деятельности стало сокращение популяции морского льва до 200–300 особей. Шкуры этих животных поставлялись на рынок, мясо промышленники ели сами, а из кишок изготавливали байдары и непромокаемую одежду. Также в год ловили от 5 000 до 10 000 чаек. Особенно следует отметить 1828 г., когда из-за перьев и мяса было убито 50 000 чаек (Khlebnikov 1976: 123).

Документация РАК за 1817–1818 гг. свидетельствует, что в водах колонии Росс исчезли каланы (Gibson 1976: 16; Tikhmenev 1978: 135). Испания в качестве колониальной державы оставила этот регион в 1823 г., но РАК продолжала взаимодействовать с новым мексиканским правительством вплоть до 1840-х гг. Сотрудничество с новыми владельцами территории, по обоюдному соглашению, давало каждому половине произведенной продукции.

Каковы же были последствия истребления *Enhydra lutris* в северных тихоокеанских водах? Приведу несколько примеров. Эти млекопитающие необходимы, поскольку они влияют на структуру прибрежных морских сообществ, в особенности экосистем, состоящих из морских водорослей (Estes et Palmisano 1974; Simenstad et al. 1978; Dayton et al. 1998). Будучи прожорливыми хищниками, каланы поедают множество растительноядных беспозвоночных – морских ежей, морских ушек и крабов. Морские ежи являются главными пожирателями ламинарии и, если их не контролировать, они могут серьезно опустошить среду обитания. Баланс между каланами и морскими ежами представляет собой важный фактор формирования плотности популяции и распространения ламинарии. Ее сокращение или исчезновение незамедлительно ведет к нарушению баланса (González-Azcárraga 2006).

Данные по Алеутским островам свидетельствуют, что большие скопления калана вынуждают морских ежей прятаться в недоступных расщелинах. В такой ситуации они наносят морской растительности незначительный ущерб или не наносят вовсе. Однако когда численность калана сокращается, морские ежи уничтожают прибрежные сообщества водорослей.

Торговля шкурами морского зверя на Тихоокеанском Севере привела к крайне негативным последствиям. Коммерческая охота в ряде мест уничтожила некоторые виды морских млекопитающих, и пока еще невозможно оценить ущерб, причиненный морским экосистемам бесконтрольным промыслом калана.

Заключение

В данной статье большое значение придается воздействию на ландшафты в период после 1500 г. – этап документированного присутствия европейцев в северной части Тихого океана. Европейский колониализм начал распространяться с конца XV в., и его адепты стали прибывать из метрополии для организации предприятий на новоприобретенных землях. Две большие группы населения – миссионеры и колонисты – закрепились на этих прежде неизвестных территориях, ставших их родиной.

Колониальная система возникала в зонах с умеренным климатом, позволявшим развивать земледелие и скотоводство, а кроме того, торговлю в первую очередь пряностями и другими ценными товарами. Возможность торговли пушниной была связана с холодными территориями, где обитали животные, мех которых считался ценным. Этот вид деятельности оказал огромное воздействие на весь Тихоокеанский Север.

С 1500 г. до наших дней происходило и происходит взаимодействие между коренными жителями Америки и пришельцами, и каждая из этих больших групп населения имеет свои специфические представления о

том, как следует обходиться с окружающей средой. Европейцы столкнулись с неизвестными им обществами, которые умели взаимодействовать с природой, обладали знаниями морских экосистем, от которых получали все необходимое, а производимые ими изменения были минимальны по сравнению с лавиной колониального прессинга.

В Америке колониализм модифицировался на протяжении немногим более трехвекового периода. За это время европейцы завезли прежде неизвестные населению Америки виды флоры и фауны. Воздействие, вызванное контактом, занесенными заразными болезнями, деформацией ландшафта, торговлей и подчинением коренного населения имело негативные последствия. Установление власти вице-короля, создание миссий и поселений колонистов и многое другое привнесли существенные модификации в идеологию американских аборигенов и в традиционный образ жизни.

Требуются дальнейшие исследования в области изменения природной среды под воздействием европейского колониализма. Я полагаю, что в области понимания влияния на коренное население, которому были навязаны европейские критерии, задача еще далека от своего решения. То же самое касается природопользования в самых разных экосистемах.

В случае Калифорнии управляемые иезуитами, францисканцами и доминиканцами миссии, с одной стороны, и строительство тюрем, так же как и заселение территорий колонистами, – с другой, явились данностями, оказывающими большое влияние на различные экосистемы. Кроме того, в соответствии с этими данностями нам следует рассматривать деятельность русских, исходя из критериев пушной торговли и промысла морских и наземных млекопитающих, что также оказало свое влияние на природную среду.

Перевод с французского Д.В. Воробьева

Примечания

¹ С моей точки зрения, лучшим исследованием, посвященным Колумбу, по сей день остается работа Хуана Мансано (Manzano 1976).

² Слово «пресидио» ведет происхождение от римской цивилизации, и уже тогда оно означало воинские казармы. Такое же значение оно обрело в испанской колониальной культуре, а сейчас идентифицируется с тюрьмой.

³ Энкомьендеро – человек, у которого в период испанской колонизации Америки были индигены в энкомьенде, пожалованные королем.

⁴ На самом деле по причине нехватки металлических банок это были не совсем консервы. Морскую рыбу упаковывали в деревянные емкости. Во внутренних зонах, удаленных от побережья, в этих маленьких деревянных коробочках хранили пеммикан или сушеное рубленое мясо, которое служило пищей на протяжении долгих периодов.

⁵ В Испании такую продукцию традиционно называют «escabeche de tino», так как ее хранили в деревянных бочках. Эта технология ушла с рынка до 1960 г.

References

- Allaire, B. (1999) *Pelletteries, manchons et chapeaux de castor: les fourrures nord-américaines à Paris 1500–1632*. Québec : Éditions du Septentrion.
- Arnold, J.E., et al. (2004) The Archaeology of California, *Journal of Archaeological Research*, no. 12 (1), pp. 1–73.
- Avina, R.H. (1976) *Spanish and Mexican Land Grants in California*. New York: Amo Press.
- Bains, J. (2019) *Native Americans, the California Missions, and the Long-Term Effects of Colonization*. Santa Clara, CA: Santa Clara University.
- Bancroft, H.H. (1886) *History of California, vol. II (1801–1894)*. San Francisco, CA: The History Company.
- Bélanger, R. (1980) *Los vascos en el estuario de San Lorenzo 1535–1635*. Donostia: Auñamendi.
- Blake, R.B. (2001) A Fishery for Modern Times: The State of the Industrialization of the Newfoundland Fishery, *The Canadian Historical Review*. Vol. 82. № 4. pp. 768–770.
- Bottomley, J. (2022) *Money Talks: Capitalist Ethics, Colonialism & Divine Governance*. Melbourne: Coventry Press.
- Brands, H.W. (2003) *The Age of gold: The California gold Rush and the new American dream*. New York: Doubleday.
- Brehaut, H.B. (1971) *The Red River Cart and Trails: The Fur Trade*. MHS Transactions Series. Manitoba Historical Center, vol. 3.
- Brüning, E. (1923) *Reglamentación de las Aguas del Taymi*. Chiclayo: Imprenta Mendoza.
- Butler, D.R., Malanson G.P. (1994) “Beaver Landforms”, *The Canadian Geographer*, Vol. 38. no. 1, pp. 76–79.
- Bylak, A., et al. (2014) Beaver impact on stream fish life histories: The role of landscape and local attributor, *Canadian Journal of Fisheries and Aquatic Sciences*, Vol. 71. № 1. pp. 1603–1615.
- Campos Santacana, M.K., y Peñalba Otaduy M. (1997) La caza de la ballena. Su influencia en los usos y costumbres desde la Edad Media, *Zainak*, Vol. 15. pp. 251–262.
- Castillo, E., & Jackson R.H. (1995) *Indians, Franciscans, and Spanish Colonization: The Impact of the Mission System on California Indians*. Albuquerque, NM: University of New Mexico.
- Chantraine, P. (1993) *The Last Cod Fish: Life and Death of the Newfoundland Way of Life*. St. John's: Jespersen.
- Cook, R. (2017) *The Voyages of Jacques Cartier*. Toronto: University of Toronto Press.
- Cronon, W. (1983) *Changes in the Land. Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. New York: Hill and Wong.
- Crosby, A.W. (2004) *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
- DaCosta, M. (2007) *Colonial Origins, Institutions and Economic Performance in the Caribbean: Guyana and Barbados*. Washington: International Monetary Fund.
- Dechêne L. (1974) *Habitants et marchands de Montréal au XVIIème siècle*. Montréal: Plon.
- DeLoughrey E. & Handley G.B. (eds). (2011) *Postcolonial Ecologies*. Oxford: Oxford University Press.
- Del Rey, M., Canales C. Esclavos (2014) *Comercio humano en el Atlántico*. Madrid: Edaf.
- Deur, D. (2009) “A caretaker responsibility”: revisiting Klamath and Modoc traditions in plant community management, *Journal of Ethnobiology*, Vol. 29. № 2. pp. 296–322.
- Elliot, J.H. (2006) *Imperios del Mundo Atlántico. España y Gran Bretaña en América, 1492–1830*. Madrid: Santillana.
- Gibson, J.R. (1976) *Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867*. New York: Oxford University Press.

- González-Azcárraga, A. (2006) *Estructura de las asociaciones de erizos de mar (Echinoide: Reguralia) en arrecifes rocosos del oeste del Golfo de California*. México: Universidad Autónoma de Baja California.
- Grinëv, A.V. (2018) *Russian Colonization of Alaska. Preconditions, Discovery, and Initial Development, 1741–1799*. Lincoln and London: University of Nebraska Press.
- Grove, R.H. (1997) *Ecology, Climate, and Empire: Colonialism and Global Environmental History, 1400–1940*. Cambridge: White Horse Press.
- Hackel, S.W. (2017) *Children of Coyote, Missionaries of Saint Francis: Indian-Spanish Relations in Colonial California*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Hamilton, L.C., and M.J. Butler (2001) Outport Adaptations: Social Indicators through Newfoundland's Cod Crisis, *Human Ecology Review*, Vol. 8. № 2. pp. 1–11.
- Henry, S. (2019) *Contact and Colonial Impact in Jamaica*. Leiden: Brill.
- Huck, B. (2002) *Exploring the Fur Trade Routes of North America*. Winnipeg: Heartland.
- Innis, H.A. (1940) *The Cod Fisheries: The History of International Economy*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Junquera Rubio, C. (1988). Humanismo, Antropología, Método y Política según Bartolomé de las Casas, *Communio*, Vol. 21. № 2. pp. 191–205.
- Junquera Rubio, C. (1995) *Indios y supervivencia en el Amazonas: ensayos antropológicos*. Salamanca: Amarú.
- Junquera Rubio, C. (2006) *La identidad étnica en los Territorios del Noroeste canadiense: Dènè, Dogrib, Hare, Métis e Inuit*. Madrid: Universidad Complutense.
- Junquera Rubio, C. (2017) *La evolución de la imagen del indio en la historiografía americanista, desde su descubrimiento en el siglo XV hasta el XX y con énfasis especial en los Estados Unidos y Canadá*. Saarbrücken: Académica Española.
- Junquera Rubio, C. (2018) El impacto de la Hudson Bay Company en los territorios de las sociedades canadienses a finales del siglo XVIII. *M+A, Revista electrónica de medioambiente*, Vol. 19. pp. 95–120.
- Junquera Rubio, C. (2019) Russians, Spaniards, Englishmen, and North Americans in the Northern Pacific Ocean (1533–1880): geography and environment at the service of the Economy. *M+A, Revista electrónica de medioambiente*, Vol. 20. № 2. pp. 171–191.
- Junquera Rubio, C. (2020) *Canadá. A Mari Usque as Mare*. Pamplona: Eunat.
- Junquera Rubio, C. (2021) *Ensayos sobre racismo y xenofobia*. Chisinau: Generis Publishing.
- Junquera Rubio, C. (2022) *Los dènè de los Territorios del Noroeste de Canadá. Cien años después de la firma del Tratado número 11*. Chisinau: Generis Publishing.
- Junquera Rubio, C. et Valladares Fernández S. (2019) *Oblatos de María Inmaculada. Agentes de cambio social y promotores de la modernidad en el Noroeste y Ártico de Canadá*. Madrid: Alef del Bronce.
- Kashevarov, A.F. (1989) A description of hunting and conservation in the Russian American Colonies. In: Dmytryshyn B., E. A. P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan (Eds.), *The Russian American Colonies Three Centuries of Russian Eastward Expansion 1798–1867*, 3: Portland, OR: Oregon Historical Society Press, pp. 518–524.
- Khlebnikov, K. (1976) *Colonial Russian America: Kyrill T. Khlebnikov's Reports, 1817–1832*. Portland, OR: Oregon Historical Society.
- Kumar, K. (2021) Colony and Empire, Colonialism and Imperialism: A Meaningful Distinction? *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 63. № 2. pp. 280–309.
- Knight, F.W. (1978) *The Caribbean. The Genesis of a Fragment Nationalism*. New York: Oxford University Press.
- Lake, A. (2006) *Colonial Rosary: The Spanish and Indian Missions of California*. Athens, OH: Ohio University Press.
- Lightfoot, K.G. (2013) Rethinking the archaeology of human/environmental relations in deep time prehistory. In: P.R. Schmidt & S. Mrozowski (Eds.) *The Death of Prehistory*. New York: Oxford University Press.

- Lightfoot, K.G. & Parrish O. (2009) *California Indians and Their Environment: An Introduction*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Machado, M.A. (1971) La ganadería americana. Una propuesta para la historia Comparativa, *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*, no. 13 (2). pp. 159-165.
- Manzano Manzano, J. (1976) *Colón y su secreto: el predescubrimiento*. Madrid: Cultura Hispánica.
- Marchant, S. (2016) The Colonial origins of deforestation: an Institutional analysis, *Environment and Development Economics*, Vol. 21. no. 3, pp. 318–349.
- Merchant, C. (2002) *The Columbia Guide to American Environmental History*. New York: Columbia University Press.
- Merchant, C. (2010) *Ecological Revolution. Nature, Gender, and Science in New England*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Moorhead, M.L. (2004) *El Presidio*. Chihuahua: Dirección de Turismo.
- Morse, E.W. (1969) *Fur Trade Cause Routes of Canada/Then and Now*. Minocqua, MT: NortWords Press.
- Ogden, A. (1933) Russian sea otter and seal hunting on the California coast, 1803–1841. In: Essig E.O. (Ed.) *The Russians in California*. California Historical Society, San Francisco, pp. 29–51.
- Ogden, A. (1941) *The California sea otter trade, 1784–1848*. Berkeley: University of California Press.
- Pierce, R.A. (1965) *Russia's Hawaiian adventure, 1815–1817*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Postnikov, A. & Falk M. (2015) *Exploring and Mapping Alaska. The Russian America Era, 1741–1867*. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Preston, W. (1997) Serpent in the garden: environmental change in colonial California, *California History*, Vol. 76. pp. 260–298.
- Ray, A.J. (1998) *Indians in the Fur Trade*. Toronto: University of Toronto Press.
- Rich, E.E. (1958) *The History of Hudson's Bay Company, 1670–1870, vol. I*. London: Hudson's Bay Record Society.
- Rich, E.E. (1959) *The History of Hudson's Bay Company, 1670–1870, vol. II*. London: Hudson's Bay Record Society.
- Rich, E.E. (1966) *Montreal and the Fur Trade Beatty Memorial Lectures*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Rodríguez García, M.E. (2005) *Compañías privilegiadas de comercio con América y cambio político*. Madrid: Banco de España.
- Rojas Mix, M. (1991) *Los cien nombres de América: eso que descubrió Colón*. Barcelona: Lumen.
- Rojas Mix, M. (1992) *América imaginaria*. Barcelona: Lumen.
- Rose, G.A. (2007) *Cod: The Ecological History of the North Atlantic Fisheries*. St. John's, NL: Breakwater.
- Ross, A. (1855) *The Fur Hunters of the Far West, 2 vols*. London: Smith, Elder and Co.
- Schott, R. (1966) *Consecuencias de la expansión europea para los pueblos de Ultramar*. México: El Colegio de México.
- Sellers, J.B. (1950) *Slavery in Alabama*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Serna Vallejo, M. (2014) El derecho de las pesquerías de guipuzcoanos y vizcaínos en Islandia, Groenlandia y Svalbard en el siglo XVII, *Anuario de Historia del Derecho Español*, Vol. 84. pp. 79–119.
- Silkenat, D. (2022) *Scars on the Land: An Environmental History of Slavery in the American South*. New York: Oxford University Press.
- Silliman, S. (2004) *Lost Laborers in Colonial California: Native Americans and the Archaeology of Ranch Petaluma*. Tucson, AZ: University of Arizona Press.

- Sluyster, A. (2001) Colonialism and Landscape in the Americas: Material/Conceptual Transformations and Continuing Consequences, *Annals of the Association of American Geography*, Vol. 91. № 2. pp. 410–428.
- Smith, J.F. (2017) *Slavery and plantation growth in Antebellum Florida, 1821–1860*. Gainesville: University of Florida Press.
- Thompson, E.T. (2011) *The Plantation*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Tikhmenev, P.A. (1978) *A History of the Russian-American Company*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Turner, F.J. (1893) The Significance of the Frontier in American History. In: *American Historical Association. Annual Report*, pp. 199–227.
- Van Buren, M. (2010) The archaeological study of Spanish colonialism in the Americas, *Journal of Archaeological Research*, Vol. 18. pp. 151–201.
- Weber, F.J. (2005) *The California Missions*. Eckbolsheim: Edition Du Signe.
- Wood, B. (1997) *The Origins of American Slavery: Freedom and Bondage in the English Colonies*. New York: Hill and Wang.
- Wright, M. (1997) Frozen Fish Companies, the State, and Fisheries Development in Newfoundland, 1940–1966, *Business and Economic History*, Vol. 26. № 2. pp. 727–737.
- Yenne, B. (2004) *The Missions of California*. San Diego, CA: Advantage Publishers Group.

Сведения об авторе:

ХУНКЕРА РУБИО Карлос – профессор, Университет Комплутенсе (Мадрид, Испания). E-mail: junrub@telefonica.net

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Carlos Junquera Rubio, Complutense University of Madrid (Spain). E-mail: junrub@telefonica.net

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья

УДК 325.3

doi: 10.17223/2312461X/42/6

Реальность и проекты распространения францисканских миссионеров из Испании. Вице-королевство Мексика и Восточная Азия

Мария Элиза Мартинес Вега

*Университет Комплутенсе, Мадрид, Испания,
memvega@gmail.com*

Аннотация. В эпоху Нового времени Орден францисканцев достиг того уровня духовности, который соответствовал общественным требованиям и проектам обновления католической церкви и стал способен развивать свои проекты распространения миссионеров по всему миру. Сначала францисканцы двух ветвей – обсерванты и босоногие – реализуют миссионерские проекты в Америке, в вице-королевстве Новая Испания. Затем они превратили Филиппинские острова в базу христианизации Восточной Азии по всей тихоокеанской части Северного полушария. Изучение босоногих францисканцев во всех регионах, где они вели пасторскую или миссионерскую работу, представляет большой интерес, но наше внимание сосредоточено на Испании, Мексике, Филиппинах и территориях Восточной Азии за пределами границ Испанской империи, где босоногие из церковных провинций Сан-Диего в Мексике и Сан-Григорио-Магнус на Филиппинах выполняли свою евангелизаторскую деятельность.

Ключевые слова: орден францисканцев, реформа босоногих, проект по распространению христианства, миссии, вице-королевство Новая Испания, Филиппины, Япония, Китай, Индокитай

Для цитирования: Мартинес Вега М.Э. Реальность и проекты распространения францисканских миссионеров из Испании. Вице-королевство Мексика и Восточная Азия // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 111–133. doi: 10.17223/2312461X/42/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/6

Realities and Projects of Franciscan Missionary Expansion in Spain, the Viceroyalty of Mexico and the Far East

María Elisa Martínez Vega

Complutense University of Madrid, Spain, memvega@gmail.com

Abstract. In modern times, the Franciscan Order had reached a level of spirituality in accordance with the requirements of society and the renewal projects of the Catholic

Church, and was able to develop its plans for missionary outreach throughout the world. The Franciscan friars, in their two branches, practitioners and barefoot, will carry out their missionary projects, first in America, in the viceroyalty of New Spain; then in the Philippine Islands, converted into a platform of evangelization for the Far East, throughout the North Pacific area. Although a study of the Discalced that would cover all the regions of the world in which they were present and carried out their pastoral or evangelizing work would be of great interest, for reasons of space, we will focus our interest on Spain, Mexico and the Philippines and, finally, beyond the borders of the Spanish Empire, in the Far East, places where the barefoot from the provinces of Saint Diego of Mexico and Saint Gregory Magnus of the Philippines carried out their evangelization work.

Keywords: Franciscan Order, Barefoot Reform, Evangelization Project, Missions, Viceroyalty of New Spain, Philippine Islands, Japan, China, Indochina

For citation: Martínez Vega, M.E. (2023) Realities and Projects of Franciscan Missionary Expansion in Spain, the Viceroyalty of Mexico and the Far East. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 111–133 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/6

Введение

Причинами эмиграции в Америку были стремление к экономической выгоде и общественному прогрессу. В королевства Индий отправлялись две группы – братья-монахи, с религиозными целями, и королевские агенты, в задачи которых входило обеспечить власть короля.

Профессор Сеспедес дель Кастильо обращает внимание на высокий социальный статус этих людей, глубоко уходящий корнями в средневековую иберийскую традицию. Священнослужители, как посланники Бога, были носителями духовной власти. Чиновники короля от его имени выполняли функции светской власти. Представители двух групп стали в индейском обществе символами соответственно надежды и правосудия – Бога и короля. Именно в этом кроется причина значительной социальной влиятельности двух этих элит.

В теории различие между светской и духовной властью было вполне ясным, но на практике отделить одну от другой невозможно по причине частичного совпадения их задач и сфер ответственности. Это совпадение усилилось после открытия Америки, благодаря нескольким папским буллам, вышедшим после 1493 г. Самой важной из них является *Universalis Ecclesiae* от 1508 г. Этими буллами понтифик предоставил королям Испании право основывать церкви на заморских территориях, выдвигать кандидатов на все епископские кафедры и привилегию взимать и расходовать церковную десятину. Это положило начало беспрецедентной ситуации, в которой папа, будучи неспособным организовать и финансировать распространение веры в Новом Свете и в других местах, куда проникла европейская экспансия, возложил эту задачу на королей Испании и Португалии, сделав из них покровителей церкви на новых землях и наместников папы в вопросах церковной дисциплины.

Деятельность первых проповедников христианства стала возможной при соединении трех факторов: поддержка и финансовая помощь монарха; хорошее отношение к ним конкистадоров, которые, будучи христианами, понимали всю широту их задачи; сформировавшееся уже в первом десятилетии убеждение, что индейцы-язычники все-таки являются людьми. Это стало началом долгой борьбы за справедливое отношение к коренному населению, разворачивавшейся при дворе и в университетах Испании и приведшей в 1512–1513 гг. к принятию Законов Бургоса, которые сохраняли принудительный труд индейцев, но ограничивали его. Присутствие испанцев в Америке оправдывалось только тем, что они являлись агентами и подданными короля, а колонизация предполагалась быть мирной и сопровождаться миссионерской деятельностью. Доминиканцы явились главными защитниками индейцев, и один из них – брат Барталомео де Лас-Касас – стал одновременно и адвокатом, и эффективным пропагандистом, и талантливым полемистом, и опытным политиком, служившим этому благородному делу. Он настоял на разработке законов, гарантировавших индейцам все права как подданным короля Испании. Оправданием колонизации служило одно только намерение папы распространить христианство по всему миру.

Эта первоначальная доктрина была дополнена фразеом Хинесом де Сепульведой, написавшим трактат, согласно которому испанцы имели право на завоевание Америки при условии взятия на себя обязательства цивилизовать местное население и, по легитимному мандату папы, привлекать их к христианству. Третья часть доктрины была предложена в 1539 г. доминиканцем Франсиско де Витория, который за универсальность своего подхода и интеллектуальную строгость признан основателем современного международного права. Витория объявил, что завоевание Америки стоит очень далеко от божьих и человеческих законов, но при этом считал, что от колонизации отказываться не следует, ее надо лишь улучшить правильными законами (Céspedes del Castillo 1983).

Францисканцы, доминиканцы и августинцы стали отправляться в Новую Испанию с 1523 г., а в Перу – с 1534 г. Им приходилось начинать с изучения туземных языков и составления грамматик и словарей. Для более эффективного обращения индейцев в христианство миссионеры селили их в миссиях и сами при этом осваивали в сложных условиях профессии строителя, архитектора, агронома, экономиста, администратора и многие другие, овладевали различными ремеслами. Миссионеры искренне любили индейцев за их простые, смиренные и покладистые, по их мнению, души. Это было чудесное воплощение невинного и полного достоинства дикаря золотого века. Самые преданные братья, в своей провиденциалистской трактовке истории, пришли к убеждению, что истинное предназначение завоевания Нового Света – это создание нового

христианства в его чистейшем выражении, гигантского града божьего как примера для развращенной Европы.

Безусловно, утопические грезы этих идеалистов никогда не были реализованы. Монарх оказывал поддержку и финансировал распространение христианства, но исключительно при условии испанизации.

В последней трети XVI в. церковь в Индиях претерпела очень глубокие изменения. В основном они были связаны с решением Тридентского собора, по которому любое духовное лицо могло вершить суд над мирянами или заботиться об исцелении их душ, только находясь в прямом подчинении епископу. Постановление собора было одобрено короной в 1574 г. До этого момента миссионерскую деятельность среди индейцев вело в основном черное духовенство, претридентское в плане организации и традиций, средневековое по своей сути. Теперь оно уступило позиции белому духовенству, находящемуся под властью епископов, посттридентскому, авторитарно-организованному и с ментальностью Нового времени.

В этой статье мы рассмотрим испанскую кампанию по евангелизации мира, взяв в качестве примера вице-королевство Новая Испания и Филиппины, так как миссионерская работа в силу своего универсального религиозного характера не может быть ограничена только американскими землями.

Под испанским оком. Евангелизация Новой Испании

Первые миссионеры, прибывшие в Америку в 1493 г. вместе с Колумбом во время его второго путешествия, принадлежали к ордену францисканцев. Они занялись евангелизацией индейцев Испаньолы. Руководил ими фрай Хуан Перес, двое из них – Ян де ля Дэль и Ян Тисин – были мирянами-фламандцами. После новых экспедиций 1500 г. евангелизация велась методично, и уже в 1502 г. основанная кардиналом Синеросом и находившаяся под руководством фрая Алонсо де Эспинара миссия состояла из 17 францисканцев – 13 священников и 4 мирян.

В 1505 г. образовалась новая миссионерская обсервантская¹ провинция² Санта-Крус де Антильяс, в которую вошли Антильские острова. К островам, где уже была сформирована церковная организация, – Эспаньола, Ямайка, Пуэрто-Рико и Куба – добавились материковые территории, получившие название *Tierra Firme*. После завершения христианизации островной территории и обоснования в некоторых пунктах венесуэльского побережья провинция Санта-Крус перестала развиваться. К концу XVI в. она насчитывала только шесть монастырей с несколькими сотнями монахов – Санто-Доминго, Сантьяго де Куба, Ягуана, Трухильо, Тукуй и Баркисимето. В XVII в. на континенте ощущается новое веяние евангелизации, число монастырей увеличивается до тринадцати, а в 1700 г. их насчитывается шестнадцать со 174 монахами.

Миссионеры заручились поддержкой монарха и стали преданными сторонниками верховной власти. Короли католических держав добились от папы права королевского патронажа над Индиями. Они предложили папе основать здесь епископства и приходы, и понтифик на это согласился. Короли представили папе кандидатов в епископы. В 1512–1513 гг. на Антильских островах были созданы три епископства, в 1528 г. основано епископство в Мехико, а в 1546 г. Лима и Мехико были возведены в архиепископства. В 1555 г. первый провинциальный церковный собор состоялся в Мексике, а в 1567 г. – в Перу.

Отправившись завоевывать Мексику, Эрнандо Кортес взял с собой в числе других священнослужителей двух францисканцев провинции Санта-Крус, Хакобо Альтамирано и Педро Мельгарехо. Целью стала просьба завоевателя, адресованная королю Карлу Пятому, прислать больше миссионеров, и из Фландрии прибыли еще три миссионера: Жан де Текто, Жан де Айора и мирянин Пьер (Педро) де Ганте, которые на протяжении пятидесяти лет с большим рвением занимались наставлениями индейцев.

Карл V получил от папы Адриана VI буллу *Omnimoda*, которая позволила отправку миссионеров для усиления мексиканской церкви. Это была, так сказать, миссия из двенадцати апостолов, которые прибыли из провинции босоногих³ Сан-Габриэль в Испании и отличались максимальным усердием. Возглавлял экспедицию фрай Мартин де Валенсия. В мае 1524 г. они были приняты Кортесом со всеми почестями на виду у индейцев. Миссионеры начали изучать ацтекский язык, Франсиско Хименес составил его первые грамматику и словарь, а Жан де Текто перевел на него азы христианской доктрины. Во всех миссионерских центрах были созданы школы для обучения детей, где предпочтение отдавалось детям касиков. Особо показательна школа под руководством фрай Педро де Ганте, в которой учились более тысячи туземных детей. Наставлением девочек занимались прибывшие из Испании монахини (Iriarte 1979).

Карл V поручил мексиканскую церковь нищенствующим орденам. В 1522 г. папа Адриан VI буллой, адресованной императору, передал монахам свои апостольские полномочия на обращение индейцев на всех территориях, расположенных более чем в двух днях пути от епископств. Первым епископом Мексики был францисканец фрай Хуан де Сумаррага (1528–1548 гг.). Вскоре здесь появились епископы-миряне, но расстояние и влияние монахов на индейцев парализовали их работу.

Повсюду возникали монастыри. В 1559 г. у францисканцев было 80 хозяйств и 380 монахов, у доминиканцев – 40 и 210, а у августинцев – 40 и 212. Боясь ересей, миссионеры мало использовали сходства между верованиями туземцев и христианством, но при этом они манипулировали в своих целях индейскими обычаями и склонностями. Они

отказывались заставлять индейцев платить церковную десятину. Стараясь сблизиться с индейцами, они носили рубище из мешковины, ходили босыми, спали на досках, питались кореньями, отказываясь от мяса, хлеба и вина. Они жили с индейцами и умирали за них. Также братья использовали образцы живописи, представлявшие собой катехизис в картинках, и театральные постановки.

Работа миссий осложнялась многочисленными препятствиями. Туземцы оказывали сопротивление, дикие племена сжигали церкви, кресты и монастыри, убивали монахов. Восстания 1541, 1547 и 1550 гг. были спровоцированы языческими жрецами и шаманами. Как говорит профессор Ролан Мунье, братья столкнулись с силой инерции, индейцы поклонялись идолам тайно по ночам. Тем не менее, следует признать, что порой братья проявляли слабость. В Мексике и Перу некоторые францисканцы обогащались, приобретали светские привычки и возвращались в Испанию, где вели безбедную жизнь, однако нормой это не стало (Mousnier 1984).

Приток францисканцев увеличивался по мере возрастания потребности в миссионерской работе. Наиболее важным стало прибытие в 1542 г. ста пятидесяти монахов под руководством Хакобо де Тестеры. В то же время Орден францисканцев оформился в Новой Испании официально. Первая независимая кустодия была возведена в ранг провинции на генеральном капитуле⁴ Ордена, состоявшемся в Ницце в 1535 г. Первым священнослужителем, назначенным провинциальным министром, был отец Антонио де Сьюдад Родриго, который всячески стремился поднять интеллектуальный уровень индейцев и стал прямым защитником обездоленных. В пределах вице-королевства от одной материнской провинции образовалось еще семь: Сан-Хосе де Юкатан (1565 г.), Наме де Хесус де Гватемала (1565 г.), Сан-Хорхе де Никарагуа (1575 г.), Сан-Франсиско де Сакатекас (1603 г.), Сантьяго де Халиско (1606 г.), Сан-Педро и Сан-Пабло де Мичоакан (1606 г.) и Санта-Элена де Флорида (1612 г.). В 1580 г. они также образовали кустодию⁵, возведенную в статус провинции, – провинцию босоногих.

В целом миссионеры защищали индейцев и противостояли действиям, противоречащим естественному закону. Их настойчивость привела к принятию знаменитых Новых Законов 1542 г., утвержденных Карлом V. Они запрещали рабство, так же как и энкомьенду, а те энкомьенды, что уже были пожалованы, больше не были наследственными. Репартимьенто индейцев⁶ было ограничено в плане частоты и численности, а в 1632 г. законодательно отменено.

Сначала миссионерская деятельность францисканцев велась в наиболее плотно населенных районах Мексики. Фрай Мартин де Корунья провел первую экспедицию в Мичоакан и Халиско, а некоторое время

спустя Хакобо де Тестера стал первым апостолом Юкатана. В 1525 г. миссионерство охватило Гватемалу, Гондурас и Никарагуа.

Наряду с работой среди наиболее цивилизованных народов, Орден Святого Франциска вместе с конкистадорами продвигался на север. В 1527 г. пять францисканцев участвовали в неудачной экспедиции Панфило де Нарваеса во Флориду, которая стоила жизни фразу Хуану Суаресу, назначенному епископом предполагаемой миссии. Более удачной стала экспедиция 1565 г., в ней участвовали одиннадцать францисканцев. В 1597 г. индейцы убили нескольких миссионеров, но в XVII в. настал период процветания миссии, образовавшей провинцию Санта-Элена с восемнадцатью монастырями во Флориде и на Кубе. В 1634 г. миссионеры курировали сорок четыре поместья с тридцатью тысячами индейцев-христиан. В XVIII в. флоридская миссия подверглась нападению англичан и в 1763 г. уступила им свою территорию (Geiger 1937; Tormo Sanz, Keegan 1957).

Продвижение во внутренние области из материнской провинции началось с региона Сакактекас, где среди затерянных в горах индейцев-чичимеков была основана новая миссионерская провинция. Это была полная трудностей и героизма апостольская жизнь. Не менее опасным было проникновение в новое королевство Леон, начавшееся в 1602 г. Продвигаясь на север, францисканцы проникли в Сонору, что стоило некоторым из них жизни. Однако массовая христианизация этой территории была осуществлена иезуитами в 1767 г.

В Нью-Мексико францисканцы первыми появились в 1539 г. В 1598 г., одновременно с военной оккупацией, началась христианизация этой местности под руководством Хуана де Эскалона. Миссия, относящаяся к провинции Санто-Евангелио, была официально возведена в кустодию в 1622 г. В 1630 г. в ней насчитывалось сорок три церкви и восемьдесят тысяч крещеных индейцев. Францисканцы были больше, чем просто миссионеры. Они несли индейцам цивилизацию, обучая их новым приемам земледелия, ремеслам, письменности, наставляя в семейной и общественной жизни. Самым большим успехом было замирение и склонение к христианству неукротимых апачей, на территории которых в 1775 г. насчитывалось одиннадцать редукций (Aguirre 1955).

На протяжении XVI в. несколько раз предпринимались безуспешные попытки основать миссию в Техасе. Евангелизация здесь стала возможной только с 1690 г., когда за нее взялся коллеж Керетаро, но через три года она была прервана и возобновилась только в 1716 г. благодаря деятельности Антонио Мархилиа – основателя миссионерского коллежа в Гватемале. После пятидесяти лет работы миссия насчитывала двадцать пять селений с церквями и школами.

В Аризоне, где первые миссионерские посты были основаны в начале XVII в., миссионерская деятельность расцветала не столь пышно, как в

Нью-Мексико и Техасе. Жизнь миссионеров здесь постоянно была в опасности. В 1680 г. во время страшного восстания несколько монахов были убиты. Позднее произошло несколько восстаний апачей, а в 1781 г. миссию разорили юма, что стоило жизни достопочтенному Франсиско Гарсесу (McCaler 1961).

После удаления из испанской Америки иезуитов в миссиях Нижней Калифорнии их заменили францисканцы. В 1773 г. они передали свои полномочия доминиканцам и перешли в Верхнюю Калифорнию, став колонизаторами и распространителями христианства по всему калифорнийскому побережью от Сан-Хуана до Сан-Франциско. Апостолом этого региона и основателем города Сан-Франциско стал фрай Хуниперо Серра.

Все эти миссии, расположенные сейчас преимущественно на территории США, процветали до перехода под мексиканскую юрисдикцию в 1821 г. С этого момента миссионеры лишились официальной поддержки, что послужило причиной почти полного упадка христианства. Когда в 1840 г. порядок в Калифорнии был восстановлен ее первым епископом, францисканским фраем Франсиско-Гарсией-Диего и Морено, здесь сохранилось всего несколько миссионерских постов.

Церковь Новой Испании

С момента создания в 1546 г. церковной провинции Мехико мексиканская церковь развивалась вплоть до 1821 г. В XVI в. учредили епископства Тлашкала-Пуэбла Мексика, Мичоакан, Чиapas, Гвадалахара и Мерида де Юкатан, которые с момента своего создания оказались под юрисдикцией архиепископства Мехико.

В XVII в. было создано архиепископство Дуранго, также зависящее от архиепископства Мехико. Его первым прелатом стал Гонсало де Эрмосильо-и-Родригес. Его юрисдикция охватывала север вице-королевства, включая Дуранго, Синалоа, Сонору, Чиуауа, Нью-Мексико и Коауилу, а также Паррас-а-Патос, Сакатекас, Ниевес и Сомбререте, которые относились к епископству Гвадалахары. В 1681 г. создается епархия Калифорний, также принадлежащая Гвадалахаре, что было подтверждено в 1731 г.

Прелаты выполняли главным образом миссионерскую работу, являясь спасителями душ, действовавшими на благо народа, но один из них, Хуан де Палафокс и Мендоса (1640–1655) помимо этого вел политическую деятельность и в трудные моменты даже избирался на должность вице-короля.

Руководители религиозных организаций и высшее духовенство были испанцами. Креолы, со временем получившие доступ в религиозные орден и в белое духовенство, обрели право занимать руководящие должности в своих орденах. Однако если испанская политика и позволила

креолам получать высокие саны, она не открыла полностью двери для всех претендентов. В XVII в. это противоречие подошло к критической точке, поскольку население испанской Америки увеличивалось и искало решения своих проблем (Lopetegui, Zubillaga 1965).

После Тридентского Собора создание семинарий в разных округах благоприятствовало формированию индейского духовенства, которое вскоре показало свою интеллектуальную зрелость и способность не только управлять паствой, но и проникать в область науки или чистого искусства, о чем свидетельствует поэтическое творчество сестры Хуаны де ла Крус.

Креольская молодежь, искавшая удовлетворения своих духовных, интеллектуальных и материальных потребностей, шла в семинарии, мужские и женские монастыри. В них будет формироваться новая испанская интеллигенция – миссионеры северной части вице-королевства, церковные служащие, в их числе приходские священники, сановники в советах, а при случае и епископы. Они будут соперничать с епископами Пиренейского полуострова, пытавшимися перекрыть им путь.

Женские монастыри были не просто местами ухода женщин от мирской жизни. Они собирали креольских девушек, которые посвящали себя музыке, живописи и другим искусствам, изучали латынь, теологию. Кроме этого монастыри являлись домами молитвы и уединения в тех случаях, когда брак не был желанным вариантом, они помогали мечущимся женщинам обрести свое место в жизни.

Не пренебрегая миссионерской деятельностью, церковь Новой Испании стала в XVI в. мощной организацией, которая, помимо распространения веры, прививала осознание гуманистических ценностей, укрепляла в сообществе веру в себя, индивидуальные ценности и ценности его кристаллизовавшейся культуры. Блистательный век, когда было завершено строительство великих соборов и выставлены напоказ покрытые золотом алтари, показывает самое сердце мексиканского общества и церкви, которые вызрели в предыдущем столетии (Torre Villar 1984).

Другой характерной чертой этого столетия явился процесс секуляризации приходов. В XVI в. черное духовенство стало играть важную роль в обществе Новой Испании, имея преобладающее влияние во всех орденах. Власть, двигаясь в направлении абсолютизма и централизации, приняла решение ослабить влияние монахов, и решением Тридентского собора церковная организация стала базироваться на иерархических принципах. В результате им пришлось уступить руководство приходами священникам из белого духовенства. В XVII в. эта тенденция усилилась, поддерживавший ее епископ Палафокс секуляризировал тридцать шесть приходов в своем округе Пуэбла.

Тридентский собор издал декрет о создании семинарий, в которых готовили священников под контролем и в прямой зависимости от

епископов. Король настаивал на формировании семинарий, но в Новой Испании первая попытка их создания архиепископом доном Хуаном-Пересом де ла Серна в первой трети XVII в. потерпела неудачу. Только в 1641 г. епископ Хуан Палафокс и Мендоса (1630–1650) основал семинарию Пуэбла де лос Анхелес.

Советы XVII в. подпитывались креольским элементом, формировавшимся в университетах, религиозных коллежах и других образовательных учреждениях. На епископальном уровне предпочтение в церковном управлении еще отдавалось прибывавшим из Испании клирикам, но на уровне епархий креолы уже составляли основу родной для народа церкви (Bayle 1952).

Отношения между церковью и государством развивались в узком каноническом правовом поле, выстроенном еще в прошлом столетии. Оно называлось «королевский викариат» или «совет королевской администрации». Однако в действительности та полнота власти, которую испанские монархи признавали за собой над Индиями, существенно превосходила границы канонического концепта патронажа, требуя самых больших папских представительств, что не было прописано ни в одном папском тексте.

Вся церковная администрация контролировалась королем и его советниками. По этой причине термин «викариат» выглядит точнее, нежели «королевский патронаж», поскольку первое более точно определяет чрезмерное вмешательство временной власти в церковное управление, так как испанский монарх действовал как викарий или папский легат, управляя американской церковью.

В 1622 г. была организована конгрегация *Propaganda fide*, созданию которой в прошлом столетии противодействовал Филипп II. Ее задачей было контролировать миссии посредством прямого сообщения с миссионерами, обходя контроль Мадрида. Но Рим никогда не мог отправить папских нунциев с миссией, которая избегала бы контроля испанских правительственных органов. Полемика в испанском суде состоялась в 1644 г., когда кардиналы приняли данное предложение секретаря конгрегации. Как только новые рапорты миссионеров из Америки достигли Рима, Мадрид выступил решительно против политики конгрегации, заявив, что распространение христианства идет хорошо и под его контролем (Rubio Merino 1985).

В контексте доктрины и практики королевского викариата отношения церкви и государства всегда разворачивались под знаком патронажа. Таким образом, все конфликты между епископом и королем происходили вне практики королевского викариата, по другим причинам, часто личного характера, и в случаях, когда епископы были вынуждены обличать несправедливости по отношению к людям и злоупотребления властью. В Новой Испании особо на шумевший случай произошел в первой трети

XVII в. Сторонами конфликта выступили архиепископ Мехико дон Хуан-Перес де ла Серна и вице-король дон Диего-Карильо де Мендоса-и-Пиментель граф де Приего и маркиз де Гельвес, но в данном случае его политические последствия вышли за пределы обычных трений между светской и духовной властью. Архиепископ выступил в этом конфликте как защитник церковной юрисдикции, признаваемой и охраняемой испанским законом. Персона ла Серны, находящаяся в непримиримой оппозиции практике королевского патронажа, отстаиваемой вице-королем, стала в глазах народа символом борца за права церкви (Martínez Vega 1990).

Францисканский орден и модернность его реформ

В эпоху Карла V начался решающий период церковной реформы, в частности религиозных орденов. В XV в. францисканцы начали возвращаться к обсервантской модели, иначе говоря – к первоначальному францисканскому образу жизни. Вместе с XV столетием средневековый этап францисканства в Испании подошел к концу, и в новых условиях эпохи Ренессанса католические короли и кардинал Синерос оказали решительную поддержку течению обсервантов.

Для обсервантской реформы характерно стремление к евангельскому совершенству через неукоснительное соблюдение правил Ордена. Они состояли в восхождении по лестнице добродетелей к пламенной любви к Богу – основе религиозного служения, требующей полного отречения и самопожертвования, что выражалось в смиренном послушании и нищете – отправной точке всех остальных добродетелей. Следует отметить поиск наиболее адаптированных к условиям момента форм религиозной жизни: меньше формализма и больше внутренних переживаний; спасение благодаря вере, поддерживаемой чтением Библии и другой духовной литературы. В эту эпоху глубоких религиозных преобразований духовность перестала быть достоянием исключительно элитарной группы братьев-монахов и сестер-затворниц. Она вышла за пределы монастырей и охватила многих мирян, которых прежде мало интересовала эта тематика.

Испания не осталась в стороне от общеевропейского движения религиозного обновления. Эта реформа прошла на пятьдесят лет раньше контрреформы Тридентского собора. Синерос умер через восемь лет после того, как Лютер приколотил к церковной двери Виттенберга свои Девяносто пять тезисов, что должно было спровоцировать окончательный разрыв с церковью. Успех движения духовного обновления явился ответом на запрос общества, которое не нашло адекватного ответа у официальной церкви. Синерос пытался дать ответ на этот запрос при поддержке католических королей⁷, которые включили его реформу в свою программу религиозной политики. Отец Хосе-Гарсия Оро, проводя

исследование реформаторской активности кардинала Синероса, выдвинул гипотезу, что его инициативы являются частью кампании реформ католических королей (García Oro 1992).

Если католических королей можно рассматривать как истинных творцов христианского ренессанса в испанских королевствах, то время правления Карла V, благодаря папе Павлу III (1534–1549), является решающим периодом церковной реформы в целом и монашеских орденов в частности. Орден Святого Франциска в первой половине XVI в. совершает поворот к святой бедности, именуемый «босые ноги», – новой модели духовного и социального поведения, которая определит сущность посттридентской контрреформы. Инициатором движения босоногих во францисканстве был фрай Хаун де ла Пуэбла, основавший кустодию де Анхелес в Сьерра-Морене. Его дело продолжил фрай Хуан де Гваделупе, который не ограничился просто обсервантским созерцанием и добился в 1496 г. от папы Александра IV специальной буллы *Sacrosanctae Militantis Ecclesiae*, которая позволила ему укоротить монашеское одеяние и отменить ношение сандалий.

Появление францисканского монаха Сан-Педро де Алькантара (св. Петра Алькантарского) стало важным для консолидации концепта крайней бедности в христологическом⁸ смысле – тотального отказа от имущества на пути добровольного следования за Иисусом. Отличительной чертой и основной задачей движения босоногих являлись соблюдение обета святой бедности, простота жилища и одежды, умеренность в еде, самобичевания и посты (García Oro & Portela Silva 1998).

Босоногие представляли собой ответ идеалам реформы нравов и поведения духовенства. Однако мы не должны забывать, что это движение зародилось в недрах ордена как новая группа в «официальном» францисканстве, и это произошло в первой половине XVI в., в претридентский период, и без импульса, исходящего от политической власти. Мы говорим о модерности босоногих братьев в плане духовности и новизны их образа жизни. Именно это послужило толчком к укреплению францисканских миссионеров в Новом Свете и причиной их распространения по Новой Испании и Восточной Азии (Martínez Vega 2000, 2018).

Распространение францисканских миссионеров в тихоокеанской части Северного полушария

Испанская корона, оттачивая свой колониционный опыт на Антильских островах и в вице-королевстве Новая Испания, вывела формулу, давшую наилучшие, а также самые экономичные результаты замирения населения враждебных территорий. Она предоставила евангелизацию туземцев различным религиозным орденам, и, возможно, францисканцы лучше других поняли намерения и желания короны.

С самого начала колонизации Америки испанская монархия стремилась расширять сферу своего влияния, а Азия стала полюсом притяжения европейской торговли, хотя она тоже рассматривалась как обширная территория, которую следует засеять семенами христианства. Испания сделала Филиппины испанским анклавом в тихоокеанском секторе северного полушария и центром распространения миссионеров. Манила стала рассматриваться как восточноазиатский Рим.

Из Новой Испании на Филиппины

С момента обоснования испанцев на Филиппинах (1565 г.) архипелаг стал центром миссионерской деятельности. Монахи разных орденов, прибывали в Новую Испанию, а оттуда пересекали Тихий океан. Приплыв на Филиппины, они узнавали, что столица является местом контактов разных этнических групп. Манила была городом, где циркулировали китайские и японские товары, а центры притяжения населения, такие как Париян, порождали взаимодействие культур. Миссионерам это было удобно для завязывания отношений с людьми разных культур как потенциальными объектами евангелизации (Abad Pérez 1986; Sánchez Fuertes 1992).

Миссионерская юрисдикция региона была возложена на францисканскую провинцию Кастилии. В 1577 г. создана провинция на Филиппинах, названная Сан-Григорио-Магнус. Для прибывавших в Манилу францисканцев основной целью были Китай и Япония. Перемещения миссионеров обусловили особое положение этого архипелага как единственного испанского анклава в Восточной Азии и трамплина для попадания в другие страны Востока. Миссионером удалось создать постоянные миссии в Японии (1593 г.), на Целебесе и Молуккских островах (1606 г.) и в Китае (1632 г.). Их присутствие задокументировано в Сиаме, Камбодже, на Малакке. Официальное появление перманентной миссии в Индокитае восходит к 1720 г. Уже в 1583 г. францисканцы из Манилы прибыли в Камбоджу по приглашению короля, желавшего наладить культурный обмен с Испанией. Позднее, в 1700 г., им удалось склонить к христианской вере жителей многих областей Тонкина (Вьетнам), большую часть территории которого они сделали христианской за XVIII столетие, разделяя свою работу с иезуитами и августинцами-реколлеками (Pérez Sánchez 1993).

Миссионеры, отправленные в Азию, несли с собой типично европейский культурный багаж, но их проповеди неизбежно велись в особых социокультурных средах, глубоко отличающихся от европейского мира. Слово божие предназначалось народам, обладавшим собственным богатым историко-культурным наследием, которое не могло не повлиять на них в момент усвоения христианства. Культурное наследие тесно связано с наследием религиозным, но охватывает мир более широкий и

многообразный. Именно это послужило причиной культурного шока, который испытали миссионеры, прибыв в места основания миссий, но, надо признать, адаптация к новым условиям происходила легко, поскольку религиозная аскеза выработала у них привычку к лишениям. Они также явились своего рода мотором взаимодействия культур, их хроники, письма и отчеты, собранные на Филиппинах, где отражены многочисленные культурные особенности Юго-Восточной Азии, служат прекрасным тому подтверждением (González Vallés 1992).

Францисканские миссионеры направлялись в Восточную Азию из испанских провинций обсервантов и босоногих, где они получали блестящее образование. Большинство из них уже завершили свое обучение, но другие были завербованы, будучи еще семинаристами. Последним было необходимо завершить свое образование, и это заставляло их оставаться на Филиппинах, в провинции Сан-Григорио-Магнус. Учебный центр был построен в Санта-Мария де Анхелес, в Маниле (1583 г.), где обучение велось с небольшими перерывами до 1853 г. Из Манилы францисканские миссионеры рассредоточились по разным местам, основав новые центры обучения в Макао и Малакке – на португальской территории (Abad Pérez 1987).

Провинция Сан-Хуан в Мексике

Создание провинции Сан-Хуан де Мехико тесно связано с созданием провинции Сан-Григорио-Магнус. Она являлась своеобразным мостом, на котором следующие на Филиппины миссионеры могли передохнуть и сделать необходимые приготовления перед дальней дорогой, спокойно дожидаясь отправляющегося на Филиппины галеона. Наконец, это было пристанище для тех, кто, испугавшись трудностей, принял решение не ехать в Манилу или, обессилев от долгих лет работы, обрел покой в этой миссии (Abad Pérez, Sánchez Fuertes 1999).

Первые монастыри здесь появились в 1567 и 1593 гг. В 1599 г. на основании буллы Клементя III она получила статус провинции Сантьяго в Новой Испании. В 1618 г. папа Павел V подтвердил создание провинции и предоставил ей все те привилегии, которыми пользовалась провинция Сан-Григорио-Магнус. Для изучения истории провинции Сантьяго следует обратиться к ее ранним хроникам и подборке статей, опубликованных отцом Лоренцо Пересом (Pérez 1914–1916).

Провинция Сан-Григорио-Магнус

Ее начало восходит к 1576 г., когда группа миссионеров, по большей части выходцев из провинции босоногих Сан-Хосе в Кастилии, отправилась в Восточную Азию, используя Мексику как мост между точкой отправления и пунктом назначения – Филиппинскими островами.

Миссия на Филиппинах стала отправной точкой проникновения христианства в Японию, Китай, Тонкин и Кокхинхин. Миссионеры прибыли

на Филиппины в 1577 г., и фрай Антонио де Сан-Григорио лично добился от Рима буллы Сикста V *Dum ad uberis fructus* об основании в 1586 г. провинции, названной так в честь Святого Григория. Первыми монастырями этой миссии были Санта-Мария де Анхелес в Маниле, основанный в 1578 г., и Сан-Франсиско де Нага в Камаринес. В 1580 г. создан монастырь Санта-Мария де Макао, а в 1582 г. – монастырь Малаккской Богоматери на одноименном полуострове. К этому времени паства босоногих насчитывала уже сто пятьдесят тысяч человек в четырнадцати редукциях, которые в 1591 г. частично уступили иезуитам. В 1598 г. здесь насчитывалось сто двадцать миссионеров и сорок миссионерских центров.

Среди миссионеров архипелага выделяются: Алонсо де Медина, окрестивший более пятидесяти тысяч туземцев; Хуан де Пласенсия – главный настоятель кустодии с 1579 г., организовавший первые редукции, где были собраны разрозненные племена, строивший школы, печатавший религиозную литературу и грамматики; мирянин фрай Лоренсо де Санта-Мария, прославившийся строительством дорог, мостов, прокладкой речных каналов и внедрением передовых приемов агрикультуры; Хуан Клементо, построивший в 1578 г. лепрозорий. Также францисканцы основали военный лазарет и детскую школу Санта Потенсиана. Но, пожалуй, самой важной их заслугой следует признать изучение местных языков.

За весь испанский колониальный период францисканцы построили двести тридцать церквей и основали бесчисленное множество селений. В 1890 г. пасторской деятельностью было охвачено более миллиона душ. Из этой провинции евангелизация распространилась на соседние архипелаги, в частности на Молуккские острова и Целебес, и она служила отправной точкой для всей Восточной Азии в течение более чем двух веков (Pérez 1914–1916).

Японская миссия

Миссионерская активность францисканцев в Юго-Восточной Азии очень богата примерами апостольского рвения и самопожертвования. Об этом свидетельствуют публикации францисканского журнала *Archivo Iberoamericano*. Особо следует отметить труды отца Лоренсо Переса, который в 1915 г. начал публиковать письма и рассказы о францисканских миссионерах в Японии. Во введении он дал интересное резюме проблем францисканцев на данной территории. Они ощущали на себе мощное соперничество между испанской и португальской империями, боровшимися в этом регионе за право его завоевания, торговли и духовной юрисдикции над ним. Это соперничество стало ощутимым после 1580 г., когда Филипп II унаследовал португальский трон. Данное событие вызвало беспокойство у обосновавшихся в Японии, Индии и Китае

португальских торговцев, боявшихся потерять свою коммерческую монополию. Испанские францисканцы, появившиеся в Японии в 1593 г., рассматривались как служители испанской короны. Поэтому на миссионеров обрушились репрессии. Эти политические и торговые интересы стали причиной противодействия, с которым столкнулись францисканские миссионеры на японской земле (Pérez 1914–1916, 1915–1919).

Францисканские историки, отцы Антолин Абад-Перес и Каэтано Санчес-Фуэртес утверждают, что история японской церкви представляет собой самую трагическую и одновременно захватывающую страницу анналов христианской веры. Первый контакт между европейцами и японцами состоялся в 1543 г. Шесть лет спустя святой Франциск Ксаверий приступил к евангелизации архипелага. Первые японцы были крещены на Гоа в 1548 г. епископом Хуаном Альбукерке. С этого момента единственными миссионерами в Японии стали иезуиты. В 1584 г. францисканец-мирянин фрай Хуан Побре отправился в Японию, вернувшись из Китая. Японцы были поражены смирением и бессеребренничеством францисканцев и отправили просьбу на Филиппины прислать им их в качестве миссионеров. Однако после смерти сегуна Ода Нобунага (1551–1582 гг.), благоволившего распространению христианства, большая часть Японии отошла под контроль Тоётоми Хидеёси. Этот новый сегун в 1587 г. изгнал иезуитов и разрушил все христианские церкви в стране. Однако большинство миссионеров при поддержке многочисленных даймё-христиан осталось в Японии подпольно (Abad Pérez, Sánchez Fuertes 1999).

В 1585 г. папа Григорий XVIII отдал миссию в Японии исключительно ордену иезуитов, а Сикст V буллой, датированной тем же годом, санкционировал создание провинции Сан-Григорио и разрешил босоногим францисканцам организацию миссий в Китае и на других территориях азиатского континента. В дальнейшем они вновь получили разрешение поселиться в Японии и проповедовать там христианство (Abad Pérez 1971). В Мияко, современный Киото, они основали два госпиталя и начальную школу, а также церковь и монастырь. Однако всего за два месяца, с октября по декабрь 1596 г., отношение к ним изменилось в худшую сторону.

Гонения в 1596 г. были явно нацелены на францисканцев и их христиан, и 5 февраля 1597 г. кустодий Педро-Батиста и его собратья были неожиданно схвачены и распяты на крестах в Нагасаки. Казалось бы, эти события должны были положить конец францисканской миссии в Японии, но мученичество миссионеров породило в начале 1600-х гг. настоящую экспансию францисканцев, доминиканцев и августинцев. В период между 1920 и 1923 гг. отец Лоренсо Перес опубликовал документы из иберо-американских архивов, в которых речь идет о преследовании и мучениях Педро Батисты и его соратников, тайне их смерти и

свидетельствах о жизни мучеников, что явилось началом процесса причисления их к лику блаженных (Pérez 1920).

Отец Алонсо Муньос, миссионер и дипломат в Восточной Азии, написал хронику огромной документальной ценности. Он отправился в Японию в качестве провинциального комиссара, в задачи которого входило информирование отцов-настоятелей в Маниле о состоянии японских миссий к 1606 г. Он вдохновил миссионеров, дав им одобрение на строительство церквей и проповедь Евангелия, невзирая на многочисленные трудности и противодействие японской знати (Abad Pérez 1959).

В 1608 г. здесь было тридцать четыре францисканских миссионера, посвятивших себя проповеди и заботе о больных в госпиталях и колониях прокаженных. Однако в 1612 г. начались новые гонения, спровоцированные голландскими торговцами-кальвинистами. Они продолжались до 1622 г., результатом чего стало большое количество мучеников и, наконец, полная изоляция японского христианства. Самый выдающийся миссионер этого периода преподобный Луис Сотело был заживо сожжен в 1622 г. Японские власти изгнали из страны всех иностранцев, оставив только голландцев, торговавших на небольшом острове в бухте Нагасаки. На протяжении десятилетий некоторые миссионеры тайно подпитывали веру японских христиан, что было очень опасным делом. Христианство, принесенное босоногими францисканцами, выжило даже при отсутствии священников и в полной оторванности от остального христианского мира. Это стало известно в 1865 г., когда Япония открыла свои двери для иностранцев (Iriarte 1979).

В 1982 г. францисканский падре Каэтано-Санчес Фуэртес опубликовал работу, в которой дал историческую переоценку и применил новый подход к изучению евангелизации в Японии на примере отца Хуана-Побре де Самора – солдата из Фландрии, а позднее – миссионера на Филиппинах и в Японии. Некоторые обвиняли его в фанатизме, причиной чему, возможно, является то, что он был солдатом. Видя в нем соединение креста и шпаги, характерное для конкисты в Америке, некоторые миссионеры критиковали его, как об этом упоминал сам Хуан-Побре в своих письмах. В них же он говорит о неприемлемости использования силы для достижения быстрого обращения в христианство. Речь в этом исследовании идет не только о новом видении францисканской ментальности, но также о духе, сподвижном Орден Святого Франциска на евангелизацию японских земель.

Миссия в Китае

Первыми проповедниками христианства в Китае стали францисканцы, пришедшие в середине XIII в. в качестве официальных послов церкви. Однако их миссионерские усилия не имели успеха. В первой половине XVI в. отцы Мартин де Валенсия и Хуан де Сумаррага из провинции Санто Еванхелио в Мексике покинули ацтекскую миссию и

прибыли в Китай для продолжения миссии их собратьев XIII в., но и им удалось сделать немного.

Францисканцы провинции Сан-Григорио прибыли на Филиппины в 1578 г., имея при себе мандат Филиппа II на ведение миссионерской деятельности в Китае. Участниками новой миссии среди прочих были отцы Педро де Альфаро – главный настоятель миссий, Августино де Тордесильяс, Джовани-Батиста Лукарелли и Себастьян де Баэса. Их сопровождали священнослужители-миряне Хуан-Диас Пардо, который, вступив в Орден францисканцев, получил имя Хуан-Побре, и Франсиско Дуэнас. Они добрались до Кантона в конце июня 1579 г., но не получили разрешения на проход в Китай. Альфаро и Лукарелли прибыли в ноябре того же года в португальскую колонию Макао и добились от ее епископа разрешения на строительство небольшого монастыря, открывшегося в 1580 г.

Так как некоторые португальцы с неодобрением относились к присутствию францисканцев в Макао, отец Альфаро отправился на Гоа – резиденцию португальского вице-короля, но во время шторма он утонул. В свою очередь, отец Лукарелли был переведен португальскими властями на Малакку, где основал другой небольшой монастырь. Некоторое время спустя ему удалось вернуться в Макао и сплотить вокруг себя двадцать молодых китайцев и японцев. В 1585 г., осознавая непрочность правового положения этих монастырей, он совершил путешествие в Европу, чтобы получить у Филиппа II и папы гарантии существования и функционирования миссионерского коллежа в Китае. Однако его проект был отвергнут, и он умер в Италии.

В 1582 г из Манилы была отправлена новая францисканская экспедиция. Когда они достигли побережья Фокиенга, их остановили и взяли в плен, но, благодаря заступничеству капитана-майора Макао Ариваса-Гонсало де Миранды, они были переведены в Макао и оставались в монастыре, основанном Лукарелли, до 1585 г., пока не были изгнаны градоначальником. По распоряжению вице-короля Индий монастырь был передан португальским босоногим францисканцам.

Третья попытка была предпринята фраем Мартином-Игнасио де Лойолой. В 1584 г. после назначения главным настоятелем кустодии Малакки он предпринял поездку в Европу, чтобы получить от папы разрешение продвигаться в Китай. Одновременно, заручившись поддержкой Филиппа II и папы Григория XIII, в этом же году он совершил путешествие в Китай, но и эта попытка закончилась неудачей из-за противодействия португальских властей и иезуитов.

Наконец, в 1632 г. отцу Антонио-Мария Кабальеро удалось проникнуть в провинцию Фокиенг, затем в Нанкин и, наконец, в Шаньдун, где он прожил до 1665 г., когда за порицание ряда правил и обычаев, которые он считал языческими, был изгнан в Кантон. Он умер в 1669 г. Миссия, основанная в Китае отцом Антонио в 1633 г., была восстановлена

отцом Августино де Сан-Паскуалем, прибывшим в Макао в 1671 г. Отсюда он перебрался в Кантон, а позднее – в провинцию Шаньдун. Миссией здесь до начала XIX в. управляли миссионеры из Сан-Григорио.

Плодотворная миссионерская деятельность продолжительностью в семьдесят лет была почти уничтожена гонениями на христиан в 1732 г., в результате которых монахам пришлось перебраться в Макао. Оттуда они инкогнито вернулись на места служения. Затем по причине массовых гонений на христиан в 1784 г. и Наполеоновских войн начала XIX в. им пришлось уступить свое миссионерское поле итальянским францисканцам из *Propaganda Fide* и другим религиозным институциям.

С 1672 по 1810 г. китайская миссия в той или иной степени контролировалась испанским королем. Он оказывал поддержку не только своим монахам и основанным ими церквям, но и миссионерам из *Propaganda Fide*. Несколько францисканских миссионеров из *Propaganda Fide*, принадлежащих к провинции Сан-Григорио, а также сто пятнадцать монахов этой провинции вели миссионерскую деятельность в Китае с 1579 по 1813 г. (Abad Pérez & Sánchez Fuertes 1999).

Миссия в империи Аннам

Империя Аннам состояла из королевств Тонкин, Кохинхина, Чампа и Камбоджа. Первый контакт францисканцев с ее населением состоялся в 1583 г. 1 мая этого года восемь монахов тайно, против воли светских и церковных властей, покинули Манилу и отправились во Вьетнам. Оттуда они двинулись в Хюэ – ставку императора, но по пути попали в шторм, прибывший их к острову Хайнань (Китай). Здесь они были схвачены и отправлены в Кантон, а затем выдворены из страны.

В следующем году отец Бартоломео Руис, принимавший участие в первой экспедиции, вместе с еще одним францисканцем вернулся во Вьетнам, но в 1586 г. его прогнали из-за интриг португальцев, разногласия которых с испанцами в этот период хорошо известны.

Затем францисканские миссионеры пытались проникнуть на эти территории в период между 1598 и 1602 гг. В 1644 г. отец Антонио де Санта-Мария Кабальеро был выдворен из Макао португальскими властями вместе с группой монахинь-минориток и отправился в Манилу, но их корабль затонул у побережья Кохинхины. Пленников доставили к мандарину, и они были приговорены к смерти, но эту меру наказания заменили изгнанием. Когда о них узнал король, он пригласил их к себе, и они получили разрешение проповедовать в королевстве. Отцу Антонио удалось обратить брата короля, который умер через несколько дней, уже будучи христианином. В дальнейшем отец Антонио вернулся в Манилу.

В 1696 г. провинция Сан-Григорио приняла официальное решение о евангелизации упомянутых королевств и отрядила в миссию отца Антонио и еще пятерых монахов. Они были приняты апостольским викарием

Кохинхины, Чампа, Камбоджи и Сиама, мирским священником Франсиско Пересом. Монсеньор Франсиско Перес, преисполненный рвения, оказал помощь францисканским миссионерам и настаивал на отправке в Кохинхину миссионеров из провинции Сан-Григорио на Филиппинах. Францисканцы приняли его предложение, но несколько попыток попасть туда не увенчались успехом.

В 1719 г. туда же получили назначение отцы Херонимо де ла Сантисима-Тринидад и Хосе-Гарсия де ла Консепсьон. Они прибыли в порт Донгнай в марте 1720 г. К тому времени в стране насчитывалось около шестидесяти тысяч христиан. Первая церковь Ордена Святого Франциска в Кохинхине была основана отцом Херонимо де ла Сантисима-Тринидадом. В последующие годы францисканцы построили несколько церквей в разных провинциях королевства и продолжили свою деятельность без особых потрясений. Однако конфликты с французскими миссионерами в плане юрисдикции привели к тому, что прибывший церковный посол доставил декрет о высылке францисканцев из Кохинхины в королевство Камбоджа. В 1741 г. дело рассматривалось в Риме, и новый церковный посол выступил за союз и мирные отношения между французскими и испанскими миссионерами, что благоприятствовало францисканцам (Pérez 1922–1932).

Город Канкао, принадлежащий королевству Камбоджа и расположенный между Сиамом и Малаккой, стал убежищем миссионеров во время гонений на христианскую веру в Кохинхине. Король Камбоджи позволил христианам Кохинхины во время гонений укрыться в Канкао, где первая церковь была построена во втором десятилетии семисотых годов. В 1721 г. сюда прибыли первые миссионеры – францисканцы *Propaganda Fide*, которых в их пасторской работе поддерживал отец Хосе де ла Консепсьон, периодически приезжавший из Сайгона в столицу провинции, где в 1745 г. основал церковь в честь бракосочетания Девы Марии и Святого Иосифа. Эта церковь была единственной уцелевшей во францисканской миссии во время гонений 1750 г. История миссии детально описана фраем Хуаном Сальгуэро в сообщении, написанном отцу, провинциалу Кохинхины в 1774 г.

В 1754 г. между Камбоджей и Кохинхиной вспыхнула война. Это время было очень трудным для миссионеров Сайгона, которым пришлось бежать в Канкао. Эту миссию окормляли отцы Франсиско-Эрмоза де Сан-Буэнавентура, фрай Педро де Салазар, фрай Хакобо де Гумилья, а с 1766 г. – фрай Мартин де Роблес, который был направлен в миссию в качестве хирурга. Управление отца Гумильи продлилось до апреля 1773 г. В следующем году был опубликован королевский декрет, согласно которому после преследований христианская религия в королевстве вновь вступала в силу (Martínez Vega 1994).

Когда испанская миссия, казалось бы, прочно укоренилась в королевстве Аннам, гонения разразились вновь, вынуждая миссионеров переходить из королевства в королевство и из города в город. Ситуация стабилизировалась в 1775 г. после отмена указа о гонениях, но спокойная жизнь продлилась недолго. Миссионерская работа становилась все более трудной, и количество миссионеров сокращалось. Францисканская миссия просуществовала немногим более ста лет, с 1719 по 1834 г. Сорок девять миссионеров посвятили евангелизации Вьетнама свои жизни, наполненные преследованиями и опасностями. Тридцать девять из них были испанцами. Их работу продолжили другие миссионеры из Propaganda Fide. Смертельным ударом стало французское вторжение в Испанию, которое отразилось на колониях. В частности, это отказ от францисканских миссий. В 1796 г. здесь оставалось только два миссионера, а в 1813 г. миссия перестала существовать (Abad Pérez & Sánchez Fuertes 1999).

Заключение

В конце XV в. Орден францисканцев был реформирован в соответствии со строгими правилами движения обсервантов, а в первые десятилетия XVI в. возрос уровень его духовности как ответ на назревшее в обществе и в испанской церкви, еще задолго до Тридентского Совета, понимание необходимости реформы. В результате этой реформы появилось множество братьев-францисканцев, пожелавших нести дух евангельского обновления в Новый Свет. Их первым полем деятельности стало вице-королевство Новая Испания, а затем из Мексики они двинулись в Китай, Японию, Индокитай и на Молуккские острова. Используя Филиппины в качестве миссионерской базы, они стремились распространить христианскую веру по всей Восточной Азии, и в какой-то степени им это удалось. Миссионерская провинция Сан-Григорио-Магнус на Филиппинах может рассматриваться как веское доказательство жизнеспособности босоногих миссионеров, овеванных ореолом мученичества, обретенного ими в странах Восточной Азии. Их деятельность и происходившие с ними события очень хорошо изучены историками, так как мы располагаем по этой теме серией хроник и других источников.

Перевод с французского Д.В. Воробьева

Примечания

¹ Обсерванты – радикальное течение внутри ордена францисканцев, сформировавшееся во второй половине XIV в. Приверженцы особо строгого соблюдения устава ордена (*Примеч. пер.*).

² Все территории, где вели свою деятельность францисканцы, делились на провинции, управляемые провинциальными министрами (провинциалами) (*Примеч. пер.*).

³ Еще одно радикальное течение во францисканстве, о котором подробнее будет сказано далее (*Примеч. пер.*).

⁴ Генеральный капитул – общее собрание францисканцев, делегатов от провинций Ордена (*Примеч. пер.*).

⁵ Объединение нескольких монастырей, еще не получившее статуса провинции (*Примеч. пер.*).

⁶ Перераспределение индейских работников между испанцами (*Примеч. пер.*).

⁷ Испанские монархи Фердинанд и Изабелла (*Примеч. пер.*).

⁸ Изучения жизни и деяний Иисуса Христа (*Примеч. пер.*).

References

- Abad Pérez, A. & Sánchez Fuertes, C. (1999) “*La descalcez franciscana en España. Hispanoamérica y Extremo Oriente. Síntesis histórica, geográfica y bibliográfica*”, número monográfico de Archivo Iberoamericano, con motivo del V Centenario del Nacimiento de San Pedro de Alcántara. Ed. Cisneros. Madrid.
- Abad Pérez, A. (1986) Aportación americana a la evangelización de Filipinas, *Archivo Iberoamericano*. n° 46. pp. 947–948.
- Abad Pérez, A. (1987) La formación religioso-franciscana en Extremo Oriente. In: *Actas del XIX Congreso Hispano-portugués*, 7-12 septiembre de 1987. Madrid: pp. 134–147.
- Abad Pérez, A. (1971) Cristianismo en el Japón: memorial del padre Pedro Bautista Porres Tamayo (1628), *Archivo Iberoamericano*. n° 37. pp. 323–354.
- Abad Pérez, A. (1959) El padre Alonso Muñoz, misionero y diplomático, *Archivo Iberoamericano*. n° 19. p. 132.
- Aguirre, M.C. (1955) La acción de los franciscanos en Nuevo México, *Missionalia Hispanica*. n° 12, pp. 429–482.
- Bayle, C. (1952) *Los cabildos seculares en América española*. Sapientia. Madrid.
- Céspedes del Castillo, G. (1983) *América Hispánica (1492–1898)*. In: Tuñón de Lara, M. (ed.) *Historia de España*. Barcelona: Ed. Labor. Vol. VI.
- García Oro, J. (1993) *El Cardenal Cisneros. Vida y empresas*. Madrid: Ed. Biblioteca de Autores Cristianos. 2 vols.
- García Oro, J. & Portela Silva M.J. (1998) Felipe II y la nueva reforma de los religiosos descalzos, *Archivo Iberoamericano*. n° 58. pp. 217–310.
- Geiger, M. (1937) *The Franciscan Conquest of Florida (1573–1618)*. Washington: The Catholic University of American Studies in Hispanic American History.
- González Vallés, J. (1992) Filipinas: proyección exterior de la Iglesia. In: Borges, P. (ed.) *Historia de la Iglesia en Hispanoamérica y Filipinas*. Madrid: Ed. Biblioteca de Autores Cristianos. T. II, cap. 47, pp. 759–774.
- Iriarte, L. (1979) *Historia franciscana*. Valencia: Ed. Asís..
- Lopetegui L. & Zubillaga F. (1965) *Historia de la Iglesia en la América española*. Madrid: Ed. Emisferio sur, por Antonio de Egaña.
- Martínez Vega, M.E. (1990) *La crisis barroca en el virreinato de la Nueva España: el Marqués de Gelves (1621–1625)*. Madrid: Ed. Complutense.
- Martínez Vega, M.E. (1994) Fray Martín Robles de Zugarramurdi, un franciscano navarro del siglo XVIII en la Cochinchina. In: *Actas del Tercer Congreso General de Historia de Navarra*, Pamplona, pp. 2–27. S.N.
- Martínez Vega, M.E. (2018) Modernidad de la descalcez franciscana en un tiempo de reformas y rupturas. In: *Cuadernos de Historia moderna. Monográfico: Carlos V y su tiempo*. Madrid: Ediciones Complutense. Vol. 43, n° 2, pp. 425–444.
- Martínez Vega, M.E. (2000) Formas de vida del clero regular en la época de la Contrarreforma: los franciscanos descalzos a la luz de la legislación provincial. In: *Cuadernos de Historia moderna, Monográfico VI, ‘Este tesoro lo llevamos en vasijas de barro (Estudios de*

- Religión y Sociedad en la España moderna*). Madrid: Ediciones Complutense. n° 25, pp. 125–187.
- McCaler, W.F. (1961) *Spanish Missions of Texas*. San Antonio: Texas. Publisher The Naylor Company Date.
- Mousnier, R. (1984) Los siglos XVI y XVII. El progreso de la civilización europea y la decadencia de Oriente (1492-1715). In: Crouzet, M. (ed.). *Historia general de las civilizaciones*. Barcelona: Eds. Destino. Vol. IV.
- Pérez, L. (1914–1916) Origen de las misiones franciscanas en Extremo Oriente, *Archivo Iberoamericano*. n° 1, pp. 100–120, 301–332; n° 2, pp. 39–67, 202–228; n° 3, pp. 20–43, 378–415; n° 4, pp. 63–82, 225–250; n° 5, pp. 80–106, 387–412; n° 6, pp. 401–420. Ed. Cisneros.
- Pérez, L. (1915–1919) Cartas y relaciones del Japón, *Archivo Iberoamericano*. Madrid. n° 4, pp. 318–418; n° 6, pp. 197–309; n° 9, pp. 55–142 y 168–263; n° 10, pp. 26–70; n° 11, pp. 232–292.
- Pérez, L. (1920) Primeros franciscanos en México, *Archivo Iberoamericano*. n° 13, pp. 21–28; n° 14, pp. 105–111.
- Pérez, L. (1922–1932) Los españoles en el imperio de Annam: Misiones en Cochinchina, Ciampa y Cambodja, *Archivo Iberoamericano*. n° 18, pp. 293–340; n° 19, pp. 5–24; n° 24, pp. 289–324; n° 26, pp. 145–178, 289–326; n° 27, pp. 5–41, 145–195, 289–323; n° 28, pp. 5–37, 145–196; n° 29, pp. 187–227; n° 30, pp. 179–240; n° 32, pp. 161–204, 321–365; n° 36, pp. 49–93.
- Pérez Sánchez, C. (1993) *El archivo franciscano Ibero-oriental, vicisitudes e importancia de sus fondos misionales*. Oviedo.
- Rubio Merino, P. (1985) La Iglesia indiana en el siglo XVII. In: Ramos Pérez, D. & Lohmann Villena G. (eds.). *Historia general de España y América*. Madrid: Ed. Rialp. T. IX-1.
- Sánchez Fuertes, C. (1992) México, puente franciscano entre España y Filipinas, *Archivo Iberoamericano*. n° 52, pp. 373–401.
- Tormo Sanz, I. & Keegan G.J. (1957) *Experiencia misionera en la Florida (siglos XVI y XVII)*. Madrid: Ed. Instituto Santo Toribio de Mogroviejo.
- Torre Villar, E. de la (1984) Nueva España hacia su plenitud. In: Ramos Pérez, D. & Lohmann Villena, G. (eds.). *Historia general de España y América en el siglo XVII*. Madrid: Ed. Rialp. T. IX-2.

Сведения об авторе:

МАРТИНЕС ВЕГА Мария Элиза – профессор, Университет Комплутенсе (Мадрид, Испания). E-mail: memvega@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

María Elisa Martínez Vega, Complutense University of Madrid (Spain). E-mail: memvega@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕПОРТАЦИЙ НА КАВКАЗЕ

(отв. редакторы специальной темы номера –
Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Шагоян)

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/7

Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера

Гаяне Арутюновна Шагоян¹
Эльза-Баир Мацаковна Гучинова²

¹ Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения, gayashag@yahoo.com

² Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, bairjan@mail.ru

Аннотация. В вводной статье к специальной теме номера «Языки описания национальных депортаций на Кавказе» рассматриваются проблемы изучения советских депортаций на этнической основе. В нее включены три статьи, посвященные трем различным кейсам. Э.-Б.М. Гучинова показывает, как депортация калмыков отражается в документах НКВД и партийных органов на местах спецпоселений, в нарративах о депортации и народных песнях, а также в памяти поколения, рожденного после возвращения из Сибири. В. Танайлова раскрывает специфику памяти чеченского общества и то, как язык описания постсоветских военных действий в Чечне повлиял на язык описания депортации 1944 г. П. Тахнаева, опираясь на архивные материалы, развенчивает мифологизированный сюжет спасения народов Дагестана от запланированной депортации и раскрывает причины социального запроса на такой сюжет в контексте ревизии национальных историй 1990-х гг. Авторы разбираются в том, какие термины стали ключевыми при изучении различных национальных депортаций и почему. Так как национальные депортации обычно определяются как геноцидальные кейсы, вводная статья подробнее рассматривает проблему разночтений этого понятия в зависимости от контекста: антропологического, юридического, мемориального.

Ключевые слова: депортация калмыков, депортация чеченцев, Дагестан, геноцид, репрессии, языки описания, память, термины, тезаурус

Для цитирования: Шагоян Г.А., Гучинова Э.-Б.М. Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 134–143. doi: 10.17223/2312461X/42/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/7

Languages for Describing National Deportations in the Caucasus. Introduction to the Special Theme of the Issue

Gayane A. Shagoyan¹, Elza-Bair M. Guchinova²

¹ *Institute of Archeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences,
Yerevan, Armenia, gayashag@yahoo.com*

² *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, bairjan@mail.ru*

Abstract. The introductory article to the compilation "Languages of Describing National Deportations in the Caucasus" discusses the challenges of studying Soviet deportations on an ethnic basis. The compilation consists of three articles dedicated to three different cases: how the deportation of the Kalmyks is reflected in the documents of the NKVD and party bodies at the sites of special deportations, in narratives about the deportation and in folk songs, as well as in the memory of the generation born after the return from Siberia. V. Tanaylova demonstrates the specificity of Chechen social memory and how the language of post-Soviet military actions in the Chechen Republic influenced the language used to describe the 1944 deportation. Drawing on archival materials, P. Takhnayeva dispels the mythologized narrative of the rescue of the peoples of Dagestan from planned deportation and reveals the reasons for the social demand for such a narrative in the context of the revision of national histories in 1990s. The authors examine which terms have become key in the study of various national deportations and why. Since national deportations are usually defined as genocidal cases, the introductory article takes a closer look at the issue of the variation of this notion depending on the context: anthropological, legal, and memorial.

Keywords: Deportation of Kalmyks, deportation of Chechens, Dagestan, genocide, repressions, languages of description, memory, terms, thesaurus

For citation: Shagoyan, G.A. & Guchinova, E.-B.M. (2023) Languages for Describing National Deportations in the Caucasus. Introduction to the Special Theme of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 134–143. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/7

История насильственных массовых переселений в СССР стала предметом целенаправленных научных исследований в самом начале 1990-х гг., после того как открылись архивы и появились публикации документов той эпохи. Исследования 1990-х гг. были направлены на разоблачение КПСС и всей эпохи сталинизма, акцентируя несправедливость репрессий и жестокость власти. Появление долгожданных публикаций в 1990-е гг. и сопутствующего «чувства исторической справедливости» часто удовлетворяли исследователей, которым было важнее сделать доступными документы, нежели анализировать их, писать «вширь», а не «вглубь».

Однако период открытого доступа завершился с изменением исторической политики в России, которая была названа доктриной тотальной

преемственности (Малинова 2015: 70–71; Эппле 2020: 69). Сегодня академический ракурс меняется, исследователи ограничены опубликованными документами и опираются на устные истории, публикации воспоминаний, семейных архивов в основном 1990-х гг. Научные интересы стали ориентироваться на повседневные практики, стратегии адаптации и благодарную память. Но изучение этого периода у разных народов неравномерно, в некоторых сообществах и поныне нет серьезных публикаций, что говорит о продолжающемся посттравматическом эффекте. С целью обсудить эти проблемы в рамках XV Конгресса антропологов и этнологов России была проведена секция «Антропология массовых депортаций в СССР: проблематизация тезауруса», где было заявлено около 20 выступлений, что само по себе говорит о том, насколько проблема актуальна в научном сообществе. В подборку данного журнала из этих выступлений мы отобрали работы, которые поднимают проблему языка описания массовых депортаций не только и не столько в момент самой депортации, а ее восприятие и изменение языка описания или даже фактологической линейки в контексте формирования более поздних нарративов.

В этой подборке мы предлагаем три статьи, освещающие актуальность темы депортации в наши дни для некоторых «наказанных народов» (Некрич 1978), в данном случае калмыков и чеченцев. Рассматривается и ситуация в Дагестане, где помимо репрессий по отношению к интеллигенции, священникам, аристократии, как и по всей стране, появились дополнительные страхи и опасения по поводу возможной тотальной депортации по примеру соседних кавказских республик. Язык описания – это не только тезаурус, но и сфера исследований и мифов, которые неизбежно появляются там, где нет ясных ответов на сложные вопросы. Вошедшие в данный тематический номер исследования проблематизируют вопрос позиционирования жертв и репрессивной власти в темпоральной перспективе. Авторы фокусируют внимание и на том, как современный язык влияет на описание давно прошедшего события, и, наоборот, на том, как язык описания административно-правовых органов или непосредственных жертв репрессий используется для объяснения и понимания событий, имевших место гораздо позже, переключаясь в язык описания следующих поколений.

В этой статье мы остановимся на нескольких пунктах, которые, как нам показалось, необходимо выделить. В современной антропологии принято придавать особое значение языку описания, «который используют те, с кем мы работаем, и рассматривать его как элемент анализа, совершенно необходимый для понимания той культурной действительности, в которой и которой живут люди, доверяющие исследователям свои истории» (см. статью В.А. Танайловой в данной рубрике). Однако здесь надо иметь в виду, что те, с кем мы работаем, зачастую воспроизводят язык власти, поэтому возникает необходимость деконструкции

языка жертв, чтобы понять в какой ее части мы имеем дело с усвоенным языком власти. С другой стороны, если на исследователей-полевиков, может повлиять язык их информантов и тем самым проникнуть в научный дискурс через их работы, то историкам еще сложнее не попасть в «капкан политически ангажированной терминологии», поскольку им приходится работать в архивах и, соответственно, воспроизводить терминологию документа. В такой ситуации сложно ориентироваться в выборе рабочего языка для понимания различных кейсов, особенно для случаев, которые не имеют однозначной международной политической оценки (в отличие от Холокоста). Поэтому неудивительно, что часто возникают «конкурирующие» травматические нарративы, претендующие на «метанарратив», с учетом мобилизационных возможностей коллективных травм (Шагоян 2016а, 2016б, 2021). Однако, как показал Майкл Ротберг, разные кейсы травматической памяти могут не конкурировать, а, наоборот, помочь друг другу в выработке инструментария проработки такой памяти (Rothberg 2009); этот подход автор определяет как многовекторный (*multidirectional memory*), когда одна травма может повлиять на определение и языки описания других. В случае советских депортаций, к сожалению, возможности многовекторного подхода пока не просматриваются, и обсуждения больше проходят в поле «конкурирующей памяти». В редких примерах «многовекторности», как в случае с Дагестаном, описанных Тахнаевой, речь идет, скорее, о заимствовании депортационного (жертвенного) дискурса для оправдания своей невольной вовлеченности в историю выселения соседних народов.

Из всего терминологического аппарата «геноцид» становится самым привлекательным для описания этнополитических преследований, видимо, по причине международных правовых последствий, имевших место после Холокоста.

Однако само понятие «геноцид» является предметом больших дискуссий геноцидологов, где мнения и подходы о том, как его можно квалифицировать, варьируют от «демонстрации намерения истребить весь конкретный народ-жертву, в то время как для других ученых достаточно намерения уничтожить часть народа-жертвы» (Charny 1999: 4). Некоторые геноцидологи определяют геноцид как любые «массовые убийства, когда жертвы не вооружены и не участвуют в военной борьбе с преступником» (Drost 1959), а И. Чарни в группу «жертва» включает любое массовое убийство «без логически определяемых характеристик» принадлежности к одной группе (Charny 1999: 4). Но резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 9 декабря 1948 г. термин «геноцид» вошел в название конвенции (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него), по определению Рафаэля Лемкина, который предложил такой термин еще в 1944 г., в качестве прецедента имея в виду массовые убийства и депортации армян Османской империи.

Но определение Лемкина до сих вызывает разночтения как у юристов, так и у политиков, поскольку многие из использованных им понятий требуют дополнительного пояснения; это такие, например, как «группа жертвы» (частые споры о количестве), «разрушать» (дискуссии вокруг того, какие именно действия надо включать в такое понятие), «в целом» и «частично» (на какие параметры опираться и т.д.). Исследователи регулярно сталкиваются с тем, что их собеседники из пострадавших групп обыденным языком описывают то, что юристы выделяли в определении геноцида как отдельные признаки или разновидности геноцидов («культурный геноцид», «этноцид», «партицид» и т.д.): «Мы не думаем, что нас хотели уничтожить физически, как людей. Нас хотели уничтожить культурно, как чеченцев. Это же и есть самое настоящее разрушение народа, отрыв его от родной земли, от дома, от могил предков, от культурного очага. Думалось, что мы перестанем существовать как чеченский народ, “разрушимся”, но этого не произошло» (см. статью В.А. Танайловой). Также калмыки более всего опасались рассеяния (калм. «таррах») в силу особо дисперсного расселения в Сибири, подспудно понимая, что оно угрожает размыванию идентичности, разрушению родственных связей и отходу от родного языка.

Не углубляясь в юридическую полемику относительно понятия «геноцид», мы попробовали очертить лишь небольшой контур этих дискуссий, чтобы показать, как понятие из научного словаря может переключаться в юридический, а потом стать определяющим для публичных нарративов и нациестроительного дискурса. Поэтому дискуссии, основанные на эмпирических описаниях, в том числе на восприятиях фактов такого коллективного насилия, как депортация, особенно с позиции самих депортированных, может стать важным вкладом не только для уточнения строго исследовательского тезауруса, но и проработки травматической памяти.

Насколько оправданы такие ожидания, в каких случаях прежние преступления становятся предметом коллективной проработки травмы или объектом политических манипуляций – сложно судить, однозначного ответа здесь не может быть. Некоторые из приведенных кейсов могут служить иллюстрацией для отдельных положений. Например, у чеченцев первая оценка чеченской депортации как геноцида появляется в публичном поле по инициативе чеченской диаспоры в Казахстане (см. статью В.А. Танайловой), что позволяет рассматривать эту инициативу как попытку влияния чеченской диаспоры на нациестроительство Чечни (ср.: Хрох 2002).

В предложенных статьях авторы вынуждены придерживаться того политического словаря, который существует на сегодняшний день. Например, в назывании первой и второй чеченских войн В.А. Танайлова использует тот политический язык, который определяет эти военные

действия как «мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Из указа Б.Н. Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» мы видим, насколько язык исследователя может быть скован политической конъюнктурой, навязывающей свои формулировки для описания действий на земле, которые его другие участники будут определять в своих терминах и пересказывать на понятном им языке (Указ Президента... 1994). В политическом словаре властей появляются новые определения военных действий: контртеррористическая операция, спецоперация, борьба с терроризмом, крупномасштабная военная операция и т.д. То, что для властей является мерами «восстановления конституционного порядка» для жителей на земле имеет одно название – «война». На повседневном уровне им приходится выживать в небезопасных условиях военного быта, и потому юридические и политические определения для них в этот момент не столь актуальны, а язык описания формируется в соответствии с предыдущим опытом и представлениями о военных действиях или военном положении.

Не забывая об инструментальной силе коллективной памяти, когда травма не проработана и продолжает влиять на настоящее и будущее, становится неким метанарративом, определяющим групповую идентичность, стоит учесть и возможность возникновения неожиданных аналогий с историческим опытом безотносительно к травматической памяти. Поскольку наличие одной исторической трагедии не исключает возможность новой с теми же акторами, даже если первая травма каким-то образом преодолена (забыта, проработана). Такое развитие более чем вероятно, и потому отсылка к предыдущей трагедии необязательно метафорическая, а может исходить из вполне прагматических и рациональных расчетов. Ведь маловероятно, что проблемы недавнего прошлого были окончательно решены депортацией и войной. Они, скорее всего, усугубили эти проблемы и сложности во взаимоотношениях или задвинули их с плана публичных обсуждений в *backstage*, не исключая возможность в какой-то момент их появления на сцене (см.: Кукулин, Майофис, Четверикова 2022: 85–88). Это хорошо отражается в языке описания, когда не терминология первой травмы влияет на последующую, а наоборот, политическим словарем, сформировавшимся во время последующей травмы, описывают события первой. Танайлова приводит пример того, как терминология постсоветских чеченских войн используется для описания депортации 1944 г. (ср. «зачистки»). Также в Армении при описании геноцида 1915 г. в Османской империи многие из наших собеседников использовали клише из языка медийных репрезентаций Великой Отечественной войны (например, «вероломное нападение» и др.).

Президент организации Genocide Watch Грегори Стантон в качестве одной из обязательных стадий геноцида указывает дегуманизацию, когда преследуемая группа сравнивается с животными, паразитами, насекомыми или болезнями. Такие ассоциации призваны «преодолеть нормальное человеческое отвращение к убийству» (Stanton 1996) и, добавим от себя, также к насилию и политической дискриминации. В случае с советской депортацией к дегуманизации можно добавить еще и инфантилизацию жертв, которая предполагает отсутствие их субъектности, возможности принятия самостоятельных решений. Стоит отметить, что инфантилизация как прием более присуща власти на местах принятия высленцев, где они оказываются в особо уязвимой позиции.

Однако сравнение с животными встречается в языке и самих репрессированных, но это не усвоенный язык дегуманизации, а, скорее, метафоричный язык скотоводческого народа, где «зоологический» код является одним из часто используемых в фольклоре поэтических троп. В работе Э.-Б.М. Гучиновой, показывается, как песенный фольклор калмыков отражает потерю субъектности спецпереселенцев через образы, связанные с миром животных, а кодированный язык исполнителей операции по выселению калмыков «Улусы» называет людей «товаром на погрузку». Дегуманизация жертв сочетается с интенцией убедить солдат, участников операции, в виновности депортируемых, в насаждении неприятия и маркировки их как социально неблагонадежной группы.

Слухи нередко становятся предметом исследования антропологов. С легкой руки Марка Блока слухи стали отдельным объектом социального исследования, где проблематизируется не степень их достоверности, а причины, по которым тот или иной сюжет получает распространение. Однако для того чтобы понять, какая часть распространяемых нарративов на какой социальный запрос отвечает, приходится разбирать и то, что послужило основой для дыма, который не бывает без огня. Для развенчания социальных мифов историкам и антропологам приходится заниматься самым тщательным историческим, архивным и текстологическим анализом, как, например, обычно поступает ставший классиком устной истории Алессандро Портелли (2005). Именно такой подход берет на вооружение П. Тахнаева, которая пытается разобраться с отдельными сюжетами распространенного в Дагестане нарратива «о спасении от возможной депортации благодаря героическому поведению местного руководства». Позиция Тахнаевой, кроме исследовательской смелости, отстаивающей версию, идущую вразрез с распространенным нарративом, привлекает отсутствием всякого предубеждения или невнимания к каждому отдельному звену сюжета. Исследователь по ходу сопоставления с архивными данными выясняет, какие элементы распространенного нарратива нереальны хотя бы по факту хронологического несовпадения описываемых событий, а какие не исключались в силу их опосредованного свидетельства. Как,

например, в случае интриг Багирова, который пытался расширить границы Азербайджана за счет Дагестана, причем необязательно ценой депортации. Кстати, в случае депортации армян 1949 г. (см.: Харатян 2020) Багиров во многих дискуссиях также указывается как «податель идеи армянской депортации» с надеждой свести статус национальной республики до автономной.

История и антропология массовых депортаций в СССР имеет свой круг исследователей, сложившийся за последние три десятилетия. Исследователи депортаций, как правило, изучают один (свой) народ и за рамки этого поля не выходят, сравнительные исследования в этой области так и не появились. В научных публикациях об этом периоде сегодня применяются в основном термины из словаря власти (юридический и административный языки), благодаря полевым материалам туда иногда попадают определения из словаря пострадавших (восприятие и оценка собственного статуса и степени субъектности), и вся эта терминология довольно избирательно, проходя через фильтры профессиональных предпочтений, проникает в тезаурус исследователя, претендующего на нейтральность и объективность.

Список источников

- Кукулин И., Майофис М., Четверикова М. Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 81–101. URL: https://www.nlo-books.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/174_nlo_2_2022/
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Некрич А.Н. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроникам, 1978.
- Портелли А. Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ // Новое литературное обозрение. 2005. № 40-41 (2-3). С. 243–251.
- Указ Президента Российской Федерации от 09.12.1994 г. № 2166. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312>
- Харатян Г. Выселение армян «навечно» 1949 года. Анализ и архивные документы (к 70-летию этнической депортации армян). Ереван: Изд-во ИАЭ, 2020.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти. К 101-летней годовщине армянского геноцида: тема без «исторических уроков»? // Гефтер. 25/04/2016а. URL: <http://gefter.ru/archive/18335>
- Шагоян Г.А. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы // Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док. и материалов / отв. ред. Н.Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016б. С. 216–223.
- Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 73–98.
- Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020.
- Charny I.W. Encyclopedia of Genocide. Vol. I. Santa Barbara: ARC-CLIO, 1999.

- Drost P.N. The Crime of State: Penal Protection for Fundamental Freedoms of Persons and Peoples. Vol. I: Humanicide; Vol. II: Genocide. Leyden: A.W. Sijthoff, 1959.
- Rothberg M. Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford University Press, 2009.
- Stanton G.H. The Ten Stages of Genocide // Genocide Watch. 1996. URL: archive.ph/FQK5A#selection-355.0-1227.1

References

- Charny I.W. (1999) *Encyclopedia of Genocide*. Vol. I. Santa Barbara: ARC-CLIO.
- Drost P.N. (1959) *The Crime of State: Penal Protection for Fundamental Freedoms of Persons and Peoples*, Vol. I: Humanicide; Vol. II: Genocide, Leyden: A.W. Sijthoff.
- Epplé N. (2020) *Neudobnoye proshloye: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLO.
- Kharatian G. (2020) *Vyselenie armian «navechno» 1949 goda. Analiz i arkhivnye dokumenty (k 70-letiyu etnicheskoy deportatsii armian)* [Eviction of Armenians “Forever” in 1949. Analysis and Archival Documents (to the 70th Anniversary of the Ethnic Deportation of Armenians)]. Yerevan: Izd. IAE.
- Khrokh M. (2002) Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'iu sformirovavsheysia natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Yevrope [From National Movements to a Fully Formed Nation, the Nation Building Process in Europe] In: *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], eds.: B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh and others. Moscow: Praxis, pp. 121–145.
- Kukulin I., Mayofis M., Chetverikova M. (2022) Kul'urnye improvizatsii: sotsial'naia kooperatsiia, obkhod pravil i protsessy kul'turnogo proizvodstva v pozdnem SSSR [Backstage Improvisations: Social Cooperation, Circumvention of Rules and Processes of Cultural Production in the Late USSR]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no 174, pp. 81–101, Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/174_nlo_2_2022/
- Malinova O.Yu. (2015) *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuiushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [Actual Past]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Nekrich A.N. (1978) *Nakazannyye narody* [Punished Nations], New York: Khronikam.
- Portelli A. (2005) Massovaya kazn' v Ardeatinskikh peshcherakh: istoriya, mif, ritual, simvol [Mass Execution in the Ardeatine Caves: History, Myth, Ritual, Symbol]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40-41(2-3), pp. 243–251.
- Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*, Stanford University Press.
- Shagoian G.H. (2016) Armianskii genotsid kak metanarrativ travmaticheskoi pamiati [The Armenian Genocide as a Master-narrative of Traumatic Memory]. *Gefter*, 25.04.2016. Available at: <http://gefter.ru/archive/18335>
- Shagoian G.H. (2016) Konkuriuiushchaya pamiat': memorializatsiia siuzhetov kolektivnoi travmy [Competing memories: the memorialization of plots of collective trauma]. In: *Deportatsiia armian 14 iyunia 1949 goda: sbornik dokumentov i materialov* [Deportation of Armenians on June 14, 1949: collection of documents and materials]. ed. by N.N. Ablazhe, G. Kharatian. Novosibirsk: Nauka, pp. 216–223.
- Shagoyan G.A. (2021) Kul'turnaya vs kolektivnaya travma: memorializatsiya sovetskikh repressiy v postsovetskoy Armenii po modeli pamyati o genotside [Cultural vs. Collective Trauma: The Memorialization of Soviet Repression in Post-Soviet Armenia Modeled on Genocide Remembrance]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*, no 2, pp. 73–98.
- Stanton G.H. (1996) The Ten Stages of Genocide. In: *Genocide Watch*. Available at: archive.ph/FQK5A#selection-355.0-1227.1

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.12.1994, No. 2166№ 2166 [Decree of the President of the Russian Federation dated 09.12.1994, No. 2166№ 2166]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312>

Сведения об авторах:

ШАГОЯН Гаяне Арутюновна – ведущий научный сотрудник, отдел антропологии современности, руководитель Центра устной истории, Институт археологии и этнографии НАН РА (Ереван, Россия). ORCID:0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gayane A. Shagoyan, Institute of Archeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences (Erevan, Armenia). ORCID:0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

Elza-Bair M. Guchinova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/8

Языки описания депортации калмыков

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
bairjan@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема неразработанности научного языка при изучении массовых переселений в СССР, включая депортации на этнической основе. Показаны разные регистры в терминологии, используемой при описании депортации калмыков. Документы НКВД-МГБ, освещающие кодовую операцию выселения калмыков «Улусы», были призваны дегуманизировать народ, чтобы исполнителям операции было легче выполнить жестокую задачу. Однако после расселения калмыков, когда были нужны рабочие руки, по отчетам партийных комиссий, проверяющих состояние калмыков в Новосибирской области, можно отметить гуманное отношение к калмыкам-спецпереселенцам. Тексты народных песен о Сибири отражают процесс изменения статуса, калмыки сравнивали себя с животными и депривированными социальными группами прошлого, а нарративы поколения 1 (высланных подростками и старше) и поколения 2 (родившихся в Сибири) демонстрируют примирение с прошлым. Тексты постов социальных медиа поколения 3 – поколения постпамяти, а также название самого главного в Калмыкии места памяти о депортации мемориала «Исход и возвращение», отражают разные настроения: от принятия прошлого до его драматизации. В отсутствие академической терминологии при описании депортации в публичном пространстве расходятся журналистские или правозащитные термины, которые или слишком эмоциональны, или не подкреплены юридически. Пришло время разобраться что же значат термины «ссылка», «высылка», «депортация», «спецпереселенцы» и другие; каким образом их можно корректно использовать.

Ключевые слова: депортация, спецпереселенцы, язык описания, дискурс, Сибирь, калмыки, ссылка

Для цитирования: Гучинова Э.-Б.М. Языки описания депортации калмыков // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 144–163. doi: 10.17223/2312461X/42/8

Original article
doi: 10.17223/2312461X/42/8

Languages for Describing the Kalmyk Deportations

Elza-Bair M. Guchinova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, bairjan@mail.ru*

Abstract. The article addresses the issue of the underdevelopment of scientific language in the study of mass migrations in the USSR, including deportations based on ethnicity. The goal of the article is to demonstrate different registers in the terminology

used to describe the deportation of the Kalmyks. NKVD MGB documents covering the coded operation of Kalmyk expulsion, known as "Ulusy," aimed to dehumanize the people, making it easier for the operation's executors to carry out the cruel task. However, after the resettlement of the Kalmyks, when manual labor was needed, reports from party commissions assessing the condition of the Kalmyks in the Novosibirsk region reveal a humane attitude towards the Kalmyk special settlers. The texts of folk songs about Siberia reflect the process of changing status, in which Kalmyks compared themselves to animals and deprived social groups of the past. Narratives from Generation 1 (those deported as adolescents and older) and Generation 2 (born in Siberia) demonstrate reconciliation with the past. The texts of social media posts from Generation 3—the postmemory generation—as well as the names of the main memorial site in Kalmykia dedicated to the deportation, the "Exodus and Return" memorial, reflect different moods: from accepting the past to dramatizing it. In the absence of academic terminology in describing deportation in the public space, journalistic or human rights terms diverge, being either too emotional or lacking legal backing. It is time to understand the meanings of terms such as reference, expulsion, deportation, special settlers, etc., and how to use them correctly.

Keywords: deportation, special settlers, language of description, discourse, Siberia, Kalmyks, exile

For citation: Guchinova, E.-B.M. (2023) Languages for Describing the Kalmyk Deportations. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 144–163. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/8

Историческое прошлое в разные периоды и применительно к разным регионам СССР нередко становилось «неудобным прошлым» (Эппле 2020) в связи с меняющейся исторической политикой государства. К событиям такого прошлого относятся истории массовых переселений и депортаций.

В начале 1990-х гг. в исследованиях историков и этнографов появились новые темы, связанные со снятием запретов на обсуждение ранее табуированных сюжетов о репрессивной политике Советского государства. К ним относится история массовых переселений народов накануне, во время и после Великой Отечественной войны. Открытие архивных фондов и введение в научный оборот документов того периода быстро отражалось в журнальных публикациях, которые шокировали драматическими подробностями, хлесткими фразами и смелым употреблением юридической терминологии применительно к событиям прошлого. С некоторым опозданием от публицистики стали появляться научные публикации. Они содержали важные документы по теме или пересказывали их, а также первые обзоры той или иной темы.

Публикации о депортациях на этнической основе были особенно востребованы в группах, члены которых были репрессированы на основании принадлежности этой группе. Это особенно касалось превентивных депортаций и депортаций возмездия, так как эти операции были тотальными депортациями этнических групп. Из-за доминирующего в СССР примордиального понимания этничности политическое обвинение,

принятое во внесудебном порядке, распространялось на всех членов группы, включая младенцев. Такая стигматизация этничности отражалась на идентификации членов группы, которая для многих из них проблематизировалась. Любому человеку важно относиться к сообществу позитивно, но если остаются белые пятна неизученного, не проговоренного из недавней истории, шлейф подозрений и неуверенности подпитывает негативную идентичность.

В недлинной историографии советских депортаций используются разные термины применительно к названным кейсам. Даже основные категории этой терминологии остаются без нюансировки. Если «депортация – процесс принудительного переселения отдельных социальных и этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде» (Шадт 2017: 360), то в чем различия между означаемым и определяемым близкими, но различающимися терминами: депортация, выселение, насильственная миграция, этническая ссылка?

Спецпоселение, в трактовке Шадта, – это «система принудительного расселения депортированных лиц на определенной территории, с последующим установлением административного надзора за ними со стороны специально уполномоченных органов», а также «комплекс мер административно-принудительного характера, направленный на размещение и установление контроля за депортированными и экономическое использование их рабочей силы» (Шадт 2006: 72). Тезаурус проблемы массовых депортаций включает и другие термины с плавающими значениями, точный смысл которых исследователи не всегда понимают наверняка, в том числе значимые термины, определяющие статус репрессированных, такие как: внутренние перемещенные лица, депортанты, спецпереселенцы, спецпоселенцы, трудпереселенцы, ссыльные, высланные, сосланные.

О травмах прошлого мы узнаем из разного вида текстов: письменных, устных, визуальных. От того, какими словами описано историческое событие, зависит наше восприятие и его оценка: члены пострадавшей группы будут особенно чувствительны к внешним оценкам, часто считая историческую несправедливость по отношению к своей группе особенно жестокой.

Цель статьи – показать, какие языки описания существуют для такого исторического события, как депортация калмыков из мест проживания: Калмыцкой АССР, Калмыцкого района Ростовской области и Ставропольского края, а также 13 лет их проживания в Сибири в статусе «спецпереселенцев» в разных регистрах описания. Если исходить от источника, создающего и использующего язык для описания этого события, то существует, по крайней мере, три регистра терминов и выражений, описывающих депортацию калмыков: язык государственных и

партийных органов (1), язык народных калмыцких песен и нарративов свидетелей (2), язык описания и оценок депортации в современной Калмыкии (3).

Источниками послужили опубликованные документы операции «Улусы» (1943–1944 гг.) (Бакаев и др. 1993), опубликованная отчетность инспекторов Новосибирского обкома КПСС (1944–1946 гг.) (Выдрина и др. 2018), тексты народных песен и тексты интервью калмыков, имеющих личный опыт депортации, записанные в Калмыкии в 2004–2018 гг., а также полевые наблюдения, материалы прессы, социальных сетей, отражающие как официальные подходы, так и мнения частных лиц.

Язык партийных и государственных органов

Масштабное травматическое событие всегда сложно описать. Первыми обычно это делают силы, организующие событие, их трактовка также имеет травмирующий эффект.

Рассмотрим, как подается депортация калмыков организаторами и исполнителями операции «Улусы» в служебных инструкциях и переписке, ведомственных отчетах разного уровня. В языке партийных (ВКПб), репрессивных и контролирующих органов (НКВД), в указах, отчетах, циркулярах, резолюциях и постановлениях совещаний партийных органов, используются различные выражения применительно к калмыкам: *оперируемый спецконтингент, спецпереселенцы, изъятие и выселение лиц калмыцкой национальности, отгрузка товара, живой спецгруз*.

Подготовка массовых депортаций держалась в строгом секрете, в том числе и операция по выселению калмыков, имевшая кодовое название «Улусы». Для успешного проведения операции, нужно было морально подготовить солдат и офицеров, прямых исполнителей этих акций. Это было необходимо для выполнения задачи, которая могла вызвать сомнения у исполнителей, ведь официальная идеология Советского государства включала доктрину пролетарского интернационализма, утверждала равенство всех людей независимо от национальной принадлежности. Именно так воспитывали детей в советской школе, в том числе военных, которые являлись основными исполнителями приговора. Чтобы 10 тысяч военнослужащих, привлеченных к выполнению операции «Улусы» (Книга памяти... 1993: 8), без колебаний выполняли жестокие приказы, надо было их убедить в правомерности выселения через особые служебные инструкции.

Кроме клеветнической информации о высылаемом народе, переноса вины за преступления отдельных лиц на всю этническую группу, активно использовались приемы дегуманизации репрессируемых. Однако дегуманизация населения страны началась гораздо раньше, когда классовые интересы были объявлены приоритетными над

общечеловеческими ценностями. С началом Великой Отечественной войны все силы государства были мобилизованы для фронта. Вот какой язык использует, говоря о создании 110-й ОККД (Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия), в 1942 г. один из руководителей Калмыцкой Автономной Республики: *формирование дивизии было целиком на местном материале* (ПМА. Инф.1). Для властного дискурса было типично обозначать людей, лошадей, упряжь, форму для дивизии одним словом – *материал*. В этой фразе нет ничего личного, это стандартный язык партийной бюрократии, который спускался сверху и был единственно возможным для сотрудников всех партийных, комсомольских и государственных органов страны.

В документации сотрудников структур, которые организовывали операцию «Улусы», четко прослеживается желание характеризовать людей не по национальному признаку, а как-то иначе, чтобы «закамуфлировать» репрессированных «нейтральными» терминами. Это название кодовое, т.е. зашифрованное. Лексему *улусы* можно перевести с калмыцкого языка как ‘районы’, до 1943 г. административно-территориальное деление Калмыкии осуществлялось на улусы. Улусы также переводится и как ‘люди’, и как ‘народы’. В данном случае для исполнителей операции, не знающих калмыцкого языка, улусы – это не люди, не народ, это территориальные единицы. Кодировка человеческого лучше видна в названии операции «Чечевица» – такое наименование было у следующей после депортации калмыков операции по выселению чеченцев и ингушей 23.02.1944. «Говорящее название» отражало цинизм государственных репрессивных органов того времени. Помимо звуковой ассоциации (ЧЕЧЕНЦы – ЧЕЧЕВиЦа) здесь прозрачно формулируется и отношение власти к народам как к крупе, а к людям – как к крупинкам (Гучинова 2021).

Подготовка к приему депортированных началась до того, как 27 декабря 1943 г. был подписан Указ «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» (Книга памяти... 1993: 18). Самые большие, плодородные земли отошли к созданной Астраханской области, остальные были поделены между Ставропольским краем и Ростовской областью. Уже в первой половине декабря (не позднее 16.12.1943) начальник Управления НКВД по Новосибирской области, комиссар госбезопасности Ф.П. Петровский разослал письменную Инструкцию о порядке подготовки к приему и расселению спецпереселенцев в районах Новосибирской области, в которой калмыки названы **спецпереселенцами**. 24 декабря в переписке появляется термин **контингент**, т.е. совокупность людей, однородных по какому-либо признаку. Контингентность как направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям, – одна из особенностей массовых депортаций в СССР (Полян 2005: 5). В данном случае

всех объединяет принадлежность к этнической группе, но использовать этноним здесь авторы текстов избегают, поскольку наказание на основании принадлежности к этнической группе противоречило риторике пролетарского интернационализма, одной из основных доктрин советской идеологии. Введено новое «другое» слово для скрытого обозначения людей. К тому же выбранное слово «контингент» подразумевает отсутствие субъектности у его составляющих, контингент не имеет мнения, не имеет чувств. Поэтому можно написать в отчете «поступивший контингент». В ряде областей Сибири всюду шла подготовка «к приему **контингента** (здесь и далее в цитатах выделено мной. – Э.-Б.Г.): подбираются 20 человек учетчиков для заполнения семейных карточек» (Выдрина 2018: 15). 25 декабря появляется специальный термин **спецконтингент** (16). И на местах тут же докладывают наверх, в Новосибирский обком ВКПб, что для учета прибывшего спецконтингента на перевалочных пунктах будут работать 15 человек учетчиков в Убинском районе (18). В декабре 1943 г. уже высланы ингерманландцы, российские немцы, корейцы, карачаевцы, готовятся следующие операции, но язык для использования еще не сформирован: слова «контингент» и «спецконтингент» используются как синонимы.

Операция «Улусы» была представлена комиссаром госбезопасности М.И. Маркеевым как «**операция по изъятию и выселению лиц калмыцкой национальности**» (Книга памяти... 1993: 42). Изъятие на сленге НКВД означало арест. Но в тех же документах перечисляется, что кроме калмыков было изъято: боевое оружие, наганы, пистолеты, охотничьи ружья, малокалиберные винтовки, холодное оружие и проч. (Книга памяти... 1993: 49). Таким образом, одушевленное и неодушевленное оказывается рядом, калмыки поставлены в тот же ряд, что и перечисленное оружие, представляющее опасность.

Дегуманизация как часть политики по отношению к репрессированным отразилась в языке документов в тех терминах, которые уменьшают человеческое содержание применительно к депортируемым, таким как «**подвозимый оперируемый состав**», «**контингент**» (Книга памяти... 1993: 67), «**спецконтингент**», «**поступивший спецконтингент**» (Выдрина 2018: 25). От термина, которым обозначены калмыки как масса без субъектности, но все же одушевленная, переходили к терминам, которые все меньше содержали человеческого. Выражение «**живой спецгруз**» (Книга памяти... 1993: 109) вполне можно соотнести с животными, а «**товар на погрузку**» (Книга памяти... 1993: 105) уже не содержал и намек на живых людей.

Так, в телефонограмме капитана милиции Кишокова в УНКВД Ставропольского края о начале выселения калмыков «по Горячеводскому и Минводскому кустам» содержалось:

Из Наура т. Рыгалов и из Моздока т. Уточкин сообщили: приступили к **отгрузке товара**... По сообщению начальника Воронцово-Александровского РО НКГБ т. Юрченко и ответственного НКВД т. Дьяченко в Александровско-Обиленском районе имеется **товар**. Этому району дано задание приступить к **отгрузке товара**. В других районах **товара нет** (Книга памяти... 1993: 106).

Калмыки – граждане СССР, хотя и репрессированные, были обозначены как неодушевленные предметы: **товар, спецгруз**. Используя такой язык было легче осуществлять операцию «Улусы», на нем было легче объяснять участникам операции их задачи и требовать их неукоснительного выполнения – доставки **«живого спецгруза»** в восточные районы страны. Вагоны для скота должны были быть оборудованы под **«людские перевозки»** (Книга памяти... 1993: 93). Дегуманизация, начатая в языке документа на бумаге, продолжалась на местах расселения уже устно.

Однако было бы неверно приписывать властным структурам только жестокость. Рассматривая в совокупности протоколы совещаний, инструкции и циркуляры, мы видим в ряде документов проявление заботы о страдающих людях. Парадоксальность отношения к калмыкам (наверняка такое было и в отношении других национальных групп) можно видеть в сочувствии голодающим, разутым и раздетым людям и в то же время в признании статуса спецпереселенцев.

К 1943 г. уже были проведены превентивные депортации, с ноября 1943 г. начались депортации возмездия. Однако эти массовые переселения не освещались в прессе, народы и их национальные территориальные образования, если они были, тихо пропадали с карты СССР. Исчезая символически из советского общества, депортированные группы появлялись в деревнях и колхозах Сибири, Казахстана и Средней Азии. Их сопровождали слухи о том, что они являются врагами народа и изменниками. Местные жители встречали калмыков как опасных чужаков, иногда даже подозревая их в каннибализме, но через год-два привыкли к инородцам и уже относились по-соседски (Гучинова 2020).

Однако ответственные работники партийных органов понимали степень не/виновности сосланных калмыков. Даже в официальной переписке партийные бюрократы, согласные с обвинением и с самой акцией, не могут скрыть сочувствие по отношению к слабым, больным, беспомощным людям. Партийные функционеры в своих отчетах наверх указывают бедственное положение наказанных, но остающихся советскими гражданами людей. В отчетах проверяющих можно найти строки, в которых, видимо, в порядке мелких недочетов, указывалось, что «не были приняты меры к обеспечению теплой одеждой перевозимых спецпереселенцев. Люди перевозились в полураздетом состоянии» (Книга памяти... 1993: 23). Во многих документах указана необходимость помощи.

В справке инструктора отдела кадров Новосибирского обкома ВКП(б) «О хозяйственно-трудовом устройстве калмыков, расселенных в г. Барабинске и Барабинском районе», подготовленной 20 июля 1946 г. под грифом «секретно» отмечалось:

Взаимоотношения коренного населения с калмыками в данное время вполне нормальные, фактов гонения, презрения калмыков со стороны коренного населения проверкой не установлено, за исключением отдельных выпадов со стороны некоторых низовых руководящих работников. Например, управляющий первой фермой Козловского совхоза т. Щеплов огульно охаивал калмыков и допускал грубости. Так, например, зимой 1946 г., поссорившись с калмыками, заявил: «Утопить бы вас всех в поганой проруби». В результате чего у большинства калмыков, работающих на этой ферме, создались нездоровые настроения (Выдрина 2018: 162).

Отмечая, что «взаимоотношения коренного населения с калмыками в данное время вполне нормальные», инспектор дает понять, что до недавнего времени были и «факты гонения», и «факты презрения».

Инструктор Н.С. Мерзляков отмечает, что в Барабинском районе (1946 г.) 68 человек живут в домах, непригодных для жилья. Например, семья гражданки Д.Д. Базаровой «живет в колхозном холодном амбаре, совершенно непригодном для жилья, без печи, с просвечивающими стенами и дверями» (Выдрина 2018: 156). О подобных жилищных условиях части калмыков, проживающих в Искитимском районе, докладывала инструктор Обкома ВКПб О.Г. Зотова:

В ряде колхозов («Память Куйбышева», «Комбайн», «Новая жизнь», на известковом заводе) помещения, где живут по 2–3 семьи в одной небольшой комнате, пришли в негодность (печи развалены, потолки обваливаются и придерживаются на подпорках, окна не застеклены, коек и столов нет, стены закопчены) и о ремонте этих квартир никто не думает (Выдрина 2018: 165).

Из тех же отчетов мы узнаем, как в центре выделялись ссуды на покупку домов, стекла и другие стройматериалы для ремонта калмыцких жилищ, шерсть для валяния зимней обуви, дубленок, но все это не доходило в срок, или доходило в неполном объеме, или использовалось на местах нецелевым образом. Чрезмерная бюрократизация поставок часто сводила на нет резолюции о выделении помощи спецпереселенцам. Руководители на местах, куда везли «врагов народа», не сразу перестраивались на поддержку прибывших.

Язык повествования и язык песен высланных

Второй регистр создается эмными высказываниями. Это язык описания тех событий непосредственно высланными, отраженный в коммуникативной памяти и в песенном фольклоре. В рассказах поколения 1 (высланных в возрасте после 12 лет) и поколения 1,5 (высланных в возрасте

до 12 лет) выселение и жизнь в Сибири называется на русском языке *переселением*, *высылкой*, *ссылкой*, в песнях и прозе на калмыцком языке – *кочевой* и даже *перегоном*. Ниже приведена фраза из романа народного писателя Калмыкии А. Балакаева «Тринадцать лет, тринадцать дней»:

Бүкл келн-эмтиг таңһинь уурулад, һурвн зун арвн жилэс давуд бээршн бүүрэсн көндәһэд, киитн үзтүр тууһад һарла (Балакан 1991: 3) / Весь народ, отменив его государственность, существовавшую более 310 лет, выселили, **перегнав** в холодные места.

Важный источник, где выражены чувства и думы депортированных, – народные песни, написанные там и в то время на калмыцком языке. Однако в калмыцких текстах присутствуют русские слова, отражающие официальный репрессивный дискурс. Здесь мы рассматриваем именно эту узкую часть авторитетного дискурса, представляющего советскую идеологию (Юрчак 2016: 55), которая непосредственно связана с обвинением и наказанием и вошла в «сибирский текст» как непере译имые русские слова. Исключением было обобщенное название региона **Сивр/Сибирь**, которое стало для народа символом эпохи и долгие годы было эвфемизмом депортации. Если калмыки в разговоре упоминали Сибирь, то могли иметь ввиду и локус выселения, и статус спецпереселенца, и его длительность с 1943 по 1956 г. Сибирь иногда названа огромной, с безграничными просторами, в которой легко распылить народ и разбросать близких родственников. В других песнях Сибирь названа маленькой, «размером с ладонь», потому что спецпереселенцы были прикреплены к своим населенным пунктам и не имели права уезжать без разрешения коменданта на расстояние более чем 5 км. Эта Сибирь скукоживалась до территории села и окрестностей.

Многие народные песни о депортации и жизни в Сибири называются «Сиврүр туулһн» (СТ), что можно перевести как изгнание в Сибирь, а также и как **перегон в Сибирь**. Лексема *перегон* имеет несколько значений. Самое первое – участок железной дороги между двумя станциями, здесь нет человеческого присутствия. Перегон также используется в значении «перемещение транспорта из одного пункта в другой», перемещение в пространстве, в котором имеет значение состояние транспорта, а не перевозимый груз, значение груза стремится к нулю.

Это же выражение скотоводы понимают как перегон скота. Летом 1942 г. калмыки должны были перегонять эвакуированный с Украины и из Ростовской области в Калмыкию крупный рогатый скот в Казахстан, затем перегоняли скот из колхозов и совхозов тех районов, которые были под угрозой оккупации. Весь этот крупный рогатый скот было вменено перегнать калмыкам в Казахстан, что являлось невероятно трудным заданием. Не хватало людей, чтобы ежедневно поить и кормить тысячи коров, быков, телят, волов. В отсутствие еды и воды для поголовья и

перегонщиков, а также проверенного маршрута, это было невероятно трудной задачей. Падеж скота, который тоже надо было фиксировать, а также факт того, что не все перегоны были успешными, стали настоящим испытанием, приобретающим травматические коннотации. Это усиливалось тем, что «передача эвакуированного из Украины скота немцам» (Книга памяти... 1993: 18) была одним из пунктов обвинения Указа от 27.12.1943.

Депортация людей была организована намного лучше, чем эвакуация скота. Вот как вспоминал об этом один из руководителей республики:

В августе 1942 г. ставропольский скот гнали через наши степи. Жара, попробуй этот скот из Ставрополя через степь на Волгу перевести. Переправить через Волгу скот почему было трудно? Даже из Башанты (300 км) погонщики доходили до Элисты и разбегались... Кто погонщики? Старики, женщины, подростки, школьники. Они должны пешком скот гнать. Скот надо кормить, поить, доить. Коровы ревут. Это было очень сложно (ПМА. Инф.1)

В песне «Сиврүр туулһн» / «Перегон в Сибирь» (СТ) отражен статус калмыков, близкий к положению скотины; это отягощалось и тяжелыми погодными условиями (лето, жара, отсутствие воды и травы для скота в выгоревшей степи или зима, холод, отсутствие еды для людей в скотском вагоне). Еще 27 декабря калмыки жили как люди, 28 декабря стало рубежом, когда они теряют субъектность, и первая подсказка подсознания об этом была в сравнении с домашними животными, выводя себя за рамки человеческого статуса. В одной из известных песен о Сибири так и поется:

Дөһн һурвдгч жилин сүүлэрнь
Дегц цуһарн туугдлави́дн.

В конце сорок третьего года
Разом все [калмыки] были **перегнаны**. (ГЦД)

Для народа, занимающегося скотоводством, животные одушевлены в той мере, что иногда можно было поставить знак равенства между человеком и, например, быком/коровой. В скотском вагоне, чувствуя себя почти животным, автор одной из песен использовал лексему *мээртүлв*. Она означает животное чувство жажды, которое испытывает скот. Но если эту лексему применить к человеку, она отражает такую жажду, когда отключаются культурные нормы и он готов пить любую воду, независимо от того, какого она качества.

Улан ширтэ вагонднь
Уульдад-дуудулад шууглдад орв.
Уульдад-дуудулад орлулад чигн
Уудг усар **мээртүлв**.

В красного цвета вагон
С плачем, окриками и шумом зашли.
С плачем, окриками и шумом зашли.
Хотелось питьевой воды (СД 1).

Другая зооморфная лексема, часто встречающаяся в песнях – *дзуд*. Дзуд в обычной жизни – это беда для скотовода, массовый падеж скота

из-за бескормицы и морозов. В традиционной практике отгонного животноводства в зимние месяцы скот отгоняли на зимовья, на которых обычно выпадает мало снега, и отара свободно гуляет в поиске пропитания. Дзуд бывает зимой, когда снег подтаял и ударили морозы, образуется наст, по которому скот не может идти. Гололедица покрывает большие пространства, не давая скоту искать пропитание. Назвав это бедствие дзудом, неизвестные авторы апеллировали к общему скотоводческому опыту переживания катастроф, сравнивая свое положение со скотским, так как страдали от невозможности добывать еду и самостоятельного передвижения.

Өнр-лэ, өсклңг-лэ хальмг улснь
Өлэн-лэ, зудла-ла хархва.

В достатке жившие калмыки,
Встретились с нуждой и **дзудом** (УЗХ).

Также в песнях авторы прямо сравнивают себя с беззащитными животными:

Өнчи хурһд мет,
Энрэд, көөркс, йовцхана

Как сиротливые ягнята,
Удрученные, бедняги, едут (СД 2).

Почти в каждом нарративе на русском языке и во многих песнях Сибирского цикла, написанных на калмыцком языке, часто используется пассивный залог, отражающий объектность калмыков в эти годы, например: *Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун / Песня о том, как калмыков выселяли.*

В этой же песне мы находим строки, которые кажутся в первом приближении абсурдными:

Көк теңгсин көвэхэс
«Коммунизм» гидг пароход,
«Коммунизм» гидг пароход
Киитн Сибртнь күргв.

С берега Каспийского моря
Пароход под названием «Коммунизм»,
Пароход под названием «Коммунизм»,
В холодную Сибирь доставил (Болдырева 2020).

С берега Каспийского моря нет дороги в Сибирь по воде. Но народные песни как раз и хороши теми конкретными деталями, которые дополняют хронику и подтверждают ее подлинность. Действительно, в сентябре 1944 г. пароход с близким названием «Коммунист» доставил группу калмыков в Ханты-Мансийск из Омской области (Иванов 2014: 66). В данном случае название транспорта выглядит символично. Сибирские песни часто интертекстуальны, но, похоже, здесь совпадение факта с метафорой.

Красноречивые примеры мы встречаем в спонтанных интервью, в которых высланные в 1943 г. калмыки вспоминают сибирский опыт. В них мы встречаем выражения, которые неслучайно появляются в спонтанном рассказе, отражая сложную темпоральность нарратива, который уносит рассказчиков в военную или послевоенную Сибирь, вызывая к жизни слова и чувства того времени. Рассказчики не используют такие

выражения, как «депортация» или «геноцид», но их чувства и мысли тех лет передаются языком травмы, в котором рассказчики описывают свой статус сравнением с исторически известными статусами зависимых людей (крепостные, рабы), с животными, грамматическими формами, в которых особенно часто используются глаголы в пассивном залоге, а также лексика смерти, вины и наказания, сюжеты о несчастных случаях, инвалидах. Нередко спонтанно использованы приемы деперсонализации и инфантилизации. Например:

...помню эпизод, что мы, дети, сидим на бревнах, и в этой избе русские сбивают масло, и нам выносят пахту в чашке. Хотя пахта была нужна им самим, они хотели подкормить калмычат, и нам выносили (Берденова (цит. по: Гучинова 2008)).

Здесь обращает на себя внимание выражение «**калмычата**». Дело не том, что Лиде Б., запомнившей этот эпизод на всю жизнь, было пять лет. Здесь важно, что 60-летняя женщина вспоминает свое сибирское детство и проговаривает те слова, которые первыми приходят в голову. Этнонимы с уменьшительным суффиксом не часто используются самими членами этнической группы. Такая форма отражает социальное неравенство представителей разных этнических групп, переданное здесь через инфантилизацию объекта. В наши дни женщина чувствует, что тогда, в 1944 г., калмыки не обладали всеми правами взрослого человека, их права в обществе были урезаны, как у ребенка (не умеют говорить, не все понимают, не умеют зарабатывать, совершают много неверных поступков, поэтому им нельзя далеко отходить от дома, и т.д.). Поскольку социальные компетенции большей части калмыков в то время были как у ребенка, возникло слово «калмычата». Известно, что каждый рассказ – это конструкция, в которой рассказчик посредством слов и сюжетов выстраивает повествование «в зависимости от социальных рамок памяти» (Halbwachs 1992: 38–39). В 2006 г., когда этот нарратив был записан, рассказчица смогла поставить «диагноз» социальному самочувствию взрослых калмыков *быть калмычатами*, оказавшимися беспомощными, как дети.

В другом нарративе мы встречаем такую фразу: *А знаешь, когда нас освободили, мы поехали за своим скотом в Казахстан, нам его не вернули* (ПМА. Инф. 1). Лексема *освободили* отсылает к лексике заключенных и периоду несвободы, который остался в сознании бывших репрессированных. Хотя решение о депортации было внесудебным, свою поднадзорность члены группы четко ощущали, прежде всего, по причине регулярного контроля комендатуры, оставшись в социальной памяти как постоянное унижение.

Важно, что все нарративы поколения 1, поколения 1,5 и поколения 2, собранные мной в 2004 г. и позже, – прогрессивные в терминах Дж. Александра. Сами свидетели событий уже пережили депортацию и

долгое молчание о жизни в Сибири. Для них события 1943–1957 гг. стали «историческим распутием, которое постепенно будет преодолено» (Александр 2013: 164).

Поколение постпамяти

Третий регистр был вызван к жизни после трех десятилетий молчания, когда в калмыцком обществе был нулевой уровень культурной памяти. После Декларации Верховного Совета РФ от 7.03.1991 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» (Известия. 14 марта 1991) тема депортации была легализована. Но при всей актуальности проблемы не существовало научного языка, чтобы эту проблему описать.

В отсутствие академического языка в 1990-е гг. в публичном дискурсе стал задавать тон язык журналистики, это продолжилось и в XXI в. Термин «депортация» стал зонтичным и теперь начал применяться и к транспортировке в места выселения, и к 13 годам проживания в Сибири. Характеристика депортации как геноцида стала для читателей общей темой. Язык поколения 3 (внуков депортированных) и особенно гражданских активистов в социальных сетях – это язык поколения постпамяти (Хирш 2021). 28 декабря, в День памяти жертв депортации калмыцкого народа, который стал официальной датой в 2004 г., социальные сети наполнены фотографиями с изображениями зажженной лампы в память о погибших с подписью «Нет геноциду». В терминах Дж.Александра, это проявление трагического нарратива, такое восприятие культурной травмы, которое не может смириться с прошлым.

Событием в Калмыкии стало открытие в 1996 г. монумента «Исход и возвращение» авторства Эрнста Неизвестного. Если применить концепцию А. Эткинды о мягких и твердых формах культуры (Эткинды 2016: 228), то безусловно, это пример твердой формы культуры. Однако монумент Э. Неизвестного сам представляет смягченную версию депортации калмыков. Название скульптуре дал автор, употребляя привычные исторические понятия своего народа. Используемый в названии термин «исход» – не синоним депортации. Исход связан с решением внутри группы, как правило, также вызванным неблагоприятными обстоятельствами, а не внешним насилием. Во время исхода люди сами решают, когда им покидать родные места, куда направляться, и готовятся к этому. Ни к одной из сталинских депортаций этот термин неприменим. Однако в Калмыкии спокойно реагируют на это название, возможно, из-за уважения к известному скульптору, а также из-за высокого стиля, в котором бюрократический термин «депортация» невозможен, как и бытовое слово «выселение». Имело значение и двусложное название мемориала.

Возвращение как бы искупает *исход*, ошибка исправлена и справедливость восстановлена (Гучинова 2021а).

Название мемориала, ставшего местом памяти, воспринято элистинцами без критики и стало мемом депортации. Рэпер Александр Ванькаев именно так назвал свою песню о Сибири, написанную на основе семейной истории и посвященную деду. В социальных сетях можно встретить такое объявление:

Друзья, завтра 8 июня лайтовая пробежка. Сбор: 18:30, старт 19:00. Место: Исход и возвращение.

Другой пример использования неадекватной терминологии можно найти в названии поэмы В. Шакуева «Исповедь каторжанки». Лексема *исповедь* дезориентирует читателя, уводя его ассоциации от буддийской традиции гелукпа, к которой относят себя верующие калмыки, к христианской традиции. При этом «исповедь» – не просто повествование, оно тематическое – рассказывающее о непотребном поступке: от проступка до преступления. Второе слово в названии – «каторжанка» – отсылает из советской сталинской эпохи к более ранним, царским временам. Каторжанка – это женщина, которая отбывает наказание на каторге (в тюрьме особо строгого режима с привлечением тяжелого физического труда) или бывшая на каторге (чаще осужденная за свою политическую деятельность). В отличие от калмычек, высланных за принадлежность к этнической группе, каторжанка – по определению преступница, которая нарушила закон, действительно совершив преступление. Есть еще одно существенное различие – она осуждена, а калмыки были «наказаны» во внесудебном порядке согласно Указу Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Даже в народных песнях, которые слагали простые люди, часто звучит сожаление, что людей сослали, «не разбирались, кто виновен, а кто – нет», но автор стихотворения нечувствителен к терминологии. Он использует слова, не задумываясь о том, что в таком сочетании они дискурсивно меняют существо вопроса юридически и исторически, представляя слушателю или читателю ложную интерпретацию истории (Гучинова 2021б: 132).

Слоган, висевший на билбордах в Элисте «Они [поколение дедов] смогли и мы сможем», а также отъезд специалистов на работу в столицу или на север страны в поисках лучших условий труда, который также разлучает родственников, иногда называют в республике второй депортацией, что нормализует депортационный опыт поколения 1.

Стоит обратить внимание и на другие нарративные шаблоны, которые возникают в связи с историей депортации. Например, одна из улиц в центре Элисты носит имя Серова. Улица была названа в честь летчика-испытателя Анатолия Серова, погибшего в 1939 г., но многие горожане

были уверены, что в честь генерала Ивана Серова, который руководил операцией «Улусы», и потому настаивали на переименовании улицы.

Наконец, если заглянуть в Википедию, информацию которой многие воспринимают некритически, можно узнать, что из-за тяжелых условий одна треть депортированных калмыков погибли в железнодорожных вагонах по пути в Сибирь. Однако в докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова наркому Л.П. Берия приведены такие цифры: 1 640 чел. погибло, что составило 1,6% от общего числа высланных, и 1 010 чел. было госпитализировано (Книга памяти... 1993: 123).

Одна треть погибших осталось в народном сознании, скорей всего, как эхо другой массовой трагедии – исхода калмыков 1771 г. в Джунгарию (так называемый Торгоутский побег). В результате этого движения по схожему вектору на восток через казахские степи в пути погибла одна треть народа (см.: Батмаев 1993; Колесник 2003), а оставшиеся за Волгой калмыки потеряли свою государственность, Калмыцкое ханство было ликвидировано.

Постсоветский период, открыв малоизвестные страницы истории, дал импульс развитию калмыцкой государственности, который также влиял на этническую идентичность. Драматические события недавнего прошлого объясняли и как бы искупали языковой сдвиг у калмыков, некоторый отход от скотоводства, утрату калмыцких пород скота, которые когда-то были гордостью народа. Для руководства республики «трудное прошлое» нередко было поводом для получения дополнительных субсидий из центра, а также некоторым оправданием за депрессивную экономику в республике

Мы рассмотрели три регистра языков описания депортации калмыков. Первый регистр был создан силовыми ведомствами на службе государства и в декабре 1943 – январе 1944 г. служил для организации операции «Улусы», для успешного проведения которой нужен был жесткий настрой исполнителей. Он включал выражения, которыми народ обозначался как неодушевленный (товар для погрузки), а также унижающие человеческие достоинства (контингент, изъять калмыков).

После расселения калмыков в Сибири тон у власти меняется. Руководителям страны и регионов нужны рабочие руки на местах, и в отчетах инспекторов, проверяющих от региональных комитетов ВКПб положение калмыков, мы слышим ноты сочувствия бедствующим и желание облегчить их положение.

Второй регистр отражает язык описания депортации прямыми участниками тех событий. Народные песни, которые создавались по горячим

следам, отражают первые реакции: в них звучат растерянность, обида, тоска. Язык, который проявляет травму, это язык скотоводов, которые чувствуют свой статус репрессированных, сравнивая его с животными, место которых символически заняли они сами. Прощаясь с домашним скотом, калмыки в песнях наделяют его мыслями и чувствами, очеловечивают. Памятуя о поездке в скотских вагонах, калмыки описывают свои чувства и статус через зооморфную лексику. Народом был создан Сибирский цикл песен, тексты которых сочинялись в эшелонах, другие куплеты дописывались в Сибири, в них отражались новые проблемы. Язык песен помогал сформировать возникшие вопросы, выразить чувства, проявить солидарность с другими калмыками, заявить о страданиях народа.

Через три десятилетия после возвращения государство признало акты депортации незаконными юридически и символически: были организованы материальные выплаты, льготы на оплату коммунальных расходов и проезд на ж/д транспорте; в официальном календаре появился День памяти и скорби; возведен мемориал «Исход и возвращение»; по Сибири проехали четыре Поезда Памяти. Все это способствовало позитивной проработке культурной травмы. Нарративы представителей поколения 1, поколения 1,5 и поколения 2 говорят о примирении с трудным прошлым (Гучинова 2020, 2023).

Третий регистр включает высказывания поколения 3 (внуки депортированных) – тех, кто, не располагая депортационным опытом, не имел доступа к коммуникативной памяти, поскольку старшие родственники при жизни о Сибири не рассказывали, а сейчас их нет. Но потребность знать о той эпохе была, и источником знаний стали газетные статьи, стихи и проза, спектакли и фильмы, т.е. продукты культурной памяти, которые по своим законам жанра должны быть драматичными или трагическими.

В исторической политике государства в 1990-е гг. был сделан акцент на злодеяниях сталинской эпохи, который выражался в многочисленных публикациях в медиа. После десятилетий замалчивания у молодежи возникла потребность узнать историю этого периода, как семейную, так и своего народа. Читателям запоминались те публикации, которые содержали пронзительные подробности, жестокую статистику и в сознании отпечатались как типичные истории.

После долгого замалчивания, также имевшего травматический эффект, неудивительно, что никто в республике не возражал против некорректных названий, так как читатели считали, что важными были сама тема депортации и рассказанные истории. В 2000-е гг., когда государством была предложена «доктрина тотальной преемственности» (Эппле 2020: 38), общественный дискурс в республике включал как трагические нарративы, так и нормализующие. Последний подход исходит

«сверху», трагический нарратив подхватывается «снизу» поколением постпамяти, для многих история депортации вписывается в обоснование деколониальных взглядов.

В отсутствие научных дискуссий в исторических исследованиях о депортации калмыков встречается термин международного права «геноцид», имеющий свое облако смыслов. Используя этот термин, обычно имеют ввиду высокую смертность калмыков, особенно в дороге и в первые два года жизни в Сибири, что противоречит устоявшемуся пониманию, основанному на интенциях организаторов на уничтожение. Поколение 1 помнило массовые расстрелы эвакуированных с Украины евреев во время частичной оккупации Калмыкии (Гучинова 2019, 2023). В этом смысле термин «геноцид» вряд ли применим к данному кейсу. Но у него есть и другое значение: размывание идентичности (см. статью В.А. Танайловой в этом номере), и в этом узком смысле есть основания его использовать.

Ни один из указанных регистров не подходит для аналитических задач гуманитарной науки. Эта проблема относится ко многим аналогичным кейсам, исследующим депортации советских народов. Тезаурус при анализе реалий сталинской эпохи должен отражать современный уровень науки. Используя термины изучаемой эпохи без кавычек, мы возвращаем лексику репрессивных органов и как бы смотрим с их позиции. Пора обсудить содержание используемых терминов (*депортация, ссылка, высылка, спецпереселенцы* и др.) и предложить единый для советского поля тезаурус. У науки если есть какая-то власть, то как раз власть «давать имена». Это трудная задача, но ее надо хотя бы поставить.

Список источников

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни и культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Балакан А. Арвн гурвн жил, арвн гурвн одр. | Элст. Хальмг дегтр гаргач / Алексей Балакаев. Тринадцать лет, тринадцать дней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
- Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993.
- Болдырева И.М. Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М.Б. Мудаевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 251–263.
- Выдрина О.В. Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сб. док. / сост.: О.В. Выдрина, И.В. Самарин. Новосибирск, 2018.
- Гучинова Э.Б. Представляя депортацию калмыков: от Поездов Памяти к медиапроектам // Шаги/Steps. 2021a. Т. 7, № 1. С. 117–135.
- Гучинова Э.Б. У каждого своя «Сибирь». Ссылные калмыки в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–221.
- Гучинова Э.-Б.М. Память о депортации калмыков «поколения 1,5»: конструирование нарратива // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 30–44.
- Гучинова Э.М. Репрессированные вайнахи в социальной памяти депортированных калмыков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021b. Т. 12,

- вып. 10 (108). URL: <https://history.jes.su/s207987840017090-8-1/> (дата обращения: 20.12.2021). doi: 10.18254/S207987840017090-8
- Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь. Два женских рассказа о депортации калмыков // Монголоведение. 2020. № 4. С. 778–800. doi: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800
- ГЦД – Гашута цагин дун (Песня горестных времен) // Гэрэн В. Мини жирһлин дуд (Гаряева В. Песни моей жизни). Элиста: Джангар, 2006. С. 48.
- Иванов А.С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б.У. Серазетдинова. М., 2014.
- Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит. РАН, 2003.
- Книга памяти ссылки калмыцкого народа: сб. документов и материалов. Т. 1: Ссылка калмыков: как это было. Кн. 1 / сост. П.Д. Бакаев и др. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1993.
- Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005.
- ПМА. Инф. 1. Горяев, 1914 г.р. Записано в Элисте, 2004.
- СТ – Сиврүр туулһн (Перегон в Сибирь) // Төрскн һазрин дуд (Песни родной земли) / сост. Б.Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 214–215.
- СД 1 – Сиврин дун // Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураһну материал. Истины древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов. [Текст] / сост., автор вступ. ст. на калм. яз. Е.Э. Хабунова. Элиста: Джангар, 2018. С. 314.
- СД 2 – Сиврин дун, слова и музыка Б. Амбековой.
- УЗХ – Улан залага хальмгуд // Гэрэн В. Мини жирһлин дуд (Гаряева В. Песни моей жизни). Элиста: Джангар, 2006. С. 79.
- Хириш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021.
- Шадт А.А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е гг.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2006.
- Шадт А.А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / [отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт]. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 434–518.
- Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020.
- Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М.: НЛО, 2016.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2016.

References

- Aleksander J. (2013) *Smysly sotsial'noi zhizni i kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praksis.
- Bakaev i dr. (1993) *Kniga pamiati ssylki kalmytskogo naroda. Sb. Dokumentov i materialov. T. 1. Ssylka kalmykov: kak eto bylo. Kn. 1* [The book of memory of the exile of the Kalmyk people. Collection of Documents and materials. Vol. 1. Kalmyks exile: how it was. Book 1]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izd-vo.
- Balakan A. (1991) *Arvn gurvн zhil, arvn gurvн odr. |Elst. Khal'mg degtr gargach / Aleksei Balakaev. Trinadtsat' let, trinadtsat' dnei* [Thirteen years, thirteen days]. Elista: Kalm. Knizhnoe izd-vo. (in Kalmyck)
- Batmaev M.M. (1993) *Kalmyki v XVII – XVIII vekakh* [Kalmyks in 17-18th centuries]. Elista: kalm. Kn. Izd.

- Boldyreva I.M. (2020) Pesni o vyseleii kalmykov i ikh vozvrashchenii iz Sibiri, zapisannye u informanta M.B. Mudaevoi [The Deported and Returned: Siberia-Related Kalmyk Songs Recorded from M. B. Mudaeva], *Biulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 3, pp. 251–263.
- Eppe N. (2020) *Neudobnoe proshloe. Pamiat' o gosudarstvennykh prestupleniiakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLO.
- Etkind A. (2016) *Krivoie gore. Pamiat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: NLO.
- GTsD (2006) - Gashuta tsagin dun (Pesnia gorestnykh vremen). In: Gərən V. *Mini jəçirhlin dud* [Gariaeva V. Songs of my Life]. Elista: «NPP «Dzhangar», pp. 48. (in Kalmyck)
- Guchinova E.B. (2008) U kazhdogo svoia «Sibir». Ssyl'nye kalmyki v Srednei Azii [Everyone Has One's Own "Siberia". Deported Kalmyks in Central Asia], *Diaspory*, no. 1, pp. 194–221.
- Guchinova E.B. (2021) Predstavliaia deportatsiiu kalmykov: ot Poezdov Pamiati k mediaproektam [Performing the Deportation of Kalmyks: From Memory Trains to Media Projects], *Shagi/ Steps*, Vol. 7, no. 1, pp. 117–135.
- Guchinova E.-B.M. (2023) Pamiat' o deportatsii kalmykov «pokoleniia 1,5»: konstruirovaniie narrativy [The Memory of The Deportation of Kalmyks Of "Generation 1.5": Narrative Construction], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 30–44.
- Guchinova E.M. (2021) Repressirovannye vainakhi v sotsial'noi pamiati deportirovannykh kalmykov [Repressed Vainakhs in The Social Memory of Deported Kalmyks], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*, Vol. 12. Is. 10 (108) [Electronic resource]. Available at: <https://history.jes.su/s207987840017090-8-1/> (Accessed 20.12.2021). DOI: 10.18254/S207987840017090-8
- Guchinova E.-B. M. (2020) U kazhdogo svoia Sibir'. Dva zhenskikh rasskaza o deportatsii kalmykov [‘Everyone Has One’s Own Siberia. Two Female Narratives Of The Kalmyk Deportation], *Mongolovedenie*, no. 4, pp. 778–800. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800
- Ivanov A.S. (2014) *"Iz"iat', kak antisovetskii element..."*: Kalmyki v gosudarstvennoi politike (1943–1959 gg.) [“To withdraw as an anti-Soviet element...”: Kalmyks in state politics (1943–1959)] / ed. by B.U. Serazetdinova; Nauchnyi soviet pri prezidiume RAN po problemam voennoi istorii. Moscow.
- Kolesnik V.I. (2003) *Poslednee velikoe kochev'e. Perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v vostochnuiu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The last great nomad. The Kalmyks' migration from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN.
- PMA (2004) – Author's Field Materials. Participant 1. Goryaev, born 1914. Recorded in Elista, 2004.
- Polian P.M. (2005) Deportatsii i etnichnost' [Deportations and ethnicity]. In: *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953] / Mezhdunarod. fond «Demokratii»; Compiled by N.L. Pobel', P.M. Polian. Moscow: MFD; Materik.
- SD 1 (2018) - Sivrin dun. In: *Khuuchn ygd khudl uga. Keerin khuraŋhu material* [The truths of ancient literature. Collection of expedition materials] / compiled, introduction by E.E. Khabunova. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», pp. 314. (in Kalmyck)
- SD 2 (n.d.) - Sivrin dun, slova i muzyka B. Ambekovoi [Sivrin dun, words and music by B. Ambekova]. (in Kalmyck)
- Shadt A.A. (2006) Normativno-pravovaia baza etnicheskoi ssylki (reglamentatsiia politiko-pravovogo statusa rossiiskikh nemtsev) (1940–1950-e gg.) [The legal framework of ethnic exile (regulation of the political and legal status of Russian Germans) (1940s-1950s)]. In: *Marginaly v sovetskom obshchestve: mekhanizmy i praktika statusnogo regulirovaniia v 1930–1950-e gg.: sb. nauch. st.* [Marginals in Soviet society: mechanisms and practice of status regulation in the 1930s and 1950s: collection of scientific articles]. Novosibirsk.

- Shadt A.A. (2017) Etnicheskaia ssylka sovetskikh nemtsev [Ethnic exile of Soviet Germans]. In: Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e – seredina 1950-kh godov [Marginals in Soviet society. 1930s – mid-1950s] / eds. S.A. Krasil'nikov, A.A. Shadt. 2nd ed. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 434–518.
- ST (1989) – Sivryr tuulhn (Peregon v Sibir'). In: *Tørskn hazrin dud* [Song of the homeland] / comp. by B.B. Okonov. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 214–215. (in Kalmyck)
- UZKh (2006) - Ulan zalata khal'mgud. In: Gərən V. *Mini jəirhlin dud* [Gariaeva V. Songs of my Life]. Elista: «NPP «Dzhangar», pp. 79. (in Kalmyck)
- Vydrina O.V. (2018) *Deportirovannye kalmyki na Novosibirskoi zemle: rasselenie i obustroistvo. Dekabr' 1943–1946 gg.: Sbornik dokumentov* [Deported Kalmyks on Novosibirsk land: settlement and arrangement. December 1943-1946: Collection of documents] / Compiled by: O.V. Vydrina, I.V. Samarin. Novosibirsk.
- Yurchak A. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* [Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation]. Moscow: NLO.

Сведения об авторе:

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elza-Bair M. Guchinova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/9

Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания

Валентина Александровна Танайлова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
valya00763@gmail.com*

Аннотация. Анализируется язык нарративов о депортации чеченского народа, которые существовали в чеченском обществе до и после Первой и Второй чеченских войн. Основной фокус исследования сосредоточен на том, как события двух войн, нанеся новую травму чеченскому обществу, заставили определенную часть членов этого общества переосмыслить предыдущую травму депортации в соответствии с новым коллективным опытом. Это переосмысление нашло свое выражение прежде всего в изменении языка описания выселения чеченцев в 1944 г. В качестве источников исследования были использованы сборники воспоминаний депортированных, изданные до начала Первой чеченской войны, а также материалы фокус-групп и тридцати глубинных интервью, собранных автором в течение последних четырех лет. Вторая часть работы посвящена осмыслению взаимного влияния языка исследователей и языка исследуемых. Автор предлагает, следуя за идеями постколониального научного дискурса, придавать особое значение языку описания, который используют те, с кем мы работаем, и рассматривать его как элемент анализа, совершенно необходимый для понимания той культурной действительности, в которой и которой живут люди, доверяющие исследователям свои истории.

Ключевые слова: депортации, войны в Чечне, язык, память, травма, зачистки, геноцид

Благодарности: публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Танайлова В.А. Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 164–179. doi: 10.17223/2312461X/42/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/9

Stories of Chechen Deportation: Transformations of Narrative Language

Valentina A. Tanaylova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, valya00763@gmail.com

Abstract. This article analyses the language of narratives about the deportation of the Chechen people that existed in Chechen society before and after the First and Second Chechen Wars. The main focus of the study is on how the events of the two wars, having inflicted a new trauma on Chechen society, forced a certain part of this society to reinterpret the previous trauma of deportation in accordance with the new collective experience. This rethinking found expression primarily in the change in the language used to describe the deportation of Chechens in 1944. The sources used for this research include collections of memoirs of deportees published before the First Chechen War, as well as focus groups and thirty in-depth interviews collected by the authors over the past four years. The second part of the paper is devoted to analyzing the mutual influence of the language of the researchers and the language of the researched. The author proposes, following the ideas of postcolonial scholarly discourse, to give special importance to the language of description used by those we work with and to consider it as an element of analysis absolutely necessary for understanding the cultural reality in which and by which the people who entrust researchers with their stories live.

Keywords: deportations, wars in Chechnya, language, memory, trauma, mop-ups, genocide

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

For citation: Tanaylova, V.A. (2023) Stories of Chechen Deportation: Transformations of Narrative Language. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 164–179 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/9

Введение

О депортациях в СССР написано довольно много, но большую часть написанного нельзя отнести к аналитическим научным исследованиям. Издавались публицистические работы, сборники воспоминаний, статистика и намного реже – академические тексты, еще реже монографии, посвященные депортациям отдельных народов. Среди исследователей, которые все же посвящают свои работы теме депортаций, одни сосредоточены на депортации как на особом явлении советской истории (Полян 2001), другие рассматривают ее в контексте прочих репрессивных мер государственной политики сталинского периода (Земсков 2022; Pohl 2000) или даже в контексте общеевропейских политических и государственных процессов в XX в. (Холквист 2011). Российский географ и

демограф Павел Полян определяет депортации или насильственные миграции как одну из «специфических форм или разновидностей политических репрессий, предпринимаемых государством по отношению к своим или чужим гражданам с применением силы или принуждения» (2001: 11–12). Американский историк Питер Холквист, в свою очередь, рассматривая государственные репрессии против разных социальных и этнических групп, начиная с 1917 г. и заканчивая Большим террором, видит государство, которое стремится «вылепить свое население согласно прикладной науке об обществе». Он замечает, что «Советское государство оказалось удивительно последовательным в работе с определенным шаблоном политики населения, предполагавшим, что некие элементы среди населения можно идентифицировать и что благополучие населения требует либо изъятия, либо ликвидации вредоносных элементов» (2011: 167). По мнению Холквиста, методы репрессивной политики в Советском Союзе были частной вариацией более общих тенденций. «Ключевыми моментами в кристаллизации таких практик были, во-первых, новые представления об обществе, возникшие в XIX в.; во-вторых, колониальный административный и военный опыты конца XIX в. и, в-третьих, Первая мировая война как катализатор исторических событий» (167). Обращаясь к мысли Ханны Арендт, Холквист видит в репрессивных политических инструментах закономерное продолжение тех мер и методов, которые применялись государством по отношению к своему населению на протяжении двух последних веков монархического правления в России.

Одной из масштабных форм депортации является тотальная этническая депортация, которой в Советском Союзе подвергся целый ряд народов: финны, корейцы, немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Представителей этих народов выселяли со всех мест проживания, демобилизовали из армии. Эти народы также лишались своих национальных автономий, если они были. Если говорить о Северном Кавказе, то здесь депортации подверглись четыре народа: карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши. В этой работе речь пойдет не столько о депортации чеченского народа, сколько о том, как депортированные и их потомки рассказывают об этом событии, как изменились эти рассказы после Первой и Второй чеченских войн и как язык носителей травмы депортации взаимодействует или может взаимодействовать с языком исследователей. При этом я не хочу утверждать, что все без исключения чеченцы переосмысливают культурную травму депортации под влиянием относительно недавних военных событий в Чечне, но я утверждаю, что это делают те чеченцы, которые оказались травмированы этими военными событиями, что заставило их по-новому взглянуть на историю старших поколений своей семьи.

Как и некоторые другие исследователи, работающие с историей и памятью в Чечне (Абдурахманов, Ахмадов 2015; Горюшина 2020), я рассматриваю депортацию чеченского народа как культурную травму, которая и сегодня оказывается одним из центральных событий в поле чеченской памяти. Если говорить коротко, то называя память о депортации травматической памятью, я опираюсь прежде всего на тот факт, что, судя по моим данным и данным моих коллег, люди, считающие себя носителями чеченской этничности, строят на этой памяти свою идентичность. Они говорят: «Мы те, кто пережил выселение». Здесь уместно будет обратиться к понятию культурной травмы Джеффри Александера, который пишет: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» (2012: 6). Как поясняет сам Александер, это определение является его обобщением результатов не только собственной работы, но и результатом размышлений на тему культурной травмы целой группы исследователей.

Нарративы о депортации до начала Первой чеченской войны

Моими основными источниками для работы с нарративами о депортации, существующими до начала Первой чеченской войны, стали две книги. Первая – это «Белая книга: Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957». Ее составитель и ответственный редактор Леча Яхьяев, издана она была казахским республиканским чечено-ингушским центром «Вайнах» в 1991 г. (Яхьяев 1991). В ней собраны свидетельства совершенно разных людей, переживших депортацию и пожелавших поделиться своими историями. Разница возможного описания депортации прослеживается уже внутри самой книги. Она заметна между вступительными статьями и текстами воспоминаний. В первом случае язык больше насыщен терминами, во втором случае деталями, описывающими повседневность и эмоции. Вступительные статьи написаны поэтами, общественными деятелями, политиками, каждый использует язык, который свойственен, в первую очередь, его сфере деятельности. Депортация во вступительных статьях называется «преступление государства против своих граждан», «трагедия народа», «репрессии». В текстах самих воспоминаний используются другие слова – «нас забрали», «вывезли», «выселили». Нет слов «депортация», «репрессии» или «геноцид». Авторы воспоминаний мало анализируют депортацию в контексте общей истории чеченского народа. Больше описывают последовательность событий. Много внимания уделяют всему, что связано со смертью: замерзли насмерть, умерли от болезни или голода, негде было

похоронить, бросали трупы и т.п. То есть тем деталям, которые являются наиболее травмирующими в рамках индивидуального опыта и памяти.

Нас привезли в г. Ермак Павлодарской области. В первые месяцы смерть здесь косила беспощадно. Умирили десятками: от холода, голода, болезней. Здесь умерли еще два моих ребенка, две девочки – Лиза и Рукият. Свекор, Гандалоев Хассан Алиевич, сам больной, голодный... пошел искать съедобное. В нескольких метрах от дома его застала пурга, ветер прибил его к забору и, когда через несколько дней я нашла его, он так и стоял, мертвый, прибитый к этому забору. Людей некому было хоронить, да и нельзя было их хоронить: земля была мерзлая, их закапывали в снег, а там их съедали звери, собаки...

Я подошел к одному командиру в звании полковника, показал ему свои документы и объяснил, что мне скоро надо вернуться на фронт. Он разорвал на куски мои документы и накричал на меня: «Такие абреки, как вы, на войне не нужны». Если бы я знал, что со мной и моим народом так поступят, я бы, как и мой брат Денисолта, остался лежать в земле Сталинграда.

Вторая работа – это книга Хамзата Яндарбиева «Преступление века». Она была издана в Грозном в 1992 г. (Яндарбиев 1992). Книга представляет собой сборник статей, посвященных различным аспектам депортации и основанных как на собственном опыте, так и на цитируемых свидетельствах других чеченцев. Разница языка описания примерно такая же, как и в случае с «Белой книгой...». Х.Ш. Яндарбиев – поэт, ученый, политический и общественный деятель, его язык насыщен соответствующей терминологией, а его анализ является частью академического дискурса. Но те свидетельства, на которые он ссылается и которые он цитирует, по форме своей схожи со свидетельствами из «Белой книги...». В них зачастую прослеживаются те механизмы, которые мы выделяем, когда анализируем травму через оптику психоаналитической концепции. Прежде всего потому, что эти свидетельства принадлежат самим жертвам депортации, а не их потомкам в первом или тем более втором – третьем поколении. В нарративах депортированных есть определенные закономерности, им свойственны узнаваемые грамматические, лексические и сюжетные особенности: лексика смерти и преступления и наказания, пассивный залог и деперсонализация, инфантилизация депортированных, сюжеты об инвалидах, самоубийствах, несчастных случаях (см. статью Э.-Б.М. Гучиновой в этом выпуске).

В чеченском языке есть несколько слов, обозначающих депортацию. Основных два: «дуоухадар» и «арадахар». Первое буквально означает выселение или разрушение. «Вай дуоухадар...» – наше разрушение. Второе «арадахар» – изгнание. Это слово буквально означает «выгнать наружу из дома». «Вай арадахар» – наше изгнание. Некоторые из моих чеченских респондентов, которые сами являются учеными-гуманитариями, поделились со мной довольно интересными размышлениями о содержании слова «дуоухадар».

Мы не думаем, что нас хотели уничтожить физически, как людей. Нас хотели уничтожить культурно, как чеченцев. Это же и есть самое настоящее разрушение народа, отрыв его от родной земли, от дома, от могил предков, от культурного очага. Думалось, что мы перестанем существовать как чеченский народ, «разрушимся», но этого не произошло.

Естественно, я не первый исследователь, который использует записанные свидетельства жертв депортации в качестве источника. Работая над этим текстом, я обратилась также к опыту американского историка Брайана Уильямса, который схожим образом проанализировал воспоминания депортированных чеченцев, собранных в трехтомнике «Как это было» (Алиева 1993). Уильямс также обращает внимание на то, что истории, представленные в этом сборнике, в основном сосредоточены на описании экстремально травматических воспоминаний о расстрелах в процессе депортации, смертях от голода и холода, потерях близких, особенно детей. В них не используется правовая или научная терминология и вовсе не предпринимается попыток осмысления депортации в общем контексте истории существования чеченского народа в рамках российского государства (Williams 2000).

Первая и Вторая чеченские войны

Для того чтобы понять, как и почему произошла смена языка описания прошлого травматического опыта после Первой и Второй чеченских войн, необходимо понимать, что происходило во время этих войн. Первая чеченская война (мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики (ЧР)) – это военные действия между российскими федеральными войсками и вооруженными формированиями Чеченской Республики Ичкерия, длящиеся с 1994 по 1996 г. Осенью 1991 г. в условиях начавшегося распада СССР руководство ЧР заявило о государственном суверенитете республики и выходе ее из состава СССР. Началось формирование вооруженных сил Чечни во главе с верховным главнокомандующим президентом ЧР Джохаром Дудаевым. 9 декабря 1994 г. Президентом Российской Федерации Борисом Ельциным был подписан Указ № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»¹. В тот же день Правительством Российской Федерации было принято Постановление № 1360, предусматривавшее разоружение этих формирований силовыми методами. 11 декабря 1994 г. началось выдвижение войск в направлении чеченской столицы – города Грозный. 31 декабря 1994 г. войска по приказу министра обороны Российской Федерации начали штурм Грозного. Федеральные войска взяли Грозный только к 6 февраля 1995 г. После взятия Грозного войска

приступили к уничтожению чеченских вооруженных формирований в других населенных пунктах и в горных районах Чечни. 31 августа 1996 г. в Хасавюрте были подписаны соглашения о прекращении боевых действий, положившие конец Первой чеченской войне. После заключения соглашения войска в предельно сжатые сроки с 21 сентября по 31 декабря 1996 г. были выведены с территории Чечни. 12 мая 1997 г. был заключен Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Так выглядит фактическая последовательность событий, однако не только она важна для понимания исследуемых мною процессов. Важно эмоциональное наполнение памяти об этих событиях и сама эта память. «Ну, и 94-й год – началась война. Дальше у нас, конечно, восприятие всего мира через призму этой войны было. Оно и сейчас, у меня лично, так», – говорит мой информант.

Например, так называемый новогодний штурм Грозного до сих пор ясно сохраняется в коллективной памяти чеченцев. Эта память находит свое выражение, в том числе, и в призывах не отмечать новогодние праздники или хотя бы найти среди этих праздников место для поминовения погибших в том страшном штурме. Такие призывы можно найти в социальных сетях накануне нового года, а раньше и на листовках, которые появлялись на улицах города. Одним из самых известных среди местного населения событий оказывается операция МВД в с. Самашки, которая имеет дурную славу самой кровавой зачистки времен Первой чеченской войны. По разным сведениям, в ходе этой операции было убито от 103 до 250 гражданских лиц. Зачистка в Самашках и действия участвовавшего в ней генерала Анатолия Романова являются неотъемлемой частью чеченского нарратива о страданиях мирного населения во время чеченских войн (Блинушов 1996).

Вторая чеченская война началась 7 августа 1999 г. со вторжения боевиков в Дагестан. Вскоре после этого, в сентябре 1999 г., на территории Чечни была объявлена Контртеррористическая операция (КТО). Тогда Владимир Путин подписал Указ № 1255с «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»². Последней крупномасштабной военной операцией была ликвидация группировки Руслана Гелаева в районе с. Комсомольское, завершившаяся 14 марта 2000 г. После этого боевики перешли на диверсионно-террористические методы ведения войны, а федеральные силы противопоставили им действия спецподразделений и операции МВД. 20 апреля 2000 г. было объявлено об окончании войсковой части КТО в Чечне и переходе к спецоперациям. После этого, 22 января 2001 г., было объявлено о сокращении группировки федеральных войск в Чечне. Полномочия по руководству проведением контртеррористической операции были возложены сначала на Министерство обороны, с 22 января 2001 г. – на ФСБ

России, а с 1 сентября 2003 г. – на МВД России. По мере установления контроля силовыми структурами Российской Федерации над территорией Чеченской Республики территория Чечни переходила в ведение местных чеченских сил самоуправления и самообороны. Вторая чеченская война официально завершилась с отменой в полночь 16 апреля 2009 г. режима КТО. События в Чечне постепенно стали делом самой Чечни. Это важный для моего исследования факт, особенно в сочетании с тем, что Вторая чеченская война велась в контексте настоящего общемирового бума борьбы с терроризмом. Все это привело к тому, что методы ведения войны во время Второй чеченской были намного более жесткими, чем во время Первой, и приводили к еще большему тяжелым последствиям для гражданского населения республики. Операция в Комсомольском, зачистка в Новых Алдах сохраняются в памяти чеченских респондентов в одном ряду с событиями в Самашках. Так или иначе, обе войны в Чечне сопровождались гибелью большого количества гражданских лиц, значительными разрушениями (особенно в Грозном) и, как следствие, высоким уровнем психологической травматизации чеченских жителей, что дает о себе знать до сих пор.

Нарративы о депортации после Первой и Второй чеченских войн

Источниками для этой части работы послужили материалы, полученные в ходе проведения фокус-группы в 2021 г. и тридцати глубинных интервью. Они были отобраны из 67 интервью, взятых мной в течение последних четырех лет. Выбирала я те, в которых проводились явные аналогии между событиями военного периода и депортацией, а также с наибольшей очевидностью вырисовывался нарратив о последовательной политике уничтожения чеченского народа.

В чеченском обществе целые периоды истории воспринимаются как акты несправедливости по отношению к населению:

И каждый такой акт несправедливости вызывает вот такие возвраты:

Ага, мы тогда никому не были нужны, сейчас никому не нужны. Мы тогда были людьми второго сорта, и сейчас мы люди второго сорта, получается.

Со временем были сконструированы определенные «места памяти», в том более широком смысле, который вкладывает в это понятие Пьер Нора (1999). К ним можно отнести села Самашки, Комсомольское, Новые Алды (там происходили так называемые зачистки, которые повлекли за собой большое количество жертв среди гражданских лиц), штурм Грозного в новогоднюю ночь, убийство Эльзы Кунгаевой и т.д. Говоря про события депортации, мои респонденты использовали слово «зачистки» так же, как и для описания соответствующих событий времен Первой и Второй чеченских войн. То есть нарратив может

разворачиваться из настоящего в прошлое и нести в прошлое термины более поздних времен, а может из прошлого в настоящее и нести из прошлого термины для описания более современных событий. Зачистками в контексте депортации респонденты могут называть и процесс изгнания чеченского населения из аулов, и убийство в этих аулах тех, кого, по разным причинам, вывезти не удавалось. При этом никто из моих респондентов не упоминал, что знаком с тем фактом, что Сталин, обращаясь к Берию, использовал слово «очистить», говоря о предстоящей депортации (Бугай 1992).

Самой яркой параллелью с событиями в Самашках, Комсомольском и других населенных пунктах оказывается трагическая история селения Хайбах. Предполагается, что из-за сложностей с доставкой людей из горных районов во время депортации их просто убивали, самым известным таким случаем оказывается убийство жителей Хайбаха. Через использование этого нового слова «зачистка» отражается новое осмысление депортации, фокус этого осмысления смещается с «культурного» уничтожения на уничтожение физическое. События новейшей чеченской истории заставили память общества включить знаковые события разных эпох в один последовательный нарратив о попытках уничтожения чеченского народа:

Я считаю, что 44-й год – это боль лично моей семьи, потому что все слышали Хайбах, там были расстреляны мои родственники. И я считаю, это лично мое мнение, все должны знать историю. Все должны знать про выселение, что происходило тогда. 44-й год – это поколение наших родителей. Нам 400 лет. Каждые 50 лет... в историю загляните... Это страшно, это геноцид над народом, эти зачистки. Но до сих пор не признают. То, что происходило, происходило с нами. Я считаю, что это была страшная идея войны, это контртеррористическая операция.

В этой цитате можно увидеть осмысление своего коллективного прошлого как череды попыток уничтожения чеченского народа и его культуры и собирание этих событий под общим понятием геноцида.

Это с 18-го века тянется. И в семье эта память хранится, я вам даже конкретно фиксированный момент сказать не могу, но периодически эта тема всплывала. Когда рассказывали историю бабушек, дедушек, этот был в Турции, этот погиб, пропал или что-то еще. Потом был 94-й год, там тоже кто-то погиб или пропал. И эти истории, поскольку общество очень патриархальное, взаимодействие бабушек и дедушек регулярное, они все равно всплывают. Фактически тоже был геноцид, и большая масса народа была лишена места жительства, имущества, прав, фактически. И до сих пор по-настоящему не восстановлено ничего.

К памяти о депортации не раз обращались чеченские политические деятели для мобилизации общества. В частности, в 1994 г. Джохар Дудаев, выступая на митингах, призывал своих сторонников помнить о

том, что в любой момент чеченский народ снова может пострадать, как пострадал он во время выселения:

Люди, которые собрались на этих митингах, я лично сама стояла и слушала, все время говорили о высылке, о том, как это происходило, как людей выселяли. Мой отец помнил, как их выселяли. Он говорил, как они шли по снегу. Они в горах или, это горный район, Хайбах, мои предки жили там все. Там, где сожгли людей, моего отца дядю сожгли. Конечно, мы не были равнодушны к словам об этом...

Язык исследуемого и язык исследующего.

Как мы влияем друг на друга

Нельзя забывать о том, что то, как мы говорим, зависит от того, кому мы говорим и какие цели у нашего высказывания. Я уже упоминала те понятия чеченского языка, которые означают депортацию. Они звучат внутри культуры, между «своими» людьми, они звучат для тех, кто понимает. Как сказал один мой респондент: «Понимаете, самые настоящие, честные истории... они всегда на родном языке. И эти страшные истории... они же в сердце, а там все на чеченском». Определения на русском языке, понятия из правового и научного дискурса возникают тогда, когда истории про депортацию выносятся вовне, за пределы своей культуры. Они предназначаются тем, кто собирает информацию, исследует, принимает решения и законы и т.п. Когда история рассказывается для того, чтобы быть услышанной «другими», она стремится быть рассказанной языком «других».

Иногда в чеченских семьях не говорили о депортации вовсе, и тогда подрастающее поколение узнавало об этих событиях из книг (это происходит примерно на поколении внуков тех, кто был депортирован).

Я хочу сказать, что в нашей семье не говорили ничего про депортацию 44-го года до определенного периода. Единственное, что в доме от старших сестер и братьев мы слышали, но они просто констатировали как факт, и не было никакой оценки дано, что плохо или кто-то виноват.

Но нам даже не говорили, что была ссылка, детей не травмировали воспоминаниями. Я это узнала в школе от своей одноклассницы, что, оказывается, моих предков репрессировали. Уже потом, в 5–6-м классе, когда ты сам читаешь Данила Гранина, дальше уже появились книжки «Ночевала тучка золотая». Ты уже более стал разбираться, уже «Огонек» все стал печатать. С 1985 года пошла перестройка, и это очень сильно повлияло.

В этот момент язык описания депортации начинает новый виток движения. Из научного или литературного дискурса он попадает в нарративы респондентов. Часто именно таким образом в язык описания попадают слова «репрессии» и «геноцид». При этом респонденты отмечают, что тексты чеченских авторов казались более насыщенными

осуждающими высказываниями, так как эти авторы одновременно являются и носителями культурной травмы. Тексты не чеченских исследователей более сдержанны с точки зрения используемых формулировок. Таким образом не только исследователь может включать язык описания носителей травмы в свой текст, но и наоборот.

Одним из ключевых слов в современном чеченском дискурсе о депортации становится термин «геноцид», который изначально имел более широкое определение, нежели сегодня. Польский юрист Рафаэль Лемкин вводит этот термин в работе «Власть оси в оккупированной Европе». В определении Лемкина геноцид не обязательно означает немедленное уничтожение группы путем массовых убийств членов этой группы. Он скорее означает скоординированный план действий, направленных на разрушение важнейших основ жизнедеятельности различных групп с целью уничтожения их как общностей (даже если физически выживут все индивиды, входящие в распавшуюся группу). Целями такого плана может являться дезинтеграция политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии, экономических институтов, а также личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни людей, принадлежащих к таким группам. Геноцид направлен на группу как на единое целое, а вот его действия – на людей, причем не в их индивидуальном качестве, а как на членов этой группы. Таким образом, первоначальное определение геноцида было связано с его направленностью на разрушение групповой идентичности, а не на убийство членов этой группы. Геноцидом могут считаться как летальные, так и нелетальные средства, если их целью является уничтожение идентичности группы (Lemkin 1944).

Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. однозначно осудила геноцид как преступление. Первоначальное определение геноцида было схоже с определением Лемкина. Однако к моменту принятия Генеральной Ассамблеей 9 декабря 1948 г. «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» это понятие приобрело более узкие рамки. Насильственная ассимиляция и большинство других нелетальных способов геноцида были оставлены за рамками юридического определения. Новая редакция Конвенции была сфокусирована в основном на биологическом уничтожении членов группы и игнорировала разрушение национальных культур как компонент геноцида. Статья II Конвенции определяет геноцид следующим образом: «...действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как такую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»³.

В соответствии с этим определением геноцид приравнивается прежде всего к массовым убийствам или физическому воздействию. Очевидно, в определении ООН не учитывается, что массовые убийства по этническому признаку нередко являются лишь первой стадией уничтожения группы. Вторая стадия, которая часто продолжается еще долго после прекращения убийств, – это разрушение культурной идентичности группы. Таким образом, ненасильственное воздействие на оставшихся в живых часто является столь же разрушительным для группы в целом, как и стадия физического уничтожения, хотя, конечно, намного менее кровавым (Pohl 2000).

Если в определенной группе существует культурная травма, то ее невозможно бесконечно игнорировать, ее можно только преодолеть, точнее преодолеть условия, которые делают ее актуальной для конкретного общества. Использование правового языка и апеллирование к его нормам и определениям для отказа в использовании определенных понятий с целью нивелирования остроты вопроса кажутся не просто неэффективными, но и проблемными. Несколько обществ на Северном Кавказе используют понятие геноцида для описания травматических событий своей истории. Однако в академических кругах давно и весьма активно идет дискуссия о том, можно ли вообще в этих случаях применять слово «геноцид», ведь, как уже говорилось, с правовой точки зрения под геноцидом следует понимать «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Предполагается, что российская/советская власть ни в какой период своего существования не ставила перед собой задачи целенаправленного уничтожения какого-либо народа, в том числе и чеченцев. И если в случае значительных локальных политических акторов разговор о геноциде можно порой рассматривать как спекуляцию, то в случае с обиходным использованием слова «геноцид» ситуация иная. Используя это слово, мои респонденты говорят, что таким образом хотят подчеркнуть крайнюю степень значимости и травматичности депортации для чеченского народа. Когда им отказывают в этом слове, им кажется, что им отказывают и в праве на значимость депортации. Этот вопрос, очевидно, требует открытого обсуждения и разъяснения, но не с позиций априорной правоты членов академического сообщества как обитателей «башен из слоновой кости», а с

позиции равноправного диалога. Не стоит забывать также и о законе 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов»⁴, который прямо называет репрессии геноцидом.

Заключение

Социальная память крайне динамична и подвержена значительному влиянию меняющихся обстоятельств. «Она отвечает на злобу дня и дает о себе знать в социальном дискурсе... значение исторического нарратива выходит далеко за рамки профессионального поля. Ведь этот нарратив нередко играет большую социальную или политическую роль» (Шнирельман 2021). Это свойство памяти – нахождение в прямой зависимости от социального, политического, культурного контекста, является важным для моего исследования. События Первой и Второй чеченских войн изменили в жизни чеченского общества все, в том числе и память о предыдущих исторических событиях. Если до начала войны депортация мыслилась как страшная трагедия и угроза культурному существованию чеченцев, то после войны она превратилась в общественном сознании в пример очередной попытки государства избавиться от чеченского народа в принципе, в геноцид. Этому, конечно, способствовали не только обстоятельства военного времени как таковые, но и деятельность чеченских лидеров, Джохара Дудаева, Аслана Масхадова и других, которые актуализировали память о депортации и обращались к этой теме для мобилизации чеченского общества. Вместе с трансформациями памяти о депортации происходят и трансформации языка, которым депортацию описывают. Из выступлений политиков, правозащитников, из научной литературы и правовых документов в этот язык попадают слова «репрессии» и «геноцид». Новые смыслы находят новые формы своего выражения. Новая травма приводит к переосмыслению травмы предыдущей и к смене тезауруса этой травмы.

Однако задача этой работы состоит не только в том, чтобы проследить указанные языковые трансформации и объяснить их причины, но и в том, чтобы предложить свой взгляд на то, как исследователи, работающие с депортацией, могли бы взаимодействовать с языком носителей этой травмы. Проживание травматического опыта, на мой взгляд, дает преимущественное право «именования» этого опыта. В рамках постколониального дискурса гуманитарная наука, в том числе и антропология, выдвинула идею отказа от «объективного» знания по многим причинам, в том числе и потому, что нередко это предполагает не объективность как таковую, а просто гегемонию определенной позиции. Кроме того, именно антропологические тексты порой оказываются рупором для тех, кто сам говорить не может, или тех, чьи речи остаются не услышанными. Поэтому большое значение имеет язык тех, с кем мы работаем. Когда

Гаятри Спивак определяет себя как человека, обучающего гуманитарному знанию (но она, безусловно, еще и производит гуманитарное знание), она, отталкиваясь от идей Бенямина, высказанных им в «Критике власти», утверждает, что обязана стремиться к тому, что она называет «этическим порывом». Но не только она, а и вся система обучения и производства гуманитарного знания в целом. При этом этику Спивак понимает как разрыв эпистемологии. Эпистемологии, которая пытается сконструировать другого, как сторонний объект познания (1988, 2004). Этика же вторгается в эту эпистемологическую схему, заставляя слушать другого как самого себя. И я полагаю, что достичь этого невозможно, если мы игнорируем язык другого и его собственные смыслы.

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.12.1994 г. № 2166. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312>

² Указ Президента Российской Федерации от 23.09.1999 г. № 1255с. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14427>

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

⁴ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/10200365/>

Список источников

Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. «Война историографий» или информационная война. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.

Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.

Алиева С.У. Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы / ред.-сост. С.У. Алиева: в 3 т. М.: Инсан, 1993.

Блинушов А. Всеми имеющимися средствами: Операция МВД РФ в с. Самашки, 7–8 апр. 1995 г.: Результаты независимого расследования наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне / [сост. А. Блинушов и др.]. М., 1996.

Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / [авт. вступ. ст., сост., авт. послесл. Н.Ф. Бугай]. М.: Дружба народов, 1992.

Горюшина Е.М. Непримируемые нарративы «о другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // Ideology and Politics Journal. 2020. № 2 (16). С. 279–302.

Земсков В.Н. Великий перелом. Подлинные сведения о масштабах сталинских репрессий. М.: Проспект, 2022.

Нора П. и др. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.

Полян П.М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001.

Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

- Шницерльман В.А. Интеллектуальные дебаты постсоветского времени вокруг истории и культуры народов Северного Кавказа // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2021.
- Яндарбиев Х.Ш. Преступление века / ред. И.А. Ирисханов. Грозный: Книга, 1992.
- Яхъяев Л. Белая книга: Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг.: Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы / сост. и отв. ред. Л. Яхъяев; редкол.: Ш. Рашидов, Г. Эльмурзаев, Р. Хаджиев и др. Грозный; Алма-Ата, 1991.
- Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.
- Pohl J. O. Stalin's genocide against the «Repressed Peoples» // Journal of Genocide Research. 2000. № 2 (2). P. 267–293.
- Spivak G.Ch. «Can the Subaltern Speak?» // Marxism and the Interpretation of Culture, edited by Cary Nelson and Lawrence Grossberg, reprint edition. Urbana: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
- Spivak G.Ch. Righting Wrongs // South Atlantic Quarterly. 2004. № 103 (2–3). P. 523–581.
- Williams B.G. Commemorating «The Deportation» in Post-Soviet Chechnya: The Role of Memorialization and Collective Memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars // History and Memory. 2000. Vol. 12, № 1 (Spring/Summer). P. 101–134.

References

- Abdurahmanov D.B., Ahmadov Ya.Z. (2015) *Bitva za Chechnyu. "Voina istoriografii" ili informatsionnaya voyna* [The Battle for Chechnya. The "War of Historiographies" or information warfare]. Grozny: Groznenskiy rabochii.
- Alexander J.C. (2012) Kul'turnaia travma i kollektivnaia identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 5–40.
- Alieva S.U. (1993) *Tak eto bylo: Natsional'nye repressii v SSSR 1919–1952 gody* [So it was: National Repressions in the USSR 1919–1952] / Ed. and compiled by S.U. Alieva: In 3 vols. Moscow: «Insan».
- Blinushov A. (1996) Vsemi imeyushchimisya sredstvami: Operatsiya MVD RF v s. Samashki, 7-8 apr. 1995 g.: Rezul'taty nezavisimogo rassledovaniya nablyudat. missii pravozashchit. obshchestv. org. v zone vooruzh. konflikta v Chechne [By All Available Means: Operation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Samashki village, 7-8 April 1995: Results of an Independent Investigation of the Observation Mission of a Human Rights NGO in the Zone of Armed Conflict in Chechnya] / Pravozashchit. centr "Memorial"; [Sost. A. Blinushov i dr.]. Moscow.
- Bugai N.F. (1992) *Iosif Stalin - Lavrentiyu Berii: "Ih nado deportirovat'": Dokumenty, fakty, kommentarii* [Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: "They must be deported": Documents, facts, comments] / [Avt. vstup. st., sost., avt. poslesl. N.F. Bugai]. Moscow: Druzhba narodov.
- Goryushina E.M. (2020) Neprimirimye narrativy «o drugom»: izuchenie pamyati o vooruzhennom konflikte v Chechne [Irreconcilable narratives "about the other": Studying the memory of armed conflict in Chechnya], *Ideology and Politics Journal*, no. 2 (16), pp. 279–302.
- Zemskov V.N. (2022) *Velikii perelom. Podlinnye svedeniya o masshtabakh stalinskih repressii* [The Great Turning Point. Genuine information about the scale of Stalin's repressions]. Moscow: Prospekt.
- Nora P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France-memory] / Sankt-Peterburgskii gos. un-t; [Pier Nora et al; translated from French by D. Khapaeva]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.
- Polyan P. M. (2001) *Ne po svoei vole: istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Not by choice: history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: OGI.

- Holquist P. (2011) Vychislit', iz"yat' i istrebit': Statistika i politika naseleniya v poslednie gody tsarskoi imperii i v Sovetskoi Rossii [Calculate, Seize and Exterminate: Population Statistics and Policy in the Last Years of the Tsarist Empire and in Soviet Russia]. In: *Gosudarstvo natsii: Imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina* [A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin] / ed. by R.G. Suni, T. Martina; [translated from English by V.I. Matuzova]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskii centr B.N. El'tsina».
- Shnirel'man V.A. (2021) Intellektual'nye debaty postsovetского времени vokrug istorii i kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [Post-Soviet intellectual debates around the history and culture of the peoples of the North Caucasus]. In: *Istoricheskaya i etnokul'turnaya tematika v uchebnom, nauchnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse Severnogo Kavkaza* [Historical and ethnocultural topics in the educational, scientific and socio-political discourse of the North Caucasus] / ed. by V.A. Tishkov; compiled by B.A. Sinanov, V.V. Tishkov. Moscow: IEA RAN.
- Yandarbiev H.Sh. (1992) *Prestuplenie veka* [The crime of the century]; ed. by Iriskhanov I.A. Groznyj: Kniga.
- Yah"yaev L. (1991) *Belaya kniga: Iz istorii vyseleniya chechentsev i ingushei. 1944–1957 gg.: Vospominaniya, arhivnye materialy, fotodokumenty* [White Book: From the History of the Eviction of Chechens and Ingush. 1944–1957: Memories, archive materials, photo documents]. Compiled, executive editor Yah"yaev L.; eds.: Rashidov SH., El'murzaev G., Hadzhiev R. et al.; Kaz. resp. chech.-ing. centr "Vainah". Groznyj; Alma-Ata.
- Lemkin R. (1944) *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Pohl J.O. (2000) Stalin's genocide against the "Repressed Peoples", *Journal of Genocide Research*, 2(2), pp. 267–293.
- Spivak G.Ch. (1988) "Can the Subaltern Speak?" In: *Marxism and the Interpretation of Culture*. edited by Cary Nelson and Lawrence Grossberg, reprint edition. Urbana: University of Illinois Press, pp. 271–313.
- Spivak G.Ch. (2004) Righting Wrongs, *South Atlantic Quarterly*, 103 (2–3), pp. 523–581.
- Williams B.G. (2000) Commemorating "The Deportation" in Post-Soviet Chechnya: The Role of Memorialization and Collective Memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars, *History and Memory*, Vol. 12, No. 1 (Spring/Summer), pp. 101–134.

Сведения об авторе:

ТАНАЙЛОВА Валентина Александровна – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: valya00763@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valentina A. Tanaylova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: valya00763@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/10

Современная мифологема о «несостоявшейся депортации» дагестанцев в 1944 г. и исторические реалии

Патимат Ибрагимовна Тахнаева

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ptakhnaeva@gmail.com*

Аннотация. Исследован вопрос о предполагаемой и несостоявшейся депортации населения Дагестана в 1944 г. Ссылка различных авторов этого тезиса на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором якобы решался вопрос о судьбе дагестанцев (и лично присутствовал А. Даниялов), не нашла подтверждения в центральных партийных архивах. Доказано, что вопрос о предполагаемой депортации дагестанцев в 1944 г. (вслед за чеченцами и ингушами) не имел под собой реальной исторической основы. По всей видимости, он был искусственно создан для оправдания насильственного переселения более 60 тыс. дагестанцев (из 200 селений) на чеченские земли, уже опустошенные депортацией. Мифологема о заступничестве А. Даниялова (в годы войны – Председателя Совета народных комиссаров Дагестанской АССР) перед И. Сталиным, благодаря которому предстоящую депортацию народов Дагестана якобы заменили переселением в Чечню, получила широкое распространение с 1990-х гг. в опубликованных воспоминаниях близких к А. Даниялову людей (родственников, коллег).

Ключевые слова: депортация народов Северного Кавказа, насильственное переселение дагестанцев, А. Даниялов, М. Багиров, И. Сталин, операция «Чечевица», мифологемы о депортации

Для цитирования: Тахнаева П.И. Современная мифологема о «несостоявшейся депортации» дагестанцев в 1944 г. и исторические реалии // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 180–200. doi: 10.17223/2312461X/42/10

Original article
doi: 10.17223/2312461X/42/10

The Modern Mythologeme about the "Failed Deportation" of Dagestanis in 1944 and Historical Realities

Patimat I. Takhnaeva

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
ptakhnaeva@gmail.com*

Abstract. This article is dedicated to investigating the purported and unrealized deportation of the population of Dagestan in 1944. The references by various authors

to a meeting of the Politburo of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks), where the fate of Dagestanis was allegedly discussed (with the personal presence of A. Daniyalov), did not find confirmation in the central party archives. It has been proven that the question of the supposed deportation of Dagestanis in 1944 (following the deportation of the Chechens and Ingush) had no real historical basis. Apparently, it was artificially created to justify the forced relocation of over 60,000 Dagestanis (from 200 settlements) to Chechen lands, already devastated by deportation. The mythologem about A. Daniyalov's intervention (during the war – Chairman of the Council of People's Commissars of the Dagestan ASSR) with J. Stalin, allegedly replacing the impending deportation of the peoples of Dagestan with resettlement to Chechnya, gained widespread acceptance in the published recollections of those close to A. Daniyalov from the 1990s (relatives, colleagues).

Keywords: deportation of North Caucasus peoples, forced resettlement of Dagestanis, A. Daniyalov, M. Baghirov, J. Stalin, Operation 'Chechevitsa' (Lentil), myths about deportation in Dagestan

For citation: Takhnaeva, P.I. (2023) The Modern Mythologeme about the "Failed Deportation" of Dagestanis in 1944 and Historical Realities. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 180–200 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/10

Выселение дагестанцев в Чечню, 1944 г. В конце марта – апреле 1944 г. в соответствии с постановлениями СНК СССР и СНК ДАССР в населенные пункты, откуда были депортированы чеченцы, началось насильственное переселение дагестанцев: части аварцев, даргинцев, лакцев и кумыков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» в состав Дагестанской АССР были включены следующие районы ЧИАССР: Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский в существовавших границах, а также Курчалоевский и Шароевский (за исключением северо-западной части этих районов) и восточная часть Гудермесского района. Общая площадь территории, присоединенной к Дагестану, составляла 2,7 тыс. км². На этой территории было образовано четыре новых района с другими названиями: Андалалский, Веденский, Ритлябский и Шурагатский. Внутри прежних границ ДАССР Ауховский район был переименован в Новолакский, при этом часть его территории (земли двух сельских советов – Сталинаульского и Калининаульского) была передана в состав соседнего Казбековского района. В эти районы, освободившиеся после выселения чеченцев, согласно постановлениям СНК СССР от 9 и 11 марта 1944 г. СНК ДАССР обязан был до 15 апреля 1944 г. переселить 6 300 хозяйств колхозников из горных районов Дагестана. Постановлением СНК ДАССР от 12 апреля 1944 г. к ним присоединились кумыкские селения Альбурикент, Тарки, Кяхулай и Карасув-Отар (Ибрагимов 2011: 84–90).

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 18 мая 1944 г. в июле переселены из Грузинской ССР 700 хозяйств проживавших там аварцев. На присоединенной к Дагестану территории в трех районах (Веденском,

Андалалском и Ритлябском) были размещены аварцы из Кахибского, Тляратинского, Гумбетовского, Чародинского, Хунзахского, Гунибского, Буйнакского, Унцукульского, Ботлихского, Цумадинского, Цунтинского, Ахвахского районов (более 40 тыс. человек), а также аварцы, жившие до 1944 г. в Кварельском районе Грузинской ССР (более 3 тыс. человек). В четвертом, Шурагатском районе, были расселены даргинцы и кайтагцы из Акушинского, Сергокалинского, Левашинского, Дахадаевского и Кайтагского районов (более 10 тыс. человек). В общей сложности количество насильственно переселенных дагестанских сел и колхозов в районы бывшей ЧИАССР на 15 мая 1944 г. составляло 224 селения (14 603 хозяйства, 54 833 человека). К 1 августа 1944 г. было переселено 16 100 хозяйств против 6 300, установленных СНК СССР, и 9 160, намеченных СНК ДАССР и обкомом ВКП(б) (Курбанов, Курбанов 2009: 206).

Мифологемы о спасении дагестанцев от депортации, «худшего из двух зол». С 1990-х г. в Республике Дагестан в многочисленных публикациях и в средствах массовой информации стала отчетливо проследиваться попытка представить насильственное переселение дагестанцев на земли депортированных чеченцев как спасительная замена неизбежной депортации. По замечанию современных исследователей А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко, «вопрос о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно – по “злой воле” Бериин) и его спасло личное вмешательство Сталина, который учел его “заслуги” перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя своеобразные мифологемы массового сознания» (2012: 70). Один из ярких образцов подобных мифологем представлен в 1996 г. авторами книги «Земля адыгов», которые утверждали: «В начале 1940-гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД даже был подготовлен проект их выселения. Но И.В. Сталин даже запретил думать об этом. “Без адыгов – Кавказ не Кавказ” – этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов”. Авторы так же считали, что «решение вождя не было случайным, огромную роль сыграл в этом героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте, в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу» (Шеуджен и др. 1996: 311).

Подобная мифологема была распространена и в Дагестане. Ее истоки восходят к 1990-м гг. В 2009 г. авторы исследования «Народы Дагестана: история депортации и репрессий» М.Р. Курбанов и Ж.М. Курбанов осторожно замечали: «Имеются предположения, что якобы Сталин, по рекомендации первого секретаря ЦК партии Азербайджана Багирова, в 1944 г. хотел выслать в среднеазиатские степи не только чеченцев-аккинцев Дагестана, но и всех дагестанцев. Но тогдашний председатель СНК

Дагестана А. Даниялов своевременно принял меры и предотвратил эту акцию. Об этом же говорил и его брат, тогдашний первый секретарь Гунибского райкома партии Г.-А. Даниялов» (2009: 191). Немногим ранее, в 2001 г. упоминал об этой истории исследователь А.В. Фадюхин с ссылкой на Г.-А. Даниялова: «Сталин действительно предполагал выселить дагестанские народы в восточные области страны, но его отговорил от этого шага А. Даниялов, который, узнав о предполагаемом выселении дагестанцев, срочно выехал в Москву и на личном приеме у И.В. Сталина убедил его отменить решение о депортации». Вместе с тем этот автор отмечал, что «в ходе работы с доступными документами, каких-либо признаков того, что готовилась депортация дагестанских народов, выявлено не было» (2001: 12).

Впервые в публичном (не научном) пространстве рассказ о спасении дагестанцев от депортации под условным названием «Даниялов – Сталин» появился в печати в 1990 г. у писателя Ю. Борева в «Сталиниаде» (1990: 211). Спустя год, в 1991 г. – у Г.-А. Даниялова в воспоминаниях о своем брате (Даниялов 2006: 11), в 1997 г. у литературоведа Б. Сарнова (1997), позже, в 2006 г., у того же Г.-А. Даниялова, но в более детализированном виде (2006: 196). В 2008 г. этот сюжет пересказали по Г.-А. Даниялову своей работе авторы А. Гаджиев и У. Магомедова (2008). В 2014 г. об этом сюжете напишет в своих воспоминаниях и сын А.Д. Даниялова, Юсуп (Даниялов, Абдулхабирова 2014: 30). В 2015 г. вышло очередное издание, посвященное памяти А. Даниялова, в котором его автор А.Ю. Гаджиев изложил собственную интерпретацию исторического сюжета «Даниялов – Сталин» (Гаджиев 2015). Любопытно, что сам Абдурахман Даниялов в своих воспоминаниях, опубликованных в 1991 г. и обрывающихся на событиях 1948 г., не упоминает об этой истории (1991).

Рассмотрим в хронологическом порядке каждую версию «исторического» сюжета спасения дагестанцев от депортации.

1991 г. – сюжет в воспоминаниях Г.-А. Даниялова. В воспоминаниях брата Абдурахмана Даниялова, Г.-А. Даниялова, опубликованных в 1991 г., историческое событие с «отстаиванием дагестанского народа от депортации» происходило в марте 1944 г. Согласно этой версии, Абдурахман Даниялов прибыл в Москву, где с невероятным трудом ему удалось добиться разрешения выступить на заседании Политбюро, предварительно он, заручившись поддержкой таких ключевых фигур, как Маленков, Ворошилов и Калинин (1991: 9). Г.-А. Даниялов подробно описал, как за отведенные семь минут Абдурахман «рассказывал о подвигах дагестанцев на фронте и в тылу», о том, что «они [дагестанцы] собрали и внесли в фонд обороны 350 млн рублей. Эти деньги пошли на создание авиаэскадрильи, танковых колонн; на фронтах воюют 130 тыс. отважных сынов гор. Десятки [дагестанцев] уже стали Героями

Советского Союза, более трех тысяч добровольцев ушли на передовую, доблестно сражаются в Красной Армии Дагестанский кавалерийский батальон. Отличились дагестанцы и в тылу...». Однако Сталин обратил свое внимание не на эти данные – при окончательном решении вопроса о депортации дагестанцев его вдруг стал беспокоить международный общественный резонанс: «Сталин внимательно выслушал Даниялова и обратился к членам Политбюро: “А на самом деле, что скажут народы Востока, если мы переселим дагестанцев?”» (10).

Некие нежелательные нравственные моменты, которые могли быть вызваны депортацией дагестанцев («моральный ущерб Советской власти», «нездоровая реакция») и озвученные «исключительные» политические и трудовые заслуги дагестанского народа («боролись против колониальной политики царизма», внесли «вклад в дело победы и укрепления Советской власти», «беспрецедентный случай» с подаренным портретом вождя мирового пролетариата «для Красного Дагестана», первые получили орден Трудового Красного Знамени, совершали «подвиги на фронте и в тылу») якобы повлияли в конечном итоге на решение Сталина вычеркнуть *«Дагестан из списка республик, народы которых намечалось»* (здесь и далее выделено мной. – П.Т.) выселить». Ключевая фраза в этом рассказе «народы Дагестана были спасены», но о каком опальном «списке народов» упоминает автор?

По Г.-А. Даниялову, речь шла о мартовском заседании Политбюро ЦК. В марте 1944 г. заседания Политбюро проходили ежедневно, кроме 3-, 16-, 18- и 26-го марта (Политбюро 2001). Напомним, что к началу марта 1944 г. чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки уже были выселены (из того самого «списка», надо полагать) – не возникал ли в этих случаях вопрос о «моральном ущербе» и «нездоровой реакции»? Между тем народы Дагестана с февраля 1944 г. в соответствии с постановлениями правительства ожидали насильственное переселение в опустошенные районы бывшей соседней ЧИАССР с целью скорейшего восстановления их прежних сельскохозяйственных мощностей.

Здесь важно заметить другое: в годы войны все заседания Политбюро ЦК ВКП(б) проходили в Кремле в кабинете Сталина – в опубликованных «Журналах записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.)», в указателе посетителей кремлевского кабинета фамилия А. Даниялова не встречается (Исторический архив 1988: 11). Она не упоминается и в именном указателе каталога «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 3. 1940–1952 гг.» (Политбюро 2001), в котором перечислены все участники заседаний Политбюро, фамилии инициаторов постановки вопроса или докладчиков. Таким образом, официальные документы убедительно свидетельствуют о факте не присутствия А. Даниялова на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) 1943–1944 г.

1990 г. – сюжет в изложении литератора Ю. Борева. В другой версии этого исторического сюжета, драматургически изложенной в 1990 г. советским литератором Ю.Б. Боровым, действующие лица Даниялов, Берия, Сталин. В Москве Даниялов «вышел на Берия и попытался сделать его своим союзником по спасению Дагестана». Однако «разговор с Берия не дал положительных результатов, и было ясно, что через день-другой он получит санкцию от Сталина на арест Даниялова». Последнему, через Микояна, удастся встретиться лично со Сталиным и убедить его в «бессмысленности предстоящей акции» (депортации). Встреча завершилась решением Сталина: «Не будем выселять, только дай в армию 30 тысяч солдат». Даниялов благополучно вернулся в Махачкалу и срочно поставил в армию 30 тысяч дагестанцев сверх всех мобилизационных норм» (1990: 211). Рассказ изобилует странными аргументами, напоминающими угрозы («запугать Сталина», «традиции газавата», «народ уйдет в горы», «отвлечет силы от фронта»), тем не менее, его объединяет с первым рассказом общее – приношение неизбежной «искупительной жертвы» во спасение: в первом случае это «освоение дагестанцами новых территорий», во втором – экстраординарная мобилизация 30 тыс. военнообязанных. Но откуда взялась эта странная цифра?

По данным Центрального архива Министерства обороны РФ, в Дагестане к концу 1943 г. насчитывалось всего 25 799 военнообязанных (Безугольный и др. 2012: 171). К тому же, как пишут авторы фундаментального исследования, «руководство страны непоколебимо следовало избранному курсу на тотальный запрет призыва северокавказских горцев», и все попытки политического руководства Дагестана снять существующий запрет были безуспешны. Последний призыв военной поры (граждан 1927 г.р.), проводившийся с 15 ноября 1944 г., также обошелся без призывников с Северного Кавказа. С 1942 г. альтернативой отмененному обязательному призыву стало добровольчество – всего из Дагестана в 1943 г. было отправлено в войска 4 315 добровольцев из местных национальностей, что «вполне соответствовало среднегодовой норме призывников из Дагестана» (170–172). При личной беседе с Ю.Б. Боровым (июль 2016 г.) выяснилось, это этот сюжет он услышал в конце 1980-х гг. в Москве, в Центральном доме литератора, от дагестанского филолога Казбека Султанова.

1997 г. – сюжет в изложении литератора Б. Сарнова. Известный литературовед Бенедикт Сарнов в 1997 г. приводил сюжет «Даниялов – Сталин» в одной из своих работ со слов поэта и переводчика С.И. Липкина (одного из лучших переводчиков Р.Г. Гамзатова). С.И. Липкин еще в 1989 г. в своем романе «Декада» (впервые опубликованном в США в 1981 г.) затронул тему депортации горских народов в 1944 г. в истории вымышленной северокавказской республики «Гушано-Тавларской АССР» (1989). «Гушаны» были спасены благодаря сложной интриге,

проведенной в Москве «гушанским секретарем рескома ВКП(б) Даниялом Зауровичем Парвизовым». Между тем Б. Сарнов, со ссылкой на С. Липкина, в своем пересказе сюжета называл подлинные имена участников событий: «...Семен Израилевич Липкин рассказал мне однажды о том, как секретарь Дагестанского обкома Даниялов спас свой народ от судьбы, постигшей чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар...». Когда Даниялов узнал о предстоящей депортации дагестанцев, тот бросился в Москву, к Берии. Последний сообщил, что «Он все уже решил... *Вся территория до Дербента отойдет к РСФСР, а от Дербента – к Азербайджану.* Народ будет выслан». Далее Л. Берия якобы «устроил» встречу Даниялова и Маленкова. На ней «Даниялов сказал: “Собираемся отметить круглую дату выступления товарища Сталина, лично провозгласившего в 1922 году независимость Дагестана”. Маленков встрепетнулся: “Как это – лично?”. “Лично. Выступал в Темир-Хан-Шуре, в местном театре. Речь опубликована!”», – Даниялов достал и положил на стол соответствующий том из собрания сочинений Отца Народов, где специальной закладкой уже была отмечена названная речь. Быстро проглядев заложенную страницу, Маленков встал, протянул Даниялову руку для пожатия и сказал: “Езжайте, тов. Даниялов, домой и спокойно работайте”» (1997: 14).

Примечательно, что Б. Сарнов ввел в сюжет рассказ *о передаче Южного Дагестана с Дербентом в состав Азербайджанской ССР* (в повести у С. Липкина его не было). Вместе с тем в рассказе Б. Сарнова присутствовал ряд несуразиц. В частности: 1) завышенные представления о полномочиях члена ГКО, секретаря и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, который якобы мог «пере-решить» (!) *без согласования с И.В. Сталиным* «уже решенный вопрос» о депортации народов Дагестана; 2) А. Даниялов в этот период являлся председателем Совнаркома республики, а не первым секретарем обкома партии «обремененной республики»; и «круглая дата выступления товарища Сталина», прошедшая 13 ноября 1920 г. на Съезде народов Дагестана приходилась на 1940 г. или 1945 г., но никак не на 1944 г. Возможно, подобные несоответствия простительны для литераторов. Как отметил литературный критик Ст. Рассадин, «учить историю депортации Кабардино-Балкарии или Чечено-Ингушетии по повести Липкина нельзя. Можно – понимать» (Липкин 1990: 211).

В двух последних из приведенных сюжетов одно из «главных действующих лиц» – Л. Берия. Если в первом случае у Ю. Борева он «враг», который не прочь «лично» застрелить А. Даниялова, то во втором, у Б. Сарнова, он его «друг», который ему сочувствует и помогает. Любопытно, что Серго Берия, сын Л.П. Берии, в своих воспоминаниях об отце и его роли в депортации народов Северного Кавказа писал: «Мой отец и устно, и письменно выступал против этого варварства»; «на заседании

Политбюро, на котором было принято это решение... отец переусердствовал, предупреждая, что эта акция нанесет тяжелый удар по престижу советского режима во всем регионе»; «...Сталин повернулся к отцу и сухо приказал выполнять решение правительства: “Являясь комиссаром, выполняйте то, что от вас требуют”. Отец был ужасно расстроен... крайне удручен этими событиями...» (2002: 127). Сочувствуя отцу, который таким образом был «вынужден» в 1943–1944 гг. приступить к депортации балкарцев, ингушей и чеченцев, Серго Берия с удовлетворением сообщал, что из этого ряда обреченных народов ему «удалось спасти дагестанцев». При этом он ссылаясь не на рассказ отца, а на тот же опубликованный в 1997 г. рассказ Бенедикта Сарнова. Напомню, сам Б. Сарнов в свою очередь ссылаясь на рассказ С. Липкина.

2006 г. – второе дополненное изложение сюжета Г.-А. Данияловым: исторические несоответствия. В воспоминаниях Г.-А. Даниялова, дополненных и опубликованных в 2006 г., история «Даниялов – Сталин» происходила уже не в марте, а «где-то в феврале 1944 г.». Рассказ изобилует новыми деталями, именами, сюжет порой противоречит первому варианту воспоминаний, некоторые данные расходятся с историческими фактами (в частности, к 1944 г. Дагестан не обладал «более сорока Героями Советского Союза»). В повествование впервые открыто вводится интрига нависшей угрозы территориальных претензий на Дагестан со стороны первого секретаря ЦК КП Азербайджанской ССР М. Багирова – коммуниста, одержимого в 1944 г. идеей создания «мусульманского государства». По Гаджи-Али Даниялову, в февральские дни 1944 г., около трех часов ночи, Абдурахману позвонил Лаврентий Берия и коротко сказал: «Поставлен вопрос: быть или не быть народам Дагестана. Тебе необходимо дойти до Сталина, но это будет очень трудно, а для твоей жизни даже опасно. Подумай, что можно сделать». Выясняется, что Багирову, который «добивается создания *Азербайджанского мусульманского государства* – от Иранских границ до устья Волги» и «поэтому он хочет освободить территорию Дагестана от горцев... удалось своей запиской убедить Сталина о необходимости выселения народов Дагестана». В Москве Абдурахману удалось получить приглашение «на заседание политбюро». Г.-А. Даниялов писал: «Сталин сказал: “А теперь перед нами стоит очень важный и *тяжелый вопрос о народах автономных республик и областей Северного Кавказа*”. ...Сталин приподнял голову и, взглянув на Абдурахмана, спросил: “А что скажет товарищ Даниялов о дагестанских народах?”». Г.-А. Даниялов писал текст в конце 1990-х г. и смело вложил в уста своего брата следующий текст: «Народы Дагестана показали себя с самой лучшей стороны в этой войне. Сто тридцать тысяч человек сражались и сражаются на фронтах. Уже известны *более сорока Героев Советского Союза* (к концу 1943 г. их было всего 8. – П.Т.). В фонд помощи фронту собрали триста

пятьдесят миллионов рублей, на эти деньги построены авиаэскадрильи, танковые колонны, бронепоезда... Никаких повстанческих групп и антисоветских выступлений не было. Сто тысяч человек, выйдя к устью реки Терек, воздвигнули величайший вал, чтобы преградить дорогу танковой армии противника...». Сталин перебил его и сказал: *«Сохраним дагестанцев, не станем их переселять»*. А Абдурахману он сказал: *«Товарищ Даниялов, Вам отводится месяц, чтобы освоить пять новых районов. Постарайтесь оправдать и это»*. Вначале Абдурахман был в недоумении, не понимая, как же так решили сохранить дагестанский народ от переселения и вдруг – осваивать новые районы и какие. Поскребышев на это тихо сказал: *«Чеченские»* (2006: 122–124).

Если даже допустить, что эта встреча А. Даниялова с руководством страны действительно имела место и она происходила в феврале – марте 1944 г., то информация о предстоящем заселении чеченских районов дагестанцами не должна была вызывать у А. Даниялова недоумения. По источнику, который цитирует Н.Ф. Бугай, руководство дагестанской республики в конце 1943 г. уже было информировано о подготовительной работе к предстоящей операции по переселению чеченцев и ингушей. В частности, нарком внутренних дел ДАССР Р.А. Маркарян в докладе на имя Л.П. Берии от 5 января 1944 г. сообщал, что в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги К.В. Ильченко на встрече в Беслане с председателем Верховного Совета ДАССР А. Тахтаровым и сотрудниками Дагестанского обкома ВКП(б) уведомил их *«о предстоящем выселении чеченцев и ингушей»*, сообщив при этом, что *«для этой цели прибывают 40 эшелонов и 6 000 автомашин»* (Бугай 1995: 101).

17 февраля 1944 г. Л.П. Берия сообщал И.В. Сталину о предстоящем участии дагестанцев в операции по выселению чеченцев: *«Приняты все необходимые меры к тому, чтобы выселение провести организованно, в указанные выше сроки и без серьезных инцидентов... К выселению будут привлечены 6–7 тыс. дагестанцев... из колхозного и сельского актива районов Дагестана»* (ГАРФ. Ф. Р-9401). Известно, что 20 февраля 1944 г., за три дня до начала операции, 1-й секретарь Дагобкома А. Алиев и председатель Совнаркома республики А. Даниялов принимали участие при территориальном разделе еще официально не упраздненной ЧИАССР: согласно докладной записке председателя комиссии Совнаркома СССР А.В. Гриценко наркому НКВД т. Л.П. Берии, совместно с представителями Грузинской ССР (Бакрадзе), Северо-Осетинской АССР (Кулов, Мазин), Дагестанской АССР (Алиев, Даниялов) и секретарем Грозненского обкома ВКП(б) (Иванов), к 20 февраля 1944 г. уже был составлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче ряда районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, а также разработан проект постановления СНК СССР о порядке заселения

освобожденных от местного населения районов. Спустя еще четыре дня, 24 февраля 1944 г., А. Гриценко докладывал Л. Берии о готовности проекта постановления СНК «О районировании территории бывшей Чечено-Ингушской АССР»: «Предлагаемое районирование рассмотрено с участием товарищей Даниялова, Алиева (Дагестан), Мазина и Кулова (Северная Осетия), Бахрадзе (Грузия) и Иванова (Грозный). Тов. Иванов и тов. Бахрадзе с предлагаемым проектом согласны. *Тов. Даниялов и тов. Алиев просят дополнительно присоединить к Дагестану восточную часть Гудермесского и Курчалоевского районов...*» (ГАРФ. Ф. А-327). 29 февраля 1944 г. Л.П. Берия сообщал И.В. Сталину о завершении операции по выселению чеченцев и ингушей и о том, что «руководители советских и партийных органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам районам» (ГАРФ. Ф. Р-9401).

Между тем, по воспоминаниям Г.-А. Даниялова, в том же феврале дагестанцам якобы предстояла депортация в Павлодарский край: «В феврале–марте 1944 г., при выселении народов из национальных республик, согласно записке Багирова Сталину, в различные районы Сибири и Казахстана, *Дагестану был намечен Павлодарский край вплоть до Урала*. Однако замыслам Багирова практически не было суждено осуществиться из-за титанической работы моего брата Абдурахмана Даниялова» (2006: 125).

О попытках М.Д. Багирова включения Дагестана в состав Азербайджана в 1943–1945 гг. У ряда авторов при изложении сюжета встречается попытка представить угрозу предстоящей депортации народов Дагестана в 1944 г. как инициативу М.Д. Багирова, преследовавшего цели включения ДАССР в состав Азербайджанской ССР. По одной версии, речь шла только о юге Дагестана, по другой – о включении ДАССР в Азербайджанскую ССР, с добровольным выходом из РСФСР. О том, что первый секретарь ЦК ВКП(б) Азербайджана М.Д. Багиров помышлял о включении Дагестана в состав Азербайджана и с этой целью принимал различные шаги, известно по воспоминаниям Абдурахмана Даниялова. Первая подобная попытка, как писал сам А. Даниялов, случилась в 1943 г., «после Тегеранской конференции», когда опасность прорыва немецких войск на Кавказ была окончательно ликвидирована: «Багиров при встрече передал мне разговор с И.В. Сталиным. Описав трудности, которые испытывал Дагестан, Багиров высказал мысль о передаче или присоединении республики к Азербайджану. И.В. Сталин спросил: “А как отнесутся дагестанцы к такому предложению?” Багиров ответил: «По-моему, неплохо». На этом разговор окончился» (1991: 251).

По воспоминаниям А. Даниялова, «слух об этих намерениях азербайджанского руководства быстро распространился среди актива, особенно после переброски большой группы активистов дагестанского и

недагестанского происхождения на руководящую работу из Баку в Дагестан» (в октябре 1942 г. – П.Т.). А. Даниялов писал, что «в дальнейшем прямых контактов с Багировым на эту тему не было. Азиз Алиев инициативы не проявлял. Я же не придавал политического значения этому вопросу». Но вскоре этот вопрос заставил А. Даниялова «всерьез осмыслить значение и политические последствия передачи Дагестана Азербайджану и утвердиться в отрицательном отношении к такому предложению». Первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А. Алиев также «высказал резко отрицательное отношение к присоединению Дагестана к Азербайджану» (1991: 251).

По А. Даниялову, разговор этот состоялся после Тегеранской конференции, а она завершилась 1 декабря 1943 г. К тому времени еще не были депортированы калмыки (это случится 28–29 декабря 1943 г.), а на Северном Кавказе – чеченцы и ингуши (23 февраль – 1 март 1944 г.), балкарцы (8–11 марта 1944 г.). Но уже прошла депортация карачаевцев (2–5 ноября 1943 г.) – Карачаевская АО была ликвидирована и территориально разделена между соседними республиками. Возможно, пример последней и слухи о предстоящей депортации народов ЧИАССР вызывали у М.Д. Багирова различные варианты реализации «мыслей о передаче или присоединении республики к Азербайджану». Однако помимо высказанных мыслей в 1943 г. о «присоединении Дагестана к Азербайджану» вопрос не получил дальнейшего развития.

По А. Даниялову, следующую попытку поднять этот вопрос М.Д. Багиров предпринял «спустя почти год», «в период сессии Верховного Совета» (1991: 253). М.Д. Багиров пригласил тогда А. Алиева и А. Даниялова к себе на московскую квартиру и заявил им, как писал А. Даниялов, «примерно следующее»: «Я только что обедал у Сталина на даче. Вопрос о передаче Дагестана Азербайджану в принципе решен. Напишите на имя Сталина записку с просьбой об этом». Руководители Дагестана попросили время на обдумывание этого предложения. На следующий день они сообщили ему, что не могут написать такой просьбы. Вопрос о «присоединении Дагестана к Азербайджану» далее не поднимался ни на личном, ни на официальном уровне.

Поскольку вторая попытка зондирования вопроса о присоединении Дагестана к Азербайджану произошла «спустя почти год» после первой, хронологически привязанной А. Данияловым к концу 1943 г. (сразу «после Тегеранской конференции»), то переговоры М.Д. Багирова с А. Алиевым и А. Данияловым по этому вопросу могли состояться только в период прохождения 11-й сессии, т.е. в апреле 1945 г. Предыдущая, 10-я сессия, прошла в конце января – начале февраля 1944 г., т.е. спустя около двух месяцев после Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), но не год, как писал А. Даниялов. Возможно, вторая

попытка М.Д. Багирова была предпринята весной 1944 г., после прошедшей депортации населения ЧИАССР.

Как вспоминал Ш. Шамхалов (в годы войны председатель Буйнакского горисполкома), М.Д. Багиров «не мог смириться с тем, что Грузия расширила свою территорию за счет выселенных народов, а Азербайджан оставался в прежних границах» и далее: «Вот у Багирова и появилась возможность осуществить давнюю мечту – прирастить новые территории, присоединив Дагестан к Азербайджану» (1998: 200). Таким образом, в ЦК ВКП(б) по настоянию М.Д. Багирова «людьми Багирова в Дагестане» – азербайджанскими коммунистами в дагестанском аппарате власти, «было подготовлено письмо, обосновавшее предстоящую акцию». Последних в республике было немало – о появлении «азербайджанских коммунистов в дагестанском аппарате власти» Ш. Шамхалов писал: «В октябре 1942 года на дагестанской земле был высажен “де-сант” из 16 человек. Официально группа ответственных работников была направлена из Азербайджана “для оказания помощи партийно-советскому активу в проведении кадровой политики”. Первым секретарем обкома был определен Азиз Алиев, вторым секретарем – Агабабов, первым заместителем председателя правительства – Рихиров, министром внутренних дел – Маркарян, заведующим отделом пропаганды и агитации обкома партии – Айдинбеков. Ряд приезжих были утверждены замминистрами, секретарями горкомов и райкомов партии... Акция была задумана как составная часть хитроумного, амбициозного плана азербайджанского лидера Багирова, который решил “воссоединить” Дагестан с Азербайджаном» (1998: 200).

По Ш. Шамхалову, А. Алиев и А. Даниялов находились в курсе происходящего; последний «был категорически против постыдного письма и был готов предать его огласке, чтобы народы Дагестана узнали, как без них решается их судьба». Алиев его поддержал. К сожалению, Ш. Шамхалов не приводит содержание этого письма. Когда же А. Даниялов отказался подписать «постыдное письмо» в ЦК ВКП(б), «багировские заговорщики» (второй секретарь обкома партии Агабабов А., первый заместитель председателя Правительства Рихиров Т., министр внутренних дел Маркарьян Р.) решили «дискредитировать А. Даниялова» – ими была составлена негативная «записка о работе правительства и, естественно, о Даниялове»; за подписью второго секретаря обкома партии Агалакова она ушла в Центр. Далее, с 1944 по 1946 г., в республике стали разворачиваться аппаратные интриги и «новые козни» по «смещению А. Даниялова», однако в этих баталиях вопрос о депортации дагестанского населения уже не затрагивался.

Ш. Шамхалов цитировал адресованное ему письмо историка Р.М. Магомедова, в котором проступали планы М.Д. Багирова по «расширению Азербайджана» за счет Дагестана: «Конечно, целью

М. Багирова было отторгнуть к Азербайджану весь Южный Дагестан вместе с Дербентом... Люди Багирова занялись подготовкой гнусного акта предательства – *представления о выселении вслед за чеченцами и ингушами народов Дагестана*. Записка об этом была подготовлена председателем МГБ Дагестана генералом Калининским, который впоследствии лично говорил об этом. Главным препятствием в осуществлении коварных замыслов являлся председатель Совнаркома Дагестана А.Д. Даниялов» (1998: 207).

Таким образом, в апреле 1945 г. какие-либо вопросы, связанные с предполагаемой депортацией народов Дагестана, с марта 1944 г. переселенных из 20 районов республики на опустошенные чеченские территории и уже более года занятых его хозяйственным освоением, были более чем не уместны. Возможно, поэтому М.Д. Багиров пытался решить это вопрос «снизу», через обращение руководства Республики Дагестан как добровольный акт, а не «сверху», через Л.П. Берия. В 1946 г. М.Д. Багиров, по воспоминаниям Р.М. Магомедова, вновь попытался вернуться к теме «добровольного вхождения» республики в состав Азербайджана: «Когда мы были Баку в связи с организацией в Дагестане Научной базы АН СССР, в ЦК КП Азербайджана нам официально сказали, что “мы вам помогли бы, но... вы входите в состав РСФСР”. Эта мысль во время беседы повторялась неоднократно. Я резко ответил, что... нам и в составе РСФСР неплохо» (Шамхалов 1998: 208).

М. Багиров, возможно, подумывал воспользоваться ситуацией, представив через местное руководство НКВД население Южного Дагестана пятой колонной, «народом-предателем», планируя добиться его депортации, а затем присоединить обезлюдившие территории республики к Азербайджану. По воспоминаниям А. Даниялова, М. Багиров действительно вынашивал планы включения ДАССР в состав Азербайджанской ССР и предлагал руководству Республики Дагестан выйти из состава РСФСР, представив ЦК это включение как добровольное. Однако эта попытка не предполагала депортацию дагестанских народов. Именно по этой причине А. Даниялов не упоминает в своих мемуарах о депортации дагестанских народов, которую ему якобы удалось предотвратить, хотя писал об административно-территориальных происках М. Багирова.

2008 г. – новая интерпретации сюжета о спасении дагестанцев А. Данияловым: новые исторические несоответствия. Известный по рассказу Г.-А. Даниялова сюжет о спасении Дагестана в 2008 г. повторили А. Гаджиев и У. Магомедова. Они напрямую связывали угрозу депортации дагестанцев с деятельностью М.Д. Багирова, который «активно включился в работу по созданию негативного мнения о Дагестане, о его народе и пытался склонить высшее руководство страны к акции присоединения Дагестана к Азербайджану» (2008: 106–108). С этой целью «комиссары Багирова занялись подготовкой акта предательства –

представления о выселении вслед за чеченцами и ингушами народов Дагестана». Сюжет «Даниялов – Сталин» в пересказе А. Гаджиева и У. Магомедовой примечателен тем, что в него впервые вводится тема пятой колонны, которая прежде у других авторов не встречалась: «Руководитель Азербайджана М.Д. Багиров, который был знаком с Л.П. Берия еще со студенческой скамьи, говорил ему, что в случае вступления в войну Турции и нападения на Кавказ с юга, он не уверен, что дагестанцы не выступят на стороне Турции» (2008: 106).

Тема угрозы пятой колонны на Северном Кавказе 1941–1944 гг. не являлась «изобретением» М.Д. Багирова. Попытки объяснить депортации северокавказских народов внешнеполитическими факторами (взаимоотношения СССР – Турция) и предполагаемыми военными действиями на юге СССР имели хождение в тот период не только в высших партийных кругах, но и, как свидетельствуют источники, среди населения Северного Кавказа, подвергнутых депортации (Бугай 2012: 239). В докладной записке наркома внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданова от 30 марта 1944 г. отмечалось, что они были зафиксированы среди депортированных чеченцев (ГАРФ. Ф. Р-9479).

А. Гаджиев и У. Магомедова задавались вопросом: «Почему же не были депортированы народы Дагестана в годы войны, и какова роль Даниялова в этом?» И отвечали на него, ссылаясь на уже известный рассказ Г.-А. Даниялова как неоспоримый факт: «Решающую роль в этом сыграло личное участие Абдурахмана Даниялова, который, узнав о предполагаемом выселении дагестанцев, срочно выехал в Москву и на личном приеме у И.В. Сталина убедил его отменить депортацию». Авторы вслед за Г.-А. Данияловым повторяли рассказ об ультиматуме Сталина, в которую была заложена альтернатива «неизбежной» депортации: «И.В. Сталин поставил перед А.Д. Данияловым условие – либо дагестанцы в месячный срок освоят 7 чеченских районов, либо они будут отправлены вслед за чеченцами на восток страны» (2008: 108). Как резюмировал сам Г.-А. Даниялов «из двух зол пришлось выбирать значительно меньшее» (1991: 259).

А. Гаджиев и У. Магомедова, как и все предыдущие авторы, хронологически привязывали сроки предполагаемой депортации дагестанских народов сразу «вслед за чеченцами и ингушами», т.е. после марта 1944 г. Однако судьба народов Дагестана к тому времени была уже предрешена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории», согласно которому в состав Дагестанской АССР включались четыре тяготеющих к республике района в их существующих границах и пятый район в новых границах с уменьшенной наполовину территорией бывшей Чечено-Ингушской АССР.

2014 г. – сюжет в изложении Ю.А. Даниялова, сына А. Даниялова.
Ю.А. Даниялов в своих воспоминаниях об отце внес собственный вклад

в развитие сюжета «Даниялов – Сталин» (Даниялов, Абдулхабиров 2014). Он упоминал о секретном докладе «с обоснованием высылки дагестанцев», составленный безымянным полковником. Во время ознакомления с ним, в кабинет вошел автор доклада, «на кителе у полковника был прикреплен *орден Ленина*». Ю.А. Даниялов писал: «Отец жестко спросил: “Вам не терпится просверлить на кителе вторую дырочку?”». А первый орден полковник получил за *выселение чеченцев и ингушей*. Полковник с гордостью посмотрел и ответил: “Да, не терпится!”. Абдурахман Даниялович положил доклад на стол перед полковником со словами: “Смотрите, чтобы эта дырочка Вас насквозь не прошла”, и вышел из кабинета. А. Даниялов понял, что спасти ситуацию можно только в Москве» (2014: 43).

Разговор А. Даниялова с орденоносным полковником, отличившимся в операции «Чечевица» (по выселению чеченцев), если и имел место, мог состояться не ранее первой половины марта 1944 г. – участники депортации чеченцев и ингушей, работники Наркомата внутренних дел и Наркомата государственной безопасности, были награждены орденами и медалями Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года (Бугай 1991: 148). Но ни один из них не был награжден орденом Ленина – поименный список награжденных за эти акции опубликован в мартовском 1944 г. номере газеты «Красная звезда» (Красная звезда 1944).

Таким образом, в марте А. Даниялов уже не мог задумываться над «спасением ситуации» – к тому времени перед руководством республики стояли четкие задачи по заселению дагестанскими колхозниками опустошенных депортацией районов Чечни: 9 марта 1944 г. СНК СССР принял постановление «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР»; два дня спустя Верховный Совет СССР распоряжением № 5473рс обязывал СНК Дагестанской АССР до середины апреля 1944 г. переселить колхозников из горных районов Дагестана на земли, освободившиеся после выселения чеченцев из Ауховского района ДАССР (Бугай 2012: 369).

Между тем Ю. Даниялов продолжал настаивать на своей версии событий: «Отец понимал, что делает, и остро осознавал, что ему обязательно надо добраться до Москвы и донести информацию до Сталина о том, что высылка неправильная, предвзятая, ошибочная и делается вопреки справедливости и вопреки интересам Советского Союза». Якобы состоялась встреча с Л. Берией, на которой А. Даниялов уверял: «В целом дагестанцы за Советскую власть. Они никак себя не скомпрометировали. Есть отдельные проблемные представители, но с ними нужно разбираться, а не выселять целую нацию». В конце разговора Лаврентий Павлович сделал предложение: “Ну, у вас же много национальностей, отдай любую, хоть одну маленькую национальность: пусть выселят, чтобы люди, которые подготовились, провели работу”. Отец сказал: “Не

могу, мне одинаково больно будет, если оторвете любой палец. Мы одна единая семья, один кулак, нельзя нас, дагестанцев, рассматривать по отдельности или как нацию, или как аул”» (2014: 44–46).

Далее Ю. Даниялов объясняет, каким образом отцу удалось предотвратить эту операцию: «Сработал фактор провозглашения Сталиным автономии Дагестана. Сработало и то, что ни Берия, ни Сталин не хотели усиления Азербайджана. Поэтому Берия воспользовался возможностью, ссылаясь на аргументы, приводимые А. Данияловым, остановить процедуру и выселение дагестанцев». Ссылка автора на личное нежелание Л. Берии «усиления Азербайджана» как на один из решающих факторов предотвращения депортации дагестанцев по меньшей мере несостоятельна: Л. Берия и М. Багирова с 1920-х гг. связывали тесные дружеские отношения – по показаниям С.Р. Мильштейна, в 1943–1944 гг. начальника Третьего управления НКГБ СССР, все вопросы, которые требовали поддержки в центре, «Багиров предварительно согласовывал с Берия... Берия целиком поддерживал Багирова» (Дело Лаврентия... 2015: 229).

По рассказу Ю. Даниялова, встреча отца с Л. Берией состоялась в начале марта. Между тем, по официальным источникам, уже 18 марта 1944 г. председатель СНК ДАССР А. Даниялов и секретарь обкома ВКП (б) А. Алиев обратились к заместителю председателя СНК СССР В. Молотову с просьбой «выделить на 1 месяц 100 грузовых автомашин и 150 тонн автомобильного бензина для перевозки 5 тыс. семей колхозников ДАССР в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР и 1 300 семей колхозников на земли, освобожденные после выселения чеченцев из Ауховского района ДАССР». Просьба была отклонена с обоснованием: «Народный Комиссариат Обороны *не имеет возможности* выделить Совнаркому Дагестанской АССР на указанные мероприятия 100 машин». (ГАРФ. Ф. Р-5446). Между тем распоряжение СНК СССР от 11 марта 1944 г. о переселении колхозников из горных районов Дагестана на чеченские земли обязывало Совнарком ДАССР переселить горцев в кратчайшие сроки, до 15 апреля, с целью своевременного «обеспечения проведения весенних сельскохозяйственных работ» и без какой-либо материально-технической поддержки из центра (Бугай 2012: 369).

О какой угрозе депортации дагестанцев (предстоящей якобы буквально вслед за чеченцами и ингушами) могла идти речь, если Наркомат обороны не располагал возможностью предоставить в марте транспорт для их переселения в соседнюю республику? Между тем для предстоящего в феврале 1944 г. выселения чеченцев и ингушей Наркоматом внутренних дел СССР еще в ноябре 1943 г. был сделан предварительный расчет, сколько людей и куда распределять; продуманы вопросы о транспортных средствах, количестве эшелонов, сроки подачи вагонов, места погрузки и разгрузки – всего было сформировано 152 маршрута по 100 вагонов, выделено 14 200 вагонов и 1 000 платформ (Бугай 1995: 100).

2015 г. – новый вклад в трактовку известного сюжета. В 2015 г. сюжет получает неожиданное развитие в книге А.Ю. Гаджиева. Автор ссылается на рассказ «доцента Дагестанского медицинского института Хасрата Магомедова, который, по его словам, сам спрашивал Абдурахмана Данияловича» о предстоящем выселении дагестанцев (2015: 61). В этом случае союзником А. Даниялова в спасении дагестанского народа неожиданно выступает сам И.В. Сталин. На заседании Политбюро Сталин спросил: «Кто за выселение дагестанцев? Было семь членов Политбюро, четверо из которых проголосовали «за», трое «против». У Сталина было два голоса, и тогда он ударил по столу кулаком левой руки, хотя левая рука у него была не совсем здоровая: *«В течение трех суток пусть дагестанцы занимают приграничные чеченские аулы. Если не займут, мы по-другому накажем их»*. Даниялов возвращается, едет туда, в Аксай и другие села, уговаривает местных жителей пойти в чеченские села и сделать вид, что они там живут и работают, чтобы днем были там, а вечером возвращались в свои дома. Это продолжалось от трех до пяти месяцев. Люди очень уставали, это было тяжело, но все-таки они согласились. “Весь дагестанский народ обязан кумыкам”, – это слова Абдурахмана Даниялова» (Гаджиев 2015: 62).

В этом сюжете вызывает удивление рассказ о жителях приграничных кумыкских селений, *имитировавших переселение в соседние опустошенные чеченские аулы*, представленное формой «искупительной жертвы», спасшей всех дагестанцев от депортации.

Заключение. Все рассмотренные выше версии о спасении дагестанцев от депортации, увидевшие свет в публикациях 1990–2015 гг., объединяет общее – Председателю Совнаркома ДАССР А. Даниялову удалось добиться пересмотра «уже решенного вопроса о депортации дагестанцев» на одном из заседаний Политбюро ЦК в феврале – марте 1944 г. Плата за «спасение» – о переселении дагестанцев на земли депортированных чеченцев. Все варианты сюжета отличаются множеством подробностей, словно призванных убедить читателя в подлинности изложенных событий. Вместе с тем они содержат многочисленные фактологические ошибки, противоречащие исторической действительности, и тем самым указывают на вымышленность этих рассказов. На надуманность исторического сюжета, в основе которого лежит рассказ о спасении дагестанских народов от депортации, указывает также отсутствие упоминания о нем в мемуарах самого А. Даниялова. А ведь речь идет о событиях, которые, имея они место в действительности, несомненно стали бы самыми главными в его жизни. Установлено, что вопрос о предстоящей депортации народов Дагестана в феврале–марте 1944 г. в планах советского и партийного руководства (СНК, ГКО, Политбюро ЦК) не рассматривался. Более того, руководство Республики Дагестан, еще в декабре 1943 г. информированное о предстоящей депортации населения

соседней республики, в феврале 1944 г. было непосредственно вовлечено в процесс предстоящего проведения депортации чеченцев и предстоящего хозяйственного освоивании присоединяемых к ДАССР территорий упраздненной ЧИАССР.

Таким образом, ссылка всех упомянутых в статье авторов на некое заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором якобы решался вопрос о депортации населения Дагестана в 1944 г. и решенного положительно благодаря героическим усилиям лично присутствовавшего на нем председателя СНК ДАССР А. Даниялова, является голословным утверждением и не имеет под собой реальной исторической основы. Утверждение, претендующее на исторический факт, основано на литературном сюжете «Даниялов – Сталин», получивший распространение с начала 1990-х гг.

Список источников

- Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
- Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти / пер. с франц. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Борев Ю.Б. Сталиниада. М., 1990.
- Бугай Н.Ф. «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений». Л. Берия – И. Сталину // История СССР. 1991. № 1. С. 143–160.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину. «Согласно Вашему указанию...». М.: Изд-во АИРО-XX, 1995.
- Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX–XXI вв.). М.: Гриф и К, 2012.
- Гаджиев А., Магомедова У. Абдурахман Даниялов – выдающийся деятель Дагестана. Махачкала, 2008.
- Гаджиев А.Ю. Абдурахман Даниялов. Махачкала, 2015.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 167–168. Докладная записка наркома внутренних дел Л.П. Берии И.В. Сталину о подготовке к проведению операции по переселению чеченцев и ингушей, 17 февраля 1944 г.
- ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 708. ЛЛ. 66–68. Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР. Докладная записка Председателя комиссии Совнаркома СССР А.В. Гриценко.
- ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–4. Докладная записка наркома внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданова зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышеву об отношении населения Казахской ССР к спецпереселенцам Сев. Кавказа, 30 марта 1944 г.
- Даниялов А.Д. Дагестан: время, судьбы. Воспоминания. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1991.
- Даниялов Г.-А. Век моей судьбы. Махачкала, 2006.
- Даниялов Ю., Абдулхабирова М. Абдурахман Даниялов. Без права на ошибку. Махачкала, 2014.
- Дело Лаврентия Берия. Сборник документов. М.: Кучково поле, 2015.

- Ибрагимов М.-П.А. Депортация населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и ее этнокультурные последствия // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2011. № 43. С. 84–90.
- Исторический архив. 1988. № 4. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина (журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком 1924–1953 гг.). Алфавитный указатель.
- Красная звезда. 1944. № 58 (5738). 9 марта. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников наркомата внутренних дел и наркомата государственной безопасности. Поименный список.
- Курбанов М.Р., Курбанов Ж.М. Народы Дагестана: история депортации и репрессий. Махачкала, 2009.
- Липкин С.И. Декада // Дружба народов. 1989. № 5–6.
- Липкин С.И. Декада. М.: Книжная палата, 1990.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 3. 1940–1952. Каталог, М.: РОССПЕН, 2001.
- Сарнов Б. Мы сидели у Лили Брик и пили чай // Литературная газета. 1997. 26 февраля.
- Фадюхин А.В. А.Д. Даниялов – общественно-политический и государственный деятель Дагестана: автореф. дис. ... канд.ист. наук. Махачкала, 2001.
- Шамгалов Ш.М. Дагестан: моя любовь и судьба. Махачкала, 1998.
- Шеуджен А., Галкин Г., Алешин Н. и др. Земля адыгов. Майкоп, 1996.

References

- Beria S. (2002) *Moi otets Beriia. V koridorakh stalinskoi vlasti* [Beria, mon pere. Au coeur du pouvoir stalinien] / translated from French. Moscow: Olma-Press.
- Bezugol'nyi A.Iu., Bugai N.F., Krinko E.F. (2012) *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia* [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945: problems of history, historiography and source studies]. Moscow.
- Borev Iu.B. (1990) *Staliniada*. Moscow.
- Bugai N.F. (1991) “Pogruzheny v eshelony i otpravleny k mestam poselenii”. L. Beriia – I. Stalinu [“Loaded into echelons and sent to the places of settlements.” L. Beria to J. Stalin], *Istoriia SSSR*, no. 1, pp. 143–160.
- Bugai N.F. (1995) *L. Beriia – I. Stalinu. «Soglasno Vashemu ukazaniu...»* [L. Beria to J. Stalin. “According to your instructions...”]. Moscow.
- Bugai N.F. (2012) *Problemy repressii i rehabilitatsii grazhdan: istoriia i istoriografiia (XX–XXI vv.)* [Problems of repression and rehabilitation of citizens: history and historiography (20th–21st centuries)]. Moscow: Grif i K.
- Daniyalov A.D. (1991) *Dagestan: vremia, sud'by. Vospominaniia* [Dagestan: time, fate. Memories]. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo.
- Daniyalov G.-A. (2006) *Vek moei sud'by* [The time of my life]. Makhachkala.
- Daniyalov Iu., Abdulkhabirov M. (2014) *Abdurakhman Daniialov. Bez prava na oshibku* [Abdurakhman Daniyalov. Without the right to make mistakes]. Makhachkala.
- Delo Lavrentiia Beriia. Sbornik dokumentov* [The case of Lavrenty Beria. Collection of documents]. Moscow: Kuchkovo pole, 2015.
- Fadiukhin A.V. (2001) *A.D. Daniialov – obshchestvenno-politicheskii i gosudarstvennyi deiatel' Dagestana. Avtoref. kand. dis.* [Daniyalov as a socio-political and statesman of Dagestan. Abstract of the candidate's thesis]. Makhachkala.
- Gadzhiev A., Magomedova U. (2008) *Abdurakhman Daniialov – vydaiushchiisia deiatel' Dagestana* [Abdurakhman Daniyalov – an outstanding figure of Dagestan]. Makhachkala.
- Gadzhiev A.Iu. (2015) *Abdurakhman Daniyalov*. Makhachkala.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 2. File 64. Page 167–168. Dokladnaia zapiska narkoma vnutrennikh del L.P. Beriia I.V. Stalinu o podgotovke k

- provedeniiu operatsii po pereseleniiu chechentsev i ingushei, 17 fevralia 1944 g. [Memorandum from the People's Commissar of Internal Affairs L.P. Beria to J.V. Stalin on preparations for the operation to resettle Chechens and Ingush, February 17, 1944].
- GARF. Fund A-327. List 2. File 708. Page 66–68. Pereselencheskoe upravlenie pri Sovete Ministrov RSFSR. Dokladnaia zapiska Predsedatelia komissii Sovnarkoma SSSR A.V. Gritsenko [The Resettlement Department under the Council of Ministers of the RSFSR. Memorandum by the Chairman of the Commission of the Council of People's Commissars of the USSR A.V. Gritsenko].
- GARF. Fund R-9479. List 1. File 183. Page 1-4. Dokladnaia zapiska narkoma vnutrennikh del Kazakhskoi SSR N.K. Bogdanova zam. narkoma vnutrennikh del SSSR V.V. Chernyshevu ob otnoshenii naseleniia Kazakhskoi SSR k spetspereselentsam Sev. Kavkaza, 30 marta 1944 g. [A memorandum by the People's Commissar of Internal Affairs of the Kazakh SSR N.K. Bogdanov to the Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR V.V. Chernyshev on the attitude of the population of the Kazakh SSR to the special settlers of the North. The Caucasus, March 30, 1944].
- Ibragimov M.-R.A. (2011) Deportatsiia naseleniia Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.) i ee etnokul'turnye posledstviia [Deportation of the population of Dagestan during the Great Patriotic War (1941–1945) and its ethnocultural consequences], *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 43, pp. 84–90.
- Istoricheskii arkhiv. 1988. № 4. Posetiteli kremlevskogo kabineta I.V. Stalina (zhurnaly (tetradi) zapisi lits, priniatykh pervym gensekom 1924–1953 gg.). Alfavitnyi ukazatel' [Visitors to the Kremlin office of J.V. Stalin (journals (notebooks) of records of persons accepted by the first Secretary General 1924–1953). Alphabetical index].
- Krasnaia Zvezda. 1944. № 58 (5738). 9 March. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o nagrazhdenii ordenami i medaliami rabotnikov narkomata vnutrennikh del i narkomata gosudarstvennoi bezopasnosti. Poimennyi spisok [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on awarding orders and medals to employees of the People's Commissariat of Internal Affairs and the People's Commissariat of State Security. Name list].
- Kurbanov M.R., Kurbanov Zh.M. (2009) *Narody Dagestana: istoriia deportatsii i repressii* [The peoples of Dagestan: a history of deportation and repression]. Makhachkala.
- Lipkin S.I. (1989) Dekada [A Decade]. *Druzhba narodov*, no. 5–6.
- Lipkin S.I. (1990) *Dekada* [A Decade]. Moscow: Knizhnaia palata.
- Politbiuro TsK RKP (b) – VKP (b). Povestki dnia zasedanii [Politburo of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b). Meeting agendas]. Vol. 3. 1940–1952. Catalogue. Moscow: ROSSPEN, 2001.
- Sarnov B. (1997) My sideli u Lili Brik i pili chai [We were sitting at Lily Brick's and drinking tea], *Literaturnaia gazeta*. 26 February.
- Shamkhalov Sh.M. (1998) *Dagestan: moia liubov' i sud'ba* [Dagestan: My love and destiny]. Makhachkala.
- Sheudzhen A., Galkin G., Aleshin N. et al. (1996) *Zemlia adygov* [The land of the Adygs]. Maikop.

Сведения об авторе:

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия). E-mail: pta-khnaeva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Patimat I. Takhnaeva, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ptakhnaeva@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 539.1.06
doi: 10.17223/2312461X/42/11

Исследование древнерусских крестов с городища Дубна и его окрестностей методами рентгенофлуоресцентного анализа, нейтронной дифракции и томографии

Вероника Сергеевна Смирнова¹
Фёдор Николаевич Петров²
Лариса Владимировна Пантелеева^{3, 4}
Булат Айратович Бакиров^{5, 6}
Сергей Евгеньевич Кичанов⁷
Денис Петрович Козленко⁸
Ирина Анатольевна Сапрыкина⁹
Михаил Михайлович Мурашев¹⁰

^{1, 5, 7, 8} Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Музей Дубны, Дубна, Россия

⁴ Московский областной общественный фонд историко-культурных исследований и гуманитарных инициатив «Наследие», Дубна, Россия

⁶ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

⁹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

¹⁰ Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

¹ veronicasm@jinr.ru

² steppe_exp@mail.ru

^{3, 4} lori68@list.ru

^{5, 6} Bulatbakirov4795@gmail.com

⁷ ekich@nf.jinr.ru

⁸ denk@nf.jinr.ru

⁹ dolmen200@mail.ru

¹⁰ mihailev.mmm@inbox.ru

Аннотация. Методом рентгенофлуоресцентного анализа исследован элементный состав серии древнерусских бронзовых крестов: тельников и энколпионов XII–XIII вв., найденных в ходе изучения древнерусского городища, расположенного в черте города Дубны Московской области, и его окрестностей. Неразрушающими структурными методами нейтронной дифракции и нейтронной томографии проанализирован фазовый состав и пространственное распределение химических компонентов в этих археологических объектах. Установлено, что материал большинства крестов представляет собой бронзу с низким содержанием олова ниже 5%. Объемные содержания меди и олова в материале исследуемых

крестов и фазовый состав коррозии получены из данных нейтронной дифракции. Обнаружено высокое содержание свинца в нескольких исследуемых крестах, что может быть связано с составом декоративной эмали на поверхности крестов. Восстановленные из данных нейтронной томографии трехмерные модели позволили не только исследовать пространственное распределение коррозионных фаз на поверхности и в объеме крестов, но и получить информацию о конструкционных особенностях исследуемых археологических объектов, выявить фрагменты внутреннего содержания крестов-энколпионов.

Ключевые слова: кресты, бронза, РФА, нейтронная дифракция, нейтронная томография

Для цитирования: Смирнова В.С., Петров Ф.Н., Пантелеева Л.В., Бакиров Б.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Сапрыкина И.А., Мурашев М.М. Исследование древнерусских крестов с городища Дубна и его окрестностей методами рентгенофлуоресцентного анализа, нейтронной дифракции и томографии // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 201–219. doi: 10.17223/2312461X/42/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/11

The Study of Ancient Russian Crosses from The Settlement of Dubna and Surrounding Area Using XRF Analysis, Neutron Diffraction and Tomography

Veronika S. Smirnova¹, Fedor N. Petrov²,
Larisa V. Panteleeva^{3, 4}, Bulat A. Bakirov^{5, 6},
Sergey E. Kichanov⁷, Denis P. Kozlenko⁸,
Irina A. Saprykina⁹, Mikhail M. Murashev¹⁰

^{1, 5, 7, 8} Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russian Federation

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

³ Museum of Dubna, Dubna, Russian Federation

⁴ Nasledie Regional Public Foundation for Historical and Cultural Research and Humanitarian Initiatives, Dubna, Russian Federation

⁶ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

⁹ Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

¹⁰ National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow, Russian Federation

¹ veronicasm@jinr.ru

² steppe_exp@mail.ru

^{3, 4} lori68@list.ru

^{5, 6} Bulatbakirov4795@gmail.com

⁷ ekich@nf.jinr.ru

⁸ denk@nf.jinr.ru

⁹ dolmen200@mail.ru

¹⁰ mihail.mmm@inbox.ru

Abstract. The elemental composition of a series of ancient Russian bronze crosses: underwear ones and encolpions of the 12th – 13th centuries, which were found during the study of the ancient Russian settlement located within Dubna city, Moscow Region, and its suburb, was studied using X-ray fluorescence analysis. Non-destructive

structural methods of neutron diffraction and neutron tomography analyzed the phase composition and spatial distribution of chemical components in the studied archaeological objects. It has been established that the material of most crosses is a bronze with low tin content below 5%. The volumetric contents of copper and tin in the material of the studied crosses, and the phase composition of corrosion were obtained from neutron diffraction data. A high lead content was found in several of the studied crosses, which may be due to the composition of the decorative draw patterns on the surface of the crosses. Three-dimensional models were reconstructed from neutron tomography data made it possible not only to study the spatial distribution of corrosive phases on the surface and in the volume of the crosses, but also to obtain information about the structural features of the studied archaeological objects, to reveal fragments of the internal content of encolpion crosses.

Keywords: crosses, bronze, XRF, neutron diffraction, neutron tomography

For citation: Smirnova, V.S., Petrov, F.N., Panteleeva, L.V., Bakirov, B.A., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Saprykina, I.A. & Murashev, M.M. (2023) The Study of Ancient Russian Crosses from The Settlement of Dubna and Surrounding Area Using XRF Analysis, Neutron Diffraction and Tomography. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 201–219 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/11

Введение

Среди богатого материала, получаемого в ходе археологических раскопок древнерусских поселений, металлические кресты-тельники и кресты-энколпионы представляют собой не только ценнейшие культурно-исторические находки, но и удобные модельные объекты для детального исследования уровня развития производства и географического распространения предметов христианского культа, отражающих материальную и духовную культуру населения. Металлические кресты, как яркие представители христианских атрибутов, в большинстве случаев являются одними из наиболее сохранившихся объектов предметов личного благочестия (Колпакова 2007). Именно по форме крестов, фрагментам изображений, составу и типу поверхностного покрытия отслеживают места изготовления и ареалы распространения этих материальных представителей христианского культа (Недошивина 1995).

На основе сравнения формы крестов и изображений существуют различные вариации в классификации тельных крестов Древней Руси XI–XIII вв. Так, по форме выделяют кресты прямоконечной формы, мальтийского типа и криновидные. Самая обширная группа – это кресты с классификацией по типу орнамента: скандинавские, византийские или древнерусские. Интересно отметить, что многочисленную группу среди крестов составляют так называемые крестовидные привески. Они содержат в своей форме элементы христианского креста и языческого амулета одновременно (Недошивина 1995; Балдуев 2021). Особое место среди древнерусских крестов занимают энколпионы. Крест-энколпион представляет собой двустворчатый ковчежец-реликварий, хранящий в себе

вложение сакрального значения (Балдуев 2021). На обеих створках энколпионов, как правило, помещались христианские изображения: Распятие, фигура Богородицы или святых, крест. Сложные изображения формировались при отливке или наносились гравировкой с последующим декорированием каким-либо способом, например внедрением или пресованием заранее нарезанных полосок или просто заливкой расплавов, в частности черни (Колобылина и др. 2017).

Другой подход к классификации крестов XI–XIII вв. имеет естественно-научное основание и осуществляется по материалу, из которого изготовлены кресты. Выделяют медные, золотые, серебряные, каменные, эмалевые кресты. И с этой точки зрения в последнее время все больше внимания уделяется именно естественнонаучным методам исследования, которые позволяют получить информацию, недоступную традиционными экспериментальными подходами. В исследованиях металлических археологических объектов особое место занимают методы нейтронной структурной диагностики (Абрамзон и др. 2018; Saprykina, Kichanov, Kozlenko 2019; Podurets et al. 2021). Все нейтронные методы характеризуются глубоким проникновением в толщу исследуемого материала по сравнению с комплементарными рентгеновскими методами (Kichanov et al. 2018; Koval et al. 2020a, 2020b; Podurets et al. 2021). Так, метод нейтронной томографии уже зарекомендовал себя в исследованиях древнерусских украшений из Тверского клада 2014 г. (Сапрыкина и др. 2018), медных и серебряных монет (Sedyshev et al. 2020; Bakirov et al. 2021), фрагментов бронзового оружия (Mednikova et al. 2020). Также нейтронными методами детально исследовался крест-энколпион (Колобылина и др. 2017) из находок Суздальской экспедиции Института археологии РАН.

В Объединенном институте ядерных исследований (г. Дубна, Московская область) успешно реализуется научное направление по изучению археологических объектов неразрушающими методами структурной диагностики (Kardjilov, Festa 2016; Podurets et al. 2021) нейтронной томографией и дифракцией. Недавно проведены комплексные исследования бронзового зооморфного навершия (Смирнова и др. 2022), относящегося к ананьинской культурно-исторической области I тыс. до н.э. На основе полученных структурных данных высказаны предположения о технологических особенностях процессов бронзового литья и металлообработки бронзовых изделий, а также выявлены пути распространения коррозии в подобных металлических археологических объектах.

В нашей работе представлены результаты структурных нейтронных исследований методами нейтронной томографии и дифракции коллекции бронзовых крестов-тельников и энколпионов, найденных в ходе археологических исследований городища Дубна и его ближайших окрестностях – на территории деревни Прислон Тверской области. Полученные

структурные данные дополняются результатами рентгенофлуоресцентного анализа (РФА).

Объекты исследования

Шесть образцов крестов-тельников и крестов-энколпионов были получены из фондов Музея Дубны (г. Дубна, Московская область). Фотографии крестов представлены на рис. 1. Пять из шести объектов получены в ходе археологических исследований древнерусского городища Дубна специалистами Музея Дубны совместно с Московским областным общественным фондом историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие» (Петров, Зинин 2013; Петров, Пантелеева 2015). Один из крестов обнаружен в двух километрах от городища, на территории деревни Прислон в Тверской области. Городище Дубна расположено на правом берегу Волги, в устье реки Дубны, по ее левому берегу, к северу от Храма Похвалы Пресвятой Богородицы, в окрестностях улицы Ратмино современной Дубны. Все образцы крестов датируются последними веками домонгольского периода – XII–XIII вв. н.э.

Крест-энколпион представляет собой две отдельные створки с мелкими рельефными изображениями (образцы № 1645/1 и 1645/2). Он был найден при изучении городища Дубна в 2009 г. у края вскрытого большим шурфом участка рва. Каждая створка креста имеет рельефную пятичастную композицию с центральным изображением в рост и четырьмя поясными изображениями в медальонах. В центре лицевой створки креста-энколпиона находится изображение Распятия Христова, по сторонам – предстоящие изображения Богоматери и Иоанна Богослова, в верхнем и нижнем медальонах – изображения святителей Николая Чудотворца и Григория Богослова. В центре оборотной створки энколпиона изображена Богоматерь Ассунта, «Вознесенная». В медальонах по ее сторонам расположены изображения святых Козьмы, Демьяна, Петра и Василия. На створках энколпиона находятся зеркальные славянские надписи и обращение «Святая Богородица помогай» (рис. 1). Снаружи створки покрыты патиной; на левом медальоне оборотной створки отчетливо видны следы деформации восковой модели, по которой был отлит энколпион. Размер каждой створки 8,5×5,7 см.

Два нательных криновидных креста имеют простое средокрестие и трехлопастные концы, поверхность покрыта окислами, металл довольно сильно корродирован, возможно, был обожжен; эмаль в выемках не сохранилась. Образец 1629 был найден в 2013 г. в ходе изучения городища Дубна в заполнении жилища. Размер креста: 4,0×3,2 см. Второй криновидный крест (образец № 1432) является случайной находкой на берегу реки Волга в размывах культурного слоя городища Дубна. Размер: 3,7×3,0 см. Оба креста относятся к типу крестов с выемчатой эмалью

«киевского» типа, который является одним из наиболее часто встречающихся типов крестов-тельников домонгольского времени (Кайль, Нечитайло 2006: 188).

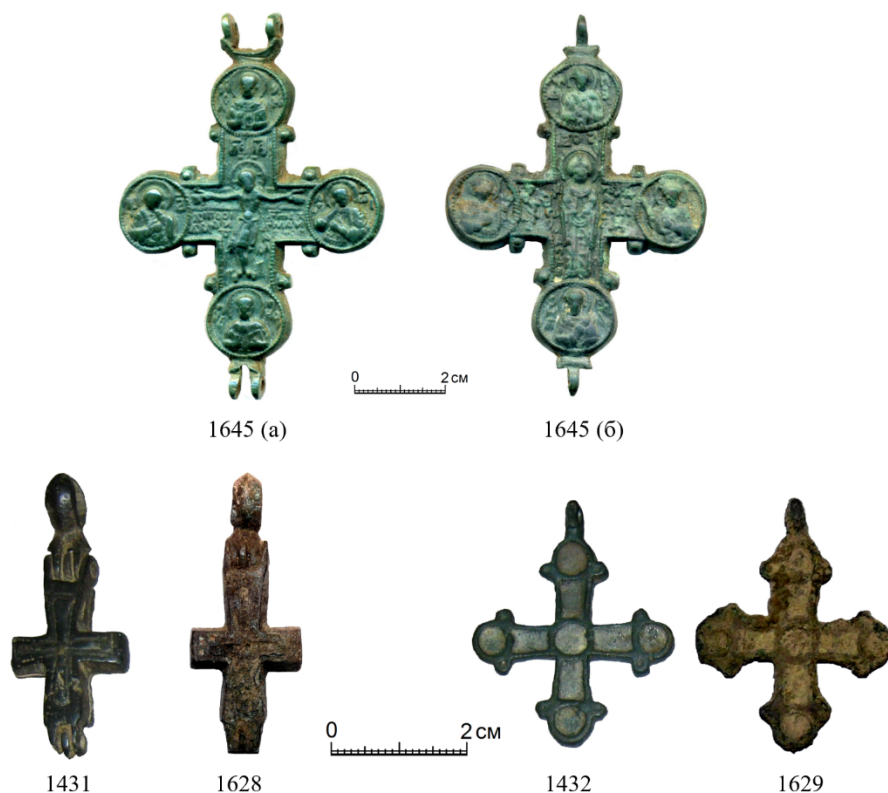

Рис. 1. Фотографии коллекции исследуемых образцов крестов-энколпионов и тельников. Представлены инвентарные номера археологических находок в каталоге Музея Дубны. Приведены размерные масштабные шкалы

Также в число исследуемых образцов входят два прямоконечных креста-энколпиона, на лицевых и оборотных створках которых присутствуют черневые изображения четырехконечного креста, по краям выполнены насечки, створки плотно закрыты. Образец № 1628 был обнаружен в 2013 г. в ходе исследований городища Дубна в заполнении жилища; поверхность креста покрыта окислами, металл довольно сильно корродирован, возможно, был обожжен. Размеры: $4,1 \times 1,6$ см. Другой образец № 1431 – прямоконечный энколпион, найденный на территории деревни Прислон Кимрского района Тверской области; покрыт слоем коррозии. Размеры: $4,2 \times 1,7$ см.

Описание эксперимента

Метод нейтронной дифракции

Исследования фазового состава четырех находок (№ 1431, 1432, 1628, 1629) проводились с помощью метода нейтронной дифракции на специализированном дифрактометре ДН-6 на высокопоточном реакторе ИБР-2 (ЛНФ, ОИЯИ). Были получены дифракционные спектры, которые измеряли при углах рассеяния $2\theta = 90^\circ$. Для данных углов рассеяния разрешение дифрактометра на длине волны $\lambda = 2 \text{ \AA}$ составляло $\Delta d/d = 0,025$. Характерное время измерения одного спектра – 10 минут. Фазовый состав образцов № 1645/1 и 1645/2 был исследован на станции нейтронной порошковой дифракции ДИСК (Glazkov et al. 1988) на шестом горизонтальном экспериментальном канале реактора ИР-8 (НИЦ «Курчатовский институт»). Анализ дифракционных данных производился методом Ритвельда с помощью программы FullProf (Rodriguez-Carvajal 1993).

Метод нейтронной томографии

Эксперимент по нейтронной томографии был проведен на специализированной экспериментальной станции для нейтронной томографии и радиографии (Kozlenko et al. 2016; Podurets et al. 2021) на 14-м канале импульсного реактора ИБР-2. В методе нейтронной томографии из набора отдельных радиографических проекций, полученных при различных угловых положениях образца относительно направления нейтронного пучка, выполняется объемная реконструкция внутреннего строения исследуемого объекта. Полученная трехмерная модель представляет собой массив данных из трехмерных вокселей (Kardjilov, Festa 2016), которые характеризуют степень или коэффициент ослабления нейтронного пучка в определенной точке исследуемого образца. Размер одного вокселя в нейтронном радиографическом эксперименте – $52 \times 52 \times 52 \text{ мкм}$. В радиографическом эксперименте конвертация нейтронов в видимый свет, регистрируемый CCD видеокамерой, происходит с помощью пластины сцинтиллятора $^6\text{LiF/ZnS}$ толщиной 0,1 мм производства фирмы RCTRITEC Ltd (Швейцария). Проведение томографических экспериментов обеспечивает система гониометров HUBER с минимальным углом поворота до $0,02^\circ$. Полученные нейтронные данные корректируются на фоновые шумы детекторной системы и нормализуются на падающий нейтронный пучок с помощью программного пакета ImageJ (Schneider, Rasband, Eliceiri 2012). Томографическая реконструкция из набора угловых проекций исследуемых объектов осуществлялась программой SYRMEP Tomo Project (Brun 2017). Для визуализации и анализа получаемых трехмерных данных использовался программный комплекс VGStudio MAX 2.2 фирмы Volume Graphics (Германия).

Метод рентгенофлуоресцентного анализа

Исследования элементного состава проводились при помощи спектрометра Bruker M1 Mistral методом безэталонного РФА. Время измерения составило 60 с, напряжение – 50 кВ. Данный тип спектрометра позволяет проводить измерения поверхности на глубину до 10 мкм, а также выполнять анализ на наличие покрытий (Сапрыкина, Гунчина 2017).

Результаты

Нейтронная дифракция

Характерные нейтронные дифракционные спектры для бронзовых крестов № 1431, 1628, 1432 и 1629 представлены на рис. 2.

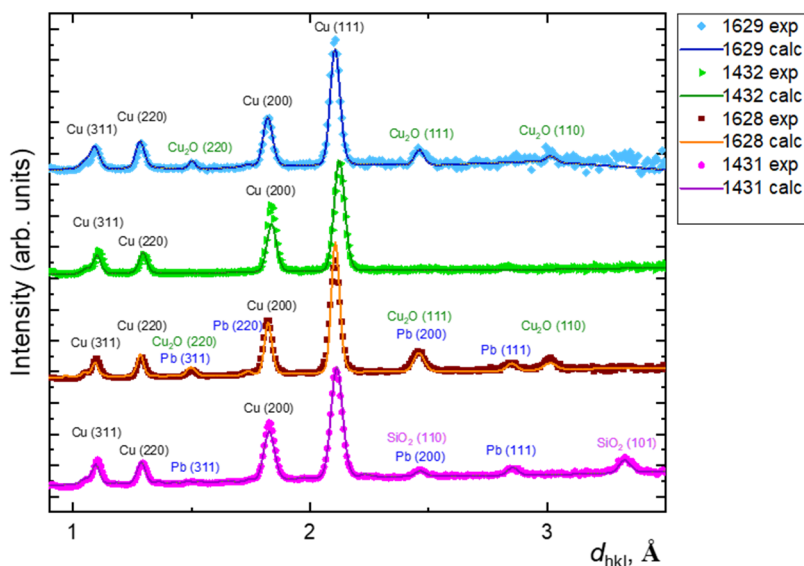

Рис. 2. Участки нейтронных дифракционных спектров исследуемых бронзовых крестов. Представлены экспериментальные точки и рассчитанный по методу Ритвельда профиль. Отмечены дифракционные пики, соответствующие различным фазам материала крестов и коррозии, и указаны их индексы Миллера

Нейтронные дифракционные спектры створок креста-энколпиона № 1645/1 и 1645/2, полученные на дифрактометре ДИСК (Glazkov et al. 1988), имеют схожую форму со спектрами других крестов. Наиболее интенсивные дифракционные рефлексы соответствуют кубической фазе меди с пространственной группой $Fm\bar{3}m$. Кроме этого, наблюдаются слабые рефлексы от коррозионных материалов. Анализ дифракционных данных указывает на доминирующую фазу коррозии – куприт Cu_2O с пространственной группой $Pn\bar{3}m$. Для закрытых крестов-энколпионов

№ 1431 и 1629 обнаружены дифракционные рефлексы от кубической фазы свинца (Грешников и др. 2020). В кресте № 1431 обнаружено присутствие тригональной фазы диоксида кремния с пространственной группой $R\bar{3}m$. Рассчитанное объемное содержание этой фазы составило 10,4(4)%. Это может указывать на присутствие песка в качестве возможного загрязнения поверхности или внутренней полости креста-энколпиона.

Анализируя изменения параметра элементарной ячейки кубической фазы меди, можно оценить содержание олова в бронзовом сплаве (Sidot et al. 2005), из которого изготовлены кресты. Рассчитанное из данных нейтронной дифракции относительное содержание меди и олова в бронзовом материале крестов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Рассчитанные из данных нейтронной дифракции объемные содержания различных фаз и относительное содержание олова в бронзовом материале крестов, %

№ образца	Объемное содержание $Cu_2O\%$	Объемное содержание Pb	Содержание Sn в бронзе
1431	—	7,82	4,99
1628	19,29	7,40	4,09
1432	—	—	6,84
1629	23,74	—	3,78
1645/1и 2	—	1,1	4,82

Нейтронная томография

Для исследования пространственного распределения различных фаз и особенно коррозии в объеме исследуемых образцов привлекался метод нейтронной томографии. Из набора угловых радиографических проекций были восстановлены трехмерные (3D) или объемные модели строения каждого из исследуемых крестов.

Восстановленная из данных нейтронной томографии 3D-модель креста-энколпиона № 1431 представлена на рис. 3. Что интересно, внутри этого энколпиона обнаружен некий объект вытянутой формы, предположительно состоящий из оксида кремния или песка. Предполагается, что это минерализованные остатки фрагментов внутреннего содержания креста-энколпиона. Эта находка расширяет пока еще немногочисленный список древнерусских энколпионов с достоверно зафиксированными остатками помещенных в них реликвий (Макаров и др. 2020). С помощью процедуры сегментации трехмерных данных из общего объема энколпиона № 1431 были выделены соответствующие объемы бронзы и фрагментов остатков содержания. Если общий объем образца составляет 12 359 580 вокселей, что соответствует $1,74 \text{ см}^3$, то объем внутреннего содержания – $0,006 \text{ см}^3$. Объем внутренней полости составляет $0,24 \text{ см}^3$.

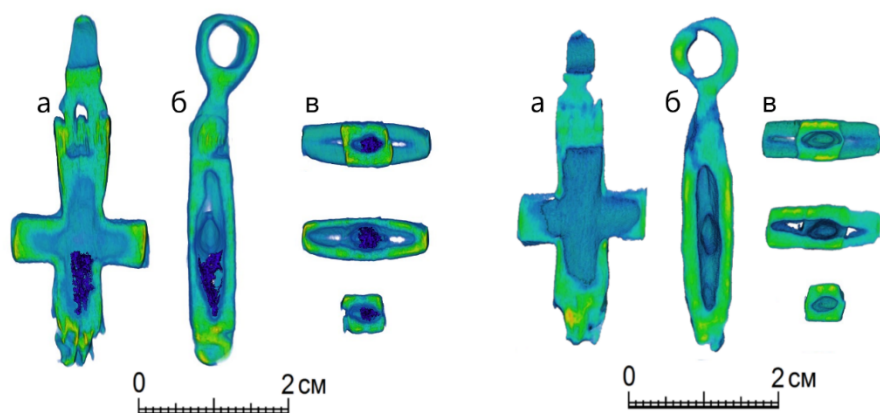

Рис. 3. Восстановленные из данных нейтронной томографии трехмерные модели крестов-энколпионов № 1431 – слева, № 1628 – справа; а, б – продольные срезы; в – поперечные сверху вниз. Здесь и на рис. 4, 5 цветовая схема представляет диапазон коэффициентов ослабления нейтронного пучка в бронзовом объекте: от красных регионов, соответствующих максимальному поглощению, до синих участков, характеризующих низкое сечение полного поглощения нейтронов. Масштабная шкала соответствует 1 см

По данным нейтронной томографии, образец № 1628 пустой. Предполагается, что присутствие купритной коррозии в местах соединения створок креста определяет потерю герметичность закрытия энколпиона, и, как следствие, утраты содержимого. Объем бронзового креста № 1628 составляет $1,13 \text{ см}^3$, объем внутренней полости – $0,22 \text{ см}^3$. Объем материала объекта – бронзы – составляет $0,94 \text{ см}^3$, а областей, богатых купритом, – $0,19 \text{ см}^3$. Это около 16,8% от общего объема исходного материала.

Восстановленные трехмерные модели нательных крестов № 1432 и 1629 представлены на рис. 4. Видно, что образцы разной степени сохранности. Эмалированные вставки не сохранились. Образец № 1629 сильно корродирован. Если весь объем образца составляет $1,08 \text{ см}^3$, то областей, соответствующих коррозии, – $0,29 \text{ см}^3$, или 27,1% от всего объема образца.

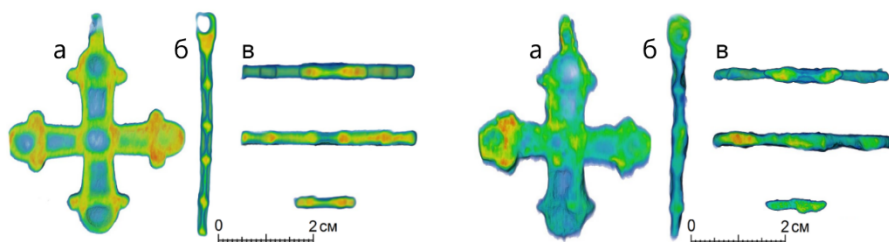

Рис. 4. Восстановленные из данных нейтронной томографии трехмерные модели нательных крестов № 1432 – слева, № 1629 – справа; а, б – продольные срезы, в – поперечные сверху вниз

Восстановленная объемная модель креста-энколпиона № 1645 представлена на рис. 5.

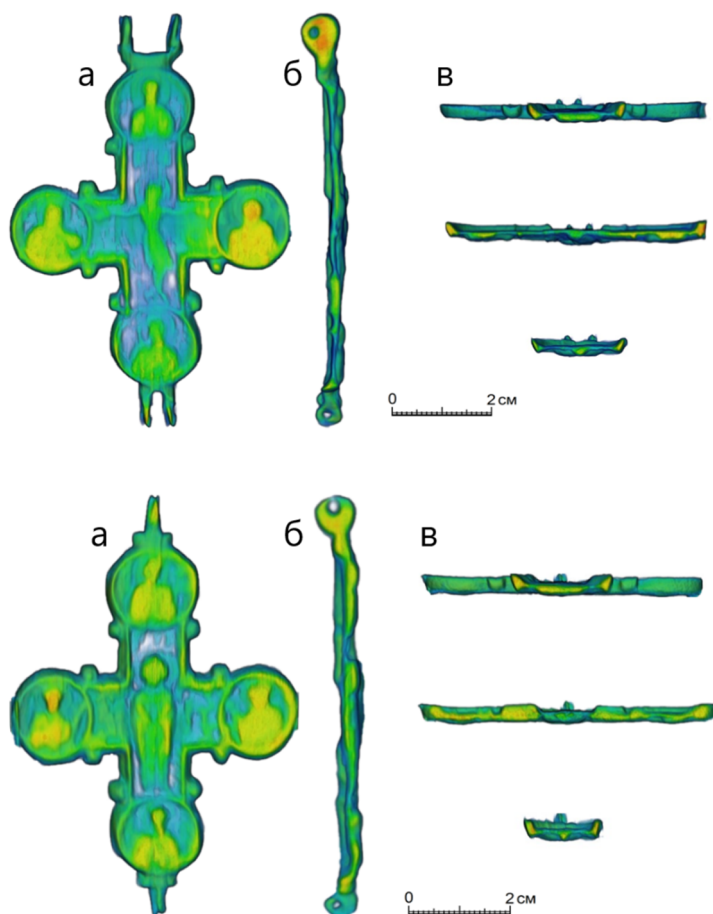

Рис. 5. Восстановленные из данных нейтронной томографии трехмерная модель креста-энколпиона № 1645/1 – сверху, № 1645/2 – снизу; а, б – продольные срезы, в – поперечные сверху вниз

В отличие от образцов № 1629 и 1628, больших объемов коррозии и ее проникновения в толщу материала креста не обнаружено. Так, по краям соединительных частей присутствует небольшое количество коррозионного материала, однако соответствующие области занимают не более $0,01 \text{ см}^3$, что при общем объеме материала креста $4,37 \text{ см}^3$ составляет только 0,22%.

Рентгенофлуоресцентный анализ

Анализ элементного состава исследуемых крестов с их поверхности проведен с помощью рентгенофлуоресцентного анализа. Прямоконечные кресты-энколпионы № 1431 и 1628 исследовались с двух сторон: лицевая и обратная, а створки энколпиона № 1645/1 и 1645/2 измерялись отдельно. На нательных крестах № 1432 и 1629 выбирались точки для измерений на перегородках и в центральных выемках на предполагаемом месте присутствия эмали. Все измерения проводились в трех отдельных точках, а полученные в них значения усреднялись. Результаты РФА крестов представлены в табл. 2. Известно, что метод рентгенофлуоресцентного анализа имеет существенное ограничение по глубине проникновения в толщу металлических объектов, поэтому данные о элементном составе соответствует только поверхностным слоям исследуемых крестов.

Таблица 2

**Результаты элементного состава для исследуемых крестов
по данным РФА, %**

№ образца	Сторона	Cu	Sn	Fe	Zn	As	Ag	Sb	Pb
1431	Лицевая	63,82	10,38	2,58	0,97	1,14	0,25	0,52	20,34
	оборотная	57,92	14,99	2,75	1,61	1,52	0,26	0,56	20,39
1628	Лицевая	41,74	15,39	1,65	7,72	1,62	0,41	0,79	31,09
	оборотная	42,66	12,84	1,87	7,70	1,72	0,37	0,71	32,13
1645/1	Внешняя	71,19	16,73	0,59	—	0,52	0,36	0,72	9,89
	внутренняя	92,52	4,25	0,16	—	—	0,08	0,23	2,76
1645/2	Внешняя	78,35	15,36	1,11	—	0,09	0,15	0,47	4,47
	внутренняя	91,30	6,78	0,52	—	—	0,06	0,22	1,12
1432	Перегородка	72,22	22,25	0,32	—	0,64	0,19	0,51	3,87
	выемка	70,98	19,84	0,39	—	0,84	0,18	0,42	7,64
1629	Перегородка	67,28	11,61	4,01	0,14	0,31	0,54	0,49	15,62
	выемка	5,09	7,40	3,58	0,07	2,76	—	0,22	80,88

Почти все исследованные в выборке кресты (5 ед.) выполнены из традиционной для древнерусской цветной металлообработки оловянно-свинцовой бронзы (CuSnPb), характеризующейся как высоким процентным содержанием олова (в пределах от 4,25 до 22,25%), так и повышенным содержанием свинца (от 1,12 до 80,88%). Один крест – № 1628 – выполнен из многокомпонентного сплава (CuSnPbZn), с содержанием цинка в пределах 7,7%. Из табл. 2 видно, что кресты № 1431, 1628 и 1629 характеризуются высоким, относительно остальных, содержанием свинца. Именно для этих крестов обнаружена кубическая фаза чистого свинца в экспериментах по нейтронной дифракции (см. табл. 1). Если для крестов № 1431 и 1628 объяснение таким высоким значениям содержания свинца в приповерхностном слое, скорее, лежит в

ликвационных и коррозионных процессах, то для креста № 1629 мы можем предположить иную интерпретацию. Возможно, в выемке проанализированного креста зафиксированы остатки свинцовой компоненты, входящей в рецептуру эмали. Такое сильное различие в содержании свинца для выемки и перегородки креста № 1629 косвенно подтверждает выдвинутое предположение об эмалировании лицевой поверхности.

Присутствие высокого содержания железа в крестах № 1431, 1629 и в меньшей степени в № 1628 указывает на присутствие оксидов и (или) гидратов железа на поверхности объектов из-за внешнего загрязнения и, как следствие, на высокую коррозионную деградацию этих крестов. Эти кресты длительное время находились во влажных почвах, которые характерны для городища Дубна. Известно, что железосодержащие продукты коррозии обычно состоят из гидроксильной группы соединений, характеризующихся повышенной концентрацией водорода (Зайцева и др. 2020). Эти соединения значительно ослабляют нейтронный пучок, и поэтому наблюдаются большие зоны ослабления нейтронного пучка в экспериментах по нейтронной томографии (см. рис. 3, 4).

Чтобы разделить вклады от поверхностного слоя и непосредственно от объема бронзы крестов, мы провели дополнительное исследование створки № 1645/2 с локальным удалением приповерхностного слоя патины. Как и ожидалось, относительное содержание меди практически не изменилось: 92,28%. В то же время среднее содержание олова уменьшилось до 4,04%. Содержание железа, как ожидаемого компонента коррозии и патины, уменьшилось примерно в 10 раз, до 0,06%. Содержания свинца и серебра (естественного спутника свинца) практически не изменились – 3,21 и 0,08% соответственно (см. табл. 2). Кроме этого, следует отметить, что высокое содержание олова на поверхности створок креста № 1645/1 и 1645/2 и его низкое содержание в бронзовом сплаве (см. табл. 1) указывает на вхождение олова не только непосредственно в материал креста, но и в качестве компонента коррозионного слоя. Предыдущие исследования бронзового креста из Суздаля показывают, что коррозионный слой на поверхности бронзовых объектов представляет собой в основном соли окислов олова с примесью фосфора. Кроме этого, большое различие в содержании меди для внешней и внутренней стороны створок энколпиона № 1645/1 и 1645/2 может указывать на деградацию исходного бронзового сплава через коррозионные процессы образования частичек SnO на поверхностях крестов, в том числе и увеличением купритной фазы (Колобылина и др. 2017).

Заключение

Исследования методом нейтронной томографии и радиографии предметов личного благочестия, происходящих из древнерусских

памятников, позволяет не только визуализировать скрытые в них внутренние заполнения, но и определить степень сохранности самого металла. В закрытом бронзовом кресте-энколпионе обнаружен фрагмент внутреннего содержания, представляющий собой, вероятно, минерализованный фрагмент остатков реликвии, доминирующей фазой которого является кварцит SiO_2 . Анализ фазового состава поверхности и внутреннего объема серии крестов, происходящих из раскопок древнерусского городища Дубна, и находок из его окрестностей, показал, что олово и свинец присутствуют в большом количестве в коррозионном слое, а содержание олова в самом сплаве – на уровне от 3,8 до 6,8%, свинца в диапазоне 7,4–7,8% у прямоконечных крестов, а у створок креста с миниатюрами – 1,1%. В одном случае (крест № 1629) повышенное содержание свинца (80,88%), зафиксированное методом РФА в выемке, указывает на возможные следы эмалирования лицевой стороны. Для каждого из исследованных крестов получена 3D-модель внутреннего распространения коррозии в виде фазы куприта, что позволит в дальнейшем проводить необходимые реставрационные мероприятия по обеспечению сохранности находок древнерусского периода.

Список источников

- Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К. Исследование химического состава сплава боспорских билонных статеров III в. н.э. методами РФА-спектроскопии, нейтронной томографии и дифракции // Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования. 2018. № 2. С. 24–28.
- Балдуев С.Д. Энколпионы Суздальского ополья // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Владимир: Изд-во ВолГУ, 2021. С. 383–390.
- Грешников Э.А., Пожидаев В.М., Малахов С.Н., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Говор Л.И., Преснякова Н.Н., Светогоров Р.Д., Дороватовский П.В., Трунькин И.Н. Исследования креста-энколпиона из Новодевичьего монастыря естественнонаучными методами // Российская археология. 2020. № 4. С. 165–183.
- Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М. Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...»: сб. ст. памяти Светланы Рябцевой. Кишинев, 2020. С. 353–362.
- Кайль В.А., Нечитайло В.В. Каталог нательных христианских крестов, подвесок и наклеек с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII столетий. Луганск: Максимум, 2006.
- Колобылина Н.Н., Грешников Э.А., Васильев А.Л., Терещенко Е.Ю., Зайцева И.Е., Макаров Н.А., Кашиков П.К., Яцишина Е.Б., Ковальчук М.В. Электронно-микроскопические исследования древнерусского декорированного черным креста-энколпиона XII века // Кристаллография. 2017. Т. 62, № 4. С. 543–550.
- Колпакова Ю.В. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X – XVIII вв. (предметы личного благочестия): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

- Макаров Н.А., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурсhev М.М. Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2020. № 258. С. 25–45.
- Недошивина Н.Г. Металлические кресты-тельники домонгольской Руси // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. СПб.: Отдел ОП Петербургкомстата, 1995. С. 69–71.
- Петров Ф.Н., Зинин И.А. Обследование городища Дубна // Археологические открытия 2009 года. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 120–122.
- Петров Ф.Н., Пантелеева Л.В. Обследование территории г. Дубна в 2012–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 гг. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 233–235.
- Сапрыкина И.А., Гунчина О.Л. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Фанагория. Результаты археологических исследований / под общ. ред. В.Д. Кузнецова. Т. 5: Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 272–483.
- Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Лукин Е.В. Возможности нейтронной томографии в археологии на примере исследования древнерусских украшений из тверского клада 2014 г. // Российская археология. 2018. № 3. С. 36–42.
- Смирнова В.С., Кичанов С.Е., Петров Ф.Н., Пантелеева Л.В., Бакиров Б.А., Козленко Д.П. Структурные исследования бронзового зооморфного навершия с Пекуновского селища методами нейтронной дифракции и томографии // Письма в ЭЧАЯ. 2022. Т. 19, № 4(243). С. 355–363.
- Bakirov B., Saprykina I., Kichanov S., Mimokhod R., Sudarev N., Kozlenko D. Phase Composition and Its Spatial Distribution in Antique Copper Coins: Neutron Tomography and Diffraction Studies // J. Imaging. 2021. № 7 (8). P. 129. doi: 10.3390/jimaging7080129
- Brun F., Massimi L., Fratini M., Dreossi D., Billé F., Accardo A., Pugliese R., Cedola, A. SYRMEP Tomo Project: a graphical user interface for customizing CT reconstruction workflows // Advanced Structural and Chemical Imaging. 2017. № 3. P. 1–9.
- Glazkov V.P., Naumov I.V., Somenkov V.A., Shil'shtein S.Sh. Superpositional many-detector systems and neutron diffraction of microsamples // Nucl. Instrum. Methods. 1988. № 264. P. 367–374.
- Kardjilov N., Festa G. Neutron Methods for Archaeology and Cultural Heritage. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, 2016.
- Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D., Nazarov K., Lukin E., Rutkauskas, A., Savenko B. Studies of Ancient Russian Cultural Objects Using the Neutron Tomography Method // J. Imaging. 2018. № 4. P. 25. doi: 10.3390/jimaging4020025
- Koval V.Yu., Dmitriev A.Yu., Borzakov S.B., Chepurchenko O.E., Filina Yu.G., Smirnova V.S., Lobachev V.V., Chepurchenko N.N., Zhomartova A.Zh., Lennik S.G. Elemental analysis of the molding paste of medieval oriental faïences // Physics of Particles and Nuclei Letters. 2020a. Vol. 17, № 6. P. 893–899.
- Koval V.Yu., Dmitriev A.Yu., Smirnova V.S., Lobachev V.V. Using XRF analysis to determine the elemental composition of pigments in the painting of medieval oriental faïences // Proceedings of XXVII International Seminar on Interaction of Neutrons with Nuclei (ISINN-27), Dubna, Russia, June 10–14, 2019, JINR, E3-2020-10. Dubna, 2020b. P. 179–186.
- Kozlenko D.P., Kichanov S.E., Lukin E.V., Rutkauskas A.V., Belushkin A.V., Bokuchava G.D., Savenko B.N. Neutron radiography and tomography facility at IBR-2 reactor // Phys. Part. Nucl. 2016. № 13. P. 346–351.
- Mednikova M., Saprykina I., Kichanov S., Kozlenko D. The Reconstruction of a Bronze Battle Axe and Comparison of Inflicted Damage Injuries Using Neutron Tomography, Manufacturing Modeling, and X-ray Microtomography Data // J. Imaging. 2020. № 6. P. 45.
- Podurets K.N., Kichanov S.E., Glazkov V.P., Kovalenko E.S., Murshev M.M., Kozlenko D.P., Lukin E.V., Yatsishina E.B. Modern Methods of Neutron Radiography and Tomography in

- Studies of the Internal Structure of Objects // *Crystallography Reports*. 2021. № 2 (66). P. 254–266.
- Rodriguez-Carvajal J. Recent Advances in Magnetic Structure Determination by Neutron Powder Diffraction // *Phys. BCondens. Matter*. 1993. № 192. P. 55–69.
- Saprykina I., Kichanov S., Kozlenko D. Possibilities, Limitations, and Prospects of Using Neutron Tomography and Radiography for Preservation of Archaeological Heritage Objects // *Crystallography Reports*. 2019. Vol. 64. P. 177–180.
- Schneider C.A., Rasband W.S., Eliceiri K.W. NIH Image to ImageJ: 25 years of image analysis // *Nat. Methods*. 2012. № 9. P. 671–675.
- Sedyshev P.V., Shvetsov V.N., Abramzon M.G., Saprykina I.A. Determining the Elemental Composition of Antique Coins of Phanagorian Treasure by Neutron Spectroscopy at the Pulsed Neutron Source IREN in FLNP JINR // *Phys. Part. Nucl. Lett*. 2020. № 17. P. 389–400.
- Sidot E., Kahn-Harari A., Cesari E., Robbiola L. The Lattice Parameter of α -bronzes as a Function of Solute Content: Application to Archaeological Materials // *Mater. Sci. Eng. A*. 2005. Vol. 393. P. 147–156.

References

- Abramzon M.G., Saprykina I.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Nazarov K. (2018) Issledovanie khimicheskogo sostava splava bosporskikh bilonnykh staterov III v. n.e. metodami RFA-spektroskopii, neitronnoi tomografii i difraktsii [Investigation of Chemical Composition of the Alloy of 3rd Century Bosporan Billon Staters by XRF Analysis, Neutron Tomography and Diffraction], *Poverkhnost'. Rentgenovskie, sinkhrotronnnye i neitronnye issledovaniia*, no. 2, pp. 24–28.
- Balduev S.D. (2021) Enkolpiony Suzdal'skogo opol'ia [Encolpions of the Suzdal Opole]. In: *Istoricheskii opyt mirovykh tsivilizatsii i Rossiia: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The historical experience of world civilizations and Russia: materials of the IX International Scientific and Practical Conference]. Vladimir: Izd-vo VolGU, pp. 383–390.
- Greshnikov E.A., Pozhidaev V.M., Malakhov S.N., Podurets K.M., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Glazkov V.P., Govor L.I., Presniakova N.N., Svetogorov R.D., Dorovatovskii P.V., Trun'kin I.N. (2020) Issledovaniia kresta-enkolpiona iz Novodevich'ego monastiria estestvennonauchnymi metodami [Study of A Reliquary Cross from The Novodevichy Convent with Natural Science Techniques], *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 165–183.
- Zaitseva I.E., Kovalenko E.S., Podurets K.M., Murashev M.M. (2020) Drevnerusskie kresty-enkolpiony: opyt neitronnoi i sinkhrotronnnoi vizualizatsii [Ancient Russian Encolpion crosses: the practice of neutron and synchrotron imaging]. In: *Na odno krylo — serebrianaia, Na drugoe — zolotaia...* Sbornik statei pamiati Svetlany Ryabtsevoi [“On one wing — silver, On the other — gold ...” Collection of articles in memory of Svetlana Ryabtseva]. Kishinev, pp. 353–362.
- Kail' V.A., Nechitailo V.V. (2006) Katalog natel'nykh khristianskikh krestov, podvesok i nakladok s izobrazheniem kresta perioda Kievskoi Rusi X–XIII stoletii [Catalog of Christian crosses, pendants and overlays depicting the cross of the Kievan Rus period of the X–XIII centuries]. Lugansk: PTs «Maksim».
- Kolobyliina N.N., Greshnikov E.A., Vasil'ev A.L., Tereshchenko E.Iu., Zaitseva I.E., Makarov N.A., Kashkarov P.K., Iatsishina E.B., Koval'chuk M.V. (2017) Elektronno-mikroskopicheskie issledovaniia drevnerusskogo dekorirovannogo chem'iu kresta-enkolpiona XII veka [Electron Microscopy Study of An Old Russian (XII Century) Encolpion Cross with Black Inlay], *Kristallografiia*, Vol. 62, no. 4, pp. 543–550.
- Kolpakova Iu.V. (2007) *Khristianskie drevnosti naseleniia Pskova i Pskovskoi zemli kontsy X–XVIII vv. (predmety lichnogo blagochestiia). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Christian antiquities of the population of Pskov and

- the Pskov land of the late X – XVIII centuries (objects of personal piety). Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow.
- Makarov N.A., Greshnikov E.A., Zaitseva I.E., Podurets K.M., Kovalenko E.S., Murashev M.M. (2020) Nevidimye sviatyni. Vlozheniia v srednevekovykh krestakh-enkolpionakh po dannym kompleksnykh analiticheskikh issledovaniï [Invisible Holy Relics. Relics And Materials Inserted in Medieval Reliquary Crosses Based on The Data from Comprehensive Analytical Studies], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, no. 258, pp. 25–45.
- Nedoshivina N.G. (1995) Metallicheskie kresty-tel'niki domongol'skoi Rusi [Metal crosses of pre-Mongol Russia]. In: *Tserkovnaia arkheologiia. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii* [Church archaeology. Materials of the First All-Russian Conference]. St. Petersburg: Otdel OP Peterburgkomstata, pp. 69–71.
- Petrov F.N., Zinin I.A. (2013) Obsledovanie gorodishcha Dubna [Survey of the Dubna settlement]. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 goda* [Archaeological discoveries in 2009]. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 120–122.
- Petrov F.N., Panteleeva L.V. (2015) Obsledovanie territorii g. Dubna v 2012–2013 gg. [Survey of the territory of Dubna in 2012–2013.]. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg.* [Archaeological discoveries in 2010–2013]. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 233–235.
- Saprykina I.A., Gunchina O.L. (2017) Khimicheskii sostav metalla bosporskikh staterov Fanagoriiskogo klada 2011 g. [The chemical composition of the metal of the Bosporan staters of the Phanagoria treasure of 2011]. In: *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniï* [Phanagoria. The results of archaeological research] / ed. by. V.D. Kuznetsov. Vol. 5: Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii [A treasure trove of Late Bosporan staters from Phanagoria]. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 272–483.
- Saprykina I.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Lukin E.V. (2018) Vozmozhnosti neitronnoi tomografii v arkheologii na primere issledovaniia drevnerusskikh ukrashenii iz tverskogo klada 2014 g. [The Capabilities of Neutron Tomography in Archaeology on an Example of The Study of Old Russian Jewelry from The Tver Hoard of 2014], *Rossiiskaia Arkheologiia*, no. 3, pp. 36–42.
- Smirnova V.S., Kichanov S.E., Petrov F.N., Panteleeva L.V., Bakirov B.A., Kozlenko D.P. (2022) Strukturnye issledovaniia bronzovogo zoomorfno go navershiia s Pekunovskogo selishcha metodami neitronnoi difraktsii i tomografii [Structural Studies of a Bronze Zoomorphic Pommel from The Pekunovsky Settlement Using Neutron Diffraction and Tomography Methods]. *Physics of Particles and Nuclei Letters*, Vol. 19, no. 4(243), pp. 355–363.
- Bakirov B., Saprykina I., Kichanov S., Mimokhod R., Sudarev N., Kozlenko D. (2021) Phase Composition and Its Spatial Distribution in Antique Copper Coins: Neutron Tomography and Diffraction Studies, *J. Imaging*, 7 (8), 129. <https://doi.org/10.3390/jimaging7080129>
- Brun F., Massimi L., Fratini M., Dreossi D., Billé F., Accardo A., Pugliese R., Cedola A. (2017) SYRMEP Tomo Project: a graphical user interface for customizing CT reconstruction workflows, *Advanced Structural and Chemical Imaging*, no. 3, pp. 1–9.
- Glazkov V.P., Naumov I.V., Somenkov V.A., Shil'shtein S.Sh. (1988) Superpositional many-detector systems and neutron diffraction of microsamples. *Nucl. Instrum. Methods*, 264, pp. 367–374.
- Kardjilov N., Festa G. (2016) *Neutron Methods for Archaeology and Cultural Heritage*. Springer International Publishing: Cham, Switzerland.
- Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D., Nazarov K., Lukin E., Rutkauskas, A., Savenko B. (2018) Studies of Ancient Russian Cultural Objects Using the Neutron Tomography Method, *J. Imaging*, 4(2), 25. doi: 10.3390/jimaging4020025
- Koval V.Yu., Dmitriev A.Yu., Borzakov S.B., Chepurchenko O.E., Filina Yu.G., Smirnova V.S., Lobachev V.V., Chepurchenko N.N., Zhomartova A.Zh., Lennik S.G. (2020a)

- Elemental analysis of the molding paste of medieval oriental faiences, *Physics of Particles and Nuclei Letters*, Vol. 17, № 6, pp. 893–899.
- Koval V.Yu., Dmitriev A.Yu., Smirnova V.S., Lobachev V.V. (2020b) Using XRF analysis to determine the elemental composition of pigments in the painting of medieval oriental faiences. In: Proceedings of XXVII International Seminar on Interaction of Neutrons with Nuclei (ISINN-27), Dubna, Russia, June 10–14, 2019, JINR, E3-2020-10. Dubna, pp. 179–186.
- Kozlenko D.P., Kichanov S.E., Lukin E.V., Rutkauskas A.V., Belushkin A.V., Bokuchava G.D., Savenko B.N. (2016) Neutron radiography and tomography facility at IBR-2 reactor, *Phys. Part. Nucl.* no. 13, pp. 346–351.
- Mednikova M., Saprykina I., Kichanov S., Kozlenko D. (2020) The Reconstruction of a Bronze Battle Axe and Comparison of Inflicted Damage Injuries Using Neutron Tomography, Manufacturing Modeling, and X-ray Microtomography Data, *J. Imaging*, 6, 45.
- Podurets K.N., Kichanov S.E., Glazkov V.P., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Kozlenko D.P., Lukin E.V., Yatsishina E.B. (2021) Modern Methods of Neutron Radiography and Tomography in Studies of the Internal Structure of Objects, *Crystallography Reports*, no. 2(66), pp. 254–266.
- Rodriguez-Carvajal J. (1993) Recent Advances in Magnetic Structure Determination by Neutron Powder Diffraction, *Phys. BCondens. Matter.* no. 192, pp. 55–69.
- Saprykina I., Kichanov S., Kozlenko D. (2019) Possibilities, Limitations, and Prospects of Using Neutron Tomography and Radiography for Preservation of Archaeological Heritage Objects, *Crystallography Reports*, Vol. 64, pp. 177–180.
- Schneider C.A., Rasband W.S., Eliceiri K.W. (2012) NIH Image to ImageJ: 25 years of image analysis, *Nat. Methods.* no. 9, pp. 671–675.
- Sedyshev, P.V., Shvetsov, V.N., Abramzon, M.G., Saprykina, I.A. (2020) Determining the Elemental Composition of Antique Coins of Phanagorian Treasure by Neutron Spectroscopy at the Pulsed Neutron Source IREN in FLNP JINR, *Phys. Part. Nucl. Lett.*, no. 17, pp. 389–400.
- Sidot E., Kahn-Harari A., Cesari E., Robbiola L. (2005) The Lattice Parameter of α -bronzes as a Function of Solute Content: Application to Archaeological Materials, *Mater. Sci. Eng. A*. Vol. 393, pp. 147–156.

Сведения об авторах:

СМИРНОВА Вероника Сергеевна – младший научный сотрудник, Объединенный институт ядерных исследований (Дубна, Россия). E-mail: veronicasm@jinr.ru

ПЕТРОВ Федор Николаевич – кандидат философских наук, заместитель директора Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: steppe_exp@mail.ru

ПАНТЕЛЕЕВА Лариса Владимировна – специалист по экспозиционно-выставочной деятельности, Музей Дубны; научный сотрудник, Московский областной общественный фонд историко-культурных исследований и гуманитарных инициатив «Наследие» (Дубна, Россия). E-mail: lori68@list.ru

БАКИРОВ Булат Айратович – стажер-исследователь, Объединенный институт ядерных исследований (Дубна, Россия); Казанский федеральный университет (Казань, Россия). E-mail: Bulatbakirov4795@gmail.com

КИЧАНОВ Сергей Евгеньевич – доктор технических наук, начальник группы, Объединенный институт ядерных исследований (Дубна, Россия). E-mail: ekich@nf.jinr.ru

КОЗЛЕНКО Денис Петрович – доктор физико-математических наук, начальник отдела, Объединенный институт ядерных исследований (Дубна, Россия). E-mail: denk@nf.jinr.ru

САПРЫКИНА Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия). E-mail: dolmen200@mail.ru

МУРАШЕВ Михаил Михайлович – младший научный сотрудник, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (Москва, Россия). E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Veronika S. Smirnova, Joint Institute for Nuclear Research (Dubna, Russian Federation). E-mail: veronicasm@jinr.ru

Fedor N. Petrov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: steppe_exp@mail.ru

Larisa V. Panteleeva, Museum of Dubna; Nasledie Regional Public Foundation for Historical and Cultural Research and Humanitarian Initiatives (Dubna, Russian Federation). E-mail: lori68@list.ru

Bulat A. Bakirov, Joint Institute for Nuclear Research (Dubna, Russian Federation); Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Bulatbakirov4795@gmail.com

Sergey E. Kichanov, Joint Institute for Nuclear Research (Dubna, Russian Federation). E-mail: ekich@nf.jinr.ru

Denis P. Kozlenko, Joint Institute for Nuclear Research (Dubna, Russian Federation). E-mail: denk@nf.jinr.ru

Irina A. Saprykina, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dolmen200@mail.ru

Mikhail M. Murashev, National Research Centre “Kurchatov Institute” (Moscow, Russian Federation). E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 08 декабря 2022;
принята к публикации 16 ноября 2023.*

*The article was submitted 08.12.2022;
accepted for publication 16.11.2023.*

Научная статья
УДК 572.029(476)"04/14"
doi: 10.17223/2312461X/42/12

Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка

Ольга Антоновна Емельянчик¹
Елизавета Валентиновна Веселовская^{2, 3}
Сергей Владимирович Васильев⁴
Юлия Вадимовна Рашковская⁵
Дарья Сергеевна Каминская⁶
Игорь Владимирович Магалинский⁷
Алексей Леонидович Коц⁸

^{1, 6, 7, 8} Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
Новополоцк, Республика Беларусь

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

^{3, 4, 5} Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

¹ o.emeljanchik@psu.by

^{2, 3} veselovskaya.e.v@yandex.ru

⁴ vasborl@yandex.ru

⁵ j.pelenitsyna@gmail.com

⁶ d.kaminskaya@psu.by

⁷ I.mahalinski@psu.by

⁸ a.kots@psu.by

Аннотация. Представлены результаты исследования материалов двух средневековых некрополей, выявленных в 2014 и 2019–2021 гг. на территории Верхнего и Нижнего замков в Полоцке. Установлено, что средневековое население Полоцка XI–XIV вв. отличалось от хронологически близкого сельского населения Полоцкой земли комплексом признаков, характеризующих структурные особенности лицевого скелета. Эти различия могут быть следствием участия в формировании антропологического состава средневекового населения Полоцка пришлового компонента. В группе населения XI–XIII вв. длина тела мужчин составляла в среднем 171,6 см, длина тела женщин – 159,1 см. В более поздней группе населения с XIII–XIV вв. наметилась тенденция к снижению длины тела: мужчины стали ниже примерно на 2 см, женщины – на 3 см. В ходе палеодемографического анализа установлено сокращение продолжительности жизни населения Полоцка XIII–XIV вв. по сравнению с более ранним периодом. Среди наиболее часто встречающихся патологий в исследованной группе средневековых полочан XI–XIV вв. представлены заболевания зубочелюстной системы (микротравмы эмали, пародонтопатии, кариес, абсцессы челюсти), а также патологии позвоночника (спондилез, узлы Шморля). Как мужское, так и женское население Полоцка в одинаково высокой степени было подвержено этим патологиям. Травматические повреждения черепа встречаются редко, следы применения холодного или метательного оружия не зарегистрированы. Половые различия частот встречаемости

маркеров физиологического стресса (поротический гиперостоз, эмалевая гипоплазия) в мужских и женских выборках отсутствуют. Согласно результатам изотопного анализа, основу рациона средневековых полочан составляла в основном пища растительного происхождения (овощи, ягоды, каши и похлебки из зерна и бобовых). Судя по схожему изотопному составу азота в скелетах, можно с уверенностью предположить, что дискриминации в питании женщины и ребенка не было.

Ключевые слова: Полоцк, средневековые некрополи, краниология, антропологическая реконструкция внешности, прижизненная длина тела, средний возраст смерти, травмы и патологии, скелетные индикаторы стресса, изотопный анализ, рацион питания

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации совместного гранта РНФ № 23-48-10011 / БРФФИ № Б23РНФ-121 «Биоархеологическая реконструкция образа жизни и физических характеристик средневекового населения Беларуси и европейской части России».

Для цитирования: Емельянчик О.А., Веселовская Е.В., Васильев С.В., Рашковская Ю.В., Каминская Д.С., Магалинский И.В., Коц А.Л. Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 220–255. doi: 10.17223/2312461X/42/12

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/12

New Data on The Anthropology of The Medieval Population of The City of Polotsk

Volha Yemialyanchyk¹, Elizaveta V. Veselovskaya^{2, 3},
Sergey V. Vasilyev⁴, Yulia V. Rashkovskaya⁵,
Darya Kaminskaya⁶, Ihar Mahalinski⁷, Aliaksei Kots⁸

^{1, 6, 7, 8} *Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Polotsk, Republic of Belarus*

² *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

^{3, 4, 5} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *o.emeljanchik@psu.by*

^{2, 3} *veselovskaya.e.v@yandex.ru*

⁴ *vasbor1@yandex.ru*

⁵ *j.pelenitsyna@gmail.com*

⁶ *d.kaminskaya@psu.by*

⁷ *I.mahalinski@psu.by*

⁸ *a.kots@psu.by*

Abstract. The article presents the results of the study of the materials of two medieval necropolises identified in 2014 and 2019-21 on the territory of the Upper and Lower Castles in Polotsk. It is established that the medieval population of Polotsk in 11-14th centuries differed from the chronologically close rural population of the Polotsk land by a complex of features characterizing the structural features of the facial

skeleton. These differences may be a consequence of the participation of an immigrant component in the formation of the anthropological composition of the medieval population of Polotsk. In the group of the population of the 11-13th centuries the body length of men averaged 171.6 cm, the body length of women - 159.1 cm. In the latter group of the population from the 13-14th centuries there was a tendency to decrease body length: men became shorter by about 2 cm, women - by 3 cm. In the course of palaeodemographic analysis it was established that the life expectancy of the population of Polotsk in the 13-14th centuries decreased in comparison with the earlier period. Among the most frequent pathologies in the studied group of medieval Polotsk inhabitants of the 11-14th centuries are diseases of the dento-mandibular system (enamel microtraumas, periodontopathies, caries, jaw abscesses), as well as pathologies of the spine (spondylosis, Schmorl's nodes). Both the male and female population of Polotsk were equally exposed to these pathologies. Traumatic cranial injuries are rare, and no traces of the use of cold or throwing weapons have been recorded. There are no sex differences in the frequency of physiological stress markers (porotic hyperostosis, enamel hypoplasia) in male and female samples. According to the results of isotopic analysis, the basis of the medieval Polochans' diet was mainly plant-based food (vegetables, berries, porridge and porridge from grain and legumes). Judging by the similar nitrogen isotope composition of the skeletons, it is safe to assume that there was no discrimination in the diet of women and children.

Keywords: Polotsk, medieval necropolises, craniology, anthropological reconstruction of appearance, lifetime body length, average age of death, trauma and pathologies, skeletal stress indicators, isotope analysis, dietary intake

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the implementation of the joint grant of the Russian Academy of Sciences No. 23-48-10011 / BRFFI No. B23RNF-121 "Bioarchaeological reconstruction of the lifestyle and physical characteristics of the medieval population of Belarus and the European part of Russia"/

For citation: Yemialyanchyk, V., Veselovskaya, E.V., Vasilyev, S.V., Rashkovskaya, Y.V., Kaminskaya, D., Mahalinski, I. & Kots, A. (2023) New Data on The Anthropology of The Medieval Population of The City of Polotsk. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 220–255 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/12

Введение

Полоцк – один из древнейших восточнославянских городов, первое упоминание о котором датируется 862 г. в связи с «призыванием варягов» и началом княжения Рюрика (Повесть... 2012: 52). Факт существования Полоцка в IX в. убедительно подтверждается археологическими исследованиями (Дук 2010: 18). Как городское поселение Полоцк формировался в устье р. Полоты при впадении в Западную Двину на месте древнего племенного центра «полочан» (полоцких кривичей). В X–XI вв. Полоцк становится центром земли-волости – Полоцкого княжества, в котором правит собственная княжеская династия, основанная князем Рогволодом, который «*пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке*» (Повесть... 2012: 52).

Расположение города на реке Западная Двина, напрямую связывающий Полоцк с Прибалтикой и Скандинавией, определило специфику

экономического и политического развития города в Средние века. Политический расцвет Полоцка приходится на XI в. и связан с именами князей Брячислава Изяславича (1003–1044 гг.) и Всеслава Брячиславича (1044–1101 гг.). Именно в это время в Полоцке был построен первый на белорусских землях каменный храм – Софийский собор (около 1044–1066 гг.). В XII в. полочане полностью контролируют торговый путь по Западной Двине до Балтийского моря, собирают дань с латгалов и других племен в низовьях Двины. В это время в Полоцке складывается самобытная полоцкая школа зодчества, возводятся архитектурные ансамбли Спасо-Евфросиниевского и Борисоглебского (Бельчицкого) монастырей. В XII–XIII вв. Полоцк становится одним из крупнейших городов Древней Руси, население которого насчитывало более 10 тыс. человек (Дук 2010: 8).

В отличие от других древнерусских городов, в XIII в. Полоцк не испытал нашествия монголо-татар и крестоносцев. Появление в низовьях Западной Двины рыцарского Ордена меченосцев и основание крепости Рига послужили началом борьбы с крестоносцами за земли Нижнего Подвинья, которая, однако, не приобрела длительного характера. Уже в 1229 г. была заключена «Смоленская торговая правда», или договор Полоцка (вместе со Смоленском и Витебском) с Ригой и Готским берегом, согласно которому регламентировались условия торговли по Двине в течение длительного времени (Дук 2010: 5). В начале XIV в. Полоцк вошел в состав Великого Княжества Литовского.

Археологические исследования древнего Полоцка начались еще в 20-е гг. XX в., однако, до недавнего времени основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении вопросов, связанных с развитием городской топографии, экономики, архитектуры. Начало изучения полоцких некрополей связано с проведением систематических археологических исследований на базе Полоцкого государственного университета, которые развернулись с начала 2000-х гг. В результате археологических раскопок под руководством Д.В. Дука и А.Л. Коца были получены остеологические материалы по населению Полоцка XVII–XVIII вв. В 2014 г. впервые был открыт и исследован городской некрополь XIII–XIV вв. Начиная с 2019 г. по руководством И.В. Магалинского проводились археологические исследования на территории Верхнего замка, в результате которых впервые была получена представительная коллекция остеологических материалов по населению Полоцка XI–XIII вв.

Антропологическое изучение материалов средневековых некрополей Полоцка позволяет дать ответ на ряд важных вопросов: проследить особенности формирования этнического состава древнерусских городов, определить характер взаимосвязей между городским и сельским населением, охарактеризовать условия жизни и общее состояние здоровья средневековых полочан.

Визуализировать внешний облик людей, живших в далеком прошлом, позволяют методы, разрабатываемые сотрудниками лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии Российской академии наук. В рамках совместного белорусско-российского проекта запланировано создание галереи портретов средневековых жителей древней Полоцкой земли. Антропологическая реконструкция внешности на основе черепа позволяет составить объективное представление о прижизненных морфологических особенностях людей прошлого и провести корректное сопоставление с современными популяциями. Признанным во всем мире автором научного метода восстановления лица по черепу является российский ученый, антрополог, Михаил Михайлович Герасимов (Герасимов 1955). Основанная М.М. Герасимовым в 1950 году при Институте этнографии АН СССР лаборатория пластической реконструкции успешно продолжает свою деятельность, соблюдая традиции, заложенные ее основателем. Сотрудники лаборатории совершенствуют методы и приемы восстановления внешности по черепу, постоянно пополняют уникальную коллекцию скульптурных и графических портретов представителей различных культур прошлого (Лебединская 1998; Балуева, Веселовская 2004; Веселовская, Балуева 2012; Веселовская 2018; Рассказова, Веселовская, Пеленицына 2020).

Археологические исследования средневековых полоцких некрополей

Согласно предположениям археологов, в древнем Полоцке изначально существовал ряд курганных некрополей (рис. 1). Однако в отличие от других городов Древней Руси, к моменту начала археологических исследований в Полоцке не сохранилось ни одного кургана. По всей вероятности, курганы были разрушены в процессе активного разрастания города в начале XX в. (Дук 2010: 106).

После принятия и распространения христианства на смену курганному обряду приходит традиция погребения на грунтовых кладбищах, расположенных вблизи храмов. Как правило, внутри церквей хоронили представителей знати или высшего церковного клира, а простых горожан – на прилегающей к храму территории. Внутрихрамовые захоронения в кирпичных саркофагах были обнаружены археологами в ходе исследования полоцкого Софийского собора, храма-усыпальницы полоцких епископов Спасо-Евфросиниевского монастыря, церкви на Стрелке Нижнего замка (Дук 2010: 110). К сожалению, скелетный материал из этих захоронений в свое время не был исследован антропологами, и дальнейшая его судьба неизвестна.

На сегодняшний день, помимо погребений в храмовых саркофагах XI–XII вв., на территории древнего Полоцка археологами выявлено не

менее трех грунтовых некрополей средневекового периода. Грунтовые кладбища фиксируются при храме XII в. на Стрелке Нижнего замка, при древнерусском храме на Верхнем замке, а также при храме-усыпальнице на территории Спасо-Евфросиньевского монастыря (рис. 1). Однако, поскольку до XX в. данный монастырь находился за городом, тезис относительно городского кладбища в загородном монастыре при храме еще предстоит уточнить.

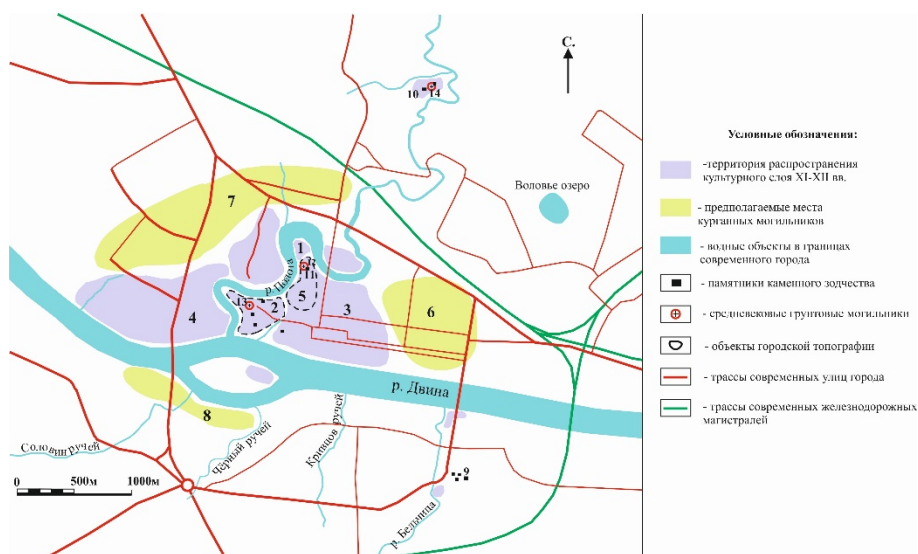

Рис. 1. Средневековые погребальные памятники в контексте городской топонимии Полоцка: 1 – городище; 2 – Верхний замок; 3 – Великий посад; 4 – Заполотский посад; 5 – Нижний замок, построенный в середине XVI в.; 6 – восточный курганный могильник; 7 – предполагаемый северный курганный могильник; 8 – предполагаемый южный курганный могильник; 9 – Бельчицкий Борисоглебский монастырь; 10 – Спасо-Евфросиньевский монастырь; 11 – храм на Стрелке Нижнего замка; 12 – грунтовый могильник при храме на Стрелке Нижнего замка; 13 – грунтовый могильник XI–XIII вв. при предполагаемом храме на Верхнем замке; 14 – грунтовый могильник при храме-усыпальнице Спасо-Евфросиньевского монастыря

Грунтовый некрополь на территории, известной как «Стрелка Нижнего замка», был выявлен и исследован в ходе археологических раскопок 2014 г. под руководством Д.В. Дука и А.Л. Коца (Дук, Емяльянчык, Коц 2018). Стрелка Нижнего замка расположена на берегу р. Полоты и выступает мысом в сторону древнего полоцкого городища. Наиболее ранние находки, выявленные в ходе раскопок, относятся к эпохе железного века и представлены керамикой днепро-двинской культуры, а также фибулой III века н. э. Отдельные находки (глиняные пряслице и керамика) указывают на присутствие здесь представителей тушемлинско-банцеровской культуры, основавших тут в середине I тыс. н. э. селище,

расположенное к югу от древнего укрепленного городища. В конце I тыс. н. э. на данной территории появляются представители культуры смоленско-полоцких длинных курганов, о чем свидетельствуют соответствующие археологические находки (Дук и др. 2018: 171).

К началу II тыс. н. э. территория Стрелки Нижнего замка стала частью поселения-предградья при полоцком городище, которое к тому времени представляло собой первоначальный укрепленный центр города – детище. К началу XI в. поселение-предградье разрастается в окольный город, который со временем становится полноценным посадом, получившим название «Великий» (Дук и др. 2018: 171). В XII в. на данной территории была построена каменная церковь, получившая в археологической литературе название «храм на Стрелке Нижнего замка». В ходе археологических исследований 1960–1970-х гг. были обнаружены фрагменты фундаментов церкви, на отдельных участках – фрагменты кладки стен. Установлено, что к концу XVII в. церковь прекратила свое существование (Раппопорт 1980: 152).

Возведение Нижнего (Стрелецкого) замка связано с событиями Ливонской войны, когда в 1563 г. Полоцк был взят войсками Ивана VI Грозного, по приказу которого и был возведен новый замок. При строительстве было прокопано новое русло Полоты, в результате чего часть древнего городища и бывшего селища, а позднее городского посада была скрыта. Сформированный мыс, выдающийся в излучину Полоты, представляет собой своеобразный бастион, на котором до XVI в. могла сохраняться древнерусская церковь. Очевидно, что выявленное в 2014 г. средневековое кладбище при храме в ходе земляных работ середины XVI в., было частично уничтожено.

Наличие погребений при церкви на стрелке Нижнего замка в Полоцке было установлено еще П.А. Раппопортом, который проводил тут археологические исследования в 1976–1977 гг. и обнаружил ряд погребений в гробах у внешней стороны фундаментов церкви (Раппопорт 1980: 154). В 2014 г. на территории, прилегающей к храму, был заложен раскоп Г-образной формы площадью 162 м², на площади которого было зафиксировано более 58 погребений и следы не менее трех могильных ям. В ходе археологического исследования было установлено, что погребения при церкви на стрелке Нижнего замка происходят из двух хронологических разновременных кладбищ, датированных XIII–XIV и XVII–XVIII вв.

Наиболее ранний комплекс, датированный на основании найденного погребального инвентаря XIII–XIV вв., представлен первой группой погребений, расположенной в северо-восточном секторе раскопа. В ходе раскопок на площади около 32 м² было зафиксировано 33 погребения в условных пластах 4–6, а также большое количество переотложенных костей, что свидетельствует о многослойности памятника и его регулярном

использовании. Средняя глубина залегания костяков составляет от 1 до 1,8 м. Наиболее вероятно, что возникновение и формирование данного кладбища связано с функционированием здесь храма, построенного в XII в. Вторая и третья группы погребений расположены в северо-западном и юго-восточном секторах и объединены комплексом общих черт. На основании стратиграфических данных и археологических находок захоронения датируются XVII–XVIII вв. (Дук и др. 2018: 179–180).

На вскрытом участке средневекового кладбища фиксируются два ряда захоронений и одиночные захоронения в третьем ряду. Ряды не выделяются упорядоченностью. Отдельные погребения могут нарушать систему рядов. Расстояния между могильными ямами составляют от 0,1 до 0,5 м, в отдельных случаях до 1 м. Глубина погребальных ям фиксируется в диапазоне 0,5–1 м. Наличие деревянных гробов определяется по находкам железных гвоздей в 11 погребениях. В отдельных случаях фиксируются следы деревянного тлена от гробов. Ширина гробов составляет от 0,42 до 0,45 м.

Все костяки ориентированы головой на запад, иногда с небольшим отклонением на юг. В большинстве случаев руки у умерших положены на живот или на живот и тазовые кости, при этом, как правило, правая рука уложена на левую. Фиксируются единичные случаи, когда руки скрещены на груди или на тазовых костях. Все умершие положены на спину в вытянутом положении в индивидуальные могилы. Только в одном случае зафиксировано коллективное захоронение, состоящее из трех костяков, которые были погребены в одной могильной яме. С боков яма была обставлена досками, по типу гроба. Ширина могильной ямы составляет около 0,6 м. Скелеты из погребения представлены останками молодого мужчины 20–30 лет, юноши 18–20 лет и подростка 14 лет. В погребении присутствовали также отдельные фрагменты детских костей плохой сохранности.

В целом почти все погребения безинвентарные, что является характерным для христианских захоронений. В одном разрушенном погребении было зафиксировано кольцо на фаланге пальца (рис. 2, 2). Оно характеризуется как лжевитое с разомкнутыми концами. По материалам Полоцка его можно датировать XIII–XIV вв. Указанным периодом датируется и пуговица в виде бубенчика (рис. 2, 3). Она выявлена на груди в женском погребении и могла использоваться для застегивания воротника одежды. Три находки плинфы (рис. 2, 1) в погребениях также косвенно подтверждают датировку погребального комплекса.

Начало формирования кладбища при храме можно ориентировочно датировать периодом завершения его строительства. Вскрытый участок кладбища расположен на расстоянии 13–25 м от церкви, определяется как периферийный, а его функционирование датируется XIII–XIV вв. По характеру размещения городской застройки очевидно, что уже в XV –

первой половине XVI в. кладбище при храме прекратило свое функционирование и было застроено городскими усадьбами.

Рис. 2. Погребальный инвентарь с кладбища при храме на Стелке Нижнего замка: 1 – плинфа в погребении № 1 *in situ*; 2 – кольцо на фаланге пальца; 3 – пуговица

Второй средневековый некрополь был обнаружен на территории Верхнего замка, расположенного на возвышенности при впадении р. Полоты в Западную Двину (см. рис. 1). Первоначально предполагалось, что в IX–X вв. именно сюда был перенесен с территории городища полоцкий детинец. Однако в свете новых археологических открытий Д.В. Дук высказал предположение, что в XI–XIV вв. территория Верхнего замка, на которой в XI в. был возведен кафедральный Софийский собор, представляла собой скорее городской сакральный центр, который использовался также для административно-церемониальных целей. Функцию главного укрепленного центра города Верхний замок стал выполнять лишь с начала XIV в. (Дук 2010: 40).

Археологические раскопки на территории Верхнего замка проводились в 2019–2022 гг. под общим руководством И.В. Магалинского в ходе спасательных археологических исследований при проведении

строительных работ на объекте «Реконструкция бывших зданий учреждения здравоохранения в охранной зоне заповедника (Верхний замок) для размещения ГУО «Полоцкое кадетское училище»». Первоначально фрагменты погребений были обнаружены на месте сооружения спорткомплекса. До начала работ на строительной площадке располагался комплекс хозяйственных построек бывшей городской больницы. Для демонтажа фундаментов данных построек разрабатывались шурфы, в которых был зафиксирован переотложенный культурный слой мощностью до 1,5 м с материалами преимущественно XVII–XVIII вв.

В западной части строительной площадки спорткомплекса при разборке фундаментов был обнаружен фрагмент разрушенного захоронения. Скелет был ориентирован головой на запад, а само погребение продолжалось в восточной стене. Погребение располагалось на уровне материка и находилось в гробу, от которого сохранились истлевшие остатки (Левко 2021: 53).

Следующий этап исследования некрополя связан с разработкой котлована для строительства подвального помещения в южной части территории спорткомплекса. Как уже отмечалось, культурный слой на месте исследования был значительно поврежден хозяйственными постройками бывшей городской больницы, в связи с чем работы проводились с помощью строительной техники с послойным снятием переотложенного культурного слоя. В ходе работ в предматериковом слое были зафиксированы пятна могильных ям с остатками гробов и костей, которые разбирались вручную с поэтапной фиксацией. Следующие группы погребений были обнаружены при разработке траншей канализации и водопровода, которые проходили параллельно восточной границе участка строительства спорткомплекса.

В 2021 г. некрополь был частично исследован раскопом, который располагался по трассе траншеи под водопровод и ливневую канализацию. Раскоп был вытянут с севера на юг и имел размеры 14,0×5,0 м. В пределах третьего условного пласта, который был представлен черной, влажной, мелкокомковатой землей, были обнаружены остатки деревянного ограждения, которое располагалось на трассе от северо-западного угла раскопа к юго-восточному. Этот частокол являлся границей между усадьбой и кладбищем (захоронения были обнаружены к западу и югу от ограды). С целью уточнения северной границы некрополя в 2022 г. были проведены разведывательные раскопки в частном секторе, в результате чего был выявлен культурный слой с материалами XI–XVIII вв. без следов погребений.

Всего в ходе археологических работ было обнаружено не менее 115 точно зафиксированных погребений, часть из которых была представлена почти целыми скелетами, часть – неполными и разрушенными, встречались также отдельные скопления костей и фрагменты скелетов

различных индивидов. Погребения производились в деревянных гробах, которые делались из досок, часто обложенных берестой. Ориентация погребенных западная, с отклонениями на север и юг. В большинстве прослеженных случаев руки скелетов положены на животе, иногда на груди или вытянуты вдоль тела. Погребенные уложены в гробы на спину в анатомическом порядке, в единичных случаях встречено нарушение порядка залегания костей в потревоженных погребениях (череп в районе ног, крестец в районе черепа и т.д.).

В ходе исследований в погребениях были зафиксированы единичные находки (рис. 3). Среди обнаруженных артефактов необходимо отметить фрагменты стеклянных браслетов (погребения № 2, 9, 15, 42, 47, 56, 72), пряслица (погребения № 15, 22, 35, 69, 96), лжевитой перстень из цветного металла (погребение 1), поясные кольца и пряжки (погребения № 13, 71, 87), стеклянные бусы (погребение № 84), гвозди (погребения № 2, 10), остатки головного венчика (погребение № 43), стенки амфор (погребения № 34, 35), а также многочисленные фрагменты керамических горшков XII–XIII вв. Особенно стоит отметить находки двух фрагментированных односторонних гребней (погребения № 57 и 58, рис. 3, 1, 2) и полностью сохранившегося головного венчика из спиралей и колец (погребение № 71, рис. 3, 8–11).

Важно также отметить, что найденная в погребении № 43 в районе черепа пластинчатая бляшка рассыпалась при попытке ее извлечь. Однако в непосредственной близости от могильника было обнаружено скопление аналогичных бляшек (11 экз.), а также каменная литейная форма, что может указывать на изготовление подобных изделий непосредственно на территории Верхнего замка (рис. 3, 12–15). Химический анализ данных предметов показал, что все они изготовлены из «чистого» олова, которое кроме Sn содержит незначительные примеси Cu (до 0,712%), Zn (до 0,095%) и Pb (0,026%)¹. Подобный состав объясняет плохую сохранность бляшки из погребения, рассыпавшейся в результате «оловянной чумы», которая представляет собой процесс превращения белого олова в серое и определяется по образованию на поверхности предмета островков рыхлого серого порошка (Шемаханская 1989: 83). Следует отметить, что оловянно-свинцовые сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы являлись важнейшим сырьем для ювелирного производства на территории Полоцка в XII–XIII вв. (Магалинські 2022: 6).

На нижнюю дату существования могильника указывают находки двух фрагментов односторонних гребней, период бытования которых

¹ Анализ химического состава металла бляшек головного венчика проведен в археологической лаборатории Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой И.В. Магалинским по методу рентгенофлуоресцентного спектрального анализа на портативном РФА-спектрометре Vanta C.

приходится на X–XI вв., а также головного венчика, датирующегося по аналогиям XI–XII вв. (Давидан 1962: 101; Археология... 2008: 114; Древнерусский некрополь... 2011: 82; Мядзведзева 2013: 49). Учитывая, что древнейшие материалы из предматериковых слоев и материковых ям Западного раскопа 1 относятся к концу X – началу XI в., возникновение могильника следует отнести к XI в.

Рис. 3. Отдельные находки из могильника XI–XIII вв. на территории Верхнего замка Полоцка: 1–2 – гребни; 3–5 – стеклянные браслеты; 6–7 – пряслица; 8–11 – детали головного венчика; 12–15 – бляшки головного венчика, обнаруженные рядом с могильником

На верхний хронологический рубеж функционирования некрополя указывают находки стеклянных браслетов, которые появились в культурном слое Полоцка в XII в., а наибольшее распространение получили в XIII в. (Щапова 1972: 118). Шиферные пряслица из розового, лилового, реже серого овручского сланца появляются на Полоцкой земле в конце XI в. и почти полностью исчезают во второй половине XIII в. (Костюкевич 2017: 17). Преимущественно XII–XIII вв. датируются также пластинчатые бляшки головного венчика (Рябцева 2015: 244). Таким образом, имеющиеся материалы позволяют датировать могильник в пределах XI–XIII вв.

Следует отметить, что некрополь мог принадлежать неизвестному храму или часовне. На наличие в непосредственной близости от кладбища неизвестной постройки из плинфы культового назначения указывают пятна разрушения в виде блоков кладки на известково-цемяночном растворе. Среди свидетельств существования храма можно отметить также находки плиток пола, не имеющих аналогов в Полоцке, и отдельных фрагментов штукатурки с фресковой росписью, расплавленного свинца и др. Учитывая, что центр наибольшей концентрации погребений расположен ближе к северо-западному углу здания пищеблока, можно предположить местонахождение неизвестного храма в этой части Верхнего замка.

Материалы и методы

В ходе антропологической экспертизы костных материалов из некрополя XI–XIII вв. с территории Верхнего замка были выявлены останки не менее 160 человек, из которых 94 принадлежали взрослым (25 мужчин, 37 женщин, пол остальных взрослых не был определен из-за фрагментарной сохранности скелетов), 66 – детям в возрасте от 0 до 15 лет.

Материалы погребений XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка представлены останками не менее 61 индивида, из которых 49 принадлежали взрослым (24 мужчины, 12 женщин, пол 13 взрослых не был определен из-за фрагментарной сохранности скелетов), 12 – детям разного возраста.

Остеологические материалы исследованы по комплексной программе, включающей определение пола, возраста, краниометрические и остеометрические исследования, регистрацию патологий и травм. Определение пола и возраста осуществлялось с использованием традиционных методов (Алексеев, Дебец 1964; Ubelaker 1989; Hettmann 1990; Buikstra 1994).

Измерение черепов с последующим вычислением углов и указателей проводилось в соответствии со стандартной методикой. Для оценки полученных показателей использовались таблицы краниометрических

констант (Алексеев, Дебец 1964: 114–125). При определении значимости различий между средними величинами признаков использовался *t*-критерий Стьюдента (Дерябин 2004: 43). Реконструкция прижизненной длины тела осуществлялась на основании данных измерения длинных костей по методу М. Троттер и Г. Глезер (Piontek 1996).

В рамках данного исследования было осуществлена реконструкция внешности по двум черепам, мужскому (Верхний замок, погребение 50) и женскому (Нижний замок, погребение 51). На основе черепов выполняли контурные (фас и профиль) и графические (фас и профиль) реконструкции внешнего облика. Для этого сначала рассчитывали прижизненные размеры головы, проводили восстановление описательных признаков внешности с фиксацией особых примет. Процесс восстановления прижизненного облика на основе черепа осуществлялся с использованием программы краниофациального соответствия «Алгоритм внешности» (Балуева, Веселовская 2004; Веселовская 2015а; Веселовская 2018). Эта программа опирается на классические методы отечественной антропологии (Бунак 1941; Алексеев, Дебец 1964) и разработки корифеев в области антропологической реконструкции (Герасимов 1955; Лебединская 1998). Благодаря синтетическому подходу к исследованиям в области краниологии и краниоскопии, с одной стороны, и в области антропометрии и антропоскопии живого лица, с другой, был создан алгоритм перехода от размеров и признаков черепа к соответствующим характеристикам лица. Программа охватывает измерительные признаки, балловые характеристики и качественные варианты элементов лица. Теперь по конкретному черепу можно получить прижизненные размеры в сочетании с антропологической характеристикой физического облика в терминах описания живого лица, так называемый словесный портрет по черепу (Веселовская 2015б).

Материалом для палеопатологического исследования средневекового населения Полоцка послужили костные останки 95 взрослых (36 мужчин, 47 женщин, 12 индивидов, пол которых установить не удалось), выявленные в ходе проведения археологических исследований на территории Верхнего и Нижнего замка. В процессе установления частот встречаемости заболеваний и патологических состояний обе выборки были объединены, так как количество индивидов из Нижнего замка не достигало репрезентативной отметки, позволяющей провести сравнительный анализ между сериями.

В основе палеопатологического анализа лежит комплексный подход, подразумевающий использование общепринятых методов изучения костного материала, разработанных ведущими специалистами в области палеопатологии (Sager 1969; Turner, Nichol, Scott 1991; Boocock, Roberts, Manchester 1995; Бужилова 1998; Aufderheide 1998; Schultz 1988; Steckel 2018). Расчет частоты встречаемости того или иного заболевания или патологического состояния производился по принципу Т. Уолдрона

(Waldron 2009), согласно которому частота встречаемости того или иного признака рассчитывается путем деления количества выявленных случаев на число индивидов в каждой выборке.

Для получения достоверных показателей учитывалась сохранность костного материала согласно каждой группе патологий: травмы черепа – целостность черепа с нижней челюстью или без нее; заболевания зубо-челюстной системы: кариес – сохранность моляров верхней и (или) нижней челюсти, абсцессы челюсти и пародонтопатии – целостность стенок и краев альвеолярных отростков верхней и (или) нижней челюсти, микротравмы – высокая степень сохранности эмали зубов верхней и (или) нижней челюсти; маркеры физиологического стресса: поротический гиперостоз – целостность структуры костей свода черепа, эмалевая гипоплазия – сохранность эмали зубов верхней и (или) верхней челюсти; дегенеративные изменения позвоночника – сохранение целостности тел и поверхностей суставных отростков более 60% позвонков; периостальная реакция на диафизах длинных трубчатых костей – сохранность структуры кости; синусит – открытый доступ к воздухоносным пазухам в случае постмортального разрушения костей лица. Подсчет частот встречаемости остеоартрозных изменений и травматических повреждений посткраниального скелета не производился, так как данные патологические изменения были зафиксированы в единичных случаях.

С целью проведения изотопного анализа были взяты образцы костного материала из 2 мужских, 2 женских и 2 детских погребений каждого некрополя. Применение изотопного анализа позволяет получить некоторые данные о рационе питания древних людей и окружающих их климатических условиях. В процессе жизнедеятельности углерод ($\delta^{13}\text{C}$) и азот ($\delta^{15}\text{N}$) через пищу поступают в организм человека и фиксируются в костной ткани. Кость состоит из органической части (коллаген) и неорганической – карбонатной части. Именно коллаген имеет изотопный состав, который наблюдался в природе в момент его формирования. Поэтому для костных образцов применяется обязательный химический метод выделения коллагена:

1. Образец очистить и поместить в емкость с 3%-м раствором соляной кислоты (HCl) на 24–48 ч.
2. Образец тщательно промыть в дистиллированной воде до нейтральной реакции и залить 1%-м раствором щелочи (NaOH).
3. Образец тщательно промыть в дистиллированной воде до нейтральной реакции и поместить в емкость со слабокислым раствором соляной кислоты (pH=4) на плитку при температуре 80–90 °C до полного растворения кости.
4. Полученный органический раствор отцентрифугировать (либо профильтровать) и поставить в фарфоровой емкости на плитку при температуре 75–90 °C для выпаривания до порошкообразного состояния.

Полученный коллаген передается для анализа на масс-спектрометр. Анализ изотопного состава выполнен при помощи масс-спектрометра ThermoFinnigan Delta V с элементным анализатором CE/EA-1112.

Результаты

Краниология. Состояние сохранности краниологического материала из погребений XI–XIII вв. с территории Верхнего замка позволило осуществить измерения 11 мужских и 13 женских черепов. Средние размеры и указатели мужских и женских серий представлены в табл. 1, 2. Там же представлены сравнительные данные по сельскому населению из курганных погребений XI–XIII вв. с территории Полоцкой земли.

Усредненный мужской краниотип характеризуется долихокранией, большим продольным и средним поперечным диаметрами черепа, большой высотой свода. Лицо ортогнатное, среднее, как по всем абсолютным размерам, так и по верхнелицевому указателю. Орбиты средние по ширине, низкие, как по абсолютной величине, так и по орбитному указателю (хамеконхия), нос средний по ширине, по носовому указателю – широкий (за счет небольшой высоты грушевидного отверстия), с сильно выступающим переносом, о чем свидетельствуют высокие значения дакриального и симотического указателей. Лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости с небольшим уплощением в верхней части (назомалярный угол 139,6°).

Таблица 1
Средние размеры и указатели мужских серий черепов
с территории Полоцкой земли XI–XIV вв.

Признак	Сельское население XI–XIII вв.	г. Полоцк Верхний замок XI–XIII вв.	г. Полоцк Нижний замок XIII–XIV вв.
	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>
<i>Мозговой отдел черепа, мм</i>			
1. Продольный диаметр	188,2 (31)	186,7 (11)	186,1 (19)
8. Поперечный диаметр	139,2 (31)	137,6 (11)	140,0 (18)
5. Длина основания черепа	104,4 (28)	105,3 (11)	103,7 (17)
9. Наименьшая ширина лба	98,1 (29)	98,9 (11)	98,7 (19)
10. Наибольшая ширина лба	118,6 (27)	118,5 (11)	119,5 (19)
12. Ширина затылка	111,9 (29)	109,0 (11)	109,2 (18)
17. Высотный диаметр	137,7 (27)	136,7 (11)	137,7 (18)
<i>Лицевой отдел черепа, мм</i>			
45. Скуловой диаметр	135,3 (9)	134,8 (9)	132,7 (15)
43. Верхняя ширина лица	106,4 (25)	106,1 (11)	106,0 (19)
46. Средняя ширина лица	96,0 (14)	95,7 (9)	95,6 (18)
40. Длина основания лица	98,3 (22)	103,3 (9)	99,6 (17)
48. Верхняя высота лица	68,9 (24)	69,9 (9)	71,5 (18)
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	43,9 (29)	42,4 (10)	42,6 (18)

Признак	Сельское население XI–XIII вв.	г. Полоцк Верхний замок XI–XIII вв.	г. Полоцк Нижний замок XIII–XIV вв.
	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>
52. Высота орбиты	32,4 (30)	31,0 (10)	31,8 (18)
54. Ширина носа	25,0 (24)	26,3 (9)	25,6 (17)
55. Высота носа	52,0 (29)	50,3 (9)	51,2 (18)
DC. Дакриальная ширина	23,0 (25)	23,1 (9)	22,0 (15)
DS. Дакриальная высота	15,8 (17)	12,9 (9)	12,1 (15)
SC. Симотическая ширина	9,8 (28)	8,9 (9)	9,5 (16)
SS. Симотическая высота	5,6 (27)	4,3 (9)	4,6 (16)
<i>Указатели, ед.</i>			
8:1. Черепной	74,1 (29)	73,8 (11)	75,5 (18)
40:5. Выступания лица	93,8 (22)	98,1 (9)	95,9 (17)
48:45. Верхнелицевой	50,5 (9)	51,6 (8)	53,7 (15)
52:51. Орбитный от <i>mf</i>	73,6 (29)	73,3 (10)	74,6 (18)
54:55. Носовой	48,4 (24)	52,3 (9)	50,4 (17)
DS:DC. Дакриальный	69,6 (17)	56,0 (9)	55,5 (15)
SS:SC. Симотический	58,8 (27)	48,6 (9)	48,2 (16)
<i>Углы горизонтальной профилировки, град.</i>			
77. Назомалярный	138,3 (23)	139,6 (10)	139,8 (18)
< <i>zm</i> . Зигомаксиллярный	125,0 (15)	125,6 (9)	123,3 (16)

Примечание. Здесь и в табл. 2 *M* – среднее арифметическое значение признака, (*n*) – количество исследованных черепов.

Таблица 2

**Средние размеры и указатели женских серий черепов
с территории Полоцкой земли в XI–XIV вв.**

Признак	Сельское население XI–XIII вв.	г. Полоцк Верхний замок XI–XIII вв.	г. Полоцк Нижний замок XIII–XIV вв.
	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>
<i>Мозговой отдел черепа, мм</i>			
1. Продольный диаметр	176,6 (29)	178,4 (13)	178,9 (8)
8. Поперечный диаметр	134,2 (26)	137,2 (13)	138,1 (8)
5. Длина основания черепа	96,3 (27)	97,9 (8)	101,2 (6)
9. Наименьшая ширина лба	93,8 (29)	95,3 (13)	96,3 (8)
10. Наибольшая ширина лба	113,9 (29)	117,2 (13)	119,6 (8)
12. Ширина затылка	106,3 (29)	106,0 (12)	106,0 (8)
17. Высотный диаметр	129,7 (27)	131,0 (9)	137,3 (7)
<i>Лицевой отдел черепа, мм</i>			
45. Скуловой диаметр	126,0 (6)	124,8 (10)	127,5 (6)
43. Верхняя ширина лица	99,7 (22)	102,5 (13)	103,0 (8)
46. Средняя ширина лица	88,6 (13)	90,6 (9)	90,0 (5)
40. Длина основания лица	89,9 (20)	93,6 (7)	95,7 (6)
48. Верхняя высота лица	65,2 (18)	67,4 (9)	69,5 (6)
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	41,3 (21)	41,3 (9)	41,0 (6)
52. Высота орбиты	32,2 (21)	32,9 (9)	33,8 (6)
54. Ширина носа	23,6 (19)	24,9 (9)	24,5 (6)

Признак	Сельское население XI–XIII вв.	г. Полоцк Верхний замок XI–XIII вв.	г. Полоцк Нижний замок XIII–XIV вв.
	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>	<i>M (n)</i>
55. Высота носа	48,8 (19)	48,9 (9)	50,3 (6)
DC. Дакриальная ширина	20,5 (20)	21,2 (9)	20,8 (6)
DS. Дакриальная высота	13,5 (18)	10,6 (9)	11,4 (6)
SC. Симотическая ширина	9,4 (20)	9,6 (9)	9,3 (6)
SS. Симотическая высота	5,2 (19)	3,7 (9)	4,5 (6)
<i>Указатели, ед.</i>			
8:1. Черепной	76,0 (26)	76,9 (13)	77,3 (8)
40:5. Выступания лица	93,6 (20)	95,4 (7)	94,6 (6)
48:45. Верхнелицевой	53,6 (5)	52,9 (8)	53,6 (4)
52:51. Орбитный от <i>mf</i>	78,1 (21)	79,7 (9)	82,6 (6)
54:55. Носовой	48,7 (9)	51,3 (9)	48,7 (6)
DS:DC. Дакриальный	67,0 (18)	50,2 (9)	55,5 (6)
SS:SC. Симотический	56,5 (19)	39,9 (9)	48,5 (6)
<i>Углы горизонтальной профилировки, °</i>			
77. Назомалярный	140,9 (22)	141,4 (11)	140,0 (6)
< <i>zm</i> . Зигомаксиллярный	124,1 (11)	128,3 (9)	122,5 (5)

Что касается индивидуальных вариаций, то в мужской выборке XI–XIII вв. преобладают долихокранные черепа (8 из 11), 5 из которых можно охарактеризовать как гиперморфные, характеризующиеся сочетанием таких признаков, как очень большие размеры продольного диаметра, относительно широкое лицо (скуловой диаметр 136 мм и больше), низкие орбиты. Два мужских черепа имеют брахикранную форму при малых размерах продольного диаметра и большой высоте свода в сочетании с низким лицом. Остальные мужские черепа имеют среднее по верхнелицевому указателю лицо. Несмотря на то, что усредненный показатель характеризует серию как ортогнатную, численно в выборке преобладают мезогнатные черепа (5 из 9).

Женская выборка черепов XI–XIII вв. с территории Верхнего замка по своим усредненным характеристикам мезокранна. Как и у мужчин, мозговой отдел крупный, с большим продольным диаметром и высоким сводом, лицевой отдел характеризуется ортогнатностью, средними категориями всех абсолютных размеров и верхнелицевого указателя. Как и в мужской выборке, орбиты средние по ширине и низкие, однако по орбитному указателю попадают в категорию средних. Уплощенность лица на уровне орбит и скул в женской выборке выражена несколько больше, чем в мужской (назомалярный угол – 141,4°, зигомаксиллярный угол – 128,3°), дакриальный указатель относится к категории средних при высоких значениях симотического указателя (табл. 2).

Среди женских черепов XI–XIII вв. численно преобладают мезокранные (8 из 13), три черепа долихокранные, два брахикранные, при этом, в отличие от мужской выборки, брахикrania сочетается с средними и

большими величинами продольного диаметра. В целом в женской выборке численно преобладают черепа с большим продольным диаметром (11 из 13). В отличие от мужской, в женской выборке встречаются индивиды с узким по верхнелицевому указателю лицом в сочетании с высокими орбитами (в 2 случаях). Большинство женских черепов (7 из 11) характеризуется уплощенностью лица на уровне орбит (назональный указатель 141° и больше) при высоких и средних величинах дакриального указателя и выраженной профилировке на уровне скул.

Состояние сохранности скелетного материала из погребений XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка позволило осуществить измерения 18 мужских и 7 женских черепов.

Как видно из табл. 1, практически все категории размеров и указателей в мужской серии XIII–XIV вв. совпадают с таковыми в выборке из более ранних погребений с территории Верхнего замка, за исключением черепного указателя – мезокrania (черепной указатель 75,3). Что касается индивидуальных вариаций формы мозгового отдела, то долихокранные и мезокранные черепа в выборке XIII–XIV вв. распределились поровну (8 и 8), один оказался брахиокранный. Вполне возможно, что в хронологически более поздней серии с территории Нижнего замка уже наметилась тенденция к эпохальному сдвигу в направлении брахицефализации. В отличие от серии XI–XIII вв., в выборке с территории Нижнего замка встречаются черепа с узким по верхнелицевому указателю лицом (5 из 15). По указателю выступания лица большинство черепов ортогнатные, лишь один череп характеризуется мезогнатностью, один – прогнатностью (указатель выступания лица 103,5).

Несмотря на отмеченные различия индивидуальных вариаций, сравнение обеих выборок полоцких мужских черепов с использованием *t*-критерия Стьюдента не выявило статистически достоверных различий между ними, что позволяет объединить их в одну общую серию.

Женская выборка черепов с территории Нижнего замка по пропорциям мозгового отдела черепа выявляет сходство с мужской (мезокrania, большие размеры продольного и высотного диаметров черепа, средние – поперечного). В отличие от мужской части выборки, в которой все размеры лицевого скелета относятся к категории средних, в женской выборке большинство абсолютных размеров (скуловой диаметр, верхняя ширина лица, верхняя высота лица) относятся к категории больших величин или к ним приближаются. При этом по всем категориям размеров грушевидного отверстия, а также по признакам, характеризующим профилировку лица и степень выступания переносья, женская выборка из погребений на территории Нижнего замка имеет близкое сходство с мужской.

Сравнение двух полоцких выборок женских черепов с использованием *t*-критерия Стьюдента позволило установить достоверные

различия по высоте черепа и профилировке лица. Более поздняя серия из погребений XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка выделяется более высоким сводом черепа, более выраженной профилировкой лица на уровне скул.

Для определения места исследованных групп населения города Полоцка в контексте местного сельского населения была привлечена серия сельских курганных погребений XI–XIII вв. (см. табл. 1, 2). Сравнение суммарной мужской серии из Полоцка с курганной серией с использованием *t*-критерия Стьюдента позволило установить достоверные различия по комплексу показателей, характеризующих структурные особенности лицевого скелета, таких, как указатель выступа лица, ширина орбиты, носовой указатель, дакриальная и симотическая высота, дакриальный и симотический указатели. Городские мужчины из Полоцка отличаются от сельских сдвигом в сторону мезогнатности, менее широкими орбитами, более широким носом, менее выступающим переносьем.

Сравнение суммарной женской серии из Полоцка с курганной сельской серией с использованием *t*-критерия Стьюдента позволило установить достоверные различия по комплексу показателей, характеризующих размеры мозгового отдела (продольный диаметр, наибольшая ширина лба, высотный диаметр, длина основания черепа, длина основания лица) и структурные особенности лицевого скелета (верхняя высота лица, верхняя ширина лица, дакриальная и симотическая высота и соответствующие указатели). Городские женщины из Полоцка отличаются от сельских более крупными размерами мозгового отдела, более высоким и широким лицом с менее выступающим переносьем.

Отмеченные различия могут быть обусловлены генетически как следствие участия в формировании антропологического состава средневекового населения Полоцка пришлого компонента. Антропологическая специфика средневекового населения Полоцка была отмечена и по результатам одонтологического исследования (Лейбова 2020: 263, 265).

Длина тела. В исследованной группе населения, оставившей погребения XI–XIII вв. на территории Верхнего замка, длина тела у мужчин варьирует в пределах 165–177 см и составляет в среднем 171,6 см, у женщин длина тела варьирует в пределах 150–169 см и составляет в среднем 159,1 см. Разница между мужчинами и женщинами – около 12,5 см.

Длина тела взрослых мужчин из группы, оставившей погребения XIII–XIV вв. на территории Нижнего замка, варьирует в пределах 162–175 см и составляет в среднем 169,5 см. Длина тела взрослых женщин варьирует в пределах 147–159 см и составляет в среднем 156 см. Мужчины из исследованной группы XIII–XIV вв. были, таким образом, примерно на 13,5 см выше женщин.

Результаты реконструкции прижизненной длины тела указывают на то, что в период с XI по XIV в. в Полоцке наметилась тенденция к

снижению роста как у мужчин, так и у женщин: мужчины стали ниже примерно на 2 см, женщины – на 3 см.

Реконструкция внешности. В табл. 3 представлены прижизненные размеры головы, рассчитанные на основе размеров-предикторов на черепе. В каждой строке левой колонки первым приведен размер на черепе, по которому рассчитывают соответствующий параметр головы, указанный после слеша. Большинство прижизненных параметров рассчитывают путем прибавления к черепному размеру толщины мягких тканей в соответствующих точках. Так, скуловой диаметр при жизни определяется по скуловому диаметру на черепе плюс 10 мм – по 5 мм с каждой стороны – толщина тканей в точках зигион. Ширину носа и рта, размеры глазной щели, кончика носа и уха рассчитывают по уравнениям регрессии, на основе черепных размеров, с которыми для них получены достоверные коэффициенты корреляции (табл. 3). Все эти рассчитанные на основе черепа прижизненные размеры головы воспроизведены на представленных реконструкциях.

Таблица 3

Прижизненные размеры головы, рассчитанные на основе черепных предикторов

Размер на черепе / Рассчитанный по нему размер головы	г. Полоцк, Верхний замок		г. Полоцк, Нижний замок	
	Мужчина		Женщина	
	23В		51	
	Череп	Голова	Череп	Голова
Продольный диаметр gl-op	177 М	191	182 Б	195
Поперечный диаметр eu-eu	144 С	157	140 С	152
Ширина лба co-co	125 Б	140	121 Б	133
Наименьшая ширина лба ft-ft	103 Б	113 Б	97 Б	107 Б
Верхняя ширина лица fnt-fnt / Ширина лица на уровне глаз	105 С	115	108 Б	118
Ширина орбиты en (cr) – ek (cr) / Длина глазной щели	40 М	25	43 Б	30,1
Скуловой диаметр zy-zy	131 С	141 С	132 Б	142 Б
Симотическая ширина / Ширина переносья	9 С	14	9 С	14
Ширина спинки носа nm-nm	17	22	17	22
Ширина A11-A11 на уровне подносковой точки ss / Ширина носа	36	34 М	34	31,5 М
Ширина A11-A11 на уровне подносковой точки ss / Расстояние между носогубными складками	36	52,1 М	34	47,2 М
Расстояние между 4-ми (жен) и 5-ми (муж) зубами верхней челюсти / Ширина рта che-che	58	57,7 С	48	54,2 С
Ширина между подбородочными отверстиями me-me / Ширина подбородка	45 С	61 С	48 Б	62 Б
Угловая ширина нижней челюсти go-go	102 С	122 С	95 С	113 С
Расстояние между эктокантионами /	93	85	102	94

Размер на черепе / Рассчитанный по нему размер головы	г. Полоцк, Верхний замок		г. Полоцк, Нижний замок	
	Мужчина		Женщина	
	23В		51	
	Череп	Голова	Череп	Голова
Расстояние между наружными уголками глаз				
Межглазничная ширина	20	32	20	30
Физиономическая высота лица tr (cr)-gn		183,6 С		181,8 Б
Морфологическая высота лица so-gn	113	120 М	122	128 Б
Высота лба tr (cr)-so		63,6		53,8
Высота орбиты / Высота глазной щели	29 М	9,0	36 Б	10,9
Высота носа so-ss	59	59 С	63	63 Б
Высота положения раковинного гребня con-ss / Высота крыла носа	14	14 Б	14	14 Б
Высота верхней челюсти ss-sd / Высота верхней губы	13	13 М	14	14 М
Высота нижней челюсти	39	46 С	38	44 С
Высота подбородка sm-gn	22	29 М	19	25 С
Высота нижней части лица ss-gn	59	66	60	66
Ширина A11-A11 на уровне подносовой точки ss / Ширина кончика носа	36	27,6	34	-
Ширина спинки носа / Высота кончика носа	17	21,5	17	-
Скуловой диаметр / Высота уха	131	63,5 С	132	62,3 С
Высота уха / Ширина уха		38,0 С		35,9 С

Примечание. Здесь и в табл. 4 буквами отмечены категории размера: Б – большой, С – средний, М – малый.

Рисунки 4, 5, а, б демонстрируют процедуру восстановления облика. На них даны контурные реконструкции, где видно, как на контуре черепа строят контур головы, воспроизводят прижизненную форму спинки носа, осуществляют постановку глазного яблока в орбите. На рис. 4, 5, в, г даны собственно графические портреты, на которых с помощью штриховки показан объем и структура лица.

На этих портретах по рекомендациям археологов, соавторов настоящей статьи, представлена атрибутика того времени. Так, при создании портретной реконструкции женщины был воспроизведен головной убор, представляющий собой нашитые на полоску ткани или кожи пластинчатые бляшки, изготовленные из олова. Остатки подобного венца были обнаружены на черепе одной из женщин из некрополя на территории Верхнего замка (погребение 43). Характерный отпечаток венца на черепе женщины указывал на то, что бляшки были нашиты лишь по фронтальной и боковым частям венца. Как отмечалось выше, в XIII–XIV вв. на территории Полоцка существовало собственное производство подобных ювелирных украшений, о чем свидетельствует находка скопления аналогичных бляшек, а также каменной литейной формы в непосредственной близости от могильника (см. рис. 3, 12–15).

Помимо визуального восстановления внешнего облика, программа «Алгоритм внешности» оснащена системой индексов, характеризующих пропорции головы. Отнесение индексов к категориям (малый, средний, большой) позволяет описать качественные особенности, индивидуализирующие внешний облик. Таблица 4 содержит индивидуальные индексы, рассчитанные по двум исследованным черепам.

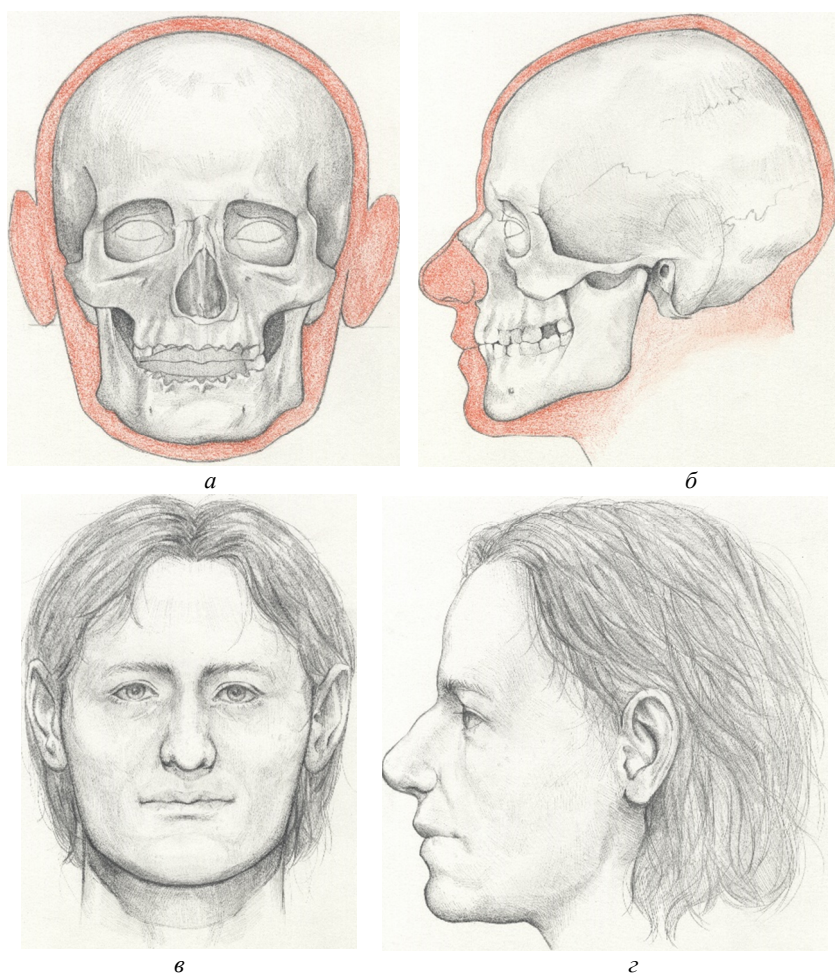

Рис. 4. Этапы восстановления внешности на основе черепа. Мужчина из погребения № 50 с территории Верхнего замка. Авторы реконструкции Е.В. Веселовская, Е.А. Акилова: *а* – контурная реконструкция, фас; *б* – контурная реконструкция, профиль; *в* – графический портрет, фас; *г* – графический портрет, профиль

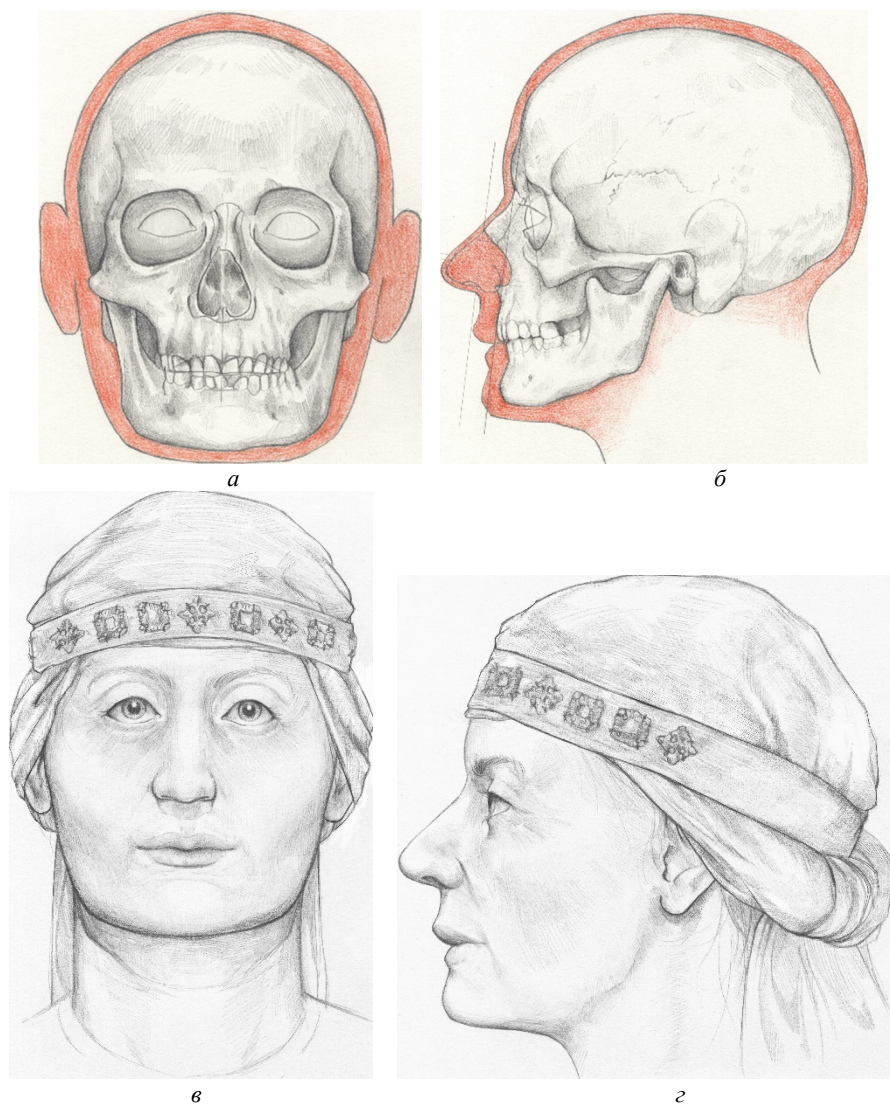

Рис. 5. Этапы восстановления внешности на основе черепа. Женщина из погребения № 51 с территории Нижнего замка. Авторы реконструкции Е.В. Веселовская, Е.А. Акилова: *а* – контурная реконструкция, фас; *б* – контурная реконструкция, профиль; *в* – графический портрет, фас; *г* – графический портрет, профиль

Буквами М, С, Б обозначена категория, в которую попадает конкретный индекс (табл. 4). Используя эту таблицу и выполненные реконструкции, можно дать словесное описание внешности этих индивидов с акцентом на индивидуализирующие признаки.

Т а б л и ц а 4

Индексы пропорций головы

Индексы	Полоцк, Верхний замок	Полоцк, Нижний замок
	Мужчина № 23В	Женщина № 51
Головной указатель Поперечный диаметр/продольный диаметр × 100	82,2 Брахицефалия	78,0 Мезоцефалия
Относительная ширина лица Скуловой диаметр / МВЛ	1,175 С	1,109 М
Относительная высота уха Высота уха / МВЛ	0,529 С	0,487 С
Относительная ширина уха Ширина уха / Продольный диаметр	0,199 С	0,184 С
Пропорции уха Ширина уха / высота уха	0,600 С	0,576 С
Относительная высота лба Высота лба / МВЛ	0,530 Б	0,420 С
Относительная ширина лба Ширина лба / скуловой диаметр	0,993 Б	0,937 Б
Относительная длина глазной щели Длина глазной щели / ширина лица на уровне глаз	0,218 М	0,255 С
Относительная высота глазной щели Высота глазной щели / МВЛ	0,075 М	0,086 Б
Выступление глазного яблока Высота орбиты / ширина орбиты	0,725 М	0,837 С
Относительное выступание скул Скуловой диаметр / наименьшая ширина лба	1,248 М	1,327 С
Относительная ширина носа Ширина носа / скуловой диаметр	0,241 М	0,222 М
Относительная высота носа Высота носа / ФВЛ	0,321 С	0,347 Б
Относительная ширина переносья Ширина переносья / ширина спинки носа	0,636 М	0,636 М
Относительная ширина спинки носа Ширина спинки носа / ширина носа	0,647 С	0,698 С
Относительная высота крыла носа Высота крыла носа / высота носа	0,237 Б	0,222 Б
Относительная высота верхней губы Высота верхней губы / МВЛ	0,108 М	0,109 М
Относительная ширина рта Ширина рта / нижнечелюстной диаметр	0,473 М	0,479 М
Относительная высота подбородка Высота подбородка / МВЛ	0,242 Б	0,195 С
Относительная ширина подбородка Ширина подбородка / Нижнечелюстной диаметр	0,500 М	0,549 С
Относительная высота нижней челюсти Высота нижней челюсти / МВЛ	0,383 С	0,344 М

Примечание. МВЛ – морфологическая высота лица; ФВЛ – физиономическая высота лица.

Мужчина 20–30 лет (Верхний замок, погребение № 50). Головной указатель индивида попадает в градации брахикрании, по форме голова округлая. Лицо среднее по ширине, прямоугольное, хорошо профилировано. Ухо среднее как по пропорциям, так и по размерам. Лоб высокий и широкий, прямой. Рельеф надбровья выражен средне. Размеры глазной щели малые, глазное яблоко выступает слабо. Скулы не выступающие. Нос в крыльях узкий и средневысокий, крылья носа высокие. Имеется прижизненный перелом спинки носа, приведший к искривлению спинки в левую сторону. Смещение носа заметно также на уровне расположения крыльев носа, кончик носа смещен в левую сторону, левое крыло расположено несколько выше правого. Переносье узкое, довольно глубокое, спинка носа среднеширокая. Прикус ножницеобразный. Губы выступают равномерно относительно друг друга. Верхняя губа короткая, ротовая щель также короткая по длине. Подбородок высокий, по ширине узкий, выступает в средней степени. Нижняя челюсть также средневысокая и среднеширокая.

Женщина 30–40 лет (Нижний замок, погребение № 51). Головной указатель индивида входит в категории мезокефалии. Лицо узкое, в анфас прямоугольной формы. Ухо среднее по размерам и пропорциям. Лоб средневысокий и широкий, прямой. Глазная щель среднеширокая и высокая, глазное яблоко выступает в средней степени. Складка верхнего века развита средне. Скулы средневыступающие. Нос узкий и длинный. Переносье узкое и неглубокое, спинка носа среднеширокая, в профиль вогнутая. Крыло носа высокое. Основание носа горизонтальное. Прикус карнизообразный, когда передние зубы верхней челюсти нависают над нижними. Поэтому верхняя губа выступает над нижней. Верхняя губа короткая, ротовая щель узкая. Подбородок по ширине и высоте средний, нижняя челюсть небольшая по размерам.

Палеодемография. Результаты определения пола и возраста погребенных были использованы для проведения палеодемографического анализа. В табл. 5 приведены основные палеодемографические характеристики двух групп населения, представленных материалами погребений на территории Верхнего и Нижнего замков. В группе населения XI–XIII вв. с территории Верхнего замка детские останки (младше 15 лет) составляют 41,5% от общего числа погребенных, что приближается к ожидаемым показателям и свидетельствует о неплохой сохранности скелетных материалов. Что касается соотношения полов, то на исследованной части некрополя наблюдается довольно нетипичная ситуация – женские захоронения численно преобладают над мужскими (табл. 5).

В остеологической выборке, представленной материалами погребений XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка, доля детей составляет 19,7% от общего числа погребенных, что указывает скорее на недоучет детских останков. Это вполне объяснимо, учитывая большое количество

разрушенных и переотложенных погребений в некрополе. Что касается соотношений полов, то в группе XIII–XIV вв. мужские скелеты преобладают над женскими.

Учитывая возможность недоучета детских останков, анализ среднего возраста смерти производился без учета детской смертности. Средний возраст смерти взрослых в исследованной группе населения Полоцка XI–XIII вв. составил 36,7 лет, в более поздней группе XIII–XIV вв. этот показатель ниже на 1,6 года и составляет 35,1 лет. Снижение среднего возраста смерти в более поздней группе наблюдается как у мужчин (на 1,7 года), так и у женщин (на 4 года). Ухудшение демографической ситуации подтверждается и сокращением процента доживающих до финальной возрастной когорты в более поздней группе населения Полоцка, как в общей выборке, так и отдельно в группах мужчин и женщин (табл. 5).

Половые различия среднего возраста смерти в группе XI–XIII вв. выражены незначительно, разница составляет всего 0,6 года. В группе XIII–XIV вв. различия смертности между мужчинами и женщинами выражены более существенно, женщины в среднем жили на 3 года меньше, чем мужчины (табл. 5).

В целом демографическая ситуация в Полоцке XI–XIII вв. выглядит более благоприятной по сравнению с XIII–XIV вв. Отмеченная тенденция к сокращению продолжительности жизни у населения Полоцка XIII–XIV вв. по сравнению с более ранним периодом согласуется с представлениями об изменении климата, которое началось в Европе в XIII в. и характеризуется как малый ледниковый период. Если в XI – начале XIII в. климатические условия на территории Руси и всей Западной Европы были относительно благоприятными, то уже в первой трети XIII в. в летописных источниках фиксируется значительный рост числа экстремальных природных явлений, которые периодически становились причиной голода, эпидемий и гибели значительной части населения Руси (Борисенков, Пасецкий 1988: 500–502). Ситуация могла усугубиться эпидемией чумы, которая прокатилась по Европе в середине XIV в.

Т а б л и ц а 5

Основные палеодемографические характеристики населения Полоцка XI–XIV вв.

Выборка	г. Полоцк, Верхний замок, XI–XIII вв.	г. Полоцк, Нижний замок, XIII–XIV вв.
<i>AA</i> – средний возраст смерти взрослых в группе, лет (старше 15 лет)	36,7	35,1
<i>AAm</i> – средний возраст смерти взрослых мужчин в группе, лет	38,5	36,8
<i>AAf</i> – средний возраст смерти взрослых женщин в группе, лет	37,9	33,9

Выборка	г. Полоцк, Верхний замок, XI–XIII вв.	г. Полоцк, Нижний замок, XIII–XIV вв.
<i>PSR m-f</i> – процентное соотношение мужчин и женщин в группе	40,3:59,7	66,6:33,3
<i>PCD</i> – процент детской смертности в группе	41,5	19,7
<i>C50+</i> – процент индивидов в финальной возрастной когорте	14,0	11,0
<i>C50+m</i> – процент мужчин в финальной возрастной когорте	26,0	18,8
<i>C50+f</i> – процент женщин в финальной возрастной когорте	29,1	12,5

Палеопатология. Согласно результатам палеопатологической экспертизы, на костном материале из полоцких некрополей XI–XIV вв. были зафиксированы следы следующих заболеваний и патологических состояний: травмы черепа, заболевания и патологические состояния зубочелюстной системы (кариес, абсцессы челюсти, пародонтопатии, микротравмы эмали, зубной камень, стертость эмали), маркеры неспецифического физиологического стресса (поротический гиперостоз, эмалевая гипоплазия), заболевания позвоночника (спондилез, узлы (грыжи) Шморля, спондилоартроз), остеоартрозные поражения суставных поверхностей костей плечевого пояса, верхних и нижних конечностей, переломы костей плечевого пояса и грудной клетки, верхних и нижних конечностей, следы воспалительных процессов (периостальная реакция на диафизах длинных трубчатых костей, синусит). В ходе проведения анализа был осуществлен подсчет частот встречаемости некоторых патологий (табл. 6).

Таблица 6
Частота встречаемости заболеваний и патологических состояний
в общей выборке и с учетом пола

Палеопатологические проявления	Население Полоцка (XI–XIV вв.)					
	Всего наблюдений		Число выявленных случаев		%	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Травмы черепа	42		9		21,4	
	19	23	5	4	26,3	17,3
Поротический гиперостоз	56		27		48,2	
	27	27	12	14	44,4	51,8
Эмалевая гипоплазия	49		22		44,9	
	25	22	9	12	36	54,5
Кариес	51		33		64,7	
	25	25	19	14	76	56
Абсцессы челюсти	57		36		63,1	
	28	26	19	16	67,8	61,5

Палеопатологические проявления	Население Полоцка (XI–XIV вв.)					
	Всего наблюдений		Число выявленных случаев		%	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Парадонтопатии	45		36		80	
	25	19	23	12	92	63,1
Микротравмы эмали	45		37		82,2	
	22	21	18	18	81,8	85,7
Спондилез	49		31		63,2	
	23	22	15	13	65,2	59
Узлы Шморля	54		34		62,9	
	27	24	20	11	74	45,8
Спондилоартроз	46		22		47,8	
	22	21	13	8	59	38,1
Реакция периоста	40		8		20	
	16	16	5	1	31,2	6,2
Синусит	24		10		41,6	
	11	11	4	5	36,3	45,4

Помимо вышеуказанных патологий были зафиксированы следы дегенеративных изменений суставных поверхностей костей (остеоартроз) – 7 случаев. Патологические изменения представляли собой деформацию суставной поверхности, изменение границ сочленений, наличие краевых разрастаний и «полировку» в области соприкосновения костей. Что касается локализации патологии в исследуемой выборке, то заболеванием были затронуты акромиально-ключичный сустав (2 случая), плечевой сустав (1 случай), лучезапястный сустав (1 случай), межпястный и пястно-фаланговые суставы (1 случай), коленный сустав (1 случай), межфаланговый сустав стопы (1 случай).

В ходе палеопатологического исследования остеологического материала было зафиксировано 9 случаев травм костей посткраниального скелета. В некоторых случаях места переломов, полученных индивидами незадолго до смерти, имели следы заживления с осложнением в виде воспаления. Согласно локализации, зафиксированные травмы можно разделить на несколько групп: переломы костей плечевого пояса (1 случай), переломы костей грудной клетки (4 случая), переломы костей верхних конечностей (2 случая), перелом костей нижних конечностей (2 случая).

Сравнение встречаемости патологий с учетом пола было установлено, что как мужское, так и женское население в одинаково высокой степени были подвержены развитию заболеваний зубочелюстной системы и дегенерации позвоночника. Полученные результаты позволяют говорить об особенностях повседневной жизни средневекового населения Полоцка, выражающихся в недостатке стоматологической гигиены и специфике рациона питания, включающего продукты с высоким содержанием быстрых углеводов и абразивов. Высокий процент случаев

заболеваний позвоночника скорее является закономерным показателем возрастного износа организма индивидов в ходе воздействия систематических биомеханических нагрузок.

Небольшой процент травматических повреждений черепа (21,4%) характеризует средневековое население Полоцка, погребенное на территории Верхнего и Нижнего замков, как относительно мирное. На это также указывает отсутствие следов применения холодного или метательного оружия.

Частота встречаемости маркеров физиологического стресса (поротический гиперостоз – 48,2%, эмалевая гипоплазия – 44,9%), имеющая схожие данные как для мужчин, так и для женщин, является показателем единого воздействия стрессогенных факторов на население Полоцка XI–XIV вв.

Следы реакции периоста, как показателя социальной активности горожан, чаще зафиксировались на костных останках мужчин (31,2% случаев), что объясняется более высокой степенью сохранности крупных костяков в сравнении с грацильными женщинами.

Частота встречаемости воспалительных изменений верхнечелюстных пазух (41,6% случаев) в равной степени характерна для мужского и женского населения Полоцка, что можно объяснить негативным влиянием жилищно-бытовых условий, сопутствующих заболеваний и ограниченности медицинских практик средневекового города.

Изотопный анализ. Применение изотопного анализа позволяет получить некоторые данные о рационе питания древних людей и окружающих их климатических условиях. Полученные результаты изотопных исследований в скелетах 4 мужчин, 4 женщин и 4 детей показали диапазон изменений углерода от –20,7‰ до –21,8‰ и содержание азота в интервале от 9‰ до 13,1‰. Это позволяет предположить, что основу их питания составляла в основном пища растительного происхождения. Это овощи, ягоды, каши и похлебки из зерна и бобовых. Молоко, мясо и рыбу они ели редко. Но эта пища все же присутствовала в их рационе. Судя по схожему изотопному составу азота в скелетах, можно с уверенностью предположить, что дискриминации в питании женщины и ребенка не было. Вероятно, дети в большей степени питались белковой пищей, судя по содержанию изотопа N15. По всей видимости, основу их питания составляли молоко и продукты молочного происхождения. Показания по углероду и азоту также позволяют отметить, что люди эти жили в нежарком, достаточно влажном климате.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования материалов двух средневековых некрополей из Полоцка было установлено, что средневековое население

Полоцка XI–XIV вв. отличалось от хронологически близкого сельского населения Полоцкой земли комплексом признаков, характеризующих структурные особенности лицевого скелета. Эти различия могут быть следствием участия в формировании антропологического состава средневекового населения Полоцка пришлого компонента. В более поздней выборке XIII–XIV вв. отмечена тенденция к началу эпохальных изменений мозгового отдела в сторону брахикефализации.

Выполнена научная реконструкция внешности по черепам мужчины из Верхнего замка (XI–XIII вв.) и женщины, захороненной на территории Верхнего замка (XIII–XIV вв.). Визуальное восстановление облика дополнено антропологическим описанием прижизненной внешности в терминах «словесного портрета».

В исследованной группе населения, оставившей погребения XI–XIII вв. на территории Верхнего замка, длина тела мужчин составляла в среднем 171,6 см, у женщин – 159,1 см. В более поздней группе населения с XIII–XIV в. из Полоцка наметилась тенденция к снижению длины тела: мужчины стали ниже примерно на 2 см, женщины – на 3 см.

Данные об условиях жизни и общем состоянии здоровья населения средневекового Полоцка были получены в ходе палеодемографического и палеопатологического исследования, а также в результате проведения изотопного анализа.

В ходе палеодемографического анализа установлено сокращение продолжительности жизни населения Полоцка XIII–XIV в. по сравнению с более ранним периодом. Ухудшение демографической ситуации могло быть обусловлено изменениями климата, начавшимися в Европе в XIII в., в связи с чем увеличилось число экстремальных природных явлений, которые периодически становились причиной голода, эпидемий и гибели значительной части населения.

Результаты палеопатологического анализа показали, что наиболее часто фиксируемыми заболеваниями средневековых полочан XI–XIV вв. были заболевания зубочелюстной системы (микротравмы эмали, пародонтопатии, кариес, абсцессы челюсти), а также патологии позвоночника (спондилез, узлы Шморля). Как мужское, так и женское население Полоцка в одинаково высокой степени было подвержено развитию заболеваний зубочелюстной системы и дегенерации позвоночника. Сравнительно небольшой процент травматических повреждений черепа характеризует средневековое население Полоцка как относительно мирное, на что указывает также отсутствие следов применения холодного или метательного оружия. Сходство частот встречаемости маркеров физиологического стресса (поротический гиперостоз, эмалевая гипоплазия) и частот встречаемости воспалительных изменений верхнечелюстных пазух в мужских и женских выборках является показателем единого воздействия стрессогенных факторов на население Полоцка XI–XIV вв.

Согласно результатам изотопного анализа, основу рациона средневековых полочан составляла в основном пища растительного происхождения (овощи, ягоды, каши и похлебки из зерна и бобовых). Молоко, мясо и рыбу они позволяли себе редко. Но эта пища все же присутствовала в их рационе. Судя по схожему изотопному составу азота в скелетах, можно с уверенностью предположить, что дискриминации в питании женщины и ребенка не было. Вероятно, дети в большей степени питались белковой пищей, судя по содержанию изотопа N15. По всей видимости, основу их питания составляли молоко и продукты молочного происхождения.

Список источников

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология. 2008.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988.
- Бунак В.В. Антропометрия. М., 1941.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 143–150.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87–146.
- Веселовская Е.В., Балуева Т.С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 22–42.
- Веселовская Е.В. Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // Этнографическое обозрение. 2015а. № 2. С. 83–98.
- Веселовская Е.В. Словесный портрет по черепу // Сборник трудов Всероссийской научной конференции «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики» (VI Алексеевские чтения). 2015б. С. 31–33.
- Веселовская Е.В. «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1955.
- Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1962. Вып. 4. С. 95–108.
- Дерябин В.Е. Биометрическая обработка антропологических данных с применением компьютерных программ // Депонированные научные работы: библиогр. указатель. Естественные и точные науки, техника. 2004. № 3. С. 8.
- Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: в 2 т. Т. 1. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб.: Нестор-История, 2012.
- Дук Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010.
- Дук Д.У., Емяльничык В.А., Коц А.Л. Могілки на стрэлцы Ніжняга замка ў Полацку // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2018. Вып. 29. С. 171–182.

- Костюкевич А.В. Привозные изделия IX–XIII вв. на территории Полоцкой земли: автореф. ... канд. ист. наук. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2017.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1998.
- Левко О.Н. и др. Начальный этап новых исследований Верхнего замка Полоцка (2018–2020 гг.) // Беларускe Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. арт. Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. С. 48–60.
- Лейбова Н.А. Одونتология средневекового населения Беларуси // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 258–268.
- Магалінскі І.У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X–XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 2–7.
- Мядзведзьева В.У. Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII ст. Мінск: Беларус. навука, 2013.
- Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012.
- Раннопорт П.А. Полоцкое зодчество XII в. // Советская археология. 1980. № 3. С. 143–163.
- Рассказова А.В., Веселовская Е.В., Пеленицына Ю.В. Краниофациальные соотношения среднего этажа лица по материалам компьютерных томограмм // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 4. С. 66–78.
- Рябцева С.С. О древнерусских венцах из пластинчатых бляшек в контексте формирования ювелирных уборов XII–XIV веков // Ювелирное искусство и материальная культура: сб. статей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 236–245.
- Шемаханская М.С. Реставрация металла (методические рекомендации). М.: ВНИИР, 1989.
- Щапova Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Aufderheide A. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Boocock P., Roberts C., Manchester K. Maxillary sinusitis in medieval Chichester, England // American journal of physical anthropology / ed. by E. Szathmáry. New York: Wiley, 1995. Vol. 98 (4). P. 483–495.
- Buikstra J. Standards for data collection from human skeletal remains. Arkansas: Arkansas Archeological Survey, 1994.
- Herrmann B. Prehistorische Anthropologie: Leitfaden der Feldund Labormethoden. Berlin, New York: Springer-Verlag, 1990.
- Piontek J. Biologia populacji pradziejowych. Poznań: Wydawnictwo naukowe, 1996.
- Sager P. Spondylosis cervicalis. A pathological and osteoarchaeological study of osteochondrosis intervertebralis cervicalis, arthrosis uncovertebralis, and spondylarthrosis cervicalis: thesis Ph. D. of Medicine. Copenhagen: Munksgaard, 1969.
- Schultz M. Paläopathologische Diagnostik // Anthropologie: Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen. Stuttgart: Fischer, 1988. Bd. 1 (1). S. 480–496.
- Steckel R. Data collection codebook // The Backbone of Europe: health, diet, work and violence over two Millennia. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Ch. 14. P. 397–427.
- Turner C., Nichol C., Scott G. Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropology. New York: Wiley Liss, 1991. P. 13–31.
- Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Washington: Taraxacum, 1989.
- Waldron T. Paleopathology. London: Cambridge University Press, 2009.

References

- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964) *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Cranioimetry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Arkheologiia severnorusskoi derevni X–XIII vekov: srednevekove poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere: v 3 t. T. 2: Material'naia kul'tura i khronologiia* [Archeology of the Northern Russian village of the X–XIII centuries: medieval settlements and burial grounds on Kubenskoye Lake: in 3 vols. Vol. 2: Material culture and chronology]. Moscow, 2008.
- Aufderheide A. (1998) *The Cambridge encyclopedia of human paleopathology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Balueva T.S., Veselovskaia E.V. (2004) Novye razrabotki v oblasti vosstanovleniia vneshnego oblika cheloveka po kraniologicheskim dannym [New developments in the field of restoration of human appearance based on craniological data], *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, no. 1, pp. 143–150.
- Boocock P., Roberts C., Manchester K. (1995) Maxillary sinusitis in medieval Chichester, England. *American journal of physical anthropology* / Edit. E. Szathmáry. New York: Wiley, Vol. 98 (4), pp. 483–495.
- Borisenkov E.P., Pasetskii V.M. (1988) *Tysiacheletniia letopis' neobychnykh iavlenii prirody* [A thousand-year chronicle of extraordinary natural phenomena]. Moscow: Mysl'.
- Buikstra J. (1994) *Standards for data collection from human skeletal remains*. Arkansas: Arkansas Archeological Survey.
- Bunak V.V. (1941) *Antropometriia* [Anthropometry]. Moscow.
- Buzhilova A.P. (1998) Paleopatologiia v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiiakh [Paleopathology in bioarchaeological reconstructions]. In: *Istoricheskaiia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniï* [Historical human ecology. Methods of biological research]. Moscow: Staryi sad, pp. 87–146.
- Davidan O.I. (1962) Grebni Staroi Ladogi [The hair picks of Staraya Ladoga]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Archaeological collection of the State Hermitage Museum]. Leningrad, Vol. 4, pp. 95–108.
- Deriabin V.E. (2004) Biometricheskaiia obrabotka antropologicheskikh dannykh s primeneniiem komp'iuternykh programm [Biometric processing of anthropological data using computer programs]. In: *Deponirovannye nauchnye raboty: bibliograficheskii ukazatel'. Estestvennye i tochnye nauki, tekhnika* [Deposited scientific papers: a bibliographic index. STEM]. no. 3, pp. 8.
- Drevnerusskii nekropol' Pskova X – nachala XI veka. V 2-kh tomakh. T. 1. Rannegorodskoi nekropol' drevnego Pskova (po materialam raskopov na territorii Srednego goroda)* [The ancient Russian necropolis of Pskov of the X – beginning of the XI century. In 2 volumes. Vol. 1. The early urban necropolis of ancient Pskov (based on the materials of excavations in the territory of the Middle City)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2012.
- Duk D.U. (2010) *Polatsk i palachane (IX–XVIII stst.)* [Polotsk and Polochans (IX–XVIII centuries)]. Navapolatsk: PDU.
- Duk D.U., Emial'ianchyk B.A., Kots A.L. (2018) Mogilki na streltsy Nizhniaga zamka ŷ Polatsku [Cemetery on the spit of the Lower Castle in Polotsk], *Materyialy pa arkhealogii Belarusi*, Vol. 29, pp. 171–182.
- Gerasimov M.M. (1955) *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyi chelovek)* [Reconstruction of the face on the skull (modern and fossilized person)]. Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Moscow.
- Herrmann B. (1990) *Prehistorische Anthropologie: Leitfaden der Feldund Labormethoden*. Berlin, New York: Springer-Verlag.
- Kostiukevich A.V. (2017) *Privoznye izdeliia IX–XIII vv. na territorii Polotskoi zemli: avtoreferat ... kand. ist. nauk* [Imported products of the IX–XIII centuries on the territory of the Polotsk land: abstract of the dissertation of Candidate of Historical Sciences]. Minsk: Institut istorii NAN Belarusi.
- Lebedinskaia G.V. (1998) *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Reconstruction of the face on the skull (methodical guidance)]. Moscow: Staryi sad.

- Leibova N.A. (2020) Odontologiya srednevekovogo naseleniya Belarusi [Dental Non-Metric Traits of Medieval Belarus Population], *Vestnik antropologii*, no. 4 (52), pp. 258–268.
- Levko O.N. et al. (2021) Nachal'nyi etap novykh issledovaniy Verkhnego zamka Polotska (2018–2020 gg.) [The initial stage of new research on the Upper Castle of Polotsk (2018–2020)]. In: *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh i mizhdysyplinarykh dasledavanniay: zb. art.* [Belarusian Podvinye: experience, methodology and results of field and interdisciplinary research: collection of articles]. Navapolatsk: Polats. dziazrh. un-t, pp. 48–60.
- Magalinski I.U. (2022) Khimichny sklad vyrabaŭ z kaliarovykh metalaŭ X–XIII stst. z terytoryi Paŭnochnai i Tsentral'nai Belarusi [Chemical Composition of Products from Non-Ferrous Metals Of 10th–13th Centuries from The Territory of Northern and Central Belarus], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 2–7.
- Miadzvedzveva V.U. (2013) *Kastiareznaia vytvorchast' Polatskai ziamli IX–XIII stst.* [Bonecutting production of the Polotsk land of the XI–XIII centuries]. Minsk: Belarus. navuka.
- Piontek J. (1996) *Biologia populacji pradziejowych*. Poznań: Wydawnictwo naukowe.
- Povest' vremennykh let* [The Russian Primary Chronicle]. St. Petersburg: Vita Nova, 2012.
- Rappoport P.A. (1980) Polotskoe zodchestvo XII v. [Polotsk architecture of the XII century], *Sovetskaya arkheologiya*, no. 3, pp. 143–163.
- Rasskazova A.V., Veselovskaia E.V., Pelenitsyna Iu.V. (2020) Kraniofatsial'nye sootnosheniia srednego etazha litsa po materialam komp'iuternykh tomogramm [Craniofacial Correlations of The Middle Part of The Face Based on Computed Tomograms], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 4, pp. 66–78.
- Riabtseva S.S. (2015) O drevnerusskikh ventsakh iz plastinchatykh blashek v kontekste formirovaniia iuvelirnykh uborov XII–XIV vekov [On ancient Russian crowns made of plate plaques in the context of the formation of jewelry of the XII–XIV centuries]. In: *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura: sb. st.* [Jewelry art and material culture: collection of articles]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, pp. 236–245.
- Sager P. (1969) *Spondylitis cervicalis. A pathological and osteoarchaeological study of osteochondrosis intervertebralis cervicalis, arthrosis uncovertebralis, and spondylarthrosis cervicalis*: thesis Ph. D. of Medicine. Copenhagen: Munksgaard.
- Schultz M. (1988) Paläopathologische Diagnostik. In: *Anthropologie: Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen*. Stuttgart: Fischer, Bd. 1 (1), pp. 480–496.
- Shchapova Iu.L. (1972) *Steklo Kievskoi Rusi* [Glass of Kievan Rus]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Shemakhanskaia M.S. (1989) *Restavratsiia metalla (metodicheskie rekomendatsii)* [Metal restoration (guidelines)]. Moscow: VNIIR.
- Steckel R. (2018) Data collection codebook. In: *The Backbone of Europe: health, diet, work and violence over two Millennia*. Cambridge: Cambridge University Press, Ch. 14, pp. 397–427.
- Turner C., Nichol C., Scott G. (1991) Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System, *Advances in Dental Anthropology*. New York: Wiley Liss, pp. 13–31.
- Ubelaker D.H. (1989) *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Washington: Taraxacum.
- Veselovskaia E.V. (2015a) Kraniofatsial'nye proporsii v antropologicheskoi rekonstruktsii [Craniofacial Proportions in Anthropological Reconstruction], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 83–98.
- Veselovskaia E.V. (2015b) Slovesnyi portret po cherepu [A verbal portrait based on the skull]. In: *Sbornik trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Paleoantropologicheskie i bioarkheologicheskie issledovaniia: traditsii i novye metodiki» (VI Alekseevskie chteniia)* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Paleoanthropological and bioarchaeological research: traditions and new methods" (VI Alekseev readings)]. pp. 31–33.
- Veselovskaia E.V. (2018) «Algoritm vneshnosti» – kompleksnaia programma antropologicheskoi rekonstruktsii [“Appearance Algorithm” – The Comprehensive Program of Craniofacial Reconstruction], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 2, pp. 38–54.

- Veselovskaia E.V., Balueva T.S. (2012) *Novye razrabotki v antropologicheskoi rekonstruktsii* [New developments in anthropological reconstruction], *Vestnik antropologii*, Vol. 22, pp. 22–42.
- Waldron T. (2009) *Paleopathology*. London: Cambridge University Press.

Сведения об авторах:

ЕМЕЛЬЯНЧИК Ольга Антоновна – кандидат биологических наук, доцент кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: o.emeljanchik@psu.by

ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, Учебно-научный центр социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет; главный научный сотрудник, Центр физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: vasbor1@yandex.ru

РАШКОВСКАЯ Юлия Вадимовна – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com

КАМИНСКАЯ Дарья Сергеевна – преподаватель кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: d.kaminskaya@psu.by

МАГАЛИНСКИЙ Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: I.mahalinski@psu.by

КОЦ Алексей Леонидович – старший преподаватель кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: a.kots@psu.by

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Volha Yemialyanchyk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Polotsk, Republic of Belarus). E-mail: o.emeljanchik@psu.by

Elizaveta V. Veselovskaya, Russian State University for the Humanities; Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

Sergey V. Vasilyev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Yulia V. Rashkovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com

Darya Kaminskaya, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Polotsk, Republic of Belarus). E-mail: d.kaminskaya@psu.by

Ihar Mahalinski, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Polotsk, Republic of Belarus). E-mail: I.mahalinski@psu.by

Aliaksei Kots, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Polotsk, Republic of Belarus). E-mail: a.kots@psu.by

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 31.08.2023;
accepted for publication 19.11.2023.*

Научная статья
УДК 30(39)
doi: 10.17223/2312461X/42/13

Американская жизнь русских программистов (этногендерный аспект)

Наталья Валентиновна Шалыгина

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
etgender@mail.ru*

Аннотация. Анализируются особенности повседневной жизни двух поколений русскоязычных программистов в США (конец 1990-х – начала 2020-х гг.). Основная задача – показать динамику адаптационных возможностей русских программистов в инокультурной среде американских ИТ-компаний. На базе материалов полевого исследования изучалась как профессиональная деятельность (с учетом гендерных аспектов), так и частная, а также семейная жизнь русских программистов в Америке. В процессе проведения полевого исследования применялись такие исследовательские методы, как включенное наблюдение, проведение интервью, анализ блогосферы и изучение писем на родину 1990-х гг., отражающих реальные переживания русскоязычных программистов и членов их семей в процессе привыкания к американскому образу жизни. Методологическая база исследования основана на междисциплинарном анализе и включает в себя рассмотрение как зарубежных, так и российских исследовательских работ.

Ключевые слова: мифодизайн, «американская мечта», социальная идентичность, микроистория, гендерный дисбаланс, глобализация, патриархатные стереотипы

Благодарности: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Шалыгина Н.В. Американская жизнь русских программистов (этногендерный аспект) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 256–283. doi: 10.17223/2312461X/42/13

Original article
doi: 10.17223/2312461X/42/13

American Life of Russian Programmers (An Ethnogender Aspect)

Natalya V. Shalygina

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, etgender@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the everyday life of two generations of Russian-speaking programmers in the United States (late 1990s –

early 2020s). The main task was to consider the dynamics of the adaptive capabilities of Russian programmers in the foreign cultural environment of American IT companies. Based on field research materials, both professional activities (with gender aspects considered), as well as the private and family life of Russian programmers in America were studied. The research methods included participant observation, interviews, analysis of the blogosphere and the study of letters to their homeland in the 1990s, reflecting the real experiences of Russian-speaking programmers and their families in the process of getting used to the American way of life. The methodological basis of the article is based on an interdisciplinary analysis and includes consideration of both foreign and Russian research papers.

Keywords: myth design, “American dream”, social identity, microhistory, gender imbalance, globalization, patriarchal stereotypes

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

For citation: Shalygina, N.V. (2023) American Life of Russian Programmers (An Ethnogender Aspect). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 256–283 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/13

Введение

Представления бывших советских граждан, которые в 1990-х гг. массово уезжали в США, о реалиях американской жизни формировались в условиях тотальной нехватки информации и ее «качественного искажения» посредством рекламы. Два этих обстоятельства лежат в основе *мифодизайна*, т.е. искусственного конструирования любого социального мифа, которым можно управлять, встраивая его в подготовленное массовыми коммуникациями общественное сознание (Белл 2004). Россияне, чье сознание практически с самого начала постсоветского периода подвергалось переформатированию с помощью идеологического конструкта под названием «американская мечта», уже не одно десятилетие в той или иной степени сохраняют представления о существовании за океаном «града на холме», способного обеспечить их социальное благополучие. Массовый переезд наших соотечественников в США в поисках «заокеанской синекуры» представляет собой непростую социокультурную проблему, затрагивающую как частные судьбы россиян, так и судьбу нашей страны в целом.

Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с так называемой утечкой мозгов, когда Россию с самого начала постсоветского периода стали покидать квалифицированные специалисты, способные активно содействовать ее перспективному и стабильному развитию. На современном этапе речь, в первую очередь, идет о русскоязычных программистах, массовый отъезд которых из России, начавшийся еще в 1990-х гг., фактически не прекращается до сегодняшнего дня. В условиях быстрого мирового развития цифровой экономики дефицит программистов в стране чреват существенным замедлением темпов

развития тех сфер общественной жизни, функционал которых напрямую связан с высокими технологиями. Меры, оперативно предпринимаемые сегодня в рамках государственной политики РФ по сохранению человеческого потенциала в области компьютерных технологий, безусловно, приносят свои плоды. Однако за скобками официальной отчетности, как правило, остаются вопросы, касающиеся реального положения дел в ИТ-сфере за рубежом и тех проблем повседневной жизни, с которыми приходится сталкиваться большинству наших программистов в других странах.

История вопроса. Научно-исследовательский багаж, касающийся изучения повседневной жизни русскоязычных программистов в США, пока крайне невелик, причем как в России, так и за рубежом. Тем не менее существуют классические работы зарубежных авторов по изучению повседневности, которые способны обозначить общее парадигмальное пространство рассматриваемой проблемы. К этой категории авторов следует, в первую очередь, отнести представителей различных школ микроисторических исследований, например, таких, как Фернан Бродель (Франция, 1950–1960-е гг.), Л. Гонсалес-и-Гонсалес (Мексика, 1970-е гг.), Карло Гинзбург, Эдоардо Гренди и Джованни Леви (Италия, 1970–1990-е гг.), А. Людке, П. Кридте, Ю. Шлюбойм (Германия, 1970–1990-е гг.) и др. Общий теоретический посыл работ по микроистории заключается в том, что изучение частных, «эфемерных событий» означает не «разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях», что позволяет увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни» (Levi 1992).

Повседневная жизнь современных иммигрантов, будучи гендерно детерминированной, в той или иной мере исследовалась и многими феминистскими авторами, причем не только зарубежными, но и российскими. Так, в специальных выпусках таких научных журналов, как «American Behavioral Scientist» (1999) и «Identities: Global Studies in Culture and Power» (2001), представлены наиболее актуальные на период смены тысячелетий направления изучения адаптации женщин-иммигранток к инокультурной среде. Феминистски ориентированные исследователи сравнивают, например, влияние стартовых позиций мужчин и женщин на их интеграцию в социально-экономическую структуру принимающей страны (структурная ассимиляция) (Gidwani, Sivaramakrishnan 2003), взаимосвязь гендерных и этнических факторов в формировании новой идентичности иммигрантов (Ghaffarian 1987), трансформацию патриархатных стереотипов иммигрантов в условиях глобализирующегося мира (Fincher 1997), независимость распределения гендерных статусов в иммигрантской группе от традиций, принятых в материнской культуре (Gerber 2006), разрушение традиционных представлений о гетеронормативности иммигрантов (Daley 2021), проблемы не востребоваемости творческого и

интеллектуального потенциала женщин-иммигранток (Тюрюканова, Малышева 2001) и др.

Вопросы изучения повседневности иммигрантов так или иначе сопряжены с трансформациями их самоосознания и самоопределения в новых условиях проживания, т.е. с трансформацией социальной идентичности. В отечественных исследованиях, посвященных выявлению наиболее устойчивых, архетипических черт представителей «Русского мира» за рубежом, выделяются такие этнокультурные константы, как открытость иным культурам; отсутствие чувства национального превосходства; общинность и стремление к коллективизму; стирание граней между личным и общественным; «анархическое свободолобие» (Н.А. Бердяев), реформаторство «по-русски» (не заимствование западных ценностей в чистом виде, а стремление к их изменениям при условии сохранения своих традиций); способность к быстрой психоэнергетической мобилизации (за что русских особенно ценят в «айтишной» сфере Кремниевой долины) и т.п. (Гринберг 2012).

Подобного рода архетипы «русского характера» с конца XX – начала XXI в. отечественными исследователями все чаще противопоставляются архетипам «американского характера», сформулированным еще в конце XVIII – начале XIX в. отцами-основателями американской нации и уже в наши дни растиражированным известным американским историком А. Шлезингером-мл., – мессианское предназначение, исключительность американской нации, приоритет «провидческой идеи», возрождение принципов Римской республики в новых условиях и т.п. (Шлезингер-мл. 1992). С точки зрения французского семиотика Р. Барта, фундаментальное, базовое несовпадение основных идеологических конструкторов в национальном характере разных народов неизбежно приводит к мифологизации их образа жизни в массовом сознании и, как следствие, к субъективной и часто неадекватной оценке реальности «другой» культуры (Барт 2000). В начале 1990-х гг. французский социолог и признанный авторитет в области изучения технологий воздействия стереотипов на массовое сознание Жан Мари Дрю заявил, что время доминирования стереотипных представлений о жизни «других» безвозвратно уходит в прошлое и уступает место технологиям взлома мифологизированных стереотипов, которые способны менять привычные ориентации массового сознания и формировать новые (Дрю 2002).

Однако, несмотря на широкий диапазон теоретических разработок, способных пролить свет на устойчивость стереотипа «американской мечты» и оценить его влияние на сознание русскоязычных переселенцев в Америке, глубокий междисциплинарный подход при изучении этого феномена пока не применялся, как не проводились и систематические полевые исследования конкретных групп массовой постсоветской волны переселенцев за океан. Впервые системное изучение одной из таких

групп постсоветских иммигрантов, наиболее мотивированных на работу и постоянное место жительства в США, было проведено автором данной статьи в начале 2000-х гг. и изначально основывалось на намерениях выявить наиболее успешные варианты адаптации наших бывших соотечественников в США.

Исследование проводилось методами включенного наблюдения, автобиографических интервью, изучения нарративов и отдельных случаев (case studies), материалов частной переписки, а также анализа средств массовой информации, социальных сетей и блогосферы рунета. Одновременное использование сразу нескольких качественных методов исследования было продиктовано необходимостью как можно более внимательно «всмотреться» в подробности повседневной жизни иммигрантов, в скрытые от любого количественного исследования детали их «вживания» в новую для себя реальность.

Подобного рода научная традиция возникла еще в 1970-х гг., когда американский антрополог Клиффорд Гирц предложил использовать так называемый метод «насыщенного описания» повседневности, позволяющий исследователю мягко подстраиваться под естественный ритм жизни членов сообщества и таким образом фиксировать не только и не столько происходящие с ними события, сколько смыслы совершаемых ими действий, намерения, ожидания, рефлексии (Geertz 1973). Для изучения иммигрантского сообщества подобного рода метод оказался весьма чувствительным хотя бы в силу того, что сами переселенцы достаточно долгое время после переезда в другую страну находятся в состоянии эмоциональной неопределенности и неготовности отвечать на вопросы, требующие осознанной оценки своих действий.

Метод «насыщенного описания» органично сопряжен с нарративом, т.е. самым обычным повествованием человека о своих повседневных действиях, переживаниях и заботах, которое в случае данного исследования имело как устный, так и письменный характер. Для анализа нарративных материалов, содержащихся в частной переписке, применялась методология Ш. Эриксона (Erickson 1972) и Д. Гербера (Gerber 2006), позволившая учесть множество деталей, упускаемых при использовании других методов исследования, разглядеть существенные особенности деятельности человека, которые обычно ускользают от внимания историков, через малое и частное прийти к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов, через рассказ о конкретных фактах показать реальное функционирование тех аспектов жизни сообщества, которые были бы искажены во время обобщения или количественной формализации. Всего в процессе моего исследования удалось проанализировать 26 писем, в которых нашли свое отражение судьбы 8 семей постсоветских иммигрантов.

Устный нарратив анализировался с помощью метода изучения отдельных случаев, когда респонденты сами нуждались в том, чтобы поделиться

теми проблемами, с которыми они столкнулись в иммиграции. Обычно это был пространный рассказ о том или ином локальном случае, имевшем четко определенные социальные и временные маркеры и носившем характер личного, интерсубъективного опыта. Сама исследовательская стратегия кейс-стадис дает возможность использовать гибкий подход, к нарративу в том числе. Поэтому она применялась мною и в процессе проведения неструктурированного интервью с иммигрантами, когда в процессе повествования появлялись новые эмпирические данные, нередко вынуждавшие оперативно менять саму гипотезу исследования. Следует подчеркнуть, что границы между качественными методами часто оказываются размытыми, поэтому иногда метод изучения отдельного случая в процессе исследования распространялся как на подробное описание неких неожиданных событий, случившихся с иммигрантом, например, в начальный период его пребывания в США, так и, наоборот, на подробное, по сути биографическое описание уже пройденного в иммиграции пути и подведение неких итогов.

Подобного рода подход, позволяющий объединять в одно целое субъективные интерпретации объектом исследования своих действий и одновременно оценку этих действий наблюдающим за ними исследователем в 1990-х гг. был назван британским социологом Теодором Шаниным методом двойной рефлексивности («режим длинного стола») (Шанин 1998). Данный метод является одним из основных в современной социальной и культурной антропологии и, как и метод «насыщенного описания» К. Гирца, заключается в принципиальном отказе от заранее сформулированных ответов при проведении включенного наблюдения и неструктурированного интервью.

Наибольшее внимание в исследовании было уделено методу включенного наблюдения, ставшего широко известным благодаря полевой практике социологов Чикагской школы еще в первой половине XX в. Учитывая тот факт, что метод включенного наблюдения используется как социальными антропологами, так и этнографами или социологами, возможности объединения их подходов в рамках одного исследования позволили установить смыслы, скрытые за институциональными порядками русскоязычного сообщества иммигрантов в США. Структурно метод включенного наблюдения в данном исследовании опирался на опыт американского социолога 1960-х гг. Оскара Льюиса, начавшего наблюдение за жизнью членов одной семьи латиноамериканцев в США, но, имея в виду их многочисленные контакты с родственниками, друзьями, знакомыми, постепенно расширившего круг своих респондентов практически до трехсот человек (Льюис 2001). В моем собственном исследовании таким же «кустовым» методом наблюдения удалось охватить 156 человек, из которых более половины так или иначе планировали после переезда за океан найти себе работу в крупных IT-компаниях США.

Материалы блогосферы и социальных сетей Рунета изучались с учетом методологических позиций аналитика медиасферы Х. Куртца, обращающего особое внимание на необходимость перепроверки социальных медиа ввиду отсутствия у них научного и правового статуса (анонимность пользователей, индекса цитирования и т.п.) (Kurtz 2009). Анализ хэштегов с учетом основ современного социологического знания позволяет, в частности, получать информацию о тех сторонах жизни русскоязычных программистов, которые ощущаются ими самими как наиболее существенные и значимые в процессе адаптации (Давыдов 2008).

Профессиональная сфера жизни русских программистов США. Сегодня среди экспертов нет единого мнения относительно точного количества уехавших из России разработчиков программного обеспечения (ПО), а их общее количество подсчитать вряд ли возможно, так как при пересечении границы статистика по специальностям, целям выезда и приезда не собирается. По этой причине достоверный статистический анализ, позволивший бы судить о динамике оттока российских программистов из России в США, как полагают и сами программисты, вряд ли возможен: «Никакой методики оценки уезжающих из России айтишников нет, да и не может быть. На границе у нас никто не спрашивает, кем мы работаем, офис-менеджер и IT-специалист в глазах офицера, проверяющего документы, не имеют никаких различий. Оценочные суждения всегда или почти всегда искажают картинку, так как напрямую зависят от личности говорящего, его окружения и жизненного опыта» (Муртазин 2020).

Собственно программисты, или разработчики программного продукта, нередко подпадают под общее определение *айтишников*, объединяющее всех представителей ИТ-сферы деятельности – веб-дизайнеров, тестировщиков компьютерных программ, менеджеров проектов, сотрудников технической поддержки, информационной безопасности и еще десятков представителей других профессий в этой области занятости, которых нередко также относят к программистам. Статистика практически не учитывает различия между представителями всех специализаций в ИТ-сфере, которых, по данным Росстата, всего в России в 2021 г. насчитывалось 1,76 млн человек. Согласно сообщению главы Минцифры М. Шадаева, в 2022 г. из России в другие страны уехало 100 тыс. российских айтишников (Бегин 2023), но какими специальностями они владеют и какую нишу занимали в отечественной ИТ-индустрии, официальная статистика пока не фиксирует. Тем не менее именно этот вопрос представляется особенно важным для исследования тонкостей повседневной жизни наших специалистов в Америке, так как от уровня профессиональной подготовки зависит их востребованность на рынке ИТ-индустрии, зарплата и, в конечном счете, весь образ жизни за океаном.

История адаптации русских программистов к условиям работы в США началась не сегодня, а насчитывает уже как минимум три десятилетия и имеет отчетливо выраженную периодичность, связанную как со сменой поколений, так и с этапами развития высоких технологий в мире. Однако сегодня, как и 30 лет назад, русскоязычные программисты, решая для себя вопрос с переездом в США, во многом ориентируются на миф о бесконечных возможностях и перспективах в американской ИТ-индустрии. Новая редакция «американской мечты», адаптированная еще в 1990-х гг. к наступившей компьютерной эпохе, не только не утратила со временем своих конкурентных преимуществ среди россиян, но даже усилила их, заполнив собой вакуум ценностных ориентиров в условиях тотальной деидеологизации общественного сознания в стране.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. молодые русскоязычные мужчины-программисты 25–30 лет, получившие высококачественное советское образование в лучших технических вузах страны, но фактически не имевшие в условиях российской перестройки каких-либо определенных перспектив профессиональной самореализации, одними из первых восприняли новую «американскую мечту» как реальный жизненный ориентир и путь к успеху. Пионеры российской ИТ-индустрии тех лет, размещающие сегодня на страницах блогосферы Рунета соображения о своей мотивации переезда в США, делают особый акцент на том, что эмиграция в Америку воспринималась ими, тогда молодыми специалистами, как способ профессиональной и личностной самореализации, включая решение проблем благосостояния: «Сейчас мне стыдно за свои слова, но в середине 90-х я часто говорил что-то вроде: “Здесь я еще не родился: вот уеду в США – тогда все и начнется. Работы не было вообще: экономика-то рухнула. В тот момент мы жили в эру натурального обмена – “фирмачи” меняли мазут на сахар, а сахар – на гречку, народ “гонял” с товаром в Польшу. Программисты сидели без работы. Кто не жил в то время, вряд ли поймет. Мне хотелось ездить на хорошей машине, а не на папином “Запорожце”, работать с C++, а не FoxPro... [Но в первую очередь] мне нужен был компьютер, а не зарплата. Я и когда в Америку переехал, начал с 30 тысяч долларов в год, хотя специалисты, знающие C++, уже тогда зарабатывали в три раза больше... Мне, молодому, зеленому, доверили писать большой проект – депозитарий ценных бумаг, которыми в ту пору были разные облигации... А гонораром за проект стала машина финансового директора – старенькая BMW... Конечно, я идеализировал Соединенные Штаты, как и все в Советском Союзе в то время... А по настоящему-то о жизни в Америке я вообще знал только по фильмам, где средний класс разъезжал на BMW”» (Рогачевский 2019).

Идеализация американского образа жизни и последовавшая за этим целая череда разочарований при столкновении с заокеанской реальностью для молодых российских программистов носила относительно

безболезненный характер и к тому же в немалой степени компенсировалась приобретаемым опытом. Но если минимальные удобства повседневной жизни («...однокомнатная студия, матрас на полу, телевизор, холодильник, микроволновка, компьютер – что еще надо для счастья?!») переносились ими достаточно легко, то многие профессиональные проблемы, возникавшие в процессе работы на ту или иную американскую компанию, российскими айтишниками с самого начала их жизни в Америке воспринимались весьма негативно и, мягко говоря, не способствовали укреплению лояльности по отношению к США в целом.

Воспоминания самих русских программистов, переезжавших в тот период в Америку, позволяют сегодня судить о том, насколько их травмировали характерные особенности американского менеджмента, быстро разрушавшие искреннюю веру постсоветских граждан в существование за океаном справедливого мироустройства. Чаще всего, правда, эти особенности проявлялись по отношению к тем молодым программистам, которые не имели формального статуса в США, но, по сути, в той или иной мере отмечались и другими категориями российских специалистов в американской ИТ-индустрии, столкнувшимися с повсеместным распространением и фактической легитимацией обмана со стороны американских менеджеров. Одним из наиболее распространенных видов такого обмана было приглашение высококласных и «дорогих» специалистов из России, что называется, «вытащить» проект, а затем со словами «Спасибо друг, выручил» уволить его, отправив дальнейшее сопровождение проекта более «дешевому» программисту, например, в Индию.

Тот факт, что русскоязычные программисты в США относятся к категории «дорогих» специалистов, сегодня подтверждают многие компании. Например, по данным венчурного фонда LETA Capital (data-driven инвестор), инвестирующего в трудоустройство русскоязычных программистов в различных странах мира, именно эта категория *фаундеров* (основателей наиболее масштабных проектов ИТ-бизнеса) позволяет рассчитывать на самую перспективную капитализацию стартапов в сфере программного обеспечения. Благодаря анализу профилей сотрудников 4.900 компаний, проведенному LETA Capital в профессиональной соцсети LinkedIn (2020 г.), был составлен так называемый усредненный портрет современного русскоязычного программиста, основной характерной чертой которого можно считать высокий уровень базовой профессиональной подготовки: «Из всей выборки 63% имеют хотя бы степень Бакалавра (Bachelor's), 59% имеют также степень Магистра (Master's), а еще 15% (от бакалавров) или 10% от общего повышали свою квалификацию на курсах MBA (среднее время между Магистром и MBA – 4,72 года обучения). При этом 9% из всех бакалавров (или 5% от общего) и вовсе являются не просто ИТ предпринимателями, а имеют

докторскую степень (Ph.D). Логичным также выглядит распределение по специальностям: почти 60% имеют техническое образование, а значительная часть гуманитарного образования получена в магистратуре, MBA и далее» (<https://medium.com/letavc/современный-русскоязычный-it-предприниматель-кто-он-17d3301b2941>).

Закрепившийся за русскоязычными программистами имидж «дорогих» специалистов лежит в основе и такого популярного варианта обмана со стороны американских компаний, который в их профессиональной среде обычно называют «прикрыть зад менеджера». Суть данной схемы заключается в том, чтобы просто найти того, на кого можно было бы свалить вину за неудачный проект. В этом случае приглашение «дорогих» русских программистов преподносилось как последний шанс, который на самом деле должен был скрыть системные ошибки основных разработчиков. И когда заведомо неудачный проект вполне ожидаемо не удавалось спасти даже российским программистам, в ход шли стандартные клише-отговорки, типа «...если уж русский чудо-специалист не справился...». При этом сами американские разработчики также ожидаемо оказывались в стороне.

Как правило, русскими программистами подобного рода технологии американского менеджмента воспринимались особенно болезненно и неизбежно разрушали их самые устойчивые иллюзии по отношению к Америке: «Каково было осознать, что меня брали на работу, чтобы списать ответственность за провал? Поначалу я этого не понимал – честно старался изо всех сил. Но спасти проект часто даже не давали. Когда я говорил, что код нужно переписать, предлагали “изложить свое видение на бумаге”, и, пока они примут решение, фиксировать баги по списку. Как раз тот случай, когда солдат спит, а служба идет: изображай работу и жди, пока уволят, – потому что контракт не продлят вне зависимости от результата. Начальники обычно много совещались, но решение так и не выносили. И в какой-то момент говорили: “We are sorry!...” – и крокодиловые слезы по щекам» (Рогачевский 2019).

Тем не менее относительно низкая конкурентоспособность специалистов из России в США находила свое объяснение и в совершенно другой плоскости. Сами программисты нередко были склонны связывать свои профессиональные трудности в Америке с разницей в менталитетах, несовпадением так называемых культурных кодов, что для топ-менеджмента крупных американских ИТ-компаний отнюдь не является пустым звуком, а, напротив, далеко не в последнюю очередь принимается во внимание при проведении интервью с соискателями (чаще всего многоступенчатого). Учитывается не только резюме соискателя, но и его возможные поступки, случайно оброненные слова, реакция на стрессовые ситуации в инокультурной среде, которая нередко даже специально провоцируется (например, шутки по поводу конфликтов в междоусобной

среде), и т.д. Во время пандемии COVID-19 проверка потенциального русскоязычного сотрудника могла коснуться и его отношения к действиям властей в США по предотвращению распространения вируса в стране, так как учитывались иные подходы к этой проблеме в России и иной уровень, с точки зрения американцев, ответственности россиян по отношению к исполнению законов.

По мнению русскоязычных программистов, работающих сегодня в США, их успешной карьере здесь зачастую мешают и собственные стереотипные привычки, характерные для многих россиян, но неуместные в Америке. К таким привычкам они сами относят, например, отсутствие самодисциплины: «Возможно, сказывается генетическая память. Нам нужен постоянный надзор “сверху”, иначе мы все будем откладывать на потом, ведь времени, кажется, еще много. С творческими профессиями бывает, что, скажем, вдохновение никак не приходит... Американцы этого не понимают и будут с подозрением относиться к такому работнику. Здесь ценят СТАБИЛЬНУЮ продуктивность: чтобы ты все время отчитывался, как проходит работа, показывал, на каком этапе готовности задание, и мог сам организовать свой рабочий день наилучшим образом... За океаном никому в голову не придет следить за тем, в какое время ты садишься работать и заканчиваешь, никого не волнует, если у тебя вдруг отключился интернет, музыка ушла или хомячок рождает. От тебя ждут отличного результата к дедлайну. Как ты его достигнешь – дело твое, но будь добр – сделай все в срок и в нужном качестве» (Корнеев 2022).

В культурный код американцев не «вписывается» и такая особенность менталитета русских, которую в США принято называть тягой к героизму. Действительно, русскоязычные программисты сами признают, что «в последний момент, накануне дедлайна, русский может не спать 36 часов подряд, выпить 8 литров энергетиков, и сделать за это время работу, на которую была отведена неделя. И, главное, что после этого мы чувствуем не уколы совести, а гордость: преодолел, справился, ай да я! Дофамин и эндорфины кипят в крови, и мозг воспринимает такой режим как нормальный, и привыкает к нему все сильнее» (Корнеев 2022). Однако, судя по материалам моего полевого исследования, американцев данное несовпадение культурных кодов в ИТ-сфере как раз устраивает, так как открывает новые выгодные возможности для их взаимодействия с русскими, а самим русскоязычным программистам попутно обеспечивает искомый драйв в их подсознательном стремлении к максимальной профессиональной самоактуализации:

«В 7 утра я встаю, в 8:00 – отклоняю офферы Google, Facebook¹, Oracle, HP и подобных. С 9:00 пишу код, который стирает 100 “человеческих”

¹ Facebook – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

вакансий с рынка труда. Далее по расписанию – обед за счет компании. С 13:00 до 15:00 – еще немного кода. В 5 вечера у меня встреча с инвесторами, которые жаждут вложить деньги во все, к чему я прикасаюсь. В 19:00 я ужинаю в Ritz-Carlton. В 22 – оставляю мое экспертное мнение под постом в блоге какой-нибудь компании. Пост быстро разносится по Сети, и компания внезапно становится успешной».

«Формально рабочий день site-reliability engineer в Google начинается в 9 утра и заканчивается в 7 вечера. Однако на деле работа продолжается до 22:00. Сотрудник должен быть готов ответить на срочный вопрос в течение 5 минут... Я уйду с работы в 7 вечера, обязательно с заряженным ноутбуком. Если по дороге придет оповещение о критичной ошибке, то мне придется бросить все и заняться ей. Если ошибка менее приоритетная – разберусь с ней дома... На часах почти полночь, пора домой. По пути думаю, как хорошо, что я живу в South Bay – недалеко ехать. Спать лягу уже за полночь, а будильник сработает в 6:30...» (ПИМА 2021).

Конкурентоспособность русскоязычных программистов особенно «испытывается на прочность» во время кризисов. Еще в самом начале 1990-х гг. в Калифорнии, там, где располагалось наибольшее количество предприятий микропроцессорной индустрии, начался кризис перепроизводства, который в итоге привел к резкому спаду в развитии IT-компаний Кремниевой долины (Силиконовая 2007). Трудоустройство русскоязычных программистов, даже владеющих языками программирования C++ и Java, в такой ситуации нередко оказывалось под большим вопросом. Правда, согласно свидетельским нарративам того времени, молодые программисты, приезжающие из России налегке, т.е. без семьи и каких-либо определенных стратегий устройства на новом месте, сравнительно быстро находили для себя альтернативные варианты работы, не боясь потери в заработке и других неудобств (тактика достижения успеха под названием Job-hopping, от английского hop, что означает «прыгать»). Более того, для этой категории российских «айтишников» в США именно тактика частой смены компаний нередко оборачивалась не столько потерями в зарплате, сколько, наоборот, возможностью ее поднять.

Однако для программистов более старших поколений (30–45 лет), которые переезжали в Америку вместе с семьей и, по их собственному выражению, «без парашюта», продав в России всю свою недвижимость и вложив деньги в обустройство на новом месте, ситуация оказывалась более проблемной. Включенное наблюдение и автобиографические интервью позволили прийти к выводу о том, что основная причина проблем с трудоустройством для более старших русскоязычных программистов в Америке была связана с их изначальным целеполаганием. Несмотря на высокий уровень технического образования и даже наличие научных степеней, что, в принципе, всегда ценилось в США и повышало возможности любого соискателя рабочих мест в IT-сфере, *стратегия их*

переезда за океан была ориентирована не столько на самореализацию и профессиональный рост в ИТ-индустрии, сколько на достижение благополучия для себя и своей семьи в новых условиях с помощью уже имеющегося интеллектуального багажа. Мои беседы с одним из представителей этого поколения, программистом Владимиром Ч. (47 лет) и его женой Ириной Ч. (46 лет) каждый раз сводились к тому, что очень трудно найти работу по специальности, что рассылаемые резюме в большинстве своем остаются без ответа, что нужна чья-то помощь в этом поиске и т.п. Теми же сюжетами наполнены и письма на родину:

«11.04.92. Вчера разговаривали с одним человеком из Нью-Джерси. Тот говорит, что вообще с работой в стране очень-очень плохо. Мы, конечно, немного огорчились. Но совсем духом пока не падаем».

«02.05.92. На несколько сотен резюме чаще всего только один ответ бывает... Да и то, если понравился, берут только на испытательный срок... Так тяжело с работой...».

«22.10.92. Володя рассылает свои резюме везде. Получил приглашение Аклохомы (орфография письма сохранена автором статьи. – Н.Ш.) – это штат недалеко от Канзасса. Но это пока еще ничто. Он только начал. И хотя экономическое положение сейчас очень тяжелое в стране, мы надеемся. А что еще остается делать... Я поняла, что нельзя терять надежду!»

«Декабрь, 1992 г. Работа?! Это смешно! Такое кол-во эмигрантов в нашем штате. Может быть, в других штатах по-другому. Я не знаю. Все хотят работу, но найти ее тяжело...» (ПМА 1992).

Относительно низкая конкурентоспособность россиян на рынке труда в американской ИТ-индустрии в те годы была связана и с их неготовностью принимать быстро меняющиеся корпоративные правила игры в этой сфере. С середины 1990-х гг. ситуация в американской ИТ-сфере начала стабилизироваться благодаря стремительному росту востребованности операционной системы Windows 95, упрощению интерфейса и, что особенно важно, появлению глобальной компьютерной сети Интернет. Проблема с рабочими местами для айтишников, включая русскоязычных иммигрантов, потеряла свою остроту. Однако кризисная ситуация в американской ИТ-индустрии показала, что *русскоязычные программисты в США довольно слабо ориентируются в условиях рыночной экономики, в силу чего сами оказываются не готовыми к жесткой конкурентной борьбе.*

Особенно очевидным этот факт стал в 2002 г., когда в Америке разразился очередной кризис, связанный с сокращением инвестиций в ИТ-индустрию из-за спада в экономике большинства стран. Многие компании в тот период начали активно проводить политику аутсорсинга и переводить свои производства в страны с дешевой рабочей силой, чаще всего в Индию. В силу этого обстоятельства «дорогие» русские

айтишники (учитывая, в первую очередь, их высокий уровень образования) нередко оказывались, что называется, не у дел. Не менее ощутимо на них в те годы отразилась и политика так называемых бодишопов, т.е. найм в ИТ-компании статистов («тел»), с помощью которых менеджеры осваивали бюджет: чем большее количество специалистов работает над проектом, тем больше денег на него выделяется, даже если реально над проектом работают 2–3 человека. В качестве «тел» компаниям, стремящимся сохранить свое производство в условиях кризиса, высококлассные русскоязычные программисты, способные в несколько раз быстрее решать поставленные задачи, также оказались не нужны.

Еще более проблемной американская ИТ-среда становилась (и становится сегодня) для тех русских программистов, которые не обладали статусом незаменимых (рабочая виза L1), т.е. не владели современными языками программирования и не имели, с точки зрения американского работодателя, должного уровня креативного мышления при решении сложных профессиональных задач. Особенно это касается тех русских айтишников, которых американские компании «вывезли» из России в 2022–2023 гг. Достаточно быстро после переезда в США к ним приходит осознание того, что «их статус внутри компании – “беженец” и их никто не ждет на других рынках, им дадут не ту работу, о которой они могли мечтать. Крупные корпорации могут сохранить более-менее близкое позиционирование для своих сотрудников, для относительно небольших компаний это невозможно... Как сказал топ-менеджер одной из американских компаний, “наши сотрудники – беженцы, но они этого не понимают. У них нет права выбирать место, где они будут трудиться, зарплату, которую они будут получать. Нет никакой сказки, что кто-то будет о них заботиться”». Для многих айтишников отъезд из России сегодня нередко означает ощутимое понижение социального лифта, меньшие деньги (с учетом другой стоимости жилья, продуктовой корзины и т.п.) и потерю привычного уклада жизни: «Обычно эта прослойка людей отлично жила в России, но превратившись в беженцев, они теряют практически все от прежнего уровня жизни... Сейчас многие утешают себя тем, что компании их не бросят на произвол судьбы, дадут пожизненную работу (!!!) и теплое место. Звучат такие рассуждения очень наивно. Во многих случаях люди получают какую-то работу, затем через год, максимум два от них могут отказаться, так как никакими уникальными умениями они не обладают и были нужны для работы в России. Вне России они, как правило, бесполезны...» (Муртазин 2022).

Подобного рода профессиональные рефлексии, однако, до конца не отражают тех проблем, с которыми приходится сталкиваться русскоязычным программистам в США. За скобками чаще всего остаются тонкости их частной жизни, имеющие прямое отношение к полноценной реализации новой жизненной стратегии за океаном.

Гендерные метаморфозы в среде русских программистов. Многие из тех частных проблем, с которыми русские программисты в США сталкиваются сегодня, обозначились еще в 1990-х гг., когда объективные трудности с трудоустройством не только ставили их семьи на грань выживания, но и фактически меняли весь расклад поло-ролевых отношений внутри семьи. Письма жен русскоязычных эмигрантов тех лет своим родным и друзьям в России свидетельствуют о проблемах мужчин-программистов, которые эмигрировали в США вместе со своими семьями в надежде обрести за океаном искомую «синекуру». Но даже если русскоязычный программист и его семья в конце 1990-х – начале 2000-х гг. не были беженцами, а получали формальный статус эмигрантов, отсутствие постоянной работы не способствовало появлению у них чувства стабильности и уверенности на новом месте жительства: «Всем эмигрантам типа нас дают пособие на 4 месяца по 750 \$, пока кто-нибудь из нас (я или муж) не устроится хоть на какую-нибудь работу. После этого пособие тут же снимают – плати за все сам...» (ПМА 1992). В периоды безработицы, когда мужчина-программист не мог использовать свои профессиональные навыки для обеспечения семьи, выходом из положения, как правило, оказывалась поденная работа их жен, приносявшая всей семье хоть какой-то минимальных доход: «Я проработала там [в ателье] 10 дней по 10 часов, а еще брала работу на дом ...и заработала за это время \$ 130+ кожаную куртку для сына...» (ПМА 1992).

Если же период безработицы для мужчин-программистов, переехавших в США на ПМЖ вместе с семьей, затягивался, то, по моим наблюдениям, это нередко приводило к формированию у них состояния фрустрации, означающего блокировку целенаправленного поведения и снижение адаптивных функций (Майерс 1999). Подобного рода состояние, в свою очередь, могло провоцировать и серьезные психосоматические заболевания, а также потерю уверенности в благополучном исходе всего «иммиграционного проекта» в целом. В такой ситуации чаще всего происходило перераспределение ролевых функций в семье и усиление поисковой активности женщин, выявленное мною ранее и у нескольких других иммиграционных групп в США, а в середине нулевых годов обозначенное как гендерный дифференциал социокультурной адаптации иммигрантов.

Суть концепции заключается в том, что женщина-иммигрантка из стран с доминирующей культурой традиционных гендерных отношений обладает большим, по сравнению с мужчиной, потенциалом адаптации, благодаря привитым еще в детстве навыкам ведения домашнего хозяйства, которые способны обеспечивать своего рода устойчивый стартовый капитал в любой меняющейся среде. Однако в кризисной ситуации, включая инокультурные контакты, долговременное использование «женских» навыков для выживания семьи нередко приводит к смене

гендерных приоритетов в семье и укреплению авторитета женщин. Феминистские концепции американских исследователей конца 1980-х гг. акцентировали внимание на том, что адаптационный потенциал мужчин в инокультурной среде, напротив, всегда выше, чем у женщин, благодаря отсутствию у последних изначальной «многомерности» возможностей для своей самоактуализации (Ghaffarian 1987).

Думается, что и та и другая концепции одинаково приемлемы, но по отношению к различным историческим периодам и к различным этническим группам. Жены русскоязычных программистов 1990-х гг. (4-я волна эмиграции из России), стремясь помочь своим мужьям адаптироваться к непростым условиям американского рынка ИТ-индустрии и получить в итоге возможность содержать всю семью, брались за любую временную работу, чтобы обеспечить им необходимый люфт времени для поисков постоянной работы в айтишных компаниях США. «Принимаю заказы, выдаю готовые вещи и вкалываю, вкалываю... переделываю (пошире, поуже, пришить, подшить...). Устаю, не пересказать как. Без еды – тороплюсь, т.к. хочу побольше успеть. Но все оправдывает цель – так я привыкаю к здешней жизни и даю возможность Володе рассылать резюме... В общем, что и говорить...» (Шалыгина 2020: 121).

К середине второго десятилетия XXI в. ситуация с распределением гендерных ролей в семье русскоязычных программистов начала заметно меняться благодаря увеличению и углублению предварительной информированности отъезжающих из России об американском рынке ИТ-индустрии, а также быстрому расширению всей ресурсной базы обучения программированию в самой России, включая гендерный фактор. Общим для русскоязычных программистов итогом происходивших в тот период изменений стала также трудоустройство в США на работу по специальности не только в результате получения эмиграционной, но и профессиональной визы H-1B, которая, однако, создавала и свои собственные трудности: «Появилось много американских компаний, которые начали хантить людей из других стран. Компания тебя везла в США по визе H1B, дальше ты начинал ходить по собеседованиям. Тебе платили 65 тысяч долларов в год, а продавали за 100 тысяч. По сути, аутстаффинг того времени (субаренда специалиста у другой компании. – Н.Ш.)» (Козлов 2018).

Сегодня ситуация с получением российскими программистами профессиональной визы H1B, благодаря широкому обсуждению в сетях, становится более прозрачной: «Наличие рабочей визы не дает вам права заниматься большинством высокотехнологичных видов деятельности. Ограничения на экспорт, такие как EAR или ITAR, не позволят вам работать в своей области до тех пор, пока вы не получите грин-карту, что займет несколько лет. Все это время вы будете вынуждены заниматься чем-то за пределами своей основной сферы деятельности, постепенно

теряя свои навыки. Если вы уверены в своих силах, отправляйтесь в другие страны. США – единственная страна, где вы не являетесь "лицом со статусом США" с точки зрения законов об экспорте, даже с рабочей визой. Вам грозит серьезное тюремное заключение, если вы сделаете это без экспортной лицензии (которую почти невозможно получить) или грин-карты. Все остальные страны – Европа, Турция, Китай, Латинская Америка таких ограничений не имеют» (Глушенко 2022).

Виза H1B имеет и еще более скрытые последствия, связанные именно с гендерным фактором. Дело в том, что профессиональную визу, как правило, с самого начала выдавали мужчинам, в то время как их жены получали статус *иждивенцев* (dependents, т.е. «зависимые»), который не давал формального права на работу и подразумевал полную экономическую и социальную зависимость от супруга. В профессиональном лексиконе «айтишников» США для обозначения статуса жен программиста даже появился свой термин – *спуглеры*, образованный от соединения двух английских слов: spouse (супруга) и Google. Статус спуглеров в Кремниевой долине лишь условно можно отнести к категории большого жизненного успеха, так как ни о каком социальном лифте в этом случае речь не шла. Учитывая тот факт, что среди русских программистов в США более 80% составляют молодые мужчины до 40 лет (данные компании Payscale на 2017 г.), их жены-спуглеры, как правило, становились домохозяйками и со временем фактически утрачивали перспективу трудоустройства по специальности, приобретенной на родине. Жизненное пространство жен-спуглеров постепенно «схлопывается» до размеров повседневных домашних забот и неизбежно перестает соответствовать медийному формату идеальной американской мечты: «...жизнь превращается в бесконечную скуку... город вокруг кажется красивым, но недоступным... и ты чувствуешь себя гадким лебедем, который не знает языка, не умеет правильно есть устриц и носить дизайнерскую одежду, у тебя болеет кот, а муж сидит на работе с десяти до десяти...» (ПИМА 2021).

Важно уточнить, что специализация русскоязычных молодых женщин, получивших образование в университетах постсоветского пространства, зачастую была на весьма высоком уровне, и утрата важнейшего ресурса для самореализации в новых условиях ощущалась ими достаточно болезненно. Когда женщинам-спуглерам приходилось отказываться, например, от специальностей в области прикладной лингвистики или систем технической защиты компьютерной информации и «волонтерить» в Техническом музее инноваций (г. Сан-Хосе, штат Калифорния), их нереализованные амбиции способны были создавать дополнительное напряжение в семейных отношениях.

В роли спуглера, кстати, мог оказаться и мужчина, если профессиональную визу программиста в США получал не муж, а жена, что хоть и редко, но все-таки случалось. Однако в этом случае ситуация для

русскоязычных айтишников становилась еще более драматичной: «Стараюсь настраивать себя позитивно: с удовольствием хожу по дому с пылесосом и слежу за тем, чтобы айпад любимой заряжался, пока она на работе. Налоговый консультант заявил прямо: “Сергей, ваш статус – домохозяин”. Я домохозяин, я домохозяин, я... Черт побери, где бы купить настоящую сметану, как дома?» (Король 2018). Сценарий пассивной адаптации русскоязычных мужчин-спуглеров, как правило, быстро приводил к полоролевым перестановкам в семье, а в результате заканчивался либо разводом, либо возвращению всей семьи на родину.

Что же касается русскоязычных женщин-спуглеров, то, несмотря на объективные трудности, связанные с профессиональной самореализацией в США, степень их поисковой активности со временем не снижалась, а, напротив, постепенно возрастала, позволяя находить креативное решение большинства возникающих в новых условиях проблем. В блогосфере современного Рунета одним из весьма популярных направлений все чаще становятся нарративы жен русскоязычных программистов, посвященные тому, как именно они преодолевают рамки статуса спуглеров в США. **Таня Луцаевская** (специализация в области прикладной лингвистики): «Перед переездом я открыла список контактов в Скайпе, и оказалось, что немало моих бывших сотрудников переехало в Долину. Теперь мы общаемся здесь. Нашли друзей из Беларуси и поддерживаем дружеские отношения... А еще я ценю, что здесь можно познакомиться с людьми, которые меняют историю в сфере технологий. На улицах уже не редкость self-driving cars, на наших глазах строился новый кампус Apple Park. Как-то раз мы поехали в Universal Studio в Лос-Анджелес, где в тот день, как оказалось, проходила закрытая конференция от Tesla, на которой Илон Маск представлял Tesla Powerwall. Когда этим живешь и интересуешься, то наслаждаешься возможностью быть частью чего-то нового». **Юля Синица** (специализация в области биометрической аутентификации по клавиатурному почерку): «Я пошла на курсы ESL, ходила на занятия каждый день, брала максимум уроков и сидела в школе с утра до вечера. Через пять месяцев стала волонтерить в Сан-Хосе, потом устроилась работать на part time и параллельно искала работу в IT. Через три месяца поисков получила оффер, и сейчас я – software engineer в стартапе UnifyID в Сан-Франциско... Моими здешними конкурентами, кстати, были выпускники университетов Беркли, Стэнфорда, MIT, у которых за плечами парочка интернатур в известных IT-компаниях (Бандальер 2017).

Еще одним сценарием адаптации русскоязычных женщин-программистов, оказавшихся в роли спуглеров, можно считать «использование» ими своих соотечественников-мужчин в качестве стартовой площадки для собственного продвижения в США. В соцсетях большой популярностью пользуется письмо-откровение айтишника Андрея Третьяка,

адресованное, по всей вероятности, его другу и написанное без эвфемизмов: «В общем, заранее настройся, что через год американской жизни она тебя кинет. Редкое исключение, когда жена программиста тоже программист, работающий под той же операционкой. Такие люди живут долго и счастливо и умирают в один день от общего вируса. Но подобные пары так же редки, как виндовоз без багов. Чаще жена программиста – это нечто из совсем другого полушария мозга. Условно говоря, художница. Возможно, в России ты пристроил бы ее на какую-то околомповую работенку вроде web-дизайна. И вот ты, крутой уокер, приезжаешь в Штаты на двадцать тысяч в год. Тут же покупаешь поюзанный “фордик” и уютненький кондомик с видом на паркинг. И выписываешь из России свою мышку-норушку, которая дома всегда была тише кулера и ниже драйвера... Через полгода оказывается, что мышка лучше тебя водит тачку и знает все окрестные бары. И конечно, уже говорит по-английски без акцента, чего никогда не может добиться ни один русский мужик... Более того, пока ты там давил батоны и варил свои варешки, твоя тихоня уже подружилась с несколькими другими опытными программистами. И нашла, что их красные “ягуары” рулят круче, чем твой “форд козлина” цвета “б/у”» (Третьяк 2005).

Высокая степень поисковой активности русскоязычных женщин-программистов позволяет им успешно преодолевать и множество таких проблем, которые связаны с гендерным измерением всего профессионального корпуса айтишников в США. В немалой степени этому способствует сама американская политика, активно продвигающая идеи гендерного равноправия в стране. Русскоязычные женщины, наравне с чернокожими или латиноамериканками, а также выходцами из Юго-Восточной Азии, уже в середине 2000-х гг. без особого труда и при минимальной профессиональной подготовке могли получить в американских ИТ-компаниях такую относительно хорошо оплачиваемую должность, как, например, тестировщик компьютерных программ (около \$ 2.5 тыс. в месяц): «Моя парикмахерша пошла на курсы тестировщика компьютерных программ... а я чем хуже?» (ПМА 2021).

Однако дальнейшее продвижение в сфере ИТ-технологий США для многих женщин оказывается более сложной задачей. И прежде всего это касается самих американок, которые, получив достаточно престижную должность в ИТ-компаниях, очень быстро начинают испытывать острый «синдром самозванца», т.е. непреодолимое чувство своей неуместности, по сравнению с коллегами-мужчинами. По данным последних американских исследований, «синдром самозванца» и сегодня беспокоит не менее 22% женщин в США, работающих в сфере высоких технологий, несмотря на постоянно возрастающую активность американок в борьбе за тотальное гендерное равенство (Daley 2021). Кроме того, миф об отсутствии различий между мужскими и женскими возможностями

профессиональной самореализации, продвигаемый многочисленными феминистскими организациями, в сфере высоких технологий сталкивается с феноменом «сломанной ступеньки», когда женская карьера, в отличие от мужской, не может достигнуть тех же высот. В конце XX в. женщины-руководители в США составляли около 14% от общей численности разработчиков программного обеспечения, что, по мнению феминистски ориентированных исследователей того времени, было недопустимо мало (Domosh 1999). Со временем гендерный разрыв в статусных позициях американских программистов хотя и сократился, но незначительно. Причины сохранения этой диспропорции в ИТ-секторе американские феминистки объясняют по-разному – от скрытой дискриминации женщин в целом до различия когнитивных способностей у полов и игнорирования преимуществ женщин по сравнению с мужчинами (Sanders 2021).

Сегодня в политике США доминирует точка зрения, что женщины являются недооцененным ресурсом в ИТ-сфере, с помощью которого развитые экономики (и в первую очередь американская) смогут решать свои проблемы кадрового голода. Такие компании, как IBM, Cisco, HP, Intel, Yelp и Texas Instruments осуществляют спонсорство, мониторинговые и коучинговые программы для женщин. В Yahoo! функционирует даже специальная группа Women in Tech, которая помогает женщинам развивать нужные для работы навыки. LinkedIn проводит ежегодный женский хакатон («марафон хакеров». – *Н.Ш.*). В Salesforce работает программа поддержки Women Surge. Компания Palantir ежегодно вручает грант девушкам-разработчицам компьютерных программ. Google запустил целую серию мероприятий Women Techmakers и ориентированную на женщин кампанию Girls Who Code, в рамках которой к 2020 г. фактически прошли обучение программированию более миллиона девушек 13–17 лет по всему миру. Приоритетная цель проекта заключалась в том, чтобы способствовать появлению нового поколения женщин-программистов в сфере облачных технологий. Похожий проект (Women Who Code) до последнего времени поддерживался также Facebook¹ и Twitter.

Однако, несмотря на усилия множества крупных компаний, факты, приводимые на платформе для поиска рабочих мест Hired, а также ее отчеты под названием «Состояние неравенства в оплате труда на рабочем месте» свидетельствуют о том, что около трети женщин в ИТ-сфере США сталкиваются не только с более низким уровнем зарплаты по сравнению с мужчинами, но и с некомфортной рабочей обстановкой или даже скрытой дискриминацией в «мужском сообществе программистов» – bro-grammer culture (Tarr 2018). Одной из причин такого «гендерного противостояния» в ИТ-сфере, возможно, является тот факт, что под

¹ Facebook – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

нажимом феминистских организаций изменения на этом рынке труда в США происходят излишне быстро и без учета должного уровня профессиональной подготовки соискательниц женского пола. В результате инициатив, продвигаемых крупнейшими компаниями (такими, например, как Ebay или Google), количество вакансий в ИТ-сфере, предназначенных для женщин, растет в разы быстрее, чем количество аналогичных позиций для мужчин (Как женщины теснят мужчин...). При этом уровень профессиональной подготовки у большинства соискательниц, изначально далекий от базового, позволял им трудоустроиваться лишь на позиции менеджеров проектов или менеджеров по продажам (Как женщины теснят мужчин...). Эффект «сломанной ступеньки» в американской ИТ-индустрии, таким образом, был фактически предопределен еще в начале второго десятилетия XXI в. и, по сути, продолжает оказывать влияние на сегодняшнюю ситуацию в этой сфере.

Русскоязычные женщины, большая часть которых даже с учетом проводимых на постсоветском пространстве реформ обладает, как и их соотечественники-мужчины, сильным базовым образованием, на рынке американских ИТ-компаний быстро попадают в топ-лист соискателей рабочих мест *hard skills* (категория высококвалифицированного труда). *Людмила Б.*, переехавшая в США с мужем и двумя несовершеннолетними детьми в середине 1990-х годов: «Я первым делом прошла теоретическую часть платных курсов для получения профессии тестировщика программ. Это близко к программированию. Теперь мне осталось 3 месяца практики (полный рабочий день и бесплатно), а затем поиск работы, в успехе чего ручаться трудно... А трудоустроиться мне очень помог мой красный диплом (химический факультет Педагогического университета им. Н.К. Крупской, г. Москва. – *Н.Ш.*)! Интервью я прошла с первого раза, потому что китайцу, который со мной говорил, понравился именно мой московский диплом. Кажется, он даже не обратил особого внимания на мой ну очень слабый английский... Работать тяжело, но не из-за того, что тестирование мне тяжело дается, это как раз ерунда... Не хватает английского...» (ПМА 1992).

Однако общая динамика карьерного роста российских женщин-айтишников в США находится в рамках общемировых тенденций. Если судить по аналитическим данным международной базы данных Global Career (2020 г.), насчитывающей по всему миру более 2 млн соискателей вакансий в ИТ-сфере, абсолютное большинство женщин стабильно претендуют на такие позиции, как аналитика (33%), тестирование (13%), менеджмент проектов (Project Manager, 30%), менеджмент продукта (Product Manager, 20%), специалист по внедрению и адаптации программных решений (SAP, 33%). Что же касается должностей разработчиков ПО с использованием языков Java и C++, то на такие предложения

международных компаний в целом откликается значительно меньшее число соискательниц – соответственно 6 и 10% (Экспертиза...).

К слову сказать, аналогичные пропорции трудоустройства женщин в ИТ-сфере отмечены и в самой России, только количественные показатели здесь выглядят несколько иначе, чем в США и многих других странах. Так, основатель Cognitive Technologies Ольга Ускова, одна из наиболее успешных российских женщин в этой области, считает, что за последнее время доля женщин-айтишников в России быстро увеличивается, достигая сегодня в некоторых компаниях 35–40%, а иногда и 50% (например, в «Техносерв Консалтинг»). Гендерные различия в России сохраняются, но, по словам президента российской группы компаний InfoWatch Натальи Касперской, касаются они, как и в большинстве стран мира, исключительно выбора специализации самими соискательницами: «Скажем, в аналитике у нас – сплошь девочки, а программисты – сплошь мальчики. В программировании больше логики и совсем нет эмоциональной составляющей, женщины более эмпатичны. Программисты в большинстве интроверты. Это может быть одной из причин, почему программистами женщины редко становятся. Чем успешнее человек общается с машиной – тем сложнее ему общаться с людьми. Женщины же по своей природе социальные существа. Им с людьми интереснее, чем с машиной, поэтому они идут скорее в те профессии, где нужно общение, даже в ИТ. Скажем, ИТ-аналитик – это человек, который ходит и собирает информацию, общается с клиентами, с программистами, с продавцами, с различными источниками, затем агрегирует эту информацию и пишет аналитический материал» (Как женщины теснят мужчин...). При этом женский вклад в работу ИТ-компаний, считает Ольга Рубцова, заместитель директора «Техносерв Консалтинг», трудно переоценить, так как «они более кропотливые и глубже прорабатывают задачи, решение которых, в итоге, становится одним из основных “фишек” проекта... Вопрос некого гендерного дисбаланса в отрасли, скорее, надуман. При выборе специалиста всегда на первом месте профессиональные качества, а не иные параметры... Не понимаю, для чего искусственно выравнивать процентное соотношение по гендерному признаку» (Как женщины теснят мужчин...).

Различное отношение к труду женщин в ИТ-сфере США и России дезориентирует россиянок, создает для тех айтишниц, которые переезжают в Америку по профессиональной визе, дополнительную область напряжения и даже нарушение аутентичного для них культурного кода в гендерных отношениях. Айтишницы из России сегодня с непониманием относятся к выделению специальных курсов для женщин в США как особой области профессиональной подготовки и считают такие программы не только неактуальными для ИТ-бизнеса в целом, но и проявлением своего рода сегрегирующей политики со стороны американской

власти, акцентирующей внимание на якобы неспособности женщин адекватно воспринимать стандартный учебный материал. Единственным критерием своей успешности в ИТ-сфере как в России, так и в США россиянки считают, согласно полученным мною интервью, собственный профессионализм, основанный на знаниях, энергии и личной инициативы без каких-либо скидок на слабый пол. К этому можно лишь добавить, что если в самой России женщины сегодня являются активными разработчиками больших баз данных в области искусственного интеллекта, нейронных систем, солнечно-земной физики, *open-source библиотек DeepPavlov и dp-agent для создания чат-ботов* и т.п., то занижать уровень своего профессионализма в условиях американских реалий они явно не готовы.

Заключение. Ситуация, с которой русским программистам приходится сталкиваться в ИТ-компаниях США, сродни шахматному гамбиту, означающему вариант дебюта, когда победа достигается исключительно путем принесения в жертву тех или иных значимых фигур и сопровождается множеством не просчитанных рисков. Метафора «сдача значимых фигур» при этом в большинстве случаев подразумевает не только отказ от привычного образа жизни или круга общения, но нередко и нечто гораздо большее, а именно неизбежное переформатирование сознания, ведущее в перспективе к частичной или полной смене социокультурного кода.

Риски подобного рода обычно недооцениваются большинством русских программистов, ориентированных, в первую очередь, на новые возможности самореализации за океаном и повышение уровня своей жизни в целом. Однако исследовательский материал, приведенный в этой статье, свидетельствует о том, что вероятность или в некоторых случаях даже необходимость смены социокультурного кода русских являются едва ли не определяющим критерием их успешности в Америке. В профессиональной сфере это проявляется, прежде всего, в неприятии русскими программистами стандартов корпоративной культуры, условий функционирования американского менеджмента, правил ведения проектов и т. п. Периодически возникающие кризисные ситуации в американской ИТ-сфере еще более усложняют адаптационные проблемы русских программистов, так как во многом требуют иных реакций, не характерных для их привычной поведенческой модели.

Процесс вживания русских программистов в американский ИТ-бизнес имеет, кроме того, и непростое гендерное измерение, которое затрагивает не только профессиональную, но и домашнюю сферу их повседневной жизни. Представители старшего поколения русскоязычных женщин, переехавших в США сразу после распада СССР вместе со своими мужьями-профессионалами, как правило, вынуждены были

отказываться от преимуществ высокого уровня своего советского образования и связанных с ним профессиональных навыков ради того, чтобы обеспечить своим мужьям стартовые условия трудоустройства в Америке и в итоге – возможность содержать всю семью. Новые поколения русскоязычных женщин, имеющих профильное образование, напротив, все чаще переезжают в США с целью собственной самореализации, даже если условия переезда по рабочей визе H1B вместе с мужем формально ограничивают их возможности трудоустройства.

Русскоязычные женщины-программисты в Америке заметно увереннее, по сравнению со своими соотечественниками-мужчинами, преодолевают социокультурные барьеры в США. Если, например, для американок под влиянием феминистских организаций принято создавать особые (облегченные) условия вхождения в ИТ-сферу для соблюдения гендерных пропорций в профессии, то русские программистки, напротив, не признают никаких послаблений для себя в этом смысле, так как считают «особые условия» для женщин своего рода унижением и даже оскорблением. Точно так же русскими программистками фактически не признается проблема «сломанной ступеньки», т.е. невозможности добиваться руководящих постов в профессии, или «синдром самозванца», означающий женский комплекс неполноценности среди коллег-мужчин в ИТ-сфере.

Трансформация социокультурного кода русских программистов в США, таким образом, представляет собой достаточно сложный, многомерный феномен, опосредованно влияющий на все сферы их жизни за океаном, а изучение этого феномена нуждается в постоянном мониторинге с использованием комплексных методов современного антропологического исследования.

Список источников

- Бандальер Г. С другой стороны: жены программистов о переезде в Кремниевую долину. 20.11.2017. URL: <https://dou.ua/lenta/articles/relocation-wives/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Барт Р. Мифологии. Mythologies. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Бегин А. Статистика оттока ИТ-специалистов из России в 2023 г. // Инклиент. URL: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists/?ysclid=lkv74h3crb692280225> (дата обращения: 09.02.2023).
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. МAcademia. 2004.
- Глуценко В. Почему российские специалисты массово не переезжают в Америку // ComNews. 09.06.2022. URL: <https://www.comnews.ru/content/220590/2022-06-09/2022-w23/pochemu-rossiyskie-it-specialisty-massovo-ne-pereezzhayut-ameriku?ysclid=llg4tv0yle379882785//> (дата обращения: 09.02.2023).
- Гринберг Т.Э. Политические технологии. ПР и реклама. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Давыдов А.А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92–101.
- Дрю Ж. Ломаю стереотипы. Разрыв: Реклама, разрушающая общепринятое. СПб., 2002.

- Как женщины теснят мужчин на ИТ-рынке в России и в мире. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_женщины_теснят_мужчин_на_ИТ-рынке_в_России_и_в_мире (дата обращения 09.02.2023).
- Козлов С. Спуглеры – жены айтишников-мигрантов. Как они борются со стрессом после переезда // РБК Стиль. 25.04.2018. URL: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (дата обращения: 09.02.2023).
- Корнеев А. Почему русские программисты не востребованы в США: 5 причин // Вверх! URL: <https://zavistnik.com/5-veshhej-kotorye-meshajut-talantlivym-russkim-gejm-razrabotchikam-rabotat-na-amerikancev-i-poluchat-vysokij-dohod/?ysclid=liyj8t2jao75553141> (дата обращения: 15.02.2022).
- Король С. Спуглеры – жены айтишников-мигрантов. Как они борются со стрессом после переезда // РБК Стиль. 25.04.2018. URL: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (дата обращения: 09.02.2023).
- Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001.
- Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1999.
- Муртазин Э. Беженцы от IT – Как Россию покидают IT-специалисты и кто они // Mobile Review. 28.03.2022. URL: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/bezhency-ot-it-kak-rossiyu-pokidayut-it-speczialisty-i-kto-oni/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Полевые материалы автора (ПМА) 2021 – интервью с Андреем З., 2021 г., г. Сан-Хосе, штат Калифорния, США.
- ПМА 1992 – Ирина Ч., 1956 г.р., г. Бостон, США, 1992, личная переписка.
- Рогачевский А. «Изнанка» Штатов со слов программиста, уехавшего туда в 1990-е. URL: <https://techrocks.ru/2019/03/11/relocate-to-usa-in-1990s/?ysclid=lirl1lpsdw303311216> (дата обращения: 11.03.2019).
- Силиконовая [Кремниевая] долина (Silicon Valley): Экспресс-отчет. М., 2007. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-69547.html> (дата обращения: 09.02.2023).
- Третьяк А. Про программистов США. URL: <https://voffka.com/archives/2005/10/21/021354> (дата обращения: 09.02.2023).
- Тюрюканова Е.В., Мальшиева М.М. Женщины. Миграция. Государство. МAcademia, 2001.
- Шалыгина Н.В. Русские американцы: в поисках новых идентичностей. М.: БукиВеди, 2020. С. 399.
- Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101–116.
- Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992.
- Экспертиза Global Career: гендер в IT. URL: <https://globalcareer.ru/ehksptiza-globalcareer-gender-v-it/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Daley S. Women in Tech Statistics Show the Industry Has a Long Way to Go. URL: <https://builtin.com/women-tech/women-in-tech-workplace-statistics> (accessed: 05.05.2021).
- Domosh M. Sexing Feminist Geography // Progress in Human Geography. 1999. Vol. 23, No 3. P. 429–436.
- Erickson C.H. Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth Century America. Coral Gables (Fla): University of Miami Press, 1972.
- Fincher R. Gender, Age and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation // Environment and Planning A: Economy and Space. 1997. Vol. 29, No 2. P. 217–236.
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
- Gerber D. Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century. New York: New York University Press, 2006.
- Ghaffarian S. The Acculturation of Iranians in the United States // Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 127, No 6. P. 565–571.
- Gidwani V., Sivaramakrishnan K. Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion // Annals of the American Association of Geographers. 2003. Vol. 93, No 1. P. 186–213.

- Kurtz H. Anchors Oblige Public's Craving for Tweets // Washington Post. 23.02.2009. URL: <https://www.pressreader.com/usa/the-washington-post/20090223/282166467085287> (accessed: 09.02.2023).
- Levi G. On Micro-History // New Perspectives on Historical Writing / ed. by P. Burke. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1992. P. 93–113.
- Sanders E. Kevin Harmon and Eric Walden examine theories behind the IT sector's gender gap. URL: <https://news7h.com/why-is-computer-science-unpopular-among-women-texas-tech-today/> (accessed: 09.02.2023).
- Tarr T. By The Numbers: What Pay Inequality Looks Like for Women in Tech // Forbes. 04.04.2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/tanyatarr/2018/04/04/by-the-numbers-what-pay-inequality-looks-like-for-women-in-tech/?sh=7f9cde8a60b1> (accessed: 09.02.2023).

Reference

- Bandalier H. (2017) S drugoy storony: zheny programmistov o pereyezde v Kremniyevuyu dolinu [On the other hand: the wives of programmers about moving to Silicon Valley]. 20.11.2017. Available at: <https://dou.ua/lenta/articles/relocation-wives/> (Accessed 09 February 2023)
- Barth R. (2000) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Begin A. (2023) Statistika ottoka IT-spetsialistov iz Rossii v 2023 g. [Statistics on the outflow of IT specialists from Russia in 2023]. *Inclient*. Available at: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists/?ysclid=lkv74h3cbr692280225> (Accessed 09 February 2023)
- Bell D. (2004) *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. MAcademia.
- Glushchenko V. (2022) Pochemu rossiiskie spetsialisty massovo ne pereezzhaiut v Ameriku) [Why don't Russian specialists move to America en masse]. *ComNews*. 09.06.2022. Available at: <https://www.comnews.ru/content/220590/2022-06-09/2022-w23/pochemu-rossiyskie-it-specialisty-massovo-ne-pereezzhayut-ameriku?ysclid=llg4tv0yle379882785//> (Accessed 09 February 2023)
- Grinberg T.E. (2012) *Politicheskie tekhnologii. PR i reklama* [Political technologies. PR and advertising]. Moscow: Aspekt Press.
- Davydov A.A. (2008) Sotsiologiya izuchaet blogosferu [Sociology studies the blogosphere], *Sotsiologicheskie issledovaniia*. no. 11, pp. 92–101.
- Dru J. (2002) *Lomaia stereotipy. Razryv: Reklama, razrushaiushchaia obshchepriiniatoe* [Disruption: Overturning Conventions and Shaking Up the Marketplace]. St. Petersburg.
- Kak zhenshchiny tesniat muzhchin na IT-rynke v Rossii i v mire [How women are crowding men in the IT market in Russia and in the world]. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ia:Kak_zhenshchiny_tesniat_muzhchin_na_IT-rynke_v_Rossii_i_v_mire (Accessed 09 February 2023)
- Kozlov S. (2018) Spuglery -zheny aytyshnikov-migrantov. Kak oni boryutsya so stressom posle pereyezda [The spoozers – the wives of migrant IT specialists. How do they deal with stress after moving], *RBC Style*. 25.04.2018. Available at: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (Accessed 09 February 2023)
- Korneev A. (2022) Pochemu russkie programmisty ne vostrebovany v SSHa: 5 prichin [Why Russian programmers are not in demand in the USA: 5 reasons]. *Vverkh!* Available at: <https://zavistnik.com/5-veshhej-kotorye-meshajut-talantlivym-russkim-gejm-razrabotchikam-rabotat-na-amerikancev-i-poluchat-vysokij-dohod/?ysclid=liyj8t2jao75553141//> (Accessed 15 February 2022).
- Korol' S. (2018) Spuglery – zheny aytyshnikov-migrantov. Kak oni boryutsya so stressom posle pereyezda [The spoozers – the wives of migrant IT specialists. How do they deal with

- stress after moving], *RBC Style*. 25.04.2018. Available at: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (Accessed 09 February 2023)
- L'yuis R.D. (2001) *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoventiia k vzaimoponimaniu* [When cultures collide: leading across cultures]. Moscow: Izd-vo «Delo».
- Maiers D. (1999) *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg.
- Murtazin E. (2022) Bezhtensy ot IT – Kak Rossiyu pokidayut IT-spetsialisty i kto oni [IT refugees – How IT specialists leave Russia and who they are], *Mobile Review*. 28.03.2022. Available at: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/bezhency-ot-it-kak-rossiyu-pokidayut-it-speczialisty-i-kto-oni/> (Accessed 09 February 2023)
- PMA (Author's Field Materials) 2021 – interview with Andrey Z., 2021, San Jose, California, USA
- PMA 1992 – Irina Ch., born 1956, Boston, USA, 1992, personal correspondence
- Rogachevskii A. (2019) «Iznanka» Shtatov so slov programmista, uekhavshego tuda v 1990-e [The "wrong side" of the States, according to a programmer who went there in the 1990s]. *Techrocks*. Available at: <https://techrocks.ru/2019/03/11/relocate-to-usa-in-1990s/?ysclid=lirl1lpsdw303311216> (Accessed 11 March 2019)
- Silicon Valley: Express report. 2007, Moscow. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-69547.html> (Accessed 09 February 2023)
- Tiuriukanova E.V., Malysheva M.M. (2001) *Zhenshchina. Migratsiya. Gosudarstvo* [Woman. Migration. State]. Macademia.
- Shalygina N.V. (2020) *Russkiye amerikantsy: v poiskakh novykh identichnostey* [Russian Americans: in search of new identities]. Moscow: Izd-vo BukiVedi.
- Shanin T. (1998) Metodologiya dvoynoi refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoi rossiiskoi derevni [The methodology of double reflexivity in the research of the modern Russian village], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3/4, pp. 101–116.
- Shlezinger-jr. A.M. (1992) *Tsikly amerikanskoi istorii* [Cycles of American History]. Moscow: Progress.
- Tret'yak A. (2005) Pro programmistov SSHA [About programmers in the USA]. Available at: <https://vofka.com/archives/2005/10/21/021354> (Accessed 09 February 2023)
- Ekspertiza Global Career: gender v IT [Global Career Expertise: Gender in IT]. Available at: <https://globalcareer.ru/ehkspertiza-globalcareer-gender-v-it/> (Accessed 09 February 2023)
- Daley S. (2021) Women in Tech Statistics Show the Industry Has a Long Way to Go. Available at: <https://builtin.com/women-tech/women-in-tech-workplace-statistics> (Accessed 05 May 2021).
- Domosh M. (1999) Sexing Feminist Geography, *Progress in Human Geography*, Vol. 23, no. 3, pp. 429–436.
- Erickson C.H. (1972) *Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth Century America*. Coral Gables (Fla): University of Miami Press.
- Fincher R. (1997) Gender, Age and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation, *Environment and Planning A: Economy and Space*, Vol. 29, no 2, pp. 217–236.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Gerber D. (2006) *Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century*. New York: New York University Press.
- Ghaffarian S. (1987) The Acculturation of Iranians in the United States, *Journal of Social Psychology*, Vol. 127, no 6, pp. 565–571.
- Gidwani V., Sivaramakrishnan K. (2003) Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion, *Annals of the American Association of Geographers*, Vol. 93, no 1, pp. 186–213.
- Kurtz H. (2009) Anchors Oblige Public's Craving for Tweets, *Washington Post*. 23.02.2009. Available at: <https://www.pressreader.com/usa/the-washington-post/20090223/282166467085287> (Accessed 09.02.2023)
- Levi G. (1992) On Micro-History. In: *New Perspectives on Historical Writing* / P. Burke, ed. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, pp. 93–113.

- Sanders E. (2021) Kevin Harmon and Eric Walden examine theories behind the IT sector's gender gap. *News7h*. Available at: <https://news7h.com/why-is-computer-science-unpopular-among-women-texas-tech-today/> (accessed 09.02.2023)
- Tarr T. (2018) By The Numbers: What Pay Inequality Looks Like for Women in Tech, *Forbes*. 04.04.2018. Available at: <https://www.forbes.com/sites/tanyatarr/2018/04/04/by-the-numbers-what-pay-inequality-looks-like-for-women-in-tech/?sh=7f9cde8a60b1> (accessed 09.02.2023)

Сведения об авторе:

ШАЛЫГИНА Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: etgender@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natalia V. Shalygina, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: etgender@mail.ru

The author declares no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 7 сентября 2023;
принята к публикации 23 ноября 2023.*

*The article was submitted 07.09.2023;
accepted for publication 23.11.2023.*

Научная статья
УДК 615.89
doi: 10.17223/2312461X/42/14

Пандемия помогла? (Проблемы медицинской интеграции в российской реальности)

Валентина Ивановна Харитоновна

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
medanthro@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос об особенностях сосуществования в общей системе здоровьесбережения *конвенциональной и неконвенциональной медицины* и возможностях «интегрирования» некоторых составляющих, относимых в настоящее время к неконвенциональной сфере, в систему здравоохранения (собственно *конвенциональную медицину*) в виде *комплементарных (дополнительных)* частей, которые могут включаться в первую очередь в профилактику и реабилитацию. Поскольку этот процесс начал активно развиваться с конца 1980-х – начала 1990-х гг., то затрагиваются проблемы создания советского/российского *народного целительства* и попыток его институализации. Делается акцент на развитии целительской составляющей и последующем разделении ее на сферы, имеющие отношение к *народной медицине*, а также *магико-медицинским* и *магико-мистическим*, в том числе (квази)религиозным практикам, и той, которая базируется на *традиционной медицине, традиционных медицинских системах (ТМС)*, включая заимствованные.

Учитывая процессы заимствования, автор обращает внимание на происходящее в южноазиатских странах, где в системы здравоохранения входят и традиционные медицины, превращенные в ТМС (в первую очередь, Китай и Индия). Сосуществование этих медий в рамках целостного здравоохранения и там вызывает свои вопросы (говорить об интеграции, особенно в Индии, практически невозможно, как считают местные медицинские антропологи). Однако параллельная работа в вариантах комплементарных или альтернативных позволяет решать многие вопросы. В период пандемии это очень помогло здравоохранению (особенно в Китае) быстро справляться с волнами ковида.

Рассматривается вопрос о разделении (на уровне ассоциаций) народного целительства и «традиционных медий» (гомеопатии, фитотерапии, ароматерапии, гирудотерапии и других методов), а особенно бурято-тибетской медицины в России в последние годы. Указывается на развитие бурято-тибетской традиционной медицины и возможности фактического перехода ее в состояние ТМС.

Ключевые слова: пандемия, здравоохранение, здоровьесбережение, традиционная медицина, традиционная медицинская система (ТМС), народное целительство, народная медицина, бурято-тибетская медицина, профессиональная ассоциация

Благодарности: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Для цитирования: Харитонов В.И. Пандемия помогла? (Проблемы медицинской интеграции в российской реальности) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 284–307. doi: 10.17223/2312461X/42/14

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/14

Has the Pandemic Helped? (Problems of Medical Integration in Russian Reality)

Valentina I. Kharitonova

*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, medanthro@mail.ru*

Abstract. The article considers the issue of the peculiarities of coexistence in the general health preservation system of *conventional* and *non-conventional medicine* and the possibilities of "integrating" some components currently classified as non-conventional into the healthcare system (actually *conventional medicine*) in the form of *complementary (additional)* parts that can be included primarily in prevention and rehabilitation. Since this process began to develop actively from the late 1980s – early 1990s, the problems of creating Soviet/Russian *folk healing* and attempts to institutionalize it are touched upon. The emphasis is on the development of the healing component and its subsequent division into areas *related to folk medicine, as well as magical-medical and magical-mystical, including (quasi) religious practices, and those based on traditional medicine, traditional medical systems (TMS), including borrowed ones.*

Taking into account the borrowing processes, the author draws attention to what is happening in South Asian countries, where traditional medicines turned into TMS are included in the health care systems (primarily China and India). The coexistence of these medicines within the framework of public health raises its own questions there (it is almost impossible to talk about integration, especially in India, according to local medical anthropologists). However, parallel work in complementary or alternative versions allows us to solve many issues. During the pandemic, this greatly helped healthcare (especially in China) to quickly cope with the waves of covid.

The issue of separation (at the level of associations) of folk healing and "traditional medicine" (homeopathy, phytotherapy, aromatherapy, hirudotherapy, etc. and other methods) is considered, and especially Buryat-Tibetan medicine in Russia in recent years. The author points to the development of Buryat-Tibetan traditional medicine and the possibility of its actual transition to the state of TMS.

Keywords: pandemic, healthcare, health preservation, traditional medicine, traditional medical system (TMS), folk healing, traditional medicine, Buryat-Tibetan medicine, professional association

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

For citation: Kharitonova V.I. (2023) Has the Pandemic helped? (Problems of medical integration in Russian reality). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 284–307 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/14

Введение

Вопрос об «интеграции» медицинских систем, практик и методов может рассматриваться в различных аспектах. Однако в российской реальности, начиная с 1990-х гг., он получил особую значимость в варианте обсуждения способов проникновения в отечественную *систему здравоохранения*, с одной стороны, *народной медицины*, а также созданного в то время *народного целительства*, с другой – *традиционной медицины* (включая российский вариант бурято-тибетской медицины) или *традиционных медицинских систем* (ТМС), заимствуемых в южно-азиатских странах (Китай, Индия, Вьетнам, Корея). Изначально все возможные варианты медицинских систем, практик и методов (за исключением, да и то с некоторыми оговорками, самой системы здравоохранения – *биомедицины* / *доказательной медицины* / *научной медицины* / *европейской медицины* / *профессиональной медицины* и т.д.¹) были настолько не определены и не регламентированы в научной терминологии, что в целом четко осмысливать «*традиционную медицину*» и «*нетрадиционную медицину*» сложно было даже в документах, не говоря уже о научной и псевдонаучной литературе. Простейшая проблема значения слова «традиционный» как конкретного термина стала камнем преткновения: осознать, что есть эпитет (*традиционная медицина*), но при этом существует двучленный термин (*традиционная медицина*), наряду с трехчленным термином (*традиционная медицинская система*), для большинства заинтересованных в обсуждении ситуации лиц оказалось невозможным.

Спорившие по поводу «традиционности» своей медицины разделились на две группы: одни полагали, что современная профессиональная (и пр. – см. выше многочисленный перечень; кстати, неполный) медицина европейского типа только и может быть традиционной, а все остальное – «бабушкины сказки»; другие были уверены, что как «традиционная» должна обозначаться именно та медицина, которая существует тысячелетия, в отличие от совсем недавно сформировавшейся *биомедицины*. Понятно, что в первой группе были преимущественно сами представители современной *доказательной медицины*, нынешние профессионалы. Все иное они и за медицину не считали. Интересно, что масла в огонь подливала лингвистика: в русском языке лексема «медицина» в словарях представлена в единственном числе с указанием на отсутствие множественного. Очевидно, что спецификой терминологических манипуляций никто не занимался, однако сама ситуация использовалась в дискуссиях как аргумент.

Но если отбросить данное недоразумение, то на первый план этой истории выйдет путаница во всей сфере «медицины вне здравоохранения». Этому способствовало, как минимум, незнание реалий (в первую очередь медиками), т.е. они не изучали в университетах многочисленных составляющих всей «медицины» за пределами здравоохранения,

которую обычно определяют как *неконвенциональную медицину* или *неконвенциональные медицинские практики*, в отличие от официальной, *конвенциональной медицины*, включенной в систему здравоохранения. Однако и сама практическая ситуация в сфере *здоровьесбережения* (понятие более широкое, чем *здравоохранение*, включающее его) не только в России, но и в мире не помогала в этом разобраться. Период, когда начали активно развиваться, возрождаться, распространяться всевозможные старые, новые и просто выдуманные методы и практики, начавшийся в конце 1980-х гг., основательно затянулся – причем не только в России, но и во всем (в первую очередь западном) мире. Терминология множилась и путалась все больше, чему способствовали культурная глобализация, а также официальные документы, даже издаваемые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), где странным образом не разграничили *народную медицину* и *традиционную медицину*, не говоря уже о собственно *традиционных медицинских системах*.

Из истории «интеграции»

В России, в свою очередь, медики и законотворцы дополнили эту неразбериху: наблюдая ситуацию с функционированием ТМС в восточных странах, например в Китае, к медицине которого давно присматривались не только наши специалисты², российские врачи и заинтересованные практики решили сформировать некое подобие *дополнительной медицины* у нас (см. подробно в более ранних моих работах: (Харитоновна 2009, 2010, 2010а, 2012, 2013)). На базе анализа происходившего в уже существовавших в начале 1990-х гг. коммерческих организациях, где практиковали самые разные люди, заинтересованные ученые и врачи, а также коммерсанты выработали представления о специалистах «народной медицины», которые должны были стать основой более современных по своей подготовке и освоенным методам и практикам *народных целителей* – знатоков народных лечебно-оздоровительных методов и практик самого разного рода, которым – для возможности включаться в медицинскую сферу деятельности – необходимо было пополнить свои знания современным медицинским образованием.

Среди таких специалистов оказались в итоге самые разные люди, предлагавшие всевозможные *магико-медицинские* и *магико-мистические практики*, а также новоизобретения на основе увлечений эзотерикой и парапсихологией (см., например: (Харитоновна 1994)). Позже термин эволюционировал, точнее, контингент лиц, обретавших эту «профессию», расширился³, и наполнился отчасти новым содержанием. В 1993 г. в первом Законе об охране здоровья граждан («Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) Статья 57. «Право на занятие народной

медициной (целительством)») термин *народный целитель* был легализован. Надо сказать, что новоявленные *народные целители*, как и появившиеся у них многочисленные ученики, в собственные практики интегрировали все что угодно: от самой «крутой» магии и мистики разного рода до странных прикладных и натуропатических методов (вроде *уринотерапии*).

У создателей системы *народного целительства* была сверхзадача: интегрировать их детище с профессиональной биомедициной. На вопросы «Зачем?» и «Каким путем?» ответить сложновато (по крайней мере в среде самих создателей разнородных ответов было несколько); а вот на вопрос «Почему?» один ответ прост и очевиден: сконструированное «*народное целительство*» стало довольно популярным бизнесом, легализация которого была удобна через такую «интеграцию». Но за этим стоит и второй ответ: медицинская наука знала не хуже антропологической, что в некоторых странах как минимум *традиционная медицина* дает хорошие результаты в профилактике и реабилитации, а порой и в лечении. Именно это заставляло исследователей способствовать продвижению *неконвенциональных практик в конвенциональную сферу* в варианте комплементарных и (или) альтернативных форм допуска, что уже имело место в некоторых европейских странах.

Надо отметить, что в тот период были попытки систематизировать, расписав по группам, получившийся разнородный набор специалистов, который оказался в основном Законе («Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) Статья 57. «Право на занятие народной медициной (целительством)») под одним наименованием: в профессиональном отношении их довольно быстро разделили (и это было достаточно грамотно) на две подгруппы: «целители (лечащие внушением и молитвой)» и «практики нетрадиционной медицины», т.е. была попытка разделить духовные и прикладные сферы деятельности без учета того, что сделать это практически нереально.

В первой волне *народных целителей* оказались в основном те, кто был непосредственно связан с *народной медициной (народным лекарством)*, *магико-медицинскими* и *магико-мистическими практиками*, неорелигиозными движениями и т.д. Поскольку в абсолютном большинстве своем такие люди не имели ни малейшего отношения к официальной медицине, то для «интеграции» принималось несколько решений об их специальном, с одной стороны, и официально-медицинском образовании – с другой. В профессиональном («целительском») ракурсе – с обучением в различных специализированных коммерческих «школах», «университетах», «академиях», на «курсах»; а в ракурсе официальной медицины – согласно одним решениям, на первичном медицинском уровне (медсестра/медбрат), согласно другим (более поздним) – требовалось

получать фельдшерское образование, а то и высшее медицинское. Понимание того, что подобные решения остаются благими пожеланиями, привело к идее о совместной работе целителя и врача (точнее, о работе целителя под надзором врача). Однако ничего толкового из этих поисков самостоятельных путей российской интеграции, не похожих на произошедшее в середине XX в. в Китае и других странах Азии, не вышло.

Надо отметить, что «неинтегрированные» представители *народной медицины* – знахари, колдуны, шаманы, практики Таро и т.п. (они себя обычно называют по старинке) – как и записавшиеся в *народные целители* специалисты, работают до сих пор, согласно своим убеждениям: кто-то даже не дает никакой рекламы, полагаясь на привычное «сарафанное радио», а кто-то идет по современному пути – пользуется рекламой, развивает виртуальные практики в онлайн-системе. Многие предпочитают обеспечивать себя различными дипломами и лицензиями, где написаны официальные термины, а не их самоназвания; вступают в ассоциации народных целителей, посещают конференции и форумы, слушают дополнительные курсы, в том числе юридического плана, чтобы уметь защитить себя в непростой ситуации ведения их практик.

Но в среде *народного целительства* довольно быстро обнаружились иные, часто уже имеющие медицинское образование специалисты – например, в области мануальной терапии, остеопатии, различного массажа; а также появились врачи, работающие в сфере фитотерапии, и др. Возглавляли и формировали, трансформировали все это многоплановое «броуновское движение» тоже профессиональные медики, в том числе высокого статуса.

Многие из них со временем обратили внимание на восточную *традиционную медицину*; но уже не только на иглорефлексотерапию, представленную у нас в стране с 1960-х гг., а на то, каким путем соседствуют и дополняют друг друга два разных вида медицины в азиатских государствах, где сосуществует два взаимодействующих министерства, занимающихся вопросами здоровьесбережения (как в Индии, например), или два департамента в одном министерстве (как в Китае). Интерес к такому разумному варианту интеграции позволил в 2011 г. при принятии нового Закона об охране здоровья граждан значительно изменить законодательную ситуацию в отношении «народного целительства»: вместо ст. 56 и 57 о целителях здесь появилась ст. 50, которая называлась «Народная медицина». В ней был сделан акцент на отмежевании собственно лекарственных практик от магико-мистических. Впрочем, все это привело к дальнейшим спорам в Государственной Думе (ГД) – Комитете по охране здоровья, в Министерстве здравоохранения, Национальной медицинской палате⁴ и т.д.

В этой меняющейся ситуации организаторы целительских практик повернулись лицом к собственно *традиционной медицине* азиатских

стран и ТМС, что снова было продиктовано – не в последнюю очередь – коммерческими интересами. В последние 10–15 лет, когда стал массово развиваться медицинский туризм в Азию, притом что довольно много профессиональных специалистов традиционной медицины из азиатских стран приехали работать в Россию, акцент в плане попыток взаимодействия был изменен: организаторы *интеграции* сосредоточились на вопросах привнесения в страну ТМС Востока; внимание сфокусировалось, во-первых, на подготовке отечественных специалистов в сфере китайской или индийской (Аюрведы), корейской, вьетнамской медицины, во-вторых, на легализации приезжающих из этих стран дипломированных специалистов ТМС, что, кстати, осуществлялось на протяжении долгого периода через выдачу им документов *народных целителей*.

Пандемия и «две медицины»

Очевидно, что пандемия COVID-19 изначально не способствовала процессу интеграции, имеющей место в азиатских странах, особенно если учесть, что пришла она из Азии, из того самого Китая, где параллельно существуют две медицины: европейского типа и ТКМ (*традиционная китайская медицина*) – теперь уже в виде развитой ТМС (*традиционной медицинской системы*). ТКМ имеет в КНР свой департамент внутри Министерства здравоохранения, свои клиники, аптеки (с собственным производством лекарств), а также университеты для подготовки докторов ТКМ, которые получают, фактически, двойное образование (изучение медицины европейского типа, наряду с собственными профильными дисциплинами, в этих университетах обязательно).

В обычной жизни, при отсутствии эпидемий (хотя в Китае они случаются довольно часто), обе медицины существуют параллельно, что говорит об их статусе как *альтернативных* друг другу. У любого гражданина есть право выбора на пользование той или другой медицинской практикой. Выбор, естественно, зависит от многих причин (в том числе от финансовых возможностей человека: ТКМ изначально, во времена Мао Цзэдуна и по его приказу, создавалась как медицина для бедных, хотя сейчас она представлена в разных вариантах и может удовлетворить различную по своим запросам публику). Тот вариант медицины, который возник при формировании ТМС на основе китайских *традиционных* и *народных* медицинских практик, целенаправленно избавлялся от их магических и мистических основ. Натуропатическая составляющая, фитотерапия, иглорефлексотерапия, с опорой на источники традиционной медицины в первую очередь, стала работать вполне «цивилизованно», приемлемо даже для атеистически настроенной в середине XX в. страны. Эти преобразования и позволили создать альтернативную составляющую в единой системе здравоохранения.

Разумеется, и в нынешнем Китае, имеющем пару десятков огромных университетов ТКМ со своими клиниками и аптеками, не говоря уже о множестве лечебниц и поликлиник (Харитонов, Павлова, Ли 2018; Беляев, Ли, Гук 2020; Гарус 2023), есть свои – можно сказать даже значительные – проблемы сочетания двух медий. Впрочем, в стране уже давно ТКМ стала не только *альтернативной* помощью бедным, но и *комплементарной (дополняющей) медициной*, которая работает в сочетании с медициной европейского типа. Успешной работе способствует и «секуляризация» народных знаний и содержимого традиционных книжных источников, и – что наиболее важно – созданная система подготовки медицинских кадров в сфере ТКМ, а также распространение сведений о ней, включение в профессиональную подготовку врачей в медицинских вузах европейского типа. Надо отметить, что китайцы хорошо знают свои традиции, а ТКМ для абсолютного большинства не тайна и не новость, хотя современный образованный человек использует, скорее, европейскую медицину.

Конечно, при подготовке специалистов ТКМ есть свои сложности в примирении в их сознании двух очень разных мировоззренческих картин. Впрочем, знание традиций и сама установка на правильность существования в здравоохранении двух мировоззренческо-медицинских подходов позволяют не просто мириться с этим, но искать возможные связи, параллели, аналогии, объясняющие лечение разными способами. Кстати, современная иммунология в этом отношении предлагает вполне успешно свою помощь в таких трактовках (Маничкин, Головизнин 2019).

Во время пандемии COVID-19 китайская система здравоохранения оказалась во многом примером для других. Несмотря на практически три волны пережитой пандемии, это здравоохранение справлялось с ними – пусть и жесточайшими методами с помощью государства, но, вместе с тем, очень грамотно. В ликвидации пандемии ТКМ была изначально задействована не менее активно, чем биомедицинское здравоохранение. Их работа была запараллелена и интегрирована. Специалисты ТКМ (напомню, что в основе их подготовки в Китае лежит прекрасный биомедицинский базис) в тяжелой ситуации брали на себя полный цикл работы с пациентами; в более спокойные периоды было разделение пациентов по тяжести заболевания и состояния лечебного процесса: врачи ТКМ занимались профилактикой и реабилитацией, а также лечением больных с легкими формами ковида, в то время как биомедицина брала на себя наиболее сложные случаи для непосредственного лечения (Сян, Чжун, Ли 2020).

Работа Центра медицинской антропологии ИЭА РАН в период пандемии по отслеживаю происходящих процессов в России и соседних странах (регулярные контакты в виде проведения совместных заседаний

в варианте круглых столов со специалистами, например, Чаньчунского университета китайской традиционной медицины, которые иногда делали доклады и общались с нами непосредственно из госпиталей, откуда они не имели права уходить) позволила оценивать плюсы такого сочетания двух медицинских систем.

По пути юго-восточных соседей?

В России в настоящий момент совсем иная ситуация, нежели чем в Китае: и со своей *неконвенциональной медициной* во всем ее многообразии, и с заимствованием/легализацией/внедрением чужих, в том числе китайских, лечебных и профилактических традиций и практик.

Можно сказать, что в стране реально не контролируется должным образом все поле *неконвенциональной медицины*, подконтрольным является собственно здравоохранение (даже притом что в законах об охране здоровья предусмотрены статьи, которые были ориентированы именно на неконвенциональную область медицины). Это позволяет разворачивать свою практику всем желающим проявить себя в данной сфере в удобных для них вариантах (законодательные установки по поводу *народного целительства* и *народной медицины* на практике остались больше благопожеланием, дающим возможность получения коммерческой прибыли тем, кто курирует деятельность самых разных специалистов).

Однако в России была усилена ориентация на восточные ТМС и принципы организации общественного здравоохранения еще в допандемийный период, хотя набравшее силу целительская деятельность/движение развивается по-прежнему очень активно, множа и объединения специалистов и частную практику. В этом процессе можно выделить как минимум несколько составляющих:

- развитие и трансформация движения «народных целителей» России и зарубежья;
- попытки разграничения «народной медицины» и «традиционной медицины», ТМС в России;
- открытие все большего числа кафедр, институтов с ориентацией на неконвенциональную медицину и подготовку специалистов такого профиля.

К этому можно добавить активизацию в подготовке будущих медицинских специалистов, в первую очередь врачей, преподавательской среды, стремящейся усилить гуманитарную составляющую в образовательных программах наряду с расширением знаний в области *неконвенциональной медицины* (впрочем, пока это осуществить в полной мере не представляется возможным).

Остановимся очень коротко на первом выделенном пункте: *развитие и трансформация движения «народных целителей» России*. Как уже

указывалось выше, само понятие *народные целители* появилось еще в 1993 г. Далее это новое движение формировалось и развивалось очень быстро, множа различные организации, создавая систему собственного профессионального образования, выстраивая свою деятельность в варианте профессиональных ассоциаций, берущих на себя самые разные функции. Фактически за этим «зонтичным» термином скрывались самые разные прикладные лекари (травники, костоправы и пр.), знахари, ведуньи, колдуны, волхвы, шаманы и т.п., а вместе с ними биоэнерготерапевты, эниотерапевты, эниосуггестологи; ароматерапевты, литотерапевты, гирудотерапевты, апитерапевты и многие другие специалисты; позже в их рядах появились «психотерапевты» и «психологи» в разных вариантах. Все они, точнее, их услуги, пользуются достаточно большим спросом среди населения, а в период пандемии и на выходе из нее этот спрос, очевидно, возрос: «За последние пять лет спрос на услуги целителей повысился на 30%, такую тенденцию озвучил в беседе с NEWS.ru президент Национальной ассоциации народной медицины Владимир Егоров. Он связал это с пандемией коронавируса и ее последствиями. Эксперт подчеркнул – речь идет о специалистах по народным методам лечения, которые практикуют на законных основаниях. Например, травники, костоправы. Различные оккультисты не имеют к ним отношения» (Филина-Коган 2023). Можно к этому добавить, что «различные оккультисты» имели едва ли не больший успех у нашей публики, особенно в период пандемии, когда здравоохранение не могло во многих ситуациях оказывать действенную помощь, а страх от неизвестности заставлял людей искать спасения у любых специалистов и шарлатанов.

К началу пандемии и в настоящий, постпандемийный период активно работают не менее десятка довольно крупных целительских ассоциаций, в состав которых входят разные люди, предлагающие свои разнообразные услуги в неконвенциональном поле. Но остановится для примера на профессиональной, наиболее активной организации: «Международная Профессиональная Ассоциация Специалистов Комплементарной, Альтернативной, Народной Медицины и Психологов» (Международная Профессиональная...), которая проводит множество мероприятий: из последних – Межрегиональная конференция «Современная, традиционная медицина и духовные практики» (Нальчик); XVIII Международный конгресс «Комплементарная Медицина и наука – настоящее и будущее России» (Москва); XXII Фестиваль Здоровья «Специалистов традиционных систем оздоровления и духовных практик» (Сочи); XV Новогодний съезд Специалистов Оздоровительных Практик (Москва) (Там же). Информация говорит сама за себя. Интересно, что обучение (очевидно, дополнительное) предлагается в разных местах, цитирую:

– «Международная Академия Духовного Развития и Инновационных Технологий (МАДРиИТ)

- Курсы повышения квалификации
- Государственное образование
- Международное образование» (Там же).

Ассоциация заботится о медицинском образовании состоящих в ней лиц: есть информация об обучении по программе «Младшая медицинская сестра/брат». Также есть сообщение о ДПО на базе РАНХиГС по программе «Психология и педагогика» (37.03.02). Есть и информация о реестре практикующих членов ассоциации – специалистов, у некоторых указывается аккредитация, например: «Специалист Энергоинформационных технологий»; «Инструктор оздоровительных практик»; «Остеопат. Парапсихолог. Магистр Комплементарной Медицины. Окончил Фрязинское Медицинское училище в 2006 г. Аккредитация: Специалист оздоровительных практик. Выдано: 15.09.18. Действителен до: 15.09.19»; «Инструктор Оздоровительных Практик. Официальный представитель по Приморскому краю. Магистр Народной Медицины. Профессор Народной Медицины. Аккредитация: Инструктор Энергоинформационных технологий. Выдано: 22.12.19. Действителен до: 22.12.22».

Надо заметить, что такие специалисты и схожие с ними (см. подробно: (Харитонова 2022)) активно работали в пандемию, работают и сейчас, оказывая услуги согласно своему мировоззрению и знаниям, полученным на различных курсах. Но еще до пандемии от них отделились профессиональные медицинские работники, зарегистрировавшие свою организацию (АНО) – «Национальная профессиональная Ассоциация традиционной и комплементарной медицины» (Национальная профессиональная...). Она быстро прошла официальную регистрацию⁵ и вошла в состав Национальной медицинской Палаты⁶. Под ее кураторством было проведено обсуждение «Проекта профессионального стандарта специалиста по традиционной медицине» в 2019 г.

Во время пандемии организация активно работала. В ноябре 2021 г. на базе Ассоциации были выработаны «Предложения по расширению лечебно-профилактических и реабилитационных возможностей современной медицины при COVID-19 за счет дополнения стандартной терапии средствами и методами комплементарной медицины» (на основе анализа применения растительных и гомеопатических средств в период пандемии). Эти предложения предварительно обсуждались на заседании Экспертного Совета и были направлены Комитетом ГД РФ по охране здоровья в Министерство здравоохранения (МЗ) РФ. Данная работа осуществлялась с учетом достижений ТКМ в Китае (Китайские врачи... 2021). Тогда же было начато сотрудничество в проекте «Вместе – против COVID-19!», который осуществлялся АНО ДПО «Академия инновационного образования» как образовательный проект для врачей и пациентов (Образовательный портал...).

Важнейшие направления, которые Ассоциация взяла под свой контроль, – это фитотерапия, гомеопатия, гирудотерапия, апитерапия, аппаратные методы диагностики и лечения. Ассоциация регулярно проводит образовательные конференции, например, в апреле 2021 г. прошел «1-й Национальный конгресс по фитотерапии и травничеству» и 27-я Международная конференция «Теоретические и клинические аспекты применения биорезонансной и мультирезонансной терапии». 22 апреля 2023 г. состоялась XXIX международная конференция «Теоретические и клинические аспекты применения биорезонансной и мультирезонансной терапии». 14 октября 2023 г. было празднование «Дня российской гомеопатии» (Москва), где состоялось торжественное заседание, посвященное 190-летию официального признания гомеопатии в России (Национальная профессиональная... гомеопатия...; Российское гомеопатическое...). Надо заметить, что активизация видимой деятельности, связанной с гомеопатией, была не в последнюю очередь простиमुлирована скандалом, вызванным Комиссией по борьбе со лженаукой (РАН), а также некоторыми недоразумениями на основе этого во время пандемии (От коронавируса... 2020; см. подробно: Харитонов, 2023).

Ассоциация приняла активнейшее участие в одном из последних наиболее важных для развития и институализации в России традиционной медицины мероприятий: 25–26 февраля 2023 г. в Москве на базе Первого МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава прошел IV конгресс по традиционной медицине стран ШОС/БРИКС/ЕАЭС, по итогам работы которого была принята важнейшая Резолюция (Национальная профессиональная... Резолюция). В этом документе участники Конгресса рекомендовали Министерству здравоохранения РФ «воссоздать головное учреждение по организационно-методическому и нормативно-правовому обеспечению применения методов комплементарной (традиционной) медицины (например, в форме Федерального методического центра, как это сделано в случае с методом остеопатии)» (Там же).

Представители медицины, которые руководят Ассоциацией, активно участвовали в состоявшемся 19 июня 2023 г. в Комитете ГД РФ по охране здоровья круглом столе по вопросам государственного регулирования традиционной/комплементарной и народной медицины. Это было важнейшее мероприятие, на которое специалисты традиционной медицины (ТМ) возлагали большие надежды. На нем обсуждались три значимых вопроса.

Речь шла в первую очередь о дальнейшем развитии традиционной медицины в России и административных барьерах, которые мешают этому. Выступление президента Национальной ассоциации традиционной и комплементарной медицины д-ра мед. наук М.С. Томкевич было сосредоточено в основном на гомеопатии (она сама специалист именно в этой области), но в целом поднимались многочисленные проблемы,

связанные со сложностями развития *традиционной медицины* – во врачебной деятельности, в производстве и регистрации лекарственных препаратов.

Помимо этого, собравшиеся анализировали международные, ВОЗовские и другие документы. А третьим вопросом стал тот, который имеет прямое отношение к ассоциации народной медицины, а именно Национальной ассоциации традиционной и комплементарной медицины, которая напрямую связана с «материнскими» организациями, естественно, не может оставить без внимания *народное целительство*. Вопрос о разрешении целительской деятельности является, по сути дела, постоянно обсуждаемым на протяжении тридцати лет, с момента законодательного введения термина и активизации развития этой сферы, ставшей в 1990-е гг. профессиональной. Но до настоящего времени целители просят и требуют легализации некоторых направлений своей деятельности (Национальная ассоциация... 2023).

Разделение *народного целительства* и специалистов *традиционной медицины* привело к тому, что, как было указано выше, начал разрабатываться Профессиональный стандарт «Специалист традиционной (комплементарной) медицины», подготовленный той же М.С. Томкевич. На сайте Минтруда России документ находится в «Реестре уведомлений о разработке/пересмотре профессиональных стандартов» и значится в разделе «02 Здравоохранение» (область профессиональной деятельности); как цель вида профессиональной деятельности для этих специалистов указано: «Вспомогательные методы диагностики, лечения, профилактики и медицинской реабилитации» (Профстандарт...).

Увы, институализация этой деятельности, которая, как всем известно, представлена в стране давно и очень широко, по-прежнему тормозится. Не исключено, что тут свою роль играет и в некотором смысле условная разделенность *народных целителей* и *специалистов традиционной медицины*. Тут нельзя сбрасывать со счета отношение к этим медицинам основной массы медицинских специалистов, подготовленных в советских/российских вузах исключительно в рамках биомедицинской парадигмы при минимуме даже гуманитарной направленности в их образовании и в полной уверенности, что «медицина» может быть исключительно в единственном числе и варианте. Большинству из них очень сложно понять и оценить холистические подходы к работе с человеком в системе ТМ и ТКМ, равно как и в практиках *народной медицины*, на чем зиждется *народное целительство*.

Традиционная медицина в России: подготовка специалистов и работа клиник

Однако в стране давно, хотя и исподволь, готовятся кадры различных специалистов, которые, согласно предложению Национальной

Ассоциации традиционной и комплементарной медицины, должны относиться к ТМ, хотя, как известно, за понятием «традиционная медицина» скрывается совершенно определенная практика (Бромлей, Воронов 1976). Этим занимаются не только малоизвестные курсы, но и, например, Институт восточной медицины (ИВМ), много лет уже существующий при РУДН им. Патриса Лумумбы (Институт...). Там предлагаются курсы для специалистов с различным базовым образованием: «Традиционная китайская медицина», «Аюрведа», «Гомеопатия», «Травничество (лечение лекарственными растениями)», «Ароматерапия» и т.д.; но Институт ориентируется и на профессиональную переподготовку медицинских работников по гомеопатии, фитотерапии, рефлексотерапии, психологии, в том числе предлагаются новые методы, например, ольфактотерапия. В ИВМ функционируют постоянно кафедры Аюрведы, ТКМ, Фитотерапии, Гомеопатии, Алгологии и реабилитации.

Впрочем, более важным и интересным представляется давно существующий в стране медицинский комплекс в Республике Бурятия (Хариотонова 2009), где сконцентрирована бурято-тибетская медицина, история которой уходит своими корнями в XIX в., ко времени, когда Пётр Александрович Бадмаев (1851–1920) – автор первого перевода трактата тибетской медицины «Жуд-Ши» на русский язык, начал активную медицинскую деятельность в Петербурге, а также на территории Бурятии⁷. Надо сказать, что тибетская медицина, пришедшая в Бурятию через Монголию, быстро адаптировалась и фактически превратилась в бурято-тибетскую довольно самостоятельную ветвь.

В настоящее время она широко распространена в России и даже проникла в другие страны мира. Но важнейшим местом ее развития и изучения по-прежнему остается сама Бурятия, где в Улан-Удэ уже три десятилетия существует Центр восточной медицины (поликлиника) (ЦВМ), профилакторий/стационар в пригородном поселке Верхняя Березовка и санаторий на Байкале (с. Горячинск). Там работают специалисты медицинских профессий, которые изучают и используют методы традиционной медицины, применяя их в своих клиниках. Там же есть местная фито-аптека, сырье для которой собирают в экологически чистых районах сами специалисты ЦВМ, их фармацевты готовят препараты. В последние годы этот комплекс активно развивается. Там же, в Улан-Удэ, идет активное развитие научной составляющей бурято-тибетской медицины в Институте общей и экспериментальной биологии СО РАН и Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Специалисты исследуют рукописи традиционной медицины, переводят, комментируют и издают их с подробными комментариями.

Надо сказать, что в отношении этой ТМ можно говорить уже о практически сложившейся *традиционной медицинской системе*: широко известно, что в пгт. Агинское есть Агинский медицинский колледж

им. В.Л. Чимитдоржиева (Агинский...), который готовит кадры по направлениям «сестринское дело» и «лечебное дело». Собственно медицинская (биомедицина) подготовка сочетается с обучением традиционной медицине. Колледж имеет хорошую репутацию, хотя и создан сравнительно недавно: «Комитетом здравоохранения Читинской области, Комитетом здравоохранения Агинского Бурятского округа совместно со специалистами Читинского медицинского колледжа на базе Агинской Буддийской Академии в 2003 г. был открыт филиал Читинского медицинского колледжа. Училище было создано по инициативе ректора Агинской Буддийской Академии Чимитдоржиева Владимира Лхамаевича с целью духовного и физического оздоровление населения и подготовки конкурентоспособных специалистов среднего медицинского звена, владеющих знаниями современной и традиционной медицины. В 2006 г. состоялся первый выпуск, диплом медицинских работников получили 17 студентов. Открытие училища как самостоятельного образовательного учреждения состоялось 29 декабря 2006 года» (Агинский... училище).

До создания колледжа с 1990-х гг. в этих краях существовала Школа тибетской медицины, переименованная позже в Агинскую буддийскую академию. Надо сказать, что это высшее учебное заведение работало по конфессиональному образовательному стандарту, но имело государственную лицензию. Наряду со служителями культа, учебное заведение готовило специалистов в области традиционной медицины. Эмчи-ламы, получившие здесь подготовку, выпускники факультета традиционной медицины, работают сейчас на Алтае, в Хакасии, Туве, а также в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Тикси (Якутия), Красноярске и других городах России. Владимир Лхамаевич Чимитдоржиев (Бабу Лама), основавший все эти заведения, к сожалению, уже ушел из жизни. Он был основателем двух инновационных образовательных проектов: «Духовное профессиональное образовательное учреждение “Агинская Буддийская Академия” – комплекс интегрированного духовного и светского образования, синтеза знаний европейских и восточной медицинской практики» и «Интеграция восточной и европейской медицины в образовательном пространстве медицинского училища» (Агинская...).

Таким образом, в России в 2000-е гг. уже активно распространялась бурято-тибетская медицина, специалисты которой готовились внутри страны. Все они, как и относительно самостоятельные бурятские компании, например клиника «Наран», в период пандемии не прекращали фактически свою работу, но трансформировали ее, согласно требованиям эпидемического положения.

Что дала нам пандемия?

Важнейшее, что можно отметить в отношении практической деятельности представителей традиционной медицины в Бурятии, это их изначальную включенность в лечебно-профилактические процессы с самого начала пандемии. Поскольку ситуация в здравоохранении Бурятии была очень сложной (не хватало ни врачей и другого медицинского персонала, ни специальной одежды и средств дезинфекции, ни лекарственных препаратов, не говоря уже о нехватке мест в стационарах), то возможности Центра восточной медицины вместе с профилакторием/стационаром и санаторием должны были использоваться на полную мощность. По статусу в настоящее время это Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканский клинический лечебно-реабилитационный центр», работающий в ведении Министерства здравоохранения Республики Бурятия. Во время пандемии он вполне соответствовал своему назначению. Там шло активное лечение в том числе с использованием методов традиционной медицины, по возможности (учитывая условия пандемии) предоставлялись услуги по профилактике и реабилитации. Фактически клиника традиционной медицины здесь, как и в Китае, например, выполняла те медицинские функции, которые требовала ситуация. Отметим особо, что специалисты традиционной медицины и в Китае, и у нас делали ставку на повышение иммунного статуса своих пациентов, помогая им побороть ковид.

В настоящее время, когда ЦВМ во многом переориентирован на реабилитацию участников СВО, здесь оказывают лечебно-профилактическую помощь по различным профилям (медицинская реабилитация, гериатрия, неврология, ревматология). При этом ЦВМ подчеркивает, что у него «все методики лечения подкреплены серьезным научно-исследовательским опытом и собственным производством фитосборов на основе тибетских рецептов» (ЦВМ...). Важно, что работа этого комплекса известна в стране: Комитет по охране здоровья граждан ГД РФ (в том числе благодаря тому, что там на протяжении многих лет есть представители Республики Бурятия) учитывает опыт ЦВМ. В октябре 2023 г. его посетил Б.Н. Башанкаев, российский хирург, депутат ГД РФ, нынешний Председатель комитета; он увидел там, как рассказал на своей странице в Telegram-канале, «опыт грамотного симбиоза разных направлений медицины, которые разумно дополняют друг друга. Современные реабилитационные экзоскелеты и акупунктура/иглорефлексотерапия сочетаются и помогают нашим пациентам. Интересный опыт, успешный опыт. Есть чему поучиться» (Председатель Комитета... 2023).

Возможно, такие оценки помогут развитию ЦВМ, а также развитию традиционной медицины этого типа в стране. Однако опыт прежних лет показывает, что продвижении данной медицинской системы в ее

легитимации если и идет, то слишком медленными темпами. Как, собственно, и продвижение заимствования практики ТКМ, Аюрведы (не говоря уже об иных медицинах Индии, включенных в ведении Министерства AYUSH (AYUSH...)), корейской, вьетнамской традиционной медицины, которые остаются у нас пока экзотикой в ведении частных клиник и неких специалистов, расклеивающих приглашения на бесплатные сеансы, например, корейской медицины, в деятельности которых приходится сомневаться.

В целом же опыт жизни в период пандемии продемонстрировал востребованность всех медицинских систем, практик, методов и тех многочисленных альтернативных услуг не только магики-медицинского, но и, разумеется, магики-мистического, квазирелигиозного характера, которые существуют на отечественно рынке «народной медицины». Все они довольно быстро приспособились к необычным условиям жизни с минимумом офлайн-контактов и, благодаря уже хорошо развитой системе «виртуальной жизни», перенесли не только свои консультации, но даже ритуалы в эту виртуальную жизнь, используя онлайн-общение.

Судя по тому, насколько активно работали как консультанты гомеопаты, фитотерапевты и травники, психотерапевты и психологи, эта сфера деятельности, связанная с профилактикой, реабилитацией и даже назначением лечения, очень быстро развивалась. Об этом свидетельствует в том числе продвижение конкретных направлений в различных областях огромного поля *неконвенциональной медицины* и примыкающей (квази)религиозной деятельности. На сайте «Организационно-правовой центр Владимира Егорова»⁸, где предлагаются «консультации и услуги для оформления легальной практики специалистов по оздоровлению, целителей, врачей, использующих методы традиционной медицины, психологов, эзотериков, экстрасенсов»⁹, отмечены как негативные, так и позитивные процессы в этой области. Кстати, здесь предлагается помощь в решении многих сложных для практиков вопросов, а также резюмируются имеющиеся позитивные и негативные процессы в курируемой им сфере деятельности¹⁰.

Если вернуться к вопросу об «интеграции» (который должен на самом деле рассматриваться специально, поскольку этот термин также требует серьезного анализа, как и прячущиеся за ним реалии), то можно сказать, что понятие «интегративная медицина» у нас используется и оценивается совершенно по-разному: с одной стороны, на эту тему издается специальная и учебная литература с дифирамбами в адрес интеграции: «Интегративная медицина прошла путь от идеологии к методологии здравоохранения. Интегративные модели организации оказания медицинской помощи позволяют создать сбалансированную систему здравоохранения, учитывающую материальные возможности различных слоев населения. Показано, как диагностировать и лечить больных с

пограничной, психосоматической и сочетанной патологией с позиций интегративной медицины, учитывая возможности современной официальной, традиционной и альтернативной медицины. Представлены основные направления реформирования системы подготовки медицинских кадров» (Парцерняк 2007), а с другой – на эту сферу обрушивается жесточайшая критика: «Все хотят быть здоровыми и красивыми – и недобросовестные люди навариваются на этом. Амбассадор интегративной медицины в России – Наталья Зубарева. Это известная инстаграм-блогерка, которая выпустила миллионными тиражами книги о гормонах и питании. Несмотря на феноменальные продажи, научность этих книг постоянно критикуют, а сама Зубарева даже получила антипремию “Почетный академик ВРАЛ” за свою деятельность. Чтобы делать подборки БАДов на iHerb и в конце давать свой промокод на скидку, не нужно проводить масштабный анализ и читать большое количество свежих статей. А в косметическом сегменте инстаграма творится еще больший ужас» (Клягина 2021). Оставим этот вопрос пока без ответа.

P.S.

Итак, очевидно, что Россия идет своим путем в возвращении медицинских традиций прошлого и заимствовании таковых из соседних стран в официальную, легитимную сферу собственно *здравоохранения*, притом что вся эта медицина и не-медицина прекрасно чувствуют себя в сфере *здоровьесбережения* в целом, несмотря на принимаемые периодически законы и указы о каких-то конкретных запретах и даже доведения отдельных случаев нарушений до судебных инстанций. Что и как будет развиваться дальше – в нашей реальности трудно предположить.

Обратим особое внимание: 14 декабря прошла пресс-конференция Президента Российской Федерации В.В. Путина «Итоги года с Владимиром Путиным», где в финале четырехчасового общения был задан вопрос журналисткой из Бурятии: «В республике есть единственный в стране центр восточной медицины. Сейчас там делают лекарства, оказывают помощь участникам СВО. Хочется расширения мощностей, чтобы как можно больше бойцов проходили реабилитацию» (Итоги года... 2023).

Екатерина Елистратова, задававшая этот вопрос, в частности, сказала: «...просим поддержать создание нового корпуса Центра восточной медицины и придать ему статус НИИ». В.В. Путин попросил побольше конкретики и обещал разобраться с этим вопросом.

Примечания

¹ Принятая за основу здравоохранения современная медицинская система имеет многочисленные наименования, но ни одно из них не охватывает это явление полностью и не описывает абсолютно точно.

² Известно, что с 1960-х гг. заинтересованность «китайской медициной», в варианте рефлексотерапии в первую очередь, в СССР вылилась в прямые контакты с китайским здравоохранением: советские врачи ездили на практику в китайские клиники и развивали

иглорефлексотерапию у нас, изначально, как это было принято, в правительственных клиниках.

³ Удостоверения «народных целителей» получали, например, иностранные врачи ТКМ и других традиционных медицинских систем, чтобы легализовать свою практику в России, поскольку по нашим законам об образовании они не имели права здесь работать в медицинских учреждениях

⁴ Некоммерческое партнерство, созданное в 2010 г. в России и состоящее из некоммерческих медицинских и иных организаций, работающих в сфере здравоохранения. В состав Национальной Медицинской Палаты входит 164 региональных и общероссийских профессиональных медицинских объединения, включая объединения врачей частной практики.

⁵ «Наша Ассоциация прошла в 2016 г. регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации в соответствии с современными требованиями и является профессиональной ассоциацией медицинских работников».

⁶ «Ассоциация позиционирует себя полноправным членом содружества профессиональных медицинских Ассоциаций, входит в Союз медицинского сообщества “Национальная Медицинская Палата” и последовательно отстаивает интересы специалистов всех направлений традиционной (комплементарной) медицины. Члены нашей Ассоциации так же, как и других структур, входящих в состав “Национальной Медицинской Палаты”, будут включены в формирующийся Реестр сертифицированных специалистов традиционной (комплементарной) медицины, создающийся по поручению “Национальной Медицинской Палаты”. Тесное сотрудничество с нашей Ассоциацией поможет Вам найти необходимые информационные и профессиональные контакты, обеспечить стабильное развитие своей практики на законной правовой основе».

⁷ Врач и теоретик тибетской медицины, дипломат-востоковед. Крестник императора Александра III, лечил Николая II, членов императорской семьи и Григория Распутина.

⁸ В.В. Егоров на протяжении многих лет работает в сфере организации и поддержки практик народного целительства и традиционной медицины, стремясь придать одним юридический статус комплементарной (дополнительной) медицины, другим – альтернативной (<https://vladimiregorov.rf/>).

⁹ «В.В. Егоров – Президент Национальной профессиональной ассоциации специалистов народной медицины и оздоровительных практик, Российской профессиональной медицинской Ассоциации специалистов традиционной и народной медицины».

- Заместитель Председателя Экспертного Совета по совершенствованию законодательства в сфере комплементарной медицины Комитета по охране здоровья Государственной думы РФ.

- Заместитель Председателя Координационного Совета по нормативно-правовому регулированию в сфере народной медицины Минздрава РФ; член Общественного Совета при Минздраве РФ.

- Помощник 1-го заместителя Председателя Комитета по охране здоровья Государственной думы.

- Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Проводит правовые семинары и оказывает правовые консультации с 2007 года» (Организационно-правовой центр...).

¹⁰ «Целителям стали выдавать государственные разрешения на занятие народной медициной – что оно дает и как такое разрешение получить?».

- Решаются проблемы с оздоровительной практикой граждан Китая, Индии.

- Началось образование по народной медицине в государственных вузах (по этническим оздоровительным практикам, этническому траволечению, этническим практикам коррекции опорно-двигательной системы, китайской медицине, аюрведе, целительству наложением рук и др.).

- Появилась возможность легально заниматься массажем без медицинского образования (физкультурно-оздоровительная деятельность).

- Законная схема трудоустройства целителей, психологов, специалистов по оздоровлению в медицинские центры.
- Реальная помощь Национальной ассоциации народной медицины при конфликтах с административными органами, клиентами, редакциями СМИ.
- Организация образования без лицензии и многое другое» (Организационно-правовой центр...).

Список источников

- Агинская... – Агинская Буддийская академия – жемчужина Забайкалья. URL: <https://xpaniteliroidiny.rpf/Article/?id=33488>
- Агинский... – Агинский медицинский колледж им. В.Л. Чимитдоржиева. URL: <http://www.agamk.ru/>
- Агинский... училище – Агинский медицинский колледж им. В.Л. Чимитдоржиева. URL: <http://www.agamk.ru/index.php/svedeniya1>
- Беляев А.Ф., Ли И.Л., Гук Ч.В. Традиционная китайская медицина о лечении COVID-19 // Традиционная медицина. 2020. № 3 (62). С. 46–51.
- Бромлей Ю.В., Воронов Л.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5.
- В Бурятии не хватает мест в больницах, открывают ковидные госпитали в гостиницах // WEACOM.RU. 13 июня 2021 г. URL: <https://www.weacom.ru/news/russia/society/204053>
- Гарус О.-П.А. Лечение и реабилитация после COVID-19 с помощью традиционной китайской медицины в КНР и РФ (взгляд медицинского антрополога) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 236–251.
- Институт восточной медицины – РУДН. URL: <https://ivm.rudn.ru/>
- Клягина И. Что такое интегративная медицина и что с ней не так // Cuprum.Media. 30 сентября 2021 г. URL: <https://cuprum.media/razbor/integrative-approach>
- Итоги года с Владимиром Путиным. Ключевые заявления // РИА НОВОСТИ. 14.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231214/putin-1915699870.html>
- Китайские врачи делятся опытом по профилактике и лечению COVID-19. 17 ноября 2021 г. URL: <https://tkmedpro.ru/kitajskie-vrachi-delyatsya-opytom-po-profilaktike-i-lecheniju-covid-19/>
- Колпакова И. Коронавирус и гомеопатия // Центр классической гомеопатии. 07.04.2020. URL: <http://www.homeopat.kiev.ua/stati/5525-koronavirus-igomeopatiya>
- Маничкин Н.А., Головинин М.В. Современная иммунология: противоречиво состояние в «мире идей» и «мире вещей» // Медицинская антропология и биоэтика. 2019. № 2 (18). URL: https://medanthro.ru/?page_id=4259
- Международная Профессиональная Ассоциация Специалистов Комплементарной, Альтернативной, Народной Медицины и Психологов : официальный сайт. URL: <https://medfolk.ru/obuchenie/gosudarstvennoe-obrazovanie/>
- Национальная профессиональная ... – «Национальная профессиональная Ассоциация традиционной и комплементарной медицины». URL: <https://tkmedpro.ru/natkm/>
- Национальная профессиональная ... гомеопатия – «Национальная профессиональная Ассоциация традиционной и комплементарной медицины». День российской гомеопатии. URL: <https://tkmedpro.ru/den-rossijskoj-gomeopatii/>
- Национальная профессиональная ... Резолюция – «Национальная профессиональная Ассоциация традиционной и комплементарной медицины». Резолюция. IV конгресс традиционной медицины стран ШОС/БРИКС/ЕАЭС. URL: <https://tkmedpro.ru/iv-kongress-tradicionnoj-mediciny-stran-shos-briks-eaes/>
- Национальная ассоциация... 2023 – Национальная ассоциация традиционной и комплементарной медицины 2023. URL: https://tkmedpro.ru/gosduma_19062023/
- Образовательный портал для врачей «Румедо». URL: <https://rumedo.ru/>
- Организационно-правовой центр Владимира Егорова. URL: <https://vladimirerogov.rpf/>

- От коронавируса «Белладонну» возьмите // Pikabu. 2020. URL: https://pikabu.ru/story/ot_koronavirusa_belladonnu_vozmite_stolichnyie_gomeopatyi_berut_po_5000_rublej_za_konsultatsiyu_7299295
- Парцерняк С.А. Интегративная медицина. Нордмед-Издат, 2007.
- Председатель Комитета Государственной Думы по охране здоровья Бадма Николаевич Башанкаев посетил наш Центр // Центр Восточной Медицины. URL: <https://cvmed.ru/%d0%bf%d1%80%d0%b5%d0%b4%d1%81%d0%b5%d0%b4%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%bb%d1%8c-%d0%ba%d0%be%d0%bc%d0%b8%d1%82%d0%b5%d1%82%d0%b0-%d0%b3%d0%be%d1%81%d1%83%d0%b4%d0%b0%d1%80%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%b5%d0%bd%d0%bd/>
- Профстандарт «Специалист традиционной (комплементарной) медицины» // Профессиональные стандарты. Минтруд России. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/reestr-uvedomleniy-o-razrabotke-peresmotre-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=112044
- Российское гомеопатическое общество : официальный сайт. URL: <https://rusmedhom.ru/>
- Сян Син, Чжун Чжэнь, Ли Сянмэй. О преимуществах ТКМ в лечении новой коронавирусной инфекции // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). URL: https://medanthro.ru/?page_id=4870
- Филина-Коган В. Руководители разного уровня: кто и зачем в России обращается к целителям // News.ru. 12 января 2023. URL: <https://news.ru/society/rukovoditeli-raznogo-urovnya-cto-i-zachem-v-rossii-obrashaetsya-k-celityam/>
- Харитова В.И. Портреты народных целителей России. Вып. 1 / под общ. ред. акад. Я.Г. Гальперина. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 1994.
- Харитонова В.И. Интеграция медицинских систем: идея, практика, человеческий фактор // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: Труды по медицинской антропологии. М.: Новости, 2009. С. 275–286.
- Харитонова В.И. Интеграция медицины в России: идеи и воплощение // Развитие традиционной медицины в России. Опыт, научные исследования, перспективы: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием 20–21 августа 2010 г. Улан-Удэ: Изд-во ГУЗ РЦМП МЗ РБ, 2010а. С. 97–102.
- Харитонова В.И. Идеи комплементарной и интегративной медицины в современной России // Философские проблемы биологии и медицины: Вып. 4: Фундаментальное и прикладное: сб. материалов 4-й ежегодной науч.-практ. конф. М.: Принтберри, 2010б. С. 217–220.
- Харитонова В.И. От народно-медицинских традиций к интегративной медицине // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2012. Вып. 1 (74): Российский Север и северяне: среда-экология-здоровье. С. 40–45.
- Харитонова В.И. Неконвенциональная медицина в РФ и современные шаманские практики // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. Памяти В.Н. Баилова: сборник статей / отв. ред. В.И. Харитонова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 256–272. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 15, ч. 2)
- Харитонова В.И. Феномен психологического целительства в российской практике первой четверти XXI в. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 308–340. doi: 10.17223/2312461X/38/15
- Харитонова В.И. Реакция российского здоровьесбережения на развитие пандемии COVID-19 и выход из нее (кросс-культурный аспект) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 170–188.
- Харитонова В.И., Павлова Л.А., Ли С. Китайская традиционная медицина: возможности распространения в России // Медицинская антропология и биоэтика. 2018. № 16 (2). ЦБМ... – Центр восточной медицины (Бурятия). URL: <https://cvmed.ru/>
- AYUSH... – Ministry of Ayush. URL: <https://www.ayush.gov.in/>

References

- AYUSH... – Ministry of Ayush. Available at: <https://www.ayush.gov.in/>
- Aginskaia... – Aginskaia Buddiiskaia akademiia – zhemchuzhina Zabaikal'ia [Agin Buddhist Academy – the pearl of Transbaikalia]. Available at: <https://khranitelirodiny.rf/Article/?id=33488>
- Aginskii... – Aginskii meditsinskii kolledzh im. V.L. Chimitdorzhieva [Agin Medical College named after V.L. Chimitdorzhiev]. Available at: <http://www.agamk.ru/>
- Aginskii... uchilishche – Aginskii meditsinskii kolledzh im. V.L. Chimitdorzhieva [Agin Medical College named after V.L. Chimitdorzhiev]. Available at: <http://www.agamk.ru/index.php/svedeniya>
- Beliaev A.F., Li I.L., Guk Ch.V. (2020) Traditsionnaia kitaiskaia meditsina o lechenii COVID-19 [Traditional Chinese Medicine About Treating COVID-19], *Traditsionnaia meditsina*, no. 3(62), pp. 46–51.
- Bromlei Iu.V., Voronov L.A. (1976) Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniï [Traditional medicine as a subject of ethnographic research], *Sovetskaia etnografiia*, no. 5.
- V Buriatii ne khvataet mest v bol'nitsakh, otkryvaiut kovidnye gospitali v gostinitsakh [There are not enough places in hospitals in Buryatia, COVID hospitals are being opened in hotels], *WEACOM.RU* [Electronic resource]. 13 June 2021. Available at: <https://www.weacom.ru/news/russia/society/204053>
- Garus O.-P.A. (2023) Lechenie i reabilitatsiia posle COVID-19 s pomoshch'iu traditsionnoi kitaiskoi meditsiny v KNR i RF (vzgliad meditsinskogo antropologa) [Treatment and Rehabilitation After COVID-19 With Traditional Chinese Medicine in China and Russia (Medical Anthropologist's Perspective)], *Vestnik antropologii*, no. 4, pp. 236–251.
- Institute of Oriental Medicine – RUDN. Available at: <https://ivm.rudn.ru/>
- Kliagina I. (2021) Chto takoe integrativnaia meditsina i chto s nei ne tak [What is integrative medicine and what is wrong with it], *Cuprum.Media*. 30 September 2021. Available at: <https://cuprum.media/razbor/integrative-approach>
- Itogi goda s Vladimirom Putinyim. Kluchevye zaïavlenniia [Results of the year with Vladimir Putin. Key Statements], *RIA NOVOSTI*. 14.12.2023. Available at: <https://ria.ru/20231214/putin-1915699870.html>
- Kitaiskie vrachi deliatsia opytom po profilaktike i lecheniiu COVID-19 [Chinese doctors share their experience in the prevention and treatment of COVID-19]. 17 November 2021. Available at: <https://tkmedpro.ru/kitajskie-vrachi-delyatsya-opytom-po-profilaktike-i-lecheniju-covid-19/>
- Kolpakova I. (2020) Koronavirus i gomeopatiia [Coronavirus and homeopathy], *Tsentral'skaia klassicheskoi gomeopatii* [Electronic resource]. 07.04.2020. Available at: <http://www.homeopat.kiev.ua/stati/5525-koronavirus-igomeopatiya>
- Manichkin N.A., Goloviznin M.V. (2019) Sovremennaia immunologiya: protivorechivo sostoianie v «mire idei» i «mire veshchei» [Modern immunology: the contradictory state in the “world of ideas” and the “world of things”], *Meditsinskaia antropologiya i bioetika*, no. 2(18).
- International Professional Association of Complementary, Alternative, Traditional Medicine and Psychologists (official website). Available at: <https://medfolk.ru/obuchenie/gosudarstvennoe-obrazovanie/>
- Natsional'naia assotsiatsiia ... – “National Professional Association of Traditional and Complementary Medicine”. Available at: <https://tkmedpro.ru/natkm/>
- Natsional'naia professional'naia ... gomeopatiia – “National Professional Association of Traditional and Complementary Medicine”. Russian Homeopathy Day. Available at: <https://tkmedpro.ru/den-rossijskoj-gomeopatii/>
- Natsional'naia professional'naia ... Rezoliutsiia – “National Professional Association of Traditional and Complementary Medicine”. Resolution. IV Congress of Traditional

- Medicine of the SCO/BRICS/EAEU countries. Available at: <https://tkmedpro.ru/iv-kongress-tradicionnoj-mediciny-stran-shos-briks-eaes/>
- Natsional'naia assotsiatsiia... 2023 – “National Association of Traditional and Complementary Medicine” 2023. Available at: https://tkmedpro.ru/gosduma_19062023/
- Educational portal for doctors “Rumedo”. Available at: <https://rumedo.ru/>
- Vladimir Egorov Organizational and Legal Center. Available at: <https://vladimiregorov.rf/>
- Ot koronavirusa «Belladonna» voz'mite [Take Belladonna for coronavirus], *Pikabu* [Electronic resource]. 2020. Available at: https://pikabu.ru/story/ot_koronavirusa_belladonna_vozmite_stolichnyie_gomeopaty_berut_po_5000_rubley_za_konsultatsiyu_7299295
- Partserniak S.A. (2007) *Integrativnaia meditsina* [Integrative medicine]. Nordmed-Izdat.
- Predsedatel' Komiteta Gosudarstvennoi Dumy po okhrane zdorov'ia Badma Nikolaevich Bashankaev posetil nash Tsentr [Chairman of the State Duma Committee on Health Protection Badma Nikolaevich Bashankaev visited our Center], Center of Oriental Medicine. [Electronic resource]. Available at: <https://cvmed.ru/%d0%bf%d1%80%d0%b5%d0%b4%d1%81%d0%b5%d0%b4%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%bb%d1%8c-%d0%ba%d0%be%d0%bc%d0%b8%d1%82%d0%b5%d1%82%d0%b0-%d0%b3%d0%be%d1%81%d1%83%d0%b4%d0%b0%d1%80%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%b5%d0%bd%d0%bd/>
- Profstandart «Spetsialist traditsionnoi (komplementarnoi) meditsiny» [Professional standard "Specialist of traditional (complementary) medicine"]. *Professional standards. Ministry of Labor of Russia*. [Electronic resource]. Available at: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/reestr-uvvedomleniy-o-razrabotke-peresmotre-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=112044
- Russian Homeopathic Society (official website). Available at: <https://rusmedhom.ru/>
- Xiang X., Zhong ZH., Li X. (2020) O preimushchestvakh TKM v lechenii novoi koronavirusnoi infektsii [On Advantages of TCM in Healing New Coronavirus Infection], *Meditsinskaia antropologiya i bioetika*, no. 1(19).
- Filina-Kogan V. (2023) Rukovoditeli raznogo urovnia: kto i zachem v Rossii obrashchaetsia k tseliteliam [Leaders of different levels: who and why in Russia turns to healers], *News.ru*. 12 January 2023. Available at: <https://news.ru/society/rukovoditeli-raznogo-urovnya-kto-i-zachem-v-rossii-obraschaetsya-k-celiteliam/>
- Kharitonova V.I. (2009) Integratsiia meditsinskikh sistem: ideia, praktika, chelovecheskii faktor [Integration of medical systems: idea, practice, human factor]. In: *Problemy sokhraneniia zdorov'ia v usloviakh Severa i Sibiri: Trudy po meditsinskoj antropologii* [Problems of health preservation in the conditions of the North and Siberia: Works on medical anthropology]. Moscow: OAO «Tipografiia “Novosti”», pp. 275–286.
- Kharitonova V.I. (1994) Portrety narodnykh tselitelei Rossii. Vyp. 1 [Portraits of Russian folk healers] / Ed. by academician Y.G. Galperin. Moscow: VNITsTNM «ENIOM».
- Kharitonova V.I. (2010a) Integratsiia meditsin v Rossii: idei i voploshchenie [Integration of medicine in Russia: ideas and implementation]. In: *Razvitie traditsionnoi meditsiny v Rossii. Opyt, nauchnye issledovaniia, perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 20–21 avgusta 2010 g.* [The development of traditional medicine in Russia. Experience, scientific research, prospects: materials of a scientific and practical conference with international participation on August 20-21, 2010.]. Ulan-Ude: Izd-vo GUZ RTsMP MZ RB, pp. 97–102.
- Kharitonova V.I. (2010b) Idei komplementarnoi i integrativnoi meditsiny v sovremennoi Rossii [The ideas of complementary and integrative medicine in modern Russia]. In: *Filosofskie problemy biologii i meditsiny: Vypusk 4. Fundamental'noe i prikladnoe: sbornik materialov 4-i ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Philosophical problems of Biology and Medicine: Issue 4. Fundamental and applied: collection of materials of the 4th annual scientific and practical conference]. Moscow: izd-vo «Printberri», pp. 217–220.
- Kharitonova V.I. (2012) Ot narodno-meditsinskikh traditsii k integrativnoi meditsine [From folk medical traditions to integrative medicine], *Nauchnyi vestnik Iamalo-Nenetskogo*

- avtonomnogo okruga*, Vol. 1(74): «The Russian North and the Northerners: environment-ecology-health », pp. 40–45.
- Kharitonova V.I. (2013) Nekonvensional'naia meditsina v RF i sovremennye shamanskii praktiki [Unconventional medicine in the Russian Federation and modern shamanic practices]. In: *Epicheskoe nasledie i dukhovnye praktiki v proshlom i nastoiashchem. Pamiati V.N. Basilova. Sbornik statei* [Epic heritage and spiritual practices in the past and present. In memory of V.N. Basilov. Collection of articles] / ed. by V.I. Kharitonova. Moscow: IEA RAN, pp. 256–272. (Ethnological research on shamanism and other traditional beliefs and practices. Vol. 15, Is. 2)
- Kharitonova V.I. (2022) The Phenomenon of Psychological Healing in The Russian Practice of The First Quarter of The XXI Century. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 308–340. DOI: 10.17223/2312461X/38/15
- Kharitonova, V. I. (2023) Reaction of Russian Health Care to the Development of the COVID-19 Pandemic and the Way out of it (Cross-Cultural Aspect). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*, no. 4, pp. 170–188.
- Kharitonova V.I., Pavlova L.A., Li S. (2018) Kitaiskaia traditsionnaia meditsina: vozmozhnosti rasprostraneniia v Rossii [Chinese traditional medicine: possibilities of expansion in Russia], *Meditsinskaia antropologiya i bioetika*, no. 16(2).
- TsVM... – Center of Oriental Medicine (Buryatia). Available at: <https://cvmed.ru/>

Сведения об авторе:

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: medanthro@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: medanthro@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 13 сентября 2023;
принята к публикации 7 ноября 2023.*

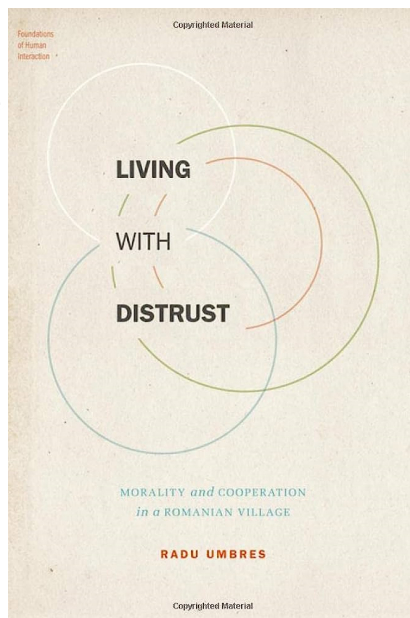
*The article was submitted 13.09.2023;
accepted for publication 07.11.2023.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/42/15

Недоверие в румынской деревне

Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p.
ISBN: 978-0190869908

Для цитирования: Захарова А.Л. Недоверие в румынской деревне (Рец. на: Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p. ISBN: 978-0190869908) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 308–317. doi: 10.17223/2312461X/42/15

For citation: Zakharova A.L. (2023) Distrust in a Romanian Village (Review of Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p. ISBN: 978-0190869908). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 308–317 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/15

В русскоязычной социальной науке в последние годы исследователи достаточно часто обращаются к концепции социальной атомизации. Так, социальные ученые говорят об «атомизированной ситуации девяностых» (см., например (Клеман 2021: 216)) и о том, как атомизированность характеризует современное социальное пространство России.

В частности, такие явления, как общее недоверие и стремление к личной автономии, исследователи связывают с распространением (микро)кредитных операций (Жизнь в долг... 2020) и деполитизацией (см., например (Ishchenko, Zhuravlev 2022)).

Идея социальной атомизации постепенно распространяется за пределы академического дискурса, превращаясь в объяснительную (почти универсальную) модель различных социальных явлений. Одновременно с этим атомизация сама по себе – это социальный феномен, нуждающийся в доказательном обосновании и осмыслении. Ответу на фундаментальный вопрос, почему люди не доверяют друг другу, посвящена книга румынского антрополога Раду Умбреша «Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village», опубликованная в марте 2022 г. издательством Oxford University Press. На материалах длившегося несколько лет включенного наблюдения в румынской деревне Сэтени (Săteni) с населением около тысячи человек автор анализирует механизмы воспроизводства социальной структуры сообщества и циркулирующие моральные ожидания, пытается понять, почему жители деревни не доверяют друг другу и избегают коллективных действий, наставляя Умбреша: «Из румын вообще никому не доверяй» (р. 7).

В основу кольцевой композиции книги Умбреш помещает случай, когда в ходе начавшейся в 1989 г. деколлективизации жители деревни растаскивают на части колхозные помещения для скота. Автор недоумевает, почему вместо объединения на новых условиях румынские крестьяне выбирают технологически и экономически менее продуктивный способ производства, основанный на индивидуальном семейном хозяйстве. Суть, казалось бы, нерационального выбора в пользу краткосрочного равного распределения ресурсов против долгосрочной кооперации антрополог видит в низком уровне доверия, причины и видимые проявления которого он анализирует на следующих двух сотнях страниц.

Книга состоит из пролога, введения и семи глав, посвященных отдельным сферам жизни в их связи с институтом репутации и ожиданиями (не)доверия: взаимодействию в публичном пространстве таверн; домохозяйству; родству; особенностям брачных и похоронных ритуалов; местной политике; предпринимательству. Само по себе это разнообразие тем и сюжетов кажется несколько неожиданным для современных исследований, напоминая скорее холистические работы этнографов прошлого. Однако Умбреш ставит перед собой настолько амбициозную задачу – исследовать причинно-следственные механизмы недоверия, – что ее реализация, если она в принципе возможна, действительно

подразумевает масштабную работу, охватывающую различные жизненные сферы и коллективные практики¹.

С анализа поведения жителей в маскулинном пространстве местных таверн автор начинает разговор о репутации, продолжающийся на протяжении всей книги. Опираясь на идеи Ирвинга Гофмана, Умбреш рассматривает местные таверны как площадки социальной драматургии, в которых жители тщательно следят за своим поведением и всегда интерпретируют слова, недомолвки и жесты других людей. Согласно автору, сталкиваясь с неопределенностью взаимодействий (которая, к слову, кажется несколько удивительной в условиях не слишком большой по размеру деревни, где все должны так или иначе иметь представление друг о друге), сельские жители обращаются к «гиперактивному распознаванию агентности» (*hyperactive agency detection* – термин психолога Джастина Барретта). По мысли антрополога, в условиях, когда жители непрерывно оценивают друг друга как потенциальных союзников или врагов, решающее значение имеет репутация. Именно репутация влияет на (не)включение каждого человека в социальные взаимодействия в соответствии с «договорной моралью», основанной на представлениях о справедливости и взаимной выгоде в сообществе, члены которого придерживаются «народно-гоббсианской точки зрения» (*folk-Hobbesian perspective*), предполагающей «войну всех против всех» (p. 39).

В основе социальной организации Сэтени, как показывает автор, лежит проявляющийся в том числе в конструкции дома «дуализм внутри и снаружи» – страх перед опасностью и изощренная культура секретности во внешнем гоббсианском мире (мире деревни) и безопасное интимное пространство семьи, члены которой связаны друг с другом отношениями долгосрочных обязательств и доверия. Румынские крестьяне, согласно антропологу, стремятся к автаркии, что, по его мнению, связано с долгосрочной стратегией выживания. В знаменитой работе «*The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*» Джеймс Скотт стремится понять, в каких условиях становятся возможными крестьянские восстания, обращаясь к историческому и экологическому контексту места. Умбреш выстраивает свою аргументацию в схожем духе. С опорой на историю и экологию места он пытается определить истоки иного явления – социальной разобщенности. Среди причин, детерминировавших недоверие людей друг к другу, автор называет случившиеся в XX в. засухи и голод, дефициты и эпидемии, когда каждая семья была сама за себя и не могла рассчитывать на внешнюю

¹ Кроме того, на выбор анализируемых тем и используемых терминов из разных областей социального знания влияет, по всей видимости, и серия междисциплинарных исследований человеческой социальности («*Foundations Of Human Interaction*»), в которой издана книга.

поддержку. Фактором, усилившим степень этого недоверия, Умбреш считает произошедшую в Румынии в 1950-е гг. насильственную коллективизацию, заставившую крестьян искать неформальные способы использования коллективных ресурсов в личных целях, что якобы и стало причиной повышения бдительности и ограничения сотрудничества с самым надежным партнером – семьей. Мысль о том, что семья – более безопасное пространство, чем публичная сфера пусть и небольшой деревни, кажется тривиальной. Однако в следующей главе Умбреш доказывает, что ситуация не так проста.

Следуя за идеями Маршалла Салинса, Умбреш показывает, что родственность – это изменчивая категория: сэтенийцы «делают» себя родственниками, «держатся» за родственников или «перестают считать» друг друга родственниками (р. 69). В качестве ключевой характеристики родственных отношений Умбреш видит «моральную взаимность между родственниками, при которой должны учитываться интересы каждого, что приводит к справедливому распределению выгод и издержек» (р. 89). Таким образом, даже родство не является гарантией взаимного доверия. Как только родственные связи перестают быть взаимовыгодными, членов семьи может настичь «родственная амнезия» (р. 75); и наоборот, количество родственников может вырасти за счет браков и искусственного (ритуального) родства.

Следовательно, по логике Умбреша, родство и доверие – это во многом контекстуально обусловленные и динамичные феномены, доступные пересмотру. Доверия самого по себе, как и родства самого по себе не существует, есть лишь отношения, изменяющиеся в зависимости от конкретной истории взаимодействия. Автор задается вопросом, как может воспроизводиться общество, члены которого имеют только «частные моральные отношения» и находятся в противостоянии потенциально со всеми. Чтобы ответить на этот вопрос, Умбреш предлагает изучить «трансцендентную область морали» и обращается к анализу похоронных ритуалов, в конечном итоге придя к выводу, что и в погребальных космологиях выражается мораль, сосредоточенная на Эго и утверждающая приоритет поддержания хороших отношений с родственниками. Пространство кладбища в Сэтени поделено на частные участки, за которыми ухаживают конкретные семьи, а не коллектив; в похоронных же ритуалах важно сохранить, прежде всего, собственную репутацию и социальное лицо покойника, который может рассчитывать на социальную жизнь после физической смерти полагаясь прежде всего на родственников.

Вокруг частных моральных отношений – уже не между родственниками, но между разными жителями – организуются политическая и экономическая сферы жизни сэтенийцев. Умбреш анализирует политическую организацию румынской деревни и феномен предпринимательства (строительного бизнеса), где его интересуют прежде всего частные

«договоры о взаимной морали», в соответствии с которыми осуществляются взаимодействия. Согласно Умбрешу, политические интересы жителей деревни основаны не на политических взглядах самих по себе, но на личности конкретного политика и поддерживаемых им социальных отношениях. Местное управление Сэтени, как доказывает автор, организовано по принципу патримонии¹ и вновь не единой для всех, но персонализированной морали, которая, по мысли исследователя, и обеспечивает стабильность политической системы. Солидарность с тем или иным политиком может пересматриваться в результате личных моральных договоренностей, и даже коррумпированность чиновников воспринимается позитивно – как реализация общего стремления к индивидуальной прибыли, если в руки крестьян попадает большой кусок бюджетного пирога. Те же индивидуальные моральные договоренности руководят поведением сэтенийского экономического субъекта, для которого первостепенное значение имеет идея личной ответственности за результат транзакции и избирательности, гарантирующей взаимное доверие между предпринимателем и клиентом.

Переходя к ключевому аргументу книги, Умбреш подытоживает, что постоянная настороженность и социальная атомизация жителей Сэтени вызвана озабоченностью выживанием семьи. Согласно автору, щедрость и расположенность друг к другу возрастают, когда увеличивается объем ресурсов (например, когда в результате прорыва плотины местные водоемы начинают изобиловать рыбой). Однако румынские крестьяне, как утверждает Умбреш, часто сталкиваются с неопределенностью и не имеют общего врага, в противостоянии с которым они могли бы сплотиться. В результате взаимное недоверие и ориентация на частные семейные интересы, руководство индивидуальными моральными договоренностями являются не иррациональным поведением, но, напротив, разумной альтернативой, естественным, по мысли антрополога, выбором всех людей, которые оказались бы в тех же условиях (по всей видимости условиях материальной нестабильности).

Таким образом, можно сказать, что книга Умбреша выступает в роли апологии недоверия. Представленные как *homines esomici*, бдительные в отношении каждого жеста и слова соседа и наперед просчитывающие каждый свой шаг, румынские крестьяне описываются антропологом как сверхрациональные субъекты, имеющие полное основание не доверять друг другу. Причинами рационального недоверия, по Умбрешу, являются как конкретный исторический и экологический контекст, так и

¹ Под патримонией Умбреш понимает систему самоуправления, схожую с тем, как «достойный домохозяин управляет домашней сферой» (р. 149), т.е. принцип управления, при котором важную роль играют социальный статус управленца, личные связи и неформальные договоренности.

«ментальные механизмы и механизмы взаимодействия», определенные такими «общечеловеческими предрасположенностями», как реакция на неопределенность социального взаимодействия. Однако за исключением нескольких беглых ссылок на работы психологов Умбреш не вступает в диалог с идеями когнитивистов и не предоставляет внятного объяснения, какие именно связанные с доверием когнитивные процессы он имеет в виду. В результате суть их остается под вопросом, и наполненные мелькающими тут и там словами «mental» и «cognitive» рассуждения напоминают в большей степени допущения неоклассической экономики о «природе человека», естественной частью которой признается экономическое (стремящееся к личной выгоде) поведение (Юдин 2011).

Способ взаимодействия автора с научной литературой специфичен. Антрополог злоупотребляет непрозрачными ссылками на фамилии, оставляя вклад конкретной работы в свои рассуждения шарадой для скрупулезного читателя. Набор упоминаемых авторов – социологов, антропологов и психологов – эклектичен: от Карла Маркса до Ирвинга Гофмана, от Бронислава Малиновского до Клиффорда Гирца, от Джеймса Скотта до Виктора Тернера. Автор отдает предпочтение идеям классиков социальных наук, упоминание которых к тому же не всегда аргументировано, при этом игнорируется обширная литература по социологии доверия, казалось бы, более релевантная основной теме книги.

Что, собственно, подразумевается под доверием, Умбреш поясняет кратко. В самом начале антрополог характеризует доверие как «ожидание сотрудничества» (р. 15) и вновь обращается к осмыслению центрального понятия книги лишь в последней главе. Приводя непроясненную ссылку на книгу эволюционного психолога Паскаля Буайе, Умбреш пишет, что «доверие и недоверие – это культурные феномены, основанные на том, как работают умы и общество» (р. 197). Стоит заметить, что обе сделанные между делом попытки дать определение доверию не помогают раскрыть авторское понимание этого социального феномена. Здесь можно вспомнить, к примеру, три концепции доверия, описанные Расселлом Хардином, согласно которому, доверие – это когнитивная категория, существующая в форме моральных обязательств, психологической предрасположенности или динамики «инкапсулированных интересов» в ситуации зависимости от оценивания надежности того или иного лица (Hardin 2006: 17). Однако насколько понимание доверия Умбреша соответствует одной из этих концепций и соответствует ли – это вопрос, на который из текста ответить, как кажется, не представляется возможным.

Содержание второго наиболее часто используемого в книге понятия – «мораль» – также остается не проясненным и противоречивым. С одной стороны, Умбреш постоянно обращается к эпитету «моральный», характеризуя с его помощью взаимные обязательства между предпринимателем и клиентом и между родственниками (moral obligations, moral

commitments); общее решение разрушить помещения для скота (moral solution); «драматическое пространство» свадьбы (moral theater) и т.д. С другой стороны, важный для авторских построений тезис состоит в том, что универсальной морали в румынском сообществе не существует, но имеют место лишь персонализированные моральные контракты, которые заключают между собой жители. Однако в сообществе, где, как показывает Умбреш, такую большую роль играет репутация, казалось бы, все же должны существовать некоторые разделяемые всеми членами сообщества социальные нормы и представления о морально (не)одобряемых действиях. Так или иначе автор не уделяет достаточно внимания прозрачности используемых им понятий и концепций, оставляя читателя в некотором замешательстве.

Необходимо вновь сказать и о разнообразии материала, анализируемого Умбрешем. Ведомый автором, читатель проносится по разным сферам жизни румынских крестьян, как по комнатам, наполненным вещами, на которые тут и там его призывают обратить внимание. В конечном итоге автору удастся связать между собой, казалось бы, далекие явления, сшивая свой анализ нитью «социального распределения доверия и недоверия». Однако набор посещаемых комнат при подобном подходе может быть, как кажется, любым. Почему в таком случае выбраны именно эти жизненные сферы, а не иные?

Вероятно, автору хотелось написать большую книгу, которая бы охватывала все интригующие его фрагменты социальной реальности конкретного сообщества и этнографически ярко их описывала (чего, впрочем, удалось достичь). Тем не менее отсутствие более строгой сфокусированности на конкретной сфере жизни или на более узком вопросе видится мне в данном случае некоторой проблемой. За время чтения у меня не раз появлялся вопрос: «Как это связано с (не)доверием?» К примеру, погрузившись в этнографическое описание сэтенийских свадеб, рассматриваемых автором в классическом ключе – как обряды перехода, с вниманием к свадебным причитаниям, подаркам и приглашению гостей, в середине главы я задумалась: «Как это связано с разрушением колхозных хлебов, главной интригой книги?» В конечном итоге автор связал свои рассуждения о приобретаемом с помощью брака родстве с проблемой (не)доверия, говоря о пересматриваемости отношений родства и о деньгах как о воплощениях моральных обязательств родственников, однако детали свадебных ритуалов, как кажется, остались лишь деталями, включенными в текст словно бы ради самих себя. Более того, складывалось ощущение, что некоторые представленные в книге рассуждения Умбреша уже приобрели в социальных науках статус здравого смысла – та же социальность и хрупкость отношений родства и социальная природа смерти словно бы и не нуждаются в подробном обосновании. В связи с чем многословные рассуждения антрополога на

обозначенные темы кажутся несколько избыточными, однако при этом ценными глубокой этнографией.

Показав, как доверие и недоверие взаимодействуют в некоторых выбранных сферах жизни, автор в конечном итоге находит корни взаимного недоверия румынских крестьян в пережитой ими «социальной травме» (р. 200) – периодах голода и борьбы за физическое выживание. Это, пожалуй, основной объяснительный аргумент книги, однако он же проблематичен. Если Джеймс Скотт, с оглядкой на которого Умбреш выстраивает свою аргументацию, обращается к специфическому контексту неплодородной для сельскохозяйственных культур местности Юго-Восточной Азии, где перед крестьянами остро и постоянно нависает угроза голодной смерти, то сталкивающаяся с периодами голода, временных неурожаев и эпидемий румынская деревня разделяет эти беды со многими другими крестьянскими сообществами, в частности и с деревнями Российской империи и Советского Союза, также пережившими насильственную коллективизацию. Своим тезисом о рациональном недоверии текст Умбреша напоминает размышления Андрея Тютюнского, согласно которому, это же недоверие северно-русских крестьян друг другу, обусловленное прагматическими индивидуалистическими интересами, напротив, подталкивало их к коллективной работе: «...крестьяне выезжают на луг всей деревней не потому, что им приятнее вместе работать, а потому что если этого не сделать, то сосед обманет соседа...» (Тютюнский 2012: 275). Согласно Тютюнскому, соционормативные общинные практики русских крестьян помогали им выжить в суровых условиях окружающей среды и принудительного отчуждения части продукции государством (Тютюнский 2009). Так, может быть, в случае Сэтени, напротив, наличие каких-то условий позволяет румынам *не* кооперироваться? Или что именно отличает румынских крестьян, в неспецифических (как видится в книге) экономических и экологических условиях стремящихся к автаркии и активно избегающих коллективных действий?

Как представляется, при анализе современной румынской деревни не совсем корректно учитывать влияние на моральный порядок местного сообщества оставшейся в истории «диктатуры коммунизма», но не обращаться к анализу последствий более близкой по времени постсоциалистической трансформации и интеграции страны в Европейский союз. Автор упоминает о росте уровня жизни румын, связанном с перечисленными изменениями, однако характеризует этот рост как «далеко не впечатляющий» (р. 202) и больше не уделяет внимания этой теме. Тем не менее не только общая интуиция, но и некоторые представленные в книге детали намекают на то, что, возможно, продуктивно было бы задуматься о воздействии на жителей Сэтени неолиберальных установок: «Сильный прав, и каждый несет личную ответственность за свое

собственное благополучие <...>. Будьте осторожны и не ждите, что другие побеспокоятся о вас» (р. 162) – чем не кредо неолиберального мира?

Посвященная актуальной проблеме социальной атомизации книга Умбреша, таким образом, предоставляет в общем и целом понятное объяснение тотального недоверия друг другу членов небольшого румынского сельского сообщества. Тем не менее это объяснение не кажется достаточно убедительным. Книга Умбреша – это в первую очередь хорошо сделанная этнография с яркими описаниями сцен повседневной жизни румынской деревни. Текст читается на одном дыхании, а этнографические зарисовки легко запоминаются, что обусловлено как материалом, интересным самим по себе, так и наблюдательностью зоркого антрополога, по-настоящему включенного в местное сообщество – жившего и работавшего в строительной бригаде вместе с информантами. Ввиду разнообразия анализируемых Умбрешем социальных сфер каждый читатель найдет в книге часть, соответствующую его собственным исследовательским интересам и способную дать хороший сопоставительный материал. В этом смысле критикуемая мной эклектичность книги является одновременно и ее достоинством.

Александра Леонидовна Захарова

Список источников

- Жизнь в долг: Моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России / науч. ред. Г.Б. Юдин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
- Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» М.: НЛО, 2021.
- Туторский А.В. К вопросу об общинности русских крестьян // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Никишенков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. (Труды Исторического факультета МГУ. Вып. 57. Сер. 2. Исторические исследования). С. 270–279.
- Туторский А.В. Элементы общинных традиций в быту колхозной деревни: институт лидерства (по материалам Архангельской области) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 5. С. 74–81.
- Юдин Г.Б. Теоретические основания исследования экономического знания // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 4. С. 13–32.
- Ishchenko V., Zhuravlev O. Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2022. Vol. 12, No. 3. P. 668–676.
- Hardin R. *Trust*. Cambridge: Polity Press, 2006.

References

- Clément C. (2021) *Patriotism Snizu. «Kak Takoe Vozmozhno, Chtoby Lyudi Zhili Tak Bedno V Bogatoj Strane?»* [Patriotism From Below. “How Is It Possible for People to Live So Poorly in A Rich Country?”]. Moscow: NLO. (In Russian)
- Hardin R. (2006) *Trust*. Cambridge: Polity Press.

- Ishchenko V., Zhuravlev O. (2022) Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, Vol. 12, No. 3, pp. 668–676.
- Tutorsky A.V. (2009) Elementy Obshchinnyh Tradicij V Bytu Kolhoznoj Derevni: Institut Liderstva (Po Materialam Arhangel'skoj Oblasti) [Elements of Communal Traditions in The Life of a Collective Farm Village: Institute of Leadership (Based on Materials of The Arkhangelsk Region)], *Questions of History and Culture of The Nordic Countries and Territories*, No. 5, pp. 74–81. (In Russian)
- Tutorsky A.V. (2012) K Voprosu Ob Obshchinnosti Russkih Krest'yan [On the Question of The Communitality of Russian Peasants]. In: *Etnokul'turnye Processy v Proshlom i Nastoyashchem. K Yubileyu Doktora Istoricheskikh Nauk, Professora Klavdii Ivanovny Kozlovoj* [Ethno-Cultural Processes in The Past and Present. To The Anniversary of The Doctor of Historical Sciences, Professor Claudia Ivanovna Kozlova]. Collection of scientific articles/ Ed. A.A. Nikishenkov. Moscow: MSU Press, (Trudy Istoricheskogo Fakul'teta MGU. Issue 57. Ser. 2. Historical Research). pp. 270–279. (In Russian)
- Yudin G.B. (ed.) (2020) *Zhizn' V Dolg: Moral'naya Ekonomika Dolgovyh Praktik V Zhizni Soobshchestv V Rossii* [Living on Debt: Moral Economy of Debt Practices of Communities in Russia]. Moscow: PSTGU. (In Russian)
- Yudin G.B. (2011) Teoreticheskie Osnovaniya Issledovaniya Ekonomicheskogo Znaniya [Theoretical Foundations of The Study of Economic Knowledge], *Economic Sociology*, Vol. 12, No. 4, pp. 13–32. (In Russian)

Сведения об авторе:

ЗАХАРОВА Александра Леонидовна – студентка аспирантуры «Этнология, антропология и этнография», Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0009-0005-4740-2845. E-mail: azakharova@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Aleksandra L. Zakharova, PhD program «Ethnology, Anthropology and Ethnography», European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0009-0005-4740-2845. E-mail: azakharova@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

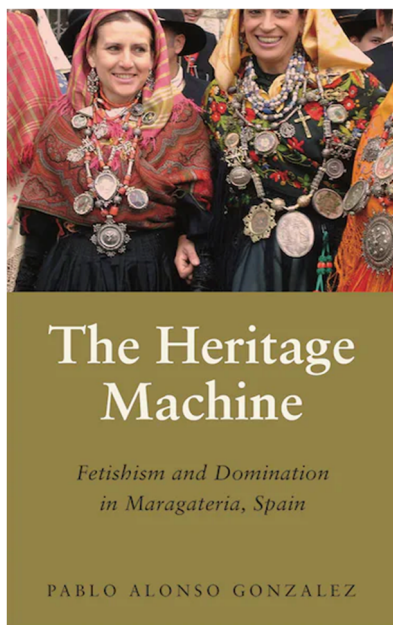
*Статья поступила в редакцию 13 июля 2023 г.;
принята к публикации 30 ноября 2023 г.*

*The article was submitted 13.07.2023;
accepted for publication 30.11.2023.*

Рецензия
УДК 001.8+93
doi: 10.17223/2312461X/42/16

Критические исследования наследия и теория фетишизма

Pablo Alonso Gonzalez. *The Heritage Machine: Fetishism and Domination in Maragateria, Spain* (Anthropology, Culture and Society). Pluto Press, 2018.
eBook ISBN: 9781786803016

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках НИР №-490-99-2021–2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»).

Для цитирования: Мочалова М.А. Критические исследования наследия и теория фетишизма (Рец. на: Pablo Alonso Gonzalez. *The Heritage Machine: Fetishism and Domination in Maragateria, Spain* (Anthropology, Culture and Society). Pluto Press, 2018. eBook ISBN: 9781786803016) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 318–327. doi: 10.17223/2312461X/42/16

Acknowledgments: The research was carried out within the project "Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty" at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021-2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030").

For citation: Mochalova M.A. (2023) Critical Heritage Studies and Fetishism Theory (Review of Pablo Alonso Gonzalez. *The Heritage Machine: Fetishism and Domination*

in Maragateria, Spain (Anthropology, Culture and Society). Pluto Press, 2018. eBook ISBN: 9781786803016). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2023. 4. pp. 318–327 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/16

Критические исследования наследия (critical heritage studies или, коротко, КИН) – междисциплинарная сфера, сформировавшаяся в 2000-е гг., в которой и по сей день сталкиваются и переплетаются различные подходы социальных и гуманитарных наук. В центре внимания КИН находятся отношения людей, сообществ и институтов по поводу всего, что понимается сегодня под наследием: историческая архитектура и местности, языки, культурные артефакты и практики – от ремесел до пищевых привычек – и даже звуки и запахи, попадающие в категорию чувственного наследия (см. Bendix 2021). Критическими эти исследования во многом стали называться из-за перехода от концепции «наследия-как-вещи» к концепции «наследия-как-процесса», предложенного херитологом Лораджейн Смит в ее книге «Uses of Heritage» (2006) (подробнее см.: (Колесник, Русанов 2022)). Исследовательница сформулировала критические положения о так называемом авторизованном дискурсе наследия (АДН), согласно которым понимание наследия как набора хрупких и, безусловно, ценных вещей, нуждающихся в защите и сохранении в неизменном виде экспертами, обладающими авторизованным (легитимным и признанным обществом) знанием и профессиональной квалификацией, должно быть деконструировано. Вместо этого наследие предлагается рассматривать как процесс культурного производства (Смит 2013), движущими силами которого являются различные акторы и институты, а значит, и их социальные отношения, иерархии, внутренние и внешние конфликты.

После выхода книги Смит прошло уже более 15 лет. За это время антропологические и этнографические исследования стали неотъемлемой частью дискурса наследия (подробнее см.: (Geismar 2015)). Сегодня исследователи наследия все чаще обращаются к кейсам локальных сообществ и низовых инициатив в сфере сохранения материальных и нематериальных культурных объектов (см., например (Heritage Regimes... 2013; Tolia-Kelly, Waterton, Watson 2016; Hafstein 2018)). Итоги подобных исследований подталкивают к поиску новых определений наследия и пересмотру уже устоявшихся, к расширению теоретических рамок КИН, а порой приводят к критике основ самого направления. Именно таким исследованием, на мой взгляд, является рецензируемая книга испанского антрополога и режиссера-документалиста Пабло Алонсо Гонзалеса, вышедшая в 2018 г. в издательстве Pluto Press, название которой можно перевести как «Машины наследия: фетишизм и доминирование в Марагатерии, Испания».

Автор скромно позиционирует свою работу как еще одну историю о регионе Марагатерия – районе (комарке) провинции Леон и Кастилия, расположенной на северо-западе Испании, где проживают марагаты. Это

коренное население, упоминаемое в исторических источниках с XVII в., чей диалект в лингвистической классификации относится к леонской ветви астурилеонского языка, распространенного на территории Испании и Португалии и признанного нуждающимся в защите. Гонзалес рассказывает историю о регионе и его людях, фокусируясь на проблеме «онаследивания» (heritagisation) – так называют превращение мест, вещей и практик, которые ранее были частью бытовой жизни локальных сообществ, в объекты наследия, нуждающиеся в особом отношении человечества, трепетном сохранении, а также становящиеся неотъемлемой частью экономики туризма.

Термин «фетишизм» в названии отсылает к основной идее автора, которой определяется его взгляд на наследие. Собственно, Гонзалес переопределяет наследие уже во введении, используя марксистскую оптику, а именно концепцию товарного фетишизма (см.: (Маркс 1952: 79–83)). Наследие (точнее, сам процесс онаследивания) представляется Гонзалесом как пример фетишизации: объекты или практики отделяются от их социально-экономического контекста, попадают в новое поле, где они начинают доминировать уже в новом качестве и управлять жизнями связанных с ними людей. В целом, эта тема так или иначе раскрывается на протяжении всех разделов книги, представляющих различные региональные кейсы Марагатерии, но наиболее иллюстративной мне кажется восьмая глава. Она описывает «разрыв» между городом и селом с точки зрения наследия. Гонзалес рассматривает столкновение коммеморативного дискурса городских жителей, чьи предки жили в селах и покинули их в поисках лучшей жизни в городе, с бытом оставшихся на этих территориях людей, продолжающих вести свое хозяйство. На полевом материале автор показывает различные (по сути, полярные) взгляды на наследие селян и горожан. Он приходит к выводу, что последние, как правило, используют наследие как некий гегемонический дискурс, который навязывается сельским жителям, кардинально меняет и маргинализирует их жизнь.

Гонзалес обращается к теории Маркса, чтобы понять, что «на самом деле» представляет собой наследие. Он ставит под сомнение саму «критичность» этого направления исследований: определение наследия через отношения людей *по поводу* вещей кажется ему недостаточным. В такой оптике разрушается непосредственная связь наследия сообществ с их прошлым, потому что второе буквально теряет ценность *per se*, а важными становятся цели и способы использования прошлого в настоящем. Гонзалес утверждает, что современные теоретизирования в рамках критических исследований наследия зашли в тупик: связь между материальной культурой, наследием и прошлым стала как будто бы только дисциплинарной предвзятостью или субъективной конструкцией в сознании исследователя, а не исторической «объективной реальностью», которая

может быть проанализирована эмпирически. Своей работой он приглашает начать такую дискуссию, в которой большее внимание будет уделено отношениям *между* людьми и вещами, что должно помочь определить наследие как феномен.

Марксистскую критику капитализма в своем подходе Гонзалес дополняет латурианской (см.: (Latour 2013)): во введении он говорит, что использует оптику АСТ как бы в диалоге с марксизмом, и это позволяет ему рассматривать объекты наследия уравненными в статусе и правах с людьми и вовлеченными в действие наравне с ними. Мне не удалось проследить заявленное использование АСТ в диалоге с марксистской фетишизацией на протяжении каждой из глав данной книги: на мой взгляд, автор скорее использует то один, то другой подход в зависимости от характера рассматриваемого кейса.

Подробному разбору теоретиков КИН посвящена вторая глава книги, «Возникновение наследия» («The Emergence of Heritage»). Провокационной кажется характеристика подхода Смит как «англо-саксонской академической апроприации Фуко “без кофеина”». Автор имеет в виду использование Смит понятия «правительственность» («governmentality») при концептуализации АДН и концентрацию внимания исследовательницы на процессах обсуждения, означивания, регуляции, оценивания культурных объектов, при которых центральным актором оказывается государство. При этом, по мнению Гонзалеса, подход Смит не является «по-настоящему» фукольдианским, потому что ее позиция отказа от материальности наследия, которое всегда для нее остается «в голове», также ведет и к отказу от материальности процессов, связанных с «онаследиванием», которые происходят в реальности, а не только в дискурсивном пространстве. Более того, Гонзалес связывает такой подход к наследию как «всегда нематериальному» с худшим, по его мнению, проявлением капиталистической модерна – неизбежной ситуации, в которой хорошо слышны будут лишь голоса привилегированных сообществ и индивидов, а другие остаются тихими и незамеченными, а порой и вовсе маргинализированными, если это выгодно государству и локальным элитам.

В своей критике дискурсивности наследия Гонзалес настаивает на том, что если наследия как бы не существует, потому что есть лишь процесс его обсуждения, то те, кто создают язык для дискуссии – преимущественно ученые, эксперты, интеллигенция, элиты, – делают его сложным и профессиональным, а потому они и остаются теми, кто «владеет микрофоном». Другой причиной считать наследие тем, что приводит к угнетению некоторых групп, Гонзалес считает разрыв с материальной культурой и превращение предметов «обычной жизни» (например, хозяйственных) в атрибуты наследия. При этом автор указывает, что в процессе «онаследивания» капитал играет фундаментальную роль, что влечет за собой приоритетность конкретных, избранных форм экспертных,

академических и культурных знаний. Отказываясь от концепции «наследия-как-процесса», автор уже во введении дает свое определение, называя наследие «феноменологическим изделием, становящимся товаром». Суть наследия, таким образом, кроется в товарном производстве. Гонзалес предлагает сосредоточиться на том, чтобы, понять капиталистические социальные отношения, которые лежат в основе и делают возможным само существование таких товаров, как наследие.

В своем исследовании Гонзалес, как и Смит, также следует за Фуко и в главе «Возникновение наследия» (*The Emergence of Heritage*) говорит о наследии еще и как о «биополитической технологии контроля». Он расширяет это понятие, заменяя его термином, также вынесенным в название книги: технологии контроля становятся «машинами». Автор повторяет вслед за Марксом: социальные отношения между людьми проявляются как отношения между вещами, ценность социально осознаваема как нечто «естественное», содержащееся в товаре как продукте труда, а значит, люди и их работа реифицированы (овеществлены). Продолжая свои рассуждения, Гонзалес повторяет и другой тезис Маркса о критике идеала свободы, рожденного в эпоху Просвещения. Этот идеал основывается на возможности свободной продажи своего труда трудящимися индивидами (см.: (Маркс 1952: 84–85)). С развитием индустриального производства такая логика неизбежно приводит к вытеснению человека из процесса труда машинами, которые теперь как будто становятся производителями ценности. При этом сами машины принадлежат тем, кто имеет власть и капитал и управляет людьми. Машина – очевидный продукт капитализма, как и «машина наследия», которая вмещает в себя все практики по отбору, оценке и наделению ценностью объектов и получению через них прибыли при включении в туристическую индустрию. Следуя марксистской диалектике, Гонзалес демонстрирует, как устроена индустрия наследия: те, кто доминирует в глобальной иерархии ценностей, используют тех, кто производит эти ценности. Таким образом, наследие представляется одновременно как то, что появилось благодаря капитализму, и как то, что поддерживает его. Деконструкция наследия у автора происходит в рамках предложенной им ценностной критики (*value critic*): Гонзалес утверждает, что приход капитализма, продуктом которого является сама концепция наследия, как правило, устанавливает систему как бы абстрактного (или автоматического) господства (по закону капиталистической ценности), которое является внешним и находится вне контроля и осознания субъектов, даже если они воспроизводят его в своих социальных отношениях. «Машина наследия» в таком случае начинает в буквальном смысле осуществлять контроль, пересобирая жизнь сообщества, у которого «обнаружено» наследие, и устраивая его экономику в соответствии с запросами индустрии. Подробному разбору такой ситуации посвящена глава 9 («The

Heritage Machine in Val de San Lorenzo»), основанная на исследовании политической экономики наследия и рассуждениях автора о возможностях экономической эксплуатации при капитализме, которую порождает онаследивание. Гонзалес рассматривает кейс развития туристической активности в местечке Валь-де-Сан-Лоренсо, где традиционно были развиты текстильные ремесла. Экономические изменения в поселении, связанные с ростом туризма, автор характеризует как переход от продуктивной экономики к постпродуктивной, при котором местные элиты воспользовались возможностями индустрии наследия, чтобы вытеснить более бедных ремесленников, накапливать капитал и реинвестировать его в туристический бизнес.

Авторская концепция наследия как феноменологического изделия, становящегося товаром, должна открыть новые возможности для исследования низовых инициатив, появляющихся там, где нет «больших игроков» и специальных институций, связанных с наследием. Складывается впечатление, что автор уверен, что любое «проявление» наследия – это попытка встроиться в капиталистические отношения через «машину». Но так ли это? Сводимы ли чувства людей по поводу наследия к «ложному сознанию», порожденному капитализмом? Так, важности эмоциональной сферы в связи с наследием посвящена книга Смит, которая вышла в 2020 г. В ней исследовательница демонстрирует аффективную природу наследия как действия (*performance*), заряженного эмоциями (Smith 2020)¹.

Вопрос изучения низовых («неофициальных») инициатив в сфере коммеморации (любительской археологии, вернакулярных музеев, архивов, частных реставрационных проектов и др.) становится все более актуальным в последние годы из-за роста количества и разнообразия самих практик по всему миру наравне с нарастанием количества тревожных высказываний в академическом сообществе о «перепроизводстве» наследия и, по выражению Регины Бендикс, «потере самих себя в бесконечном цикле онаследивания всего» (Bendix 2021: 48). Исследование Гонзалеса можно поместить в это же поле тревожных высказываний. Автор утверждает, что исследуемый им кейс сложно или даже невозможно изучать в рамках авторизованного дискурса наследия Смит еще и потому, что влияние публичных институтов и официальных государственных инициатив в сфере работы с культурным наследием локальных сообществ в Марагатерии крайне низкое. При этом автор сам указывает на то, что Испания является «рекордсменом» среди стран южной Европы

¹ Параллельно Смит отвечает на критику ее якобы очевидных и тупиковых попыток лишить наследие материальности. Она считает, что в основе подобной критики лежит неверная характеристика ее работ как основанных на социально-конструктивистской эпистемологии и релятивистской онтологии, в то время как их философской основой всегда являлся критический реализм (Smith 2020: 21).

по количеству инвестиций в культурную сферу и сохранение наследия в пересчете на душу населения и занимает второе место (первое за Италией) по количеству культурных объектов в списках всемирного наследия ЮНЕСКО. Стоит разобраться, что же оставляет случай Марагатерии, по мнению Гонзалеса, за рамками аналитических возможностей АДН, но нуждается в использовании марксистской теории фетишизма, вступающей в диалог с АСТ.

Марагаты, от которых комарка получила свое название, исторически занимались разведением мулов (*argieía*) и перевозкой грузов через горы с северо-восточных побережий Испании в Мадрид. По мнению Гонзалеса, культура марагатов вплоть до второй половины XX в. считалась архаичной и «примитивной» из-за сохранения некоторых черт «доисторической формации», в частности матриархата, так как женщины марагато традиционно управляли сельским хозяйством. В целом, «примитивность» марагатов является частью стереотипа о некой отсталости представителей астурионского региона, простоте и непрестижности их исторического образа жизни и занятий (разносчики, бродячие торговцы, погонщики мулов и т.д.) и закрытости их сообществ. Также в копилку «отсталости» попадает расистский миф о том, что само название этнической группы «марагаты» произошло от латинского слова *mauricatus* – «уподобившийся мавру». Этот «налет» мавританского происхождения и в прошлом, и по сей день лишает марагатов «испанскости», подчеркивает их инаковость, что на протяжении всей истории сказывалось на отношении к ним власти и церкви, а сегодня добавляет региону экзотичности, но так или иначе укладывается в рамки внутренней колонизации.

Уже в конце XIX в. из-за строительства железной дороги из портовой провинции Галисия в Мадрид люди (прежде всего, молодое поколение) стали покидать регион в силу ненужности горных перевозок и невысокой рентабельности сельского хозяйства. В XX в. этот процесс набирал обороты, несмотря на проекты по развитию деревни при режиме Франко: население региона, оставшегося аграрным и сельским, продолжало сокращаться в силу отсутствия активной модернизации хозяйства и, как следствие, трудовой миграции в центральные районы Испании, Северную Европу и страны Нового света, хотя в Марагатерии стали постепенно появляться дороги, электричество, медицинские и образовательные учреждения. При этом сам Франко, как указывает Гонзалес в третьей главе («Раса, этничность и национализм в Испании»), посвященной подробному разбору формирования «инаковости» марагатов, был горячим поклонником марагатской культуры: при создании некоего национального образа франкистской Испании власть обращалась к марагатскому фольклору, проводила гастроли музыкантов и танцоров по всей Испании и за рубежом. Фольклоризация местной культуры никак не сказалась на улучшении экономики региона, и люди продолжали

покидать Марагатерию в поисках лучшей жизни. После восстановления демократии в 1975 г. в Марагатерии, как и в других сельских районах Испании, произошло общее улучшение условий жизни за счет перераспределения финансирования в стране. Однако любые процессы экономического развития были ограничены отсутствием молодых людей, высоким уровнем безработицы и большим количеством пенсионеров. Реформа административного устройства по созданию в Испании автономных коммун (Марагатерия – часть коммуны Кастилия и Леон) не изменила общее управление экономикой в регионе: сообщества оставшихся жителей все еще были достаточно закрытыми, а распределением получаемых из центров средств продолжили заниматься влиятельные местные политики («сасіques»).

В таком положении регион оказался в новых реалиях 1980-х гг., когда в Испании, как и во всем мире, стали принимать новые законы о наследии. В поле зрения составленных списков объектов культурного наследия попало лишь несколько деревень Марагатерии с их немногочисленными объектами типа церквей и средневековых военных построек. В 90-е гг. регион был включен в программу Евросоюза LEADER¹ по переориентированию сельских общин на туристический бизнес и услуги, так как через Марагатерию проходит часть известнейшего туристического пути Сантьяго-де-Компостела, включенного в 1993 г. в число памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако, по мнению Гонзалеса, участие в программе мало чем помогло региону. Более того, автор утверждает, что вся риторика программы про инклюзивность и соучастное проектирование туристических локаций осталась лишь в громких лозунгах, а местные жители зачастую даже не знают названий мест, известных в туристическом бизнесе, целей их (ре)организации и в целом их устройства.

Гонзалес прямо называет марагатов современными субальтернами, а также определяет наследие как то, что поддерживает их угнетенное положение. Марагаты не говорят на «языке» наследия, а потому не могут в полной мере высказать свои «за» или «против» тех или иных преобразований. В главах 4, 5 и 6 автор на примере различных кейсов аргументирует данный тезис, основываясь на разборе символов «народной традиции» и их использовании в индустрии наследия, истории органов общинного управления марагатов («Juntas Vecinales» – «Соседские советы») и «неудобном» военном наследии, связанном с реальной и метакультурной борьбой за власть и территории.

¹ «Liaison Entre Actions de Développement de l'Économie Rurale. Связи между активностями по развитию сельской экономики» (Программа по финансированию местного развития под руководством местных сообществ, создана по инициативе Европейского союза по поддержке децентрализованного управления проектами развития).

Гонзалес убежден, что рассказанные им истории из Марагатерии доказывают одно – будущее КИН в том, чтобы быть *против* наследия. Дальнейшая работа должна быть построена вокруг стремления деконструировать наследие, выявлять его способы управления социальным поведением, устанавливать возможности его давления на уязвимые группы, а также и тех, кто пока не попал в капкан онаследивания, но потенциально находится в группе риска. Такое яростное противостояние наследию автора восходит к работам Давида Ловентала, который по праву считается главным вдохновителем направления критических исследований наследия. Однако Гонзалес в центр своей критики помещает «продукты» новейшей реальности, которую сформировали в том числе и сами исследователи этого направления. В своем повествовании о Марагатерии Гонзалес рисует читателю ситуацию, в которой чем сильнее видимые стремления государства, активистов, ученых, обладающих властью и привилегиями, представить ущемленных «других» в рамках концепции наследия, тем под бóльшим давлением оказываются эти люди и сообщества, тем тише звучит их голос. Подобная алармистская риторика все активнее звучит в последние годы. Тревожность все чаще толкает исследователей к поиску новых языков описания проблемы наследия, поиску новых метафор или обращению к старым философским концепциям с их «настройкой» на современность, что и попытался проделать в своей работе Гонзалес. Его подход не является революционным и во многом идет в ногу с работами некоторых критикуемых им исследователей (Барбары Киршенблат-Гимлет, Валдимара Хафштайн и др.), не демонизирующих наследие, но работающих над его проблематизацией как индустрии добавленной ценности (*value-added industry*). Гонзалес при этом предлагает другой любопытный путь поиска решения, переводя концепцию наследия на марксистский язык, что все еще не делает его понятным для непривилегированных групп, но несомненно обогащает методологический аппарат академии.

Мочалова Мария Алексеевна

Список источников

- Колесник А.С., Русанов А.В. Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 58–69.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.
- Смит Л. «Зеркало наследия»: Нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.
- Bendix R. Life Itself. An Essay on the Sensory and the (Potential) End of Heritage Making // Traditiones. 2021. No 50 (1). P. 43–51.
- Heritage Regimes and the State / eds. by R.F. Bendix, A. Eggert, A. Peselmann. Göttingen: Universitäts-verlag Göttingen. 2013.

- Geismar H. Anthropology and Heritage Regimes // *Annual Review of Anthropology*. 2015. No 44 (1). P. 71–85.
- Hafstein V. Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO. Indiana University Press, 2018.
- Latour B. An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press, 2013.
- Smith L. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. 1st ed. Routledge, 2020.
- Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infra-structures / eds. by D.P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson. London; New York: Routledge, 2016.

References

- Bendix R.F., Eggert A., Peselmann A. (eds.) (2013) *Heritage Regimes and the State*. Göttingen: Universitäts-verlag Göttingen.
- Bendix R. (2021) Life Itself. An Essay on the Sensory and the (Potential) End of Heritage Making, *Traditiones*, vol. 50, no. 1, pp. 43–51.
- Geismar H. (2015) Anthropology and Heritage Regimes, *Annual Review of Anthropology*. vol. 44, no. 1, pp. 71–85.
- Hafstein V. (2018) Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO, Indiana University Press.
- Kolesnik A.S., Rusanov A.V. (2022) Nasledie-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo naslediya v sovremennykh sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Heritage-as-a-process: discussions about the concept of cultural heritage in modern social and human sciences], *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*, no. 3 (58), pp. 58–69.
- Latour B. (2013) An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press.
- Marx K. (1952) *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii* [Capital. Criticism of political economy], vol. 1, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Smith L. (2013) Zerkalo naslediya: Nartsisticheskaya illuziya ili mnozhestvo otrazhenii? ["Mirror of Heritage": Narcissistic illusion or many reflections?], *Voprosy muzeologii*, no. 2 (8), pp. 27–44.
- Smith L. (2020). *Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites* (1st ed.). Routledge.
- Tolia-Kelly D.P., Waterton E., Watson S. (2016) *Heritage Affect and Emotion: Politics, Practices and Infra-structures*. L. N.Y. Routledge.

Сведения об авторе:

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author:

Mariia A. Mochalova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2023 г.;
принята к публикации 30 ноября 2023 г.

The article was submitted 4.09.2023;
accepted for publication 30.11.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается **ЛИШЬ** на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы/учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

• название статьи на русском и в переводе на английский язык;

- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языках.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему **видению** текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом

упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитатах достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке, и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений/аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (*please note that **the author's last name is to be given on the title page only**. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work/study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms/abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at **www.journals.tsu.ru/siberia**

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2023. № 4

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 29.12.2023 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 21. Усл. печ. л. 27,3. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 5726. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.01.2024 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru